

АЛЕКСАНДР КРАВЧУК

НЕРОН



АЛЕКСАНДР КРАВЧУК

НЕРОН

ALEKSANDER KRAWCZUK

NERON

Warszawa
Czytelnik
1974

АЛЕКСАНДР КРАВЧУК

НЕРОН

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Перевод с польского С. Ларина



Москва
«Радуга»
1989

ББК 84.4П
К78

Послесловие С. Бэлзы
Редактор Л. Ермилова

Кравчук А.
К78 **Нерон: Роман /Пер. с польск.; Послесловие
С. Бэлзы.—М.: Радуга, 1989.—295 с.**

А. Кравчук является автором многочисленных и очень популярных в Польше романов на темы из истории Древней Греции и Древнего Рима. В предлагаемой читателю книге автор, строго придерживаясь исторических хроник, ярко и интересно повествует о жестоком правлении римского императора Нерона.

К $\frac{4703010100-254}{030(01)-89}$ 19-89

ББК 84.4П

ISBN 5-05-002370-X

© Послесловие и перевод на русский язык издательство «Радуга», 1989



Друзилла и Феликс

Хотя она была царицей, а он еще не так давно — рабом, многие самым серьезным образом пытались определить, кто из них больше выигрывает от этого брака.

Друзилле пятнадцать лет, она ослепительно хороша и почитается царского рода. Как-никак правнучка Ирода Великого, иудейского царя, сестра царя Агриппы II и уже год как жена Азиса, царя Эмесы. К тому же — жена искренне любимая! Азис ради того, чтобы жениться на ней, перешел в иудейскую веру, подчинившись всем требованиям Завета.

И вот Друзилла внезапно расторгает этот примерный брак, хотя по иудейским законам такое не положено, так как добиваться развода — исключительное право мужчин. Она покидает Азиса и выходит замуж за человека значительно старше ее, дважды уже женатого, гонителя иудеев, вольноотпущенника!

Что заставило Друзиллу презреть царскую диадему, достоинство царского рода, наказ Завета?

Любители всего необычайного и таинственного рассказывали, что Феликс впервые увидел Друзиллу в театре, когда она уже была женой Азиса. Восхищенный ее красотой, он тотчас же принялся добиваться ее руки, что, разумеется, было нелегко. Ему, однако, помог некий астролог-киприот. Возможно, тот убедил Друзиллу, что звезды уже загодя предназначили ее Феликсу? А может, он прибег к помощи чар и любистка, разбудив в юной женщине столь бурное чувство, что она забыла обо всем, безвольно покорившись зову страсти?

Трезвые и искушенные в делах сего мира люди снисходительно улыбались, слушая эти возвышенные рассказы об астрологе-киприоте, о звездах и любистке, о необыкновенной любви с первого взгляда. Они не отрицали, что Феликс действительно мог увидеть Друзиллу именно в театре. Вполне вероятно и то, что позже он прибег к посредничеству прославленного знатока магии, ибо тот вхож повсюду, а женщины крайне падки к советам предсказателей! Но как раз люди трезвого ума склонны были оценить поступок Друзиллы (с виду легкомысленный) как довольно-таки предусмотрительный ход. Да и Феликс, по их мнению, сделал недурной выбор.

Причины, по которым люди рассудительные одобрили брак обоих, заслуживают того, чтобы вникнуть в суть дела.

Друзилла была царицей Эмесы? Звучит вроде бы величаво. Но что, однако, представляет собой на самом деле такое гордо именуемое владычество? Маленький городишко в Сирии на берегу горного Оронта. Долина, правда, возделываемая, но сразу же к востоку от нее — бескрайняя и грозная пустыня, населенная одними арабскими кочевниками. Впрочем, их достаточно и в самой Эмесе. Далеко отсюда путь к богатым, пульсирующим жизнью городам Сирии, Финикии, Палестины, к Антиохии и Бейруту, Цезареи и Иерусалиму! Царь Эмесы правит только по воле римлян, которым просто невыгодно содержать собственную администрацию и воинские гарнизоны в таком нищем и отдаленном краю. Пусть сам правитель заботится о том, как сохранить на границе мир и отразить набеги кочевников. Ради этого царю приходится добиваться благосклонности наместников и римских военачальников в Сирии и Иудее. Итак, если смахнуть позолоту слов и титулов, то оказывается, что Друзилла, в сущности, была не царицей, а женой слуги римского императора. И это Друзилла — сестра царя Агриппы? Еще несколько месяцев назад он был властителем такого же ранга, что и царь Эмесы, заправляя одним лишь городком Халкидой. В последнее время, пользуясь благосклонностью императора, он как бы взамен Халкиды получил три владения на границе Сирии и Палестины: Басан, Галаад, Трахон. Он властвует также над Иерусалимским храмом. И все это потому, что Агриппе покровительствует нынешний император Клавдий.

Однако на благосклонность римлян никогда нельзя полностью полагаться. А что, если при дворе императора право голоса обретет враждебная Агриппе группировка? Тогда он может потерять все. Впрочем, для Друзиллы это не имеет значения: в любой ситуации ей нечего рассчитывать на доброжелательность своего царственного брата. Не секрет, что под боком у него ее смертельный враг — родная сестра ее и Агриппы — Береника. Повод для ненависти чисто женский. Береника на десять лет старше Друзиллы и, пожалуй, не так красива, зато уж безнравственна и начисто лишена угрызений совести. Она уже дважды была замужем, но по-настоящему любит только своего брата Агриппу. И не пытается даже это скрывать.

Итак, Друзилла ныне жена римского вольноотпущенника. Это правда, что Марк Антоний Феликс был рабом. Свидетельством этого служит как раз его

звучное имя и фамилия, такое же, как у славного полководца и триумвира, жившего друмя поколениями ранее; того, который был любовником Клеопатры и погиб, побежденный, покончив самоубийством свыше восьмидесяти лет назад. Так вот, Феликс — а он прямо так и назывался, будучи рабом, — принадлежал дочери триумвира, Антонии. Та в конце жизни, а возможно, только в завещании, одарила свободой и Феликса и его брата Палланта. Обоих она считала самыми преданными из домохозяев. В Риме было принято, что вольноотпущенник берет имя и родовую фамилию своего господина, а свое собственное имя сохраняет как кличку; таким образом, выходит, что уже свободным человеком он родился благодаря благоденствию патрона и потому является как бы членом семьи последнего. Поскольку Феликс и Паллант принадлежали женщине, они, обретая свободу, получили имя и фамилию ее отца. Поэтому оба брата стали Марками Антониями.

Сама Антония умерла в мае 37 года при крайне загадочных обстоятельствах. Правда, она была уже семидесятитрехлетней старухой и можно полагать, что скончалась естественной смертью. Однако некоторые факты свидетельствовали о другом.

В то время уже три месяца императором был внук Антонии Гай Цезарь, именуемый Калигулой. Вся империя с энтузиазмом приветствовала вступление на престол этого двадцатипятилетнего юнца. Его воспринимали вестником светлого дня после кошмарной ночи Тибериева правления. Следует признать, что поначалу новый властелин умело поддерживал и даже укреплял это благосклонное отношение к себе широких масс. Он восстановил доброе имя жертв незаконных бесчинств Тиберия — как живых, так и мертвых. На Форуме публично сжег все протоколы и доносы, касающиеся дел и процессов минувших лет, при этом присягнул, что содержание записей ему не известно. Позже выяснилось: сожжены были только какие-то старые бумаги, подлинные документы Калигула тщательно хранил. Он распорядился публиковать данные о государственных расходах, засекреченные при Тиберии. Он не принимал доносчиков. Разрешил приобретать и читать те произведения исторического характера, которые прежде, из-за критики императоров и государственного строя, изымались из библиотек и уничтожались. Калигула заявил: «Я больше всего заинтересован в том, чтобы сохранить для потомства всю правду!»

При всеобщем ликовании только одна Антония проявляла сдержанность, хотя император оказывал своей бабке наивысшие почести. Ведь это по его

предложению сенат воздал уважаемой матроне немалые почести, среди них и присвоение ей титула Августы¹. Но Антония знала Калигулу лучше, чем кто-либо: после трагической смерти своего отца Германика, а позже и матери внук несколько лет воспитывался именно в ее доме. От зоркого ока Антонии не укрылись признаки вырождения, таившиеся в натуре мальчика. Она одна понимала, сколько хитрости и шутовства таится в красивых либеральных жестах нового властителя. Более того, у Антонии хватило мужества порицать императора столь же сурово и откровенно, как и тогда, когда он был маленьким и дерзким мальчишкой. Калигула не мог простить ей этого.

Об истинных причинах смерти Антонии ходили разные слухи. Одни говорили, что она умерла от огорчения после того, как внук грубо обошелся с ней, другие утверждали, что она покончила с жизнью сама, а некоторые давали понять, что старушку отравили. Так или иначе, император даже не принял участия в похоронах бабки. Из окон дворцовой застольной он спокойно наблюдал, как где-то вдали поднимается дым погребального костра.

Все четыре года правления Калигулы вольноотпущенники Антонии были озабочены прежде всего тем, чтобы не вызвать чье-то недовольство. Идиллия свободы и законности скоро кончилась. Столица снова кишела доносчиками. Вновь вошли в обиход провокации, аресты, политические процессы, конфискация имущества. Прежние домочадцы Антонии держались возле единственного еще живого сына своей госпожи, он жил вместе с матерью, и ее люди успели за много лет искренне к нему привязаться.

Правда, в ту пору Клавдий никому помочь не мог. Он сам нуждался в опеке и поддержке. Калигула коварно издевался над ним. Он не уставал подвергать дядю унижениям, не раз грозил ему смертью. По части выдумок император проявлял немалую изобретательность. Он, например, произвел Клавдия в жреческую коллегию, повелев ему, однако, уплатить за оказанную честь 80 миллионов сестерциев в государственную казну. Несчастный не мог отказаться от этой милости, но, с другой стороны, не располагал подобной суммой. Он сразу же сделался бедняком и должником казны.

Клавдия спасло от гибели только то, что его считали непрактичным и совершенно безобидным чуда-

¹ В императорскую эпоху этот титул обычно присваивался женам, иногда же матерям, дочерям и сестрам императоров.— *Здесь и далее примечания переводчика.*

ком. Он интересовался лишь историей. Писал о гражданских войнах и начале Римской империи, о Карфагене и загадочном народе этрусков. Эти научные труды служили лучшей защитой для пятидесятилетнего уже мужа. Он вел уединенную, посвященную исследованиям жизнь при дворе, раздираемом преступными интригами, не принимая близко к сердцу того, что в глазах любого раба выглядел посмешищем.

В конце января 41 года Калигулу убили офицеры его личной охраны. На Палатине¹ тогда устраивались ежегодные зрелища в память императора Августа. В последний день празднества, 24 января, Калигула с утра присутствовал на представлении. Примерно в час дня он покинул театр, чтобы принять ванну и перекусить во дворце. Впереди шел Клавдий вместе с двумя почтенными сенаторами: Валерием Азиатиком и Марком Винцием. Все трое проследовали по двору к главному зданию, император же, сопровождаемый только одним сенатором, неожиданно свернул к крытому переходу. Там стояли несколько юношей, прибывших из Азии, которые позже должны были выступать в театре. Калигула заговорил с ними. В этот момент трибун преторианцев Херея нанес ему сзади удар мечом. Рана оказалась не смертельной, так как острие соскользнуло с ключицы. Калигула застонал и пробежал более десяти шагов. Ему преградил путь трибун Сабин, пронзивший ему грудь мечом. На лежащего императора набросились несколько десятков заговорщиков. Ему нанесли около тридцати ран.

Если бы Клавдий не вошел во дворец, он разделил бы судьбу племянника. Ведь заговорщики намеревались вырезать всю царствующую семью. Тогдашнюю жену Калигулы схватили минутой позже, когда она рыдала над окровавленным трупом. Один из офицеров всадил ей меч в шею, а ее малолетней дочери размозжил голову о стену.

Но большинство преторианцев вовсе не жаждало возврата республиканского правления, к чему, кажется, склонялись некоторые офицеры и сенаторы. Солдаты, оставленные командирами и не знающие, что предпринять, кружили по всему дворцу. Внезапно один из них (а уже смеркалось) заметил чьи-то ноги, выступающие из-под портьера на веранде. Он раздвинул ее и, увидев Клавдия, крикнул:

— Да здравствует император!

¹ Императорский дворец Августа и последующих римских властителей находился на Палатинском холме в Риме, между Авентином и Капитолием, южнее Форума.

Девяти тысячам преторианцев в столице никто не посмел перечить. Историк и чудак Клавдий сделался императором.

На протяжении всего царствования он был объектом постоянных насмешек. Действительно, некоторые чисто внешние черты — у него слегка тряслась голова, он припадал на одну ногу, говорил крайне невыразительно — не способствовали укреплению его авторитета. Высмеивались также разные его слабости. Он любил хорошо, часто и обильно поесть; рассказывали, что, когда однажды, председательствуя на суде, он уловил запах яств, приготовляемых где-то поблизости, немедленно покинул помещение трибунала и непрошенный явился на затеваемое пиршество. Обычно собирал в широкий круг собеседников, стремясь, чтобы все чувствовали себя свободно, как дома, потому, как утверждали злопыхатели, даже намеревался специальным эдиктом разрешить своим гостям громко испускать газы по своей воле, после того, как узнал, что кто-то занемог, натужно их сдерживая. Император до того увлекался игрой в кости, что не бросал этого занятия даже тогда, когда его несли в лектике; сему предмету Клавдий посвятил специальный труд.

Клавдию как властителю и человеку ставили в вину серьезные злоупотребления. Однако тот, кто беспристрастно наблюдал за ходом основных государственных дел, должен был признать, что со времен Августа империей никогда еще не управляли столь четко и разумно, как именно при Клавдии; при всем том он обладал большими организаторскими способностями, а к своим обязанностям относился всерьез. Знание же истории оказало ему полезную службу, как полезно оно каждому, кто вознамерился посвятить себя политической и общественной деятельности.

Клавдий оставался верен памяти своей матери, Антонии. Он ценил людей, с которыми сжился в ее доме в те времена, когда был еще лицом незначительным и гонимым. Так он относился к вольноотпущенникам. Всех их продвигал по служебной лестнице.

Вольноотпущенники получили постоянный и свободный доступ к императору как члены его «семьи». Правда, обычных почетных государственных постов они не занимали, но контролировали все нити управления империей, сходящиеся во дворце. Властитель сам не в состоянии был охватить разом весь объем проблем колоссальной империи. Он отдавал лишь распоряжения общего порядка. Держали его в курсе дел вольноотпущенники, они же спускали вниз его наказания. Император привлекал их к участию вполне сознательно: вольноот-

пущенники были преданнее, больше зависели от него, нежели знатные аристократы, сенаторы, сановники. Они и работали с большой отдачей, добросовестнее, нежели эти важные персоны, которые в свою очередь все равно все обязанности спихнули бы на собственных вольноотпущенников или даже на рабов.

У Клавдия было десятка полтора наиболее доверенных домохозяев: Полибий и Нарцисс, Посид и Каллист, Гарпократ, Паллант и Феликс. Они разделили между собой дела административного порядка. В их руках оказались руководство канцелярией (а сколько ежедневно поступало туда донесений, петиций, предложений, сколько рассылалось ответов и распоряжений!), контроль за расходами двора и государства, контроль за органами правосудия.

Конечно, императора резко осуждали за такое «засилье» вольноотпущенников; правда, и предыдущие властители использовали домашнюю прислугу в государственных целях, но не так широко и последовательно. Можно было понять нынешнее недовольство аристократов тем, что недавние рабы решают самые важные вопросы, однако не это представляло наибольшую опасность. Корень зла таился в другом: в соперничестве вольноотпущенников за влияние и богатство. Отчасти это был взаимный контроль, но какой ценой? Интриги постоянно лихорадили двор, опутывая почти любое государственной важности дело.

Одной из таких интриг воспользовался Феликс, чтобы единственным из всех вольноотпущенников занять важную государственную должность — именно она помогла ему впоследствии получить руку прекрасной Друзиллы; естественно, ничего такого он не мог еще в ту пору предвидеть.

Шел 52 год и, следовательно, одиннадцатый год правления Клавдия. Перед императором предстало десятка полтора закованных в кандалы иудейских сановников. Среди них и первосвященник Ананий, и его предшественник Ионатан. Узников в Рим направил Уммидий Квадрат, наместник соседней провинции, Сирии. Как высший по рангу, он осуществлял надзор и за Иудеей, хотя этим краем в принципе управлял особый чиновник, носивший титул прокуратора. Однако тогдашний прокуратор Иудеи Куман не сумел справиться с серьезными беспорядками, которые вспыхнули то ли по вине иудеев, то ли по вине самаритян, в чем невозможно было разобраться. По просьбе самаритян Уммидий Квадрат занялся расследованием. Прибыв в Иудею, он изучил вопрос на месте, дважды вынес приговор — каждый раз иной. Тем временем участились сигналы,

что иудеи подготавливают восстание. Уммидий Квадрат направился в Иерусалим. Удостоверился, что непосредственной опасности нет, однако предпочел не вмешиваться в дела Иудеи. Он опасался, что окончательный приговор может оказаться искрой, которая вызовет пожар. Лучше снять с себя всякую ответственность! Пусть решает император! Он взял под стражу иудейских сановников и направил их в Рим вместе с Куманом и Целером, командующим войсками, расквартированными в Иудее, и распорядился также, чтобы в столицу империи отправилась делегация самаритян.

Стоя пред императором, иудеи изложили ход событий следующим образом.

Самаритяне вероломно напали на мирных паломников, направлявшихся на религиозный праздник из Галилеи в Иерусалим. Несколько человек погибло. Мы обратились к прокуратору Куману с просьбой наказать виновных. Однако, подкупленный самаритянами, он выставил нашу делегацию ни с чем. Весть об этом вызвала огромное возмущение среди толп, собравшихся в Иерусалиме для участия в празднествах. Тысячи молодых, пылая жаждой мести, тотчас устремились на север, в Самарию. Наши призывы и увещания оказались тщетными! Явились в Самарию и фанатики, которых мы называем ревнителями. Это вид тайной религиозной секты, над которой мы не властны, наоборот, она наш враг. Руководители секты Элизарит и Александр до сих пор скрывались в горах Галилеи. Ныне вместе с молодежью они сожгли несколько самаритянских деревень и убили их жителей. Это правда, там творились страшные вещи. Но Куман с помощью Целера быстро привел в Самарию римские когорты. Многие иудеи погибли или попали в плен. Кровавый счет с обеих сторон сравнялся. Нам тогда удалось вразумить молодежь, убедить ее сложить оружие, чтобы не навлечь на страну еще больших бед. В том, что произошло, больше всего повинен Куман. Если бы он сразу, как положено, рассмотрел дело о разбойничьем нападении на паломников, наши вряд ли допустили бы самовольную расправу. Впрочем, прокуратор и ранее нас немало притеснял. Когда однажды во дворе храма собрались громадные массы верующих, чтобы мирно отметить праздник, один из римских солдат разделся и повернулся к ним задом. Это вызвало всеобщее негодование. Однако Куман и Целер, вместо того чтобы наказать виновника, стянули в крепость возле храма дополнительные воинские части. При виде вооруженных воинов многотысячные толпы обратились в бегство, ведь все были убеждены, что

тотчас начнется резня. Какая уйма людей погибла тогда, давя друг друга в тесных проходах и улочках!

Несмотря на все высказанные оправдания, иудейская проблема ничего хорошего не предвещала. Повсюду опасались, что арестованные сановники поплатятся жизнью за эти беспорядки. Ведь они сами вынуждены были признать, что в их стране произошел возмутительный случай: чернь осмелилась поднять руку на римскую власть! Кто главный виновник — здесь это никого не интересовало. Истинный ход событий все равно невозможно восстановить. Долг подданных — покорно терпеть и в смирении ждать торжества справедливости. Вину иудеев усугублял и тот очевидный факт, что именно они, а не самаритяне и не Куман, были в кандалах. Сие означало, что наместник Сирии, который первым рассматривал дело и лучше других знал положение в Иудее, настроен против иудеев. И наконец: общеизвестно, что большинство вольноотпущенников императора благоволят именно к Куману и самаритянам.

В силу таких предположений императорский приговор явился подлинной неожиданностью. Вот что заявил Клавдий:

Подлинные виновники последних волнений в Иудее — самаритяне. Поэтому находящихся в Риме членов их делегации надлежит взять под стражу. Они должны быть казнены.

Прокуратор Куман не оправдал доверия. Он несет долю ответственности за события в Самарии и будет отправлен в ссылку. Командующий Целер совершил серьезные проступки. Он виновник гибели многих тысяч жертв и должен быть примерно наказан: его проведут по улицам Иерусалима, а затем казнят.

Вскоре этот приговор был объявлен официально; новым прокуратором Иудеи назначен Марк Антоний Феликс. Принимая во внимание исключительность положения в этой стране, в подчинение к нему поступают также все римские войска, расквартированные в Иудее, хотя в принципе прокураторы наделены только гражданской властью.

Император не мог предугадать, что спустя год после того, как Феликс примется за исполнение своих служебных обязанностей, он приобретет еще нечто большее, что тоже никогда не выпадало на долю императорского прокуратора: руку прекрасной царицы Друзиллы. Она же, выходя замуж за прокуратора-вольноотпу-

щенника, понимала, что берет в мужья подлинного властителя Иудеи. Что теперь может значить Береника с ее мелочной ненавистью?



Паллант

В винных погребках и банях, под арками цирков и у брадобреев — словом, всюду, где рассуждали о политике и последних сплетнях, проблема суда над иудеями некоторое время вызывала много оживленных пересудов. Почему такой неожиданный поворот дела? Те, что прибыли в кандалах, ныне на свободе и торжествуют. Те, кто призван был как свидетели, отправились в темницы. А как сурово осудили прокуратора и командующего! Кто так повлиял на императора?

Все были согласны в одном: какую-то роль в этом должен был сыграть царь Агриппа. Он как раз находился в Риме, а известно, что при надобности он охотно помогает своим единоверцам, ибо, хотя и мыслит по-гречески, своих религиозных связей с иудаизмом не порывает. Его слово многое значит для Клавдия. Но властитель Халкиды не смог бы противостоять мнению императорских вольноотпущенников, если бы те действовали сообща. Итак, у них наверняка произошел какой-то раскол. В этом нет ничего удивительного, ибо вольноотпущенники непрерывно ведут друг с другом подлинные тайные войны. Интересно только, какова нынешняя расстановка сил, кто с кем воюет?

Ключом для решения загадки послужило назначение Феликса. С этой минуты тайна приговора прояснилась. Если в выигрыше оказывается Феликс, то за всем этим стоит его брат Паллант. Если же Паллант, то за этим скрывается еще некто, особо влиятельный в последние годы, — жена императора. Доброжелательным отношением к иудеям она не отличается, это правда. Почему же обвинение с них сняли? Наверняка просто для того, чтобы успокоить жителей Иудеи и облегчить исполнение служебных обязанностей новому прокуратору.

Правильно ли было считать, что Паллант и жена императора так тесно взаимодействовали? Для людей, недурно знающих двор, это представлялось несомненным. По их мнению, своим влиянием Паллант был обязан не только официально занимаемой должности. Правда, и она являлась очень важной и прибыльной,

ведь Паллант имел доступ к императору, подвизаясь в канцелярии *a rationibus*¹. Должность скромная, на практике же она позволяла вольноотпущеннику контролировать финансы равно как всей империи, так и личного состояния властителя. Это само по себе еще не являлось достаточным основанием для всемогущества Палланта и не оправдало бы его спеси, которая осталась в памяти людей даже много лет спустя. Свидетельств этой спеси при жизни он оставил немало, постаравшись также, чтобы блеск своего величия явить и будущим поколениям.

Через каких-нибудь полвека после описанных событий на памятник зазнайства Палланта наткнулся славный в ту пору аристократ и политик, а вместе с тем превосходный писатель, Плиний Младший.

Однажды его несли в лектике — так странствовала вся знать — по дороге из Рима в ближайшее местечко Тибур. В этой прелестной, расположенной у подножия гор местности у Плиния имелась великолепная вилла, одна из многих. Начиная от самых границ Рима по обе стороны дороги возвышались рядами роскошные надгробия. Так же, впрочем, обстояло дело и на всех других, тянущихся из города дорогах, ибо в те времена не возводились отдельные кладбища. Те, что уже завершили свой жизненный путь, сопутствовали спешащим куда-то странникам. Гробницы были богатые, из камня и мрамора, украшенные резьбой и живописью, иногда окруженные живой изгородью. Надписи на могильных плитах подробно сообщали, кто почит внутри и чего он достиг в жизни, там можно было также прочесть выражение скорби ближних, наставления нравственного порядка, исходящие как бы из уст умершего, даже шутки. О месте своего вечного покоя каждый римлянин заранее и крайне тщательно заботился. Если у него не было фамильного склепа, строил его еще при жизни или поручал это в завещании наследникам. Люди бедные, особенно рабы, которые не могли обзавестись собственной могилой, вступали в специальные товарищества, коллегии: мелкие взносы обеспечивали членам похороны и место в братской могиле. Зато скоробогаты, а особенно вольноотпущенники, тщились великолепием своих могильных сооружений поразить потомков. Эта кичливость нуворишей даже после смерти являлась предметом насмешек тогдашних сатириков. Плиний, поглядывая на роскошные памятники усопших знаменитостей, не мог не вспомнить одну сцену из

¹ «Относительно финансов» (лат.) — наименование одной из важнейших созданных Клавдием для управления империей канцелярий, которые возглавлялись вольноотпущенниками.

потешного романа полувековой давности, то есть времен Палланта. Автором романа был Петроний. Итак, один из представленных там героев, вольноотпущенник, миллионер Трималхион, спрашивал своего друга Габинну: «Что скажешь, друг сердечный? Ведь ты воздвигнешь надо мной памятник, как я тебе заказал? Я очень прошу тебя, изобрази у ног моей статуи собачку мою, венки, сосуды с благовониями и все бои Петраита, чтобы я, по милости твоей, еще и после смерти пожил. Вообще же памятник будет по фасаду сто метров, а по бокам—двести. Я хочу, чтобы вокруг праха моего были всякого рода плодовые деревья, а также обширные виноградники. Ибо большая ошибка украшать дома при жизни, а о тех домах, где нам дольше жить, не заботиться. А поэтому прежде всего желаю, чтобы в завещании было помечено: «Этот монумент наследованию не подлежит». Впрочем, это уже не мое дело предусмотреть в завещании, чтобы я после смерти не претерпел обиды. Поставлю когонибудь из вольноотпущенников моим стражем у гробницы, чтобы к моему памятнику народ по нужде не бегал. Прошу тебя также вырезать на фронте мавзолея корабля, на всех парусах идущие, а я будто в тоге-претексте¹ на трибуне восседаю с пятью золотыми кольцами на руках и из кошелька рассыпаю в народ деньги. Ибо, как тебе известно, я устроил общественную трапезу по два денария на человека. Хорошо бы, если ты находишь возможным, изобразить и самую трапезу и все гражданство, как оно ест и пьет в свое удовольствие. По правую руку помести статую моей Фортунаты с голубкою, и пусть она на цепочке собачку держит. Мальчишечку моего также, а главное—побольше винных амфор, хорошо запечатанных, чтобы вино не вытекало. Конечно, изобрази и урну разбитую, и отрока над ней рыдающего. В середине—часы, так, чтобы каждый, кто пожелает узнать, который час, волей-неволей прочел мое имя. Что касается надписи, то вот послушай внимательно и скажи, достаточно ли она хороша, по твоему мнению:

*Здесь покоится
Г. Помпей Трималхион Меценатиан
ему заочно был присужден
почетный севират
он мог бы украсить собой
любую декурию Рима
но не пожелал*

¹ Отороченная пурпуром тога, которую носили магистраты, жрецы и мальчики до 17-летнего возраста.

*благочестивый мудрый верный
он вышел
из маленьких людей оставил
тридцать миллионов
сестерциев и никогда не слушал
ни одного
философа
будь здоров и ты также»¹*

Высмеивая спесь выскочки Трималхиона, метил ли Петроний в Палланта, которого лично знал как современник и придворный? Вполне вероятно. Во всяком случае, эпитафия на могиле императорского вольноотпущенника была не менее помпезной, чем та, какую запроектировал себе Трималхион. Эту эпитафию обнаружил Плиний, когда по пути в Тибур скуки ради принялся разглядывать могилы. Неожиданно еще перед первым верстовым столбом он приказал своим людям остановиться. Внимательно прочитав, даже велел переписать надпись, которая извещала, что здесь покоится прах Марка Антония Палланта, а *rationibus* Клавдия, перечислялись также его заслуги и добродетели. Такое представление умершего на могильных плитах служило правилом, и не это привлекло внимание Плиния. Его поразила последняя фраза, достойная тщеславия Трималхиона: «Ему сенат за верность и почтение к патронам постановил дать преторские знаки и пятнадцать миллионов сестерциев, каковою честью он остался доволен»².

Упоминание об этом удивительном сенатском решении крайне заинтриговало Плиния. Он постарался разыскать его в государственном архиве. Но достаточно было ему ознакомиться с полным текстом документа, как он возмутился. Стоит привести отрывки из его письма, которое он сразу после этого написал одному из своих друзей: «Оно было так пышно и велеречиво, что эта горделивая надпись показалась скромной... Считать людей, принявших такое постановление, шутниками или страдальцами? Я назвал бы их шутниками, если бы сенату приличествовала шутливость; назвал бы страдальцами, но никакое страдание не может вынудить к такому поступку. Итак, это искательство и желание выдвинуться?»

Но кто настолько безумен, чтобы хотеть путем своего, путем общественного позора продвинуться в том государстве, где привилегией блистательного магистра было право первым восхвалять Палланта? Я не

¹ Петроний. Сатирикон. М.—Л., 1924. С. 125—127. Пер. Б. Ярхо.

² Письма Плиния Младшего. М., 1984. С. 140. Пер. А. Доватура.

говорю о том, что Палланту, рабу, предлагаются преторские знаки: они предлагаются рабами; не говорю о том, что постановляют не только уговорить, но даже заставить его носить золотые кольца¹: несовместимо ведь с достоинством сената, чтобы бывший претор носил железные кольца. Все это пустяки, на которые не стоит обращать внимания, а вот что стоит вспомнить: ради Палланта сенат (и здание после этого не было освящено?) благодарит государя за то, что он сам сопровождал упоминание о нем почетнейшим образом и дал сенату возможность засвидетельствовать свое к нему благоволение. Что может быть для сената прекраснее, чем обнаружить свою благодарность Палланту?.. Дальше говорится о том, что сенату угодно было принять решение выдать ему из казны пятнадцать миллионов сестерциев, и чем недоступнее душа Палланта для алчности, тем настоятельнее просить отца отечества побудить Палланта уступить сенату. Только этого и недоставало, чтобы с Паллантом велись переговоры от имени государственной власти, чтобы Палланта упрашивали уступить сенату, чтобы сам государь был приглашен выступить против этого горделивого бескорыстия: только бы Паллант не презрел пятнадцать миллионов! Он их презрел, потому что отвергнуть такую сумму, публично предложенную, было большей дерзостью, нежели в том, чтобы ее принять! Сенат, однако, превознес этот поступок, правда, высказав сожаление в следующих словах: «Так как наилучший государь и отец отечества, по просьбе Палланта, пожелал опустить ту часть постановления, где говорится о выдаче Палланту из казны пятнадцати миллионов сестерциев, то сенат заявляет, хотя он охотно определил Палланту за его заслуги наряду с прочими почестями и эту сумму за верность и усердие, тем не менее он повинуется воле своего государя, противиться которой в чем бы то ни было считает недозволенным». Представь себе Палланта, налагающего запрет на сенатское постановление, умеряющего свои почести и отказывающегося от пятнадцати миллионов как от чего-то чрезмерного, тогда как преторские знаки он принял, словно это нечто меньшее»². Таково свидетельство Плиния. Что же это за особая заслуга Палланта, ради которой сенат принял это памятное постановление? Итак, вольноотпущенник представил проект Нового закона:

¹ Золотое кольцо имели право носить в Риме лица, занимавшие высокие должности, сенаторы и римские всадники.

² Письма Плиния Младшего. М., 1984. С. 140—141. Пер. А. Доватура.

Свободная женщина, вступив в связь с рабом, совершает преступление и должна быть наказана. Если это произошло без ведома хозяина раба, виновница становится рабыней, а если с разрешения, ее следует считать вольноотпущенницей. Это распространяется и на детей, рожденных в подобном браке.

Проект Палланта сенат одобрил, он приобрел законодательную силу как специальное постановление, очень подробное, предусматривающее различные случаи, какие только могут случиться в жизни. А именно: дочь свободного человека живет с рабом с разрешения своего отца, но вопреки воле хозяина раба — или наоборот, без отцовского соизволения, но с ведома хозяина раба; женщина вступает в связь с рабом своего сына; у раба, с которым живет свободная женщина, несколько хозяев...

Несравненно чаще, разумеется, возникала противоположная ситуация: свободный мужчина жил с рабыней. Это, однако, считалось совершенно нормальным явлением и никак не подрывало социальной и правовой позиции такого человека. Более того, повсеместно считалось, что лучше обзавестись рабыней, нежели соблазнять девушек и замужних женщин либо связывать себя брачными узами. В худшем случае хозяин рабыни мог обвинить ее любовника в том, что тот пользуется чужой частной собственностью; он мог также счесть своей собственностью ребенка, появившегося от этой связи.

Не следует думать, что решения, инициатором которых был Паллант, свидетельствовали об ухудшении участи рабов. Совсем наоборот. Как раз в тот период закон начал защищать их права. Для этого имелись свои причины. Крупные захватнические войны уже не велись, приток рабов сократился, цены на них пошли вверх. В 19 году принят был закон, который несколько ограничивал своевольное обращение с жизнью рабов; с тех пор отправлять их на борьбу с дикими животными на арене господин мог только с согласия соответствующей канцелярии. Закон 20 года оговаривал, что рабы, подозреваемые в совершении преступления, подлежат той же судебной процедуре, что и свободные люди. Эти законы были приняты еще в царствование Тиберия. Клавдий же объявил, что больной или увечный раб, брошенный своим господином, получает свободу; а если хозяин убьет такого раба, то будет привлечен к ответственности как преступник.

Те рабы, что находились в городах, пользовались тогда значительной свободой. Избытка свободных муж-

чин в Италии не было, ибо от родины их отрывали (и некоторую часть на долгие годы) военная служба, торговые операции в провинциях, чиновничья карьера. В этих условиях рабам легко было подыскать свободных женщин, особенно из неимущих слоев. Это сделалось настолько распространенным явлением и породило столько различных житейских сложностей, что власти сочли необходимым положить этому предел. Отсюда, собственно, такое постановление, ставшее обязательным на пять столетий. Многие отцы, метавшие громы и молнии по поводу наглости рабов и бесстыдной распущенности женщин, с огромной радостью приняли проект Палланта. Почести, которыми осыпали его автора, имели известное обоснование в общественном мнении. Паллант знал, что таков будет отклик сената и общества, и именно поэтому принялся за реформаторскую деятельность. Но все это имело одну парадоксальную, почти забавную сторону: автор постановления недавно сам являлся рабом, его же брат Феликс, тоже бывший раб, уже женатый на дочери мавританского вождя, через два года после вступления закона в действие возьмет в жены иудейскую царицу. Разумеется, формально закон не распространялся на вольноотпущенников, но без ехидных замечаний на этот счет все же не обошлось.

Легко было Плинию раздирать одежды по поводу падения нравов в сенате. Легко ему было восклицать: «Какое счастье, что моя жизнь не пришлось на то время, за которое мне стыдно так, словно я жил тогда!»

Но если бы Плиний участвовал в заседании, которое благодарило Палланта за спасительный проект и обдумывало, как вознаградить автора, то, вероятно, проголосовал бы вместе со всеми. И неизбежно позже нашел бы для себя оправдание.

Постановление, присваивавшее Палланту преторские отличия и эти миллионы, от которых он благородно отказался, было принято 23 января 52 года. Итак, это был тот самый год, когда состоялся императорский суд над евреями; тот самый, когда Феликса назначили правителем Иудеи. Это был счастливый год для обоих братьев-вольноотпущенников: один сделался прокуратором с чрезвычайными полномочиями, второй — членом сената в ранге претора.

Эти милости и почести сыпались на них не без серьезной причины. Чванство и влиятельность Палланта в ту пору объяснялись тем, что вот уже четыре года он вел крупную игру.

Еще осенью 48 года при дворе Клавдия разыгралась

мрачная трагедия. Вольноотпущенник Нарцисс открыл императору глаза на то, что его жена Валерия Мессалина много лет изменяла ему; последнее время она явно праздновала медовый период с Гаем Силием. Пораженный горем и страхом, Клавдий тотчас вернулся из Остии в Рим. Он остановился в казармах преторианцев. Туда доставили всех любовников вероломной Мессалины и немедленно их казнили. Мессалина еще пыталась прорваться к мужу и вымолить у него прощение. Но Нарцисс был бдителен. Не пропустил ни ее, ни старшую весталку, которая жаждала уломать императора, чтобы тот по крайней мере выслушал жену. Тем не менее сам Клавдий вечером распорядился, чтобы «несчастливая» (он употребил именно это выражение) завтра явилась к нему для изложения своего дела. Хотя некоторые считали это свидетельством исключительной слабости императора, ход его поступков был вполне разумен. Вопрос о прелюбодеяниях Мессалины имел и политический аспект, существовали реальные опасения, что готовился государственный переворот с целью посадить на трон именно ее «мужа» Силия. Теперь, после подавления заговора и казни виновников, осталась только личная обида нагло обманываемого супруга. Теперь, однако, Клавдий мог позволить себе проявить великодушие. Ведь Мессалина являлась матерью двух его детей: семилетнего Британника и немногим старшей его Октавии. Несмотря на все вины и безумства Мессалины, трудно было лишиться детей матери.

Нарцисс предвидел, каковы намерения Клавдия. Тотчас же, едва услышав его слова, он выбежал к офицеру, несшему службу, и крикнул ему:

— Немедленно исполнить приговор над Мессалиной!

На всякий случай вместе с солдатами он направил одного из своих вольноотпущенников.

Императрицу они застали в ее великолепных садах, некогда принадлежавших Лукуллу. Она лежала на земле, то плача и стелая, то предаваясь иллюзорным надеждам, то, преисполненная гнева, возмущалась. С ней находилась только мать, Домиция Лепида. Она жила с дочерью в разладе. Теперь, однако, явилась к ней. Мать говорила:

— Не жди, пока явится палач. Твоя жизнь кончилась. Единственное, что ты еще способна сделать,— это достойно умереть!

Солдаты силой высадили ворота. Офицер стоял молча. Зато вольноотпущенник не жалел бранных слов. Мессалина поняла, что это конец. Схватила в руки кинжал, пытаясь дрожащей рукой вонзить его то в

грудь, то в шею. Офицер, стораю от нетерпения, нажал на острие сильнее. Брызнула кровь...

Весть о смерти жены Клавдий внешне воспринял с полным безразличием. Такое поведение одних удивляло, других возмущало. А ведь перед лицом этой трагедии показное спокойствие было единственной маской, достойной императора. В глубине души Клавдий не мог смириться с мыслью, что Мессалина мертва — красивая, любимая и ненавидимая женщина, мать его детей. Впоследствии только один-единственный раз, и то на краткий миг, раздвинулась завеса, скрывавшая его глубочайшую тайну — что память о Мессалине по-прежнему в нем жива. Через какое-то время после ее смерти, когда подавали к столу, он неожиданно обратился к слугам:

— Почему госпожа не приходит?

Возможно, именно потому, что Мессалина продолжала жить в его сердце и мыслях, Клавдий решил снова жениться. Правда, поступая так, он нарушал торжественное обещание, которое дал преторианцам сразу после известия об измене Мессалины:

— Так как мои предыдущие браки были неудачными, я даю обет безбрачия. Если нарушу свое решение, можете меня убить!

Однако это говорилось в состоянии аффекта. Супружества Клавдия действительно были неудачными. Два первых брака завершились разводами: с Ургуланиллой — из-за ее слишком развязного образа жизни и подозрения насчет ее соучастия в каком-то преступлении; с Элией Петинной — из-за пустяковых, но тягостных недоразумений. Третьей его женой стала Мессалина.

Кому же из прекрасных римских женщин ныне выпадет честь войти в императорский дом?

То было дело чрезвычайной важности, особенно для вольноотпущенников. Возраст Клавдия приближался к шестидесяти, и он никогда не отличался крепким здоровьем. Следовало подумать о будущем; ясно было, что новая императрица переживет мужа и сможет сказать веское слово, когда настанет смена власти.

Во всем деле Мессалины Паллант соблюдал определенную осторожность. Он не единоборствовал с Нарциссом, так как Мессалина враждебно относилась ко всем вольноотпущенникам, но и не поддерживал его, ибо они издавна соперничали. Ныне, однако, Паллант не пожелал остаться в стороне.

Каждый из вольноотпущенников поддерживал свою кандидатуру.

Нарцисс, которому умелое проведение дела против Мессалины обеспечило большой авторитет при дворе, в этом вопросе допустил определенную ошибку, возможно от избытка осторожности. Ему пришла в голову идея, чтобы Клавдий по второму разу женился на Элии Петине. Нарцисс аргументировал это следующим образом:

— Элию император уже хорошо знает, знает, как она себя ведет и что можно от нее ждать. И, что самое главное, у них с Клавдием дочь Антония, самая старшая из его детей; почему бы Элии не взять под опеку и сирот Мессалины?

Однако вторичная женитьба императора на той же самой женщине представлялась почему-то крайне странной. Незадачливый проект скоро отпал, и Нарцисс с огорчением убедился, что подлинные шансы имеются только у кандидаток двух его соперников — Каллиста и Палланта.

Каллист выдвигал Лоллию Паулину. Она происходила из хорошей семьи. Ее дед принадлежал к числу советников императора Августа. Более того, Лоллии уже довелось побывать, хотя и очень кратковременно, императрицей, так как она была повенчана с Калигулой, предшественником Клавдия на престоле. Правда, брак этот был заключен по меньшей мере необычным образом. Однажды кто-то в присутствии Калигулы сказал, что бабка Лоллии в свое время считалась красивейшей женщиной Рима. Сама Лоллия была тогда женой Маммия Регула, наместника балканских провинций, и пребывала там вместе с ним. Император повелел обоим срочно прибыть в Рим и развестись, а потом сам женился на Лоллии. Во время свадебных торжеств место покойного отца Лоллии занимал ее недавний муж. Брак оказался недолговечным. Оставив Лоллию, император специальным эдиктом запретил ей вновь выходить замуж: женщина, которая была женой принцепса, не должна уже ни с кем делить свое ложе.

У Лоллии имелось еще одно преимущество: сказочное состояние. Один из современников свидетельствует: «Однажды я видел Лоллию Паулину, жену Калигулы; это не было какое-нибудь грандиозное торжество, всего лишь скромный прием по поводу обручения. Так вот, Лоллия оказалась сплошь в смарагдах и жемчугах. Они сверкали, уложенные вперемешку на голове, среди прядей волос, в ушах, на шее, на пальцах. Общая их стоимость оценивалась в сорок миллионов. И это не был подарок властелина, но богатство, унаследованное ею от деда, добытое ограблением провинций».

В пользу Лоллии, наконец, по мнению Каллиста,

говорила и ее бездетность—можно было надеяться, что она одарит сирот искренним и безраздельным чувством.

Если бы Лоллия могла предвидеть, как дорого заплатит она за согласие на повторный свой брак с властителем Рима!

А кого же поддерживал Паллант?



Агриппина

Свою протезе Паллант представлял следующим образом:

— Это красивая женщина в расцвете лет (ей тридцать два года), полна живости и энергии, достойная наследница великих традиций. Она—правнучка императора Августа, родная сестра предыдущего императора, Калигулы, была женой одного из самых высокородных аристократов, Гнея Домиция. Правда, доводится Клавдию племянницей, для супружества это родство может показаться слишком близким. Но, с другой стороны, женщине из царственного рода не пристало озарять блеском какое-нибудь заурядное семейство. Немаловажно и то, что от брака с Домицием у Агриппины сын; он наследник рода, который своим великолепием немногим уступает императорскому. Не будет ли целесообразно еще теснее связать его с династией?

Паллант был совершенно прав, указывая на величие рода Домициев Агенобарбов. Сто лет назад Луций Домиций, будучи одним из ожесточеннейших противников Юлия Цезаря, когда тот сражался с Помпеем, пал в битве под Фарсалом. Его сын Гней примкнул к убийцам Цезаря и числился смертельным врагом Октавиана, будущего императора Августа. Зато сын Гнея, носящий имя деда—Луций, примирился с новым правлением. Он удостоился высочайшей награды и руки дочери Антония, доведившейся племянницей самому Августу. Этот Луций прославился тремя вещами: высоким искусством наездника, организацией гладиаторских игр, настолько жестоких и кровавых, что Август запретил их, а также военными походами в глушь Германии, за Дунай и Рейн. Он был надменен, безжалостен, упивался роскошью.

Согласно с семейной традицией сын Луция снова получил имя Гней. По складу своего характера он очень напоминал отца. Однажды на узкой Аппиевой

дороге он умышленно так погнал коней, что они растоптали идущего по обочине мальчика. Поведения он был непредсказуемого: возле своего дома у Святой дороги возвел великолепные бани для простого люда, но неизвестно по какой причине отказался выплатить положенные премии победителям в состязании колесниц, хотя сам был их устроителем. Богатство и знатность рода обеспечили ему блестящую карьеру. Он достиг вершин власти, а в 28 году с согласия правившего тогда Тиберия получил руку Агриппины, в результате чего породнился с императорским домом, так как Агриппина являлась внучкой брата Тиберия.

Ко дню замужества девушке едва исполнилось двенадцать лет. Единственный ребенок от этого брака появился только через девять лет, в середине декабря 37 года. Роды были тяжелыми, ибо плод, плохо лежавший в материнском лоне, шел не головой, а ногами. Новорожденный оказался мальчиком. Он явился на свет в Анции, приморском городке, в тридцати пяти милях к югу от Рима. Это было излюбленное место отдыха римлян, ибо оно позволяло наслаждаться морскими купаниями и чистым воздухом, не отрываясь особенно от текущих дел и событий в столице, в отличие, скажем, от более живописного, зато отдаленного побережья Неаполитанского залива. Среди великолепных построек, окаймляющих залив в Анции, находился как императорский дворец, так и вилла Домициев; Агриппина бывала здесь охотно и довольно часто.

Сына Гнея Домиция, естественно, нарекли Луцием. Его отец не лишен был чувства юмора, а достоинства, как свои, так и жены, видимо, знал недурно. Ибо, когда его поздравляли с рождением потомка, сказал:

— У нас с Агриппиной ничего хорошего родиться не может!

Могло бы показаться, что мальчик начинает жизнь под счастливой звездой. Ведь на императорском троне тогда восседал уже восемь месяцев брат его матери, Калигула; и, следовательно, юный Луций Домиций доводился племянником самому правителю империи. К тому же Калигула относился к своим трем сестрам с величайшей нежностью. Старшей из них была Агриппина, на год моложе — Друзилла, а самую младшую звали Ливиллой.

В одном из первых своих декретов император распорядился, чтобы форма всех официальных присяг заканчивалась словами: «Пусть я сам и мои дети будут не столь дороги мне, как Гай и его сестры». Форма же служебных донесений и приказов была такой: «Лишь

бы все складывалось благополучно, хорошо и счастливо у Гая Цезаря и его сестер».

Скоро, однако, выяснилось, что Калигула — человек душевнобольной (его бабка Антония давно это подозревала). Своих сестер, особенно Друзиллу, он дарил большими, нежели братские, чувствами. Он отнял ее у мужа и приказал жениться на ней своему другу Эмилию Лепиду, но на самом деле относился к ней как к жене. Когда в 38 году Друзилла умерла, Калигула впал в отчаяние. Он сторонился людей и даже не участвовал в похоронах сестры. Он уединился в особняке на Альбанском озере и целыми днями играл в кости. Однажды ночью он вдруг отдал распоряжение нести себя ускоренным маршем ни много ни мало до Сицилийских Сиракуз, вскоре он вернулся оттуда, заросший и исхудавший. Приказал объявить публичный траур; прекратили свою деятельность суды, были запрещены всякие торжества, веселиться, принимать ванны, пировать (даже в семейном кругу) тоже запрещалось под страхом смерти.

По сенатскому приказу умершая получила титул Августы. Одно золотое ее изваяние стояло в зале заседаний, другое — в храме богини Венеры, для этого воздвигли особый алтарь. Создали смешанную — из женщин и мужчин — жреческую коллегию для богослужений в честь Божественной. Женщины, давая свидетельские показания, отныне обязаны были присягать ее именем. В качестве божества ее величали Pantea — Верховная богиня.

Сенатор Геминий под присягой заявил:

— Собственными глазами я видел, как Божественная Друзилла Августа Пантея вознеслась на небо и там беседовала с богами. Если же я лгу, пусть погибну, погибну я и мои дети!

В награду за правдивость и гражданское мужество он получил миллион сестерциев.

Именно в ту пору в далекой Палестине в царской семье Ирода появилась на свет девочка. В память о божественной сестре Калигулы ее нарекли Друзиллой; она-то через пятнадцать лет и должна была стать женой вольноотпущенника Феликса.

Траур наконец завершился, и безумец на императорском троне несколько утешился, взяв в жены Лоллию Паулину. Однако о Друзилле он не забыл. В 39 году годовщина ее рождения была отмечена великолепными играми. В первый день состоялись состязания колесниц, звериные бои и единоборство людей с дикими животными. На арене полегло пятьсот хищников, доставленных из африканских пустынь и европейских

лесов. Столько же погибло на другой день. Публика получила угощение, а сенаторы и их жены — ценные подарки.

Агриппина и Ливилла никогда не удостаивались такого благорасположения брата, как умершая сестра. Однако весь двор был убежден, что Калигула и с ними поддерживает кровосмесительные связи. Именно этим объясняли то обстоятельство, что в том же 39 году он простил их, когда обнаружился заговор, в котором обе они, очевидно, оказались замешанными. Целью заговора было убийство императора и возведение на престол Эмилия Лепида, официального мужа умершей Друзиллы, самого верного до той поры друга Калигулы. Итак, властодержца предавали люди из его ближайшего окружения. По мере того, как психическая болезнь усугублялась, Калигула становился опасен для всех, особенно для своих приближенных.

Заговор был раскрыт в момент, когда император и двор пребывали в Галлии Заальпийской. Лепида тотчас казнили, Агриппину и Ливиллу объявили соучастницами Лепида, да еще состоявшими с ним в любовной связи. Вина Агриппины оказалась наиболее тяжелой, ее ждала и самая невыносимая кара: она должна была доставить урну с прахом Лепида в Рим, всю дорогу держа ее на коленях.

В официальном обращении к сенату император обвинил сестер в том, что они вели безбожный и распутный образ жизни. В храме Марса-мстителя Калигула приказал положить три меча — символы наказанного вероломства трех лиц: Лепида и двух своих сестер.

Агриппина и Ливилла отправились в изгнание. Их поселили на Понтийских островах. Это крохотные, почти необитаемые клочки земли вулканического происхождения у западного побережья Италии, на широте Неаполя. Сестры императора прозябали там в нищете и одиночестве. Они могли считать, однако, что к ним проявили исключительную снисходительность. Калигула без обиняков заявил им:

— У меня помимо островов есть и мечи!

Двухлетний Луций лишился материнской опеки, а через несколько месяцев потерял и отца. Тот умер естественной смертью от водянки. Надо признать, что он пытался сохранить сыну хотя бы часть фамильного богатства, едва не потерянного в связи с крахом Агриппины. Именно поэтому в завещании он указал сына наследником только трети состояния, все остальное завещав императору. Он надеялся этим умаслить ненасытного властителя, чтобы тот оставил сироте хотя бы треть семейного богатства, что, впрочем,

принимая во внимание объем нажитого Домициями, и так было немало.

Однако отец мальчика ошибался. Калигула, как и пристало безумцу, проматывал миллионы. Он постоянно пребывал в материальных затруднениях и без всяких угрызений совести под любым предлогом присваивал чужое имущество. Не пощадил он и полагавшейся Луцию части наследства, конфисковав его целиком.

Мальчик остался без родителей и средств к существованию. Его взяла к себе сестра отца, Домиция Лепида. Как и все Домиции, она обладала порывистым и необузданным нравом. Опекой над племянником себя не утруждала. Маленький Луций слонялся по дому, всеми забытый и никому не нужный. «Воспитателями» тетка назначила ему двух рабов, один из которых был парикмахером, второй танцором.

Домицию Лепиду иногда навещала ее дочь от второго брака, Валерия Мессалина. Уже несколько лет она была женой Клавдия, однако эта партия оказалась не самой удачной для молодой, красивой девушки с пылкими чувствами. Муж был значительно старше ее, постоянно рылся в старых книгах, из всех благ мира сего больше всего ценил добрую еду и вино. Посмешище для двора, в последнее время, после назначения членом жреческой коллегии, он вдобавок потерял и свое состояние. Ко всему этому Мессалина была по второму разу беременна. Словом, у молодой женщины хватало собственных забот, чтобы обращать внимание на своего маленького двоюродного брата Луция, который резвился где-то во внутренних дворах. Могла ли она предугадать, как трагически переплетутся судьбы ее детей с судьбой этого всеми покинутого мальчика! Пока же Луций и Октавия, дочь Клавдия и Мессалины, почти одногодки, мирно играли.

События января 41 года — смерть Калигулы и вступление на престол Клавдия — сразу же изменили положение всей семьи. Мессалина сделалась императрицей, Агриппина и Ливилла возвратились с Понтийских островов. Захваченное Калигулой богатство было возвращено вдове Домиция и его сыну.

Прибыв в Рим, честолюбивая Агриппина развила оживленную деятельность. Она жаждала наверстать два года страха и унижений. Прежде всего ей хотелось заполучить мужа, разумеется, богатого и блистательно-го, достойного императорской племянницы. Лучшим кандидатом она сочла Сульпиция Гальбу. Он происходил из уважаемого рода, был человек независимый, в расцвете сил, успел прославиться как полководец и наместник Тарраконской Испании. Правда, Гальба имел

жену, но Агриппина не видела в этом существенной преграды. Она завлекала его самым явным и вызывающим образом. Однако ее ждал неприятный сюрприз. Гальба оказался абсолютно бесчувственным, а его теща на каком-то званом приеме публично охаяла соперницу дочери. Поговаривали даже, что между достойными матронами дошло до рукоприкладства.

Зато Агриппине удалось развести Криспа Пассиена. Он дважды избирался консулом, был уважаемым оратором, частым гостем при дворе очередных императоров. Самым важным для Агриппины представлялось его огромное состояние, оцениваемое в 200 миллионов сестерциев. Одной из причин развода послужило то, что женой Пассиена была Домиция, сестра покойного мужа Агриппины Гнея и Домиции Лепиды. Эта Домиция была несказанно богата, и возникал вопрос: почему малолетний Луций не воспитывался во время изгнания матери именно у этой своей тетки? А объяснялось все просто: отец Луция и Домиция, хотя были братом и сестрой, не терпели друг друга. Они сутяжничали по поводу каких-то денег, несмотря на то, что у обоих всего было вдоволь. Свою неприязнь к брату Домиция, очевидно, перенесла и на его сына. Можно себе представить, каким ударом для нее было то, что ее мужа отобьет именно вдова брата! Подобные унижения не забываются!

Почему Пассиен взял в жены Агриппину? Вероятно, руководствуясь честолюбием. Ему льстило, что его супруга — племянница императора. Для него всегда крайне дорога была благосклонность властителей. Демонстрируя свое уважение предыдущему императору, Калигуле, он, как заурядный раб, пешком сопровождал лектику последнего. А когда этот безумец поинтересовался однажды, состоит ли он, как сам Калигула, в кровосмесительной связи с сестрой, тот, чтобы не уязвить императора и не разминуться с правдой, смиренно ответил:

— Еще нет!

Вместе с тем это был неплохой человек. Самым большим удовольствием для него были прогулки в буковую рощу на холме возле Тускулума. Там росло раскидистое старое дерево. Пассиен боготворил его как человека, по слухам, нежно обнимал его и гладил. Это дерево дарило ему самые сладостные минуты жизни. Лежа в тени ветвей и вслушиваясь в тихий шелест листьев, Пассиен проводил так долгие часы, попивая холодное вино. Со смехом поговаривали, что время от времени он отливает своему другу-дереву частицу божественного нектара.

Брак Агриппины и Пассиена был бездетным. А поскольку у него не оказалось потомства и от Домиции, через несколько лет он объявил своими наследниками жену и пасынка. Пассиен оказался столь неосторожен, что сообщил о завещании Агриппине. Судьба любителя деревьев была предрешена. Предусмотрительная супруга и заботливая мать, боясь, как бы завещание не претерпело изменений, отравила мужа. По крайней мере так единодушно и решительно утверждал весь Рим.

Именно из-за успеха, какой пришел к ней благодаря ее браку с Пассиеном, Агриппине долгие годы по возвращении приходилось быть начеку. Постоянно, ежеминутно со стороны Мессалины ей и ее сыну угрожала смертельная опасность.

Через двадцать дней после прихода Клавдия к власти, словом, в феврале 41 года, Мессалина родила сына. Это очень упрочило ее положение и влияние на мужа, которое и без того было немалым. Расчетливо и беспощадно она отстраняла от него всех потенциальных соперниц. Преследовала каждого, кто имел несчастье хотя бы безотчетно вызвать ее неприязнь. Необузданное тщеславие, подозрительность, зависть, патологическая сексуальная возбудимость превращали эту красивую женщину в зловещего монстра.

Клавдий, целиком поглощенный немислимым трудом по оздоровлению империи после четырехлетнего господства безумца, не имел ни времени, ни возможности проверять истинность всех выдвигаемых ею обвинений. Он повидал в своей жизни немало заговоров против властителей. Он помнил, как убили Тиберия. Почти на его глазах убили Калигулу, да и сам он по чистой случайности избежал смерти. Ему постоянно чудилось, что и против него зреет заговор. Он вообще был трусоват. На любом приеме во дворце присутствовали вооруженные преторианцы. Когда он навещал больных сановников и даже друзей, перед его появлением перетряхивали покои, постель, матрац. Удостоенный аудиенции тщательно обыскивался вне зависимости от положения, какое занимал, возраста и пола. У писцов входивших сановников изымали даже стило и чернильницу. Итак, перед Мессалиной открывалось великолепное поле деятельности. Почему бы императору не доверять собственной жене, когда она предостерегает его от некоторых, даже самых приближенных, лиц? Недавнее прошлое учило тому, что наиболее опасны именно родственники и высокие сановники.

Только вольноотпущенники смогли бы парализовать происки Мессалины. Но они были разобщены. Некото-

рые, впрочем, сначала благоволили к жене властителя. Иные предпочитали выдерживать стороннюю позицию. Это было начало царствования Клавдия, новые люди еще не укрепились на своих постах, еще не понимали, сколь они влиятельны.

У Агриппины имелись серьезные основания ощущать угрозу. Ведь одной из первых жертв Мессалины стала Ливилла. Она вместе с Агриппиной возвратилась из ссылки, но была крайне неосторожна, часто навещала императора, своего дядю, а по отношению к его жене держалась надменно. Вина Ливиллы усугублялась еще и тем, что она была очень красива.

Доносчики и соглядатаи быстро снабдили Мессалину веским материалом: Ливиллу связывают подозрительно тесные отношения с Луцием Аннеем Сенекой.



Сенека

Ему в ту пору было 45 лет. Он происходил из богатой семьи, осевшей в Испании, в Кордубе. Его отец Марк Анней Сенека был знатным ритором, известным историком. Сам Луций Сенека воспитывался в Риме, своей карьерой в первую очередь обязан тетке, сестре матери. Поэтому позже он с благодарностью писал: «Ведь это она на своих руках принесла меня в город, благодаря ее нежной материнской опеке я после долгой болезни выздоровел. Чтобы добиться для меня должности квестора¹, она широко использовала свое влияние, и, хотя ей всегда недоставало смелости завязать беседу или внимать словам с выражением особой к ней почтительности, ради моего дела ее нежная любовь преодолела врожденную застенчивость. Ни уединенный образ жизни, ни ее провинциальная скромность, сохранившаяся среди столь ужасной женской развязности, ни ее скромный нрав, ни смиренные, приуроченные к одиночеству склонности не мешали ей настойчиво добиваться для меня должности».

Влиятельность его тетки объяснялась тем, что при Тиберии ее муж шестнадцать лет был префектом Египта; он умер на обратном пути в Италию. Должность квестора открыла перед Сенекой перспективы дальнейшей карьеры, позволив ему заседать в сенате. То была неслыханная честь, но сколько таила она в

¹ Должностное лицо, осуществлявшее надзор за финансами.

себе непредвиденных опасностей! Однажды случилось так, что во время правления Калигулы Сенеке пришлось взять слово в присутствии самого властителя. Говорил он великолепно. Но именно этим и возбудил гнев и зависть императора, который жаждал прослыть самым блестящим оратором своего времени. Слишком способного сенатора спасло только заступничество одной из императорских любовниц: та сумела убедить Калигулу, что Сенека — чахоточный и что со дня на день и так умрет естественной смертью. Зачем тратить время на этого снедаемого лихорадкой испанца?

Это звучало очень правдоподобно. Сенека был низенький, щуплый, худой и выглядел так, словно едва волочил ноги. В юности он действительно много болел. Сам он так писал об этом своему другу: «Тебя замучили частые насморки и простуды, которые всегда идут вслед за долгими неотвязными насморками, эта вещь для меня особенно неприятна, потому что я хорошо знаю это самочувствие. Поначалу я его презирал — покуда моему юному возрасту под силу было справляться с тяготами и не поддаваться болезням; потом они взяли верх и довели меня до того, что я чуть душу не вычихал, совсем отощав и ослабев. Часто меня тянуло покончить с собою, но удержала мысль о старости отца, очень меня любившего. Я думал не о том, как мужественно смогу я умереть, но о том, что он не сможет мужественно переносить тоску. Поэтому я и приказал себе жить: ведь иногда и остаться жить — дело мужества. Я открою, в чем нашел тогда утешение, но прежде надо сказать, что то самое, чем старался я себя успокоить, оказалось и сильнейшим лекарством. Благое утешение становится целительным снадобьем; что поднимает дух, то помогает и телу. Наши занятия поправили мне здоровье. Философии благодарен я за то, что поднялся и окреп, ей обязан я жизнью, и это — самое меньшее из всего, чем я ей обязан. Немало помогли моему выздоровлению и друзья, поддерживавшие меня ободряющими речами и неусыпным вниманием. Ничто не укрепляет больного и не помогает ему так, как любовь друзей, ничто так не прогоняет страх и ожидание смерти. У меня и мысли о смерти не было — нет, я думал, что если они останутся жить, то буду жить и я, не с ними, а в них; мне казалось, что я не испущу дух, а передам его друзьям. Все это укрепило мое желание помочь себе и перетерпеть любые муки; ведь самое жалкое — это потерять мужество умереть и не иметь мужества жить.

Испробуй и ты эти лекарства. Врач укажет тебе, сколько нужно гулять, сколько упражняться, посовету-

ет не слишком предаваться безделью, хоть некрепкое здоровье и склонно к нему, посоветует читать внятным голосом, чтобы упражнять дыхание, чьи пути и вместилища поражены недугом, плавать в лодке, чтобы растрясти внутренности мягким качанием; назначит тебе пищу и срок, когда надо прибегнуть к вину для укрепления сил, когда отказаться от него, чтобы от раздражения не обострился кашель. А мое наставленье излечивает не одну болезнь, но всю нашу жизнь. Вот оно: презирай смерть!»¹

Что же это была за философия, оказавшая такое благотворное влияние на молодого человека, его ум и здоровье? Сенека столкнулся с неким направлением философии стоиков, которое не занималось теорией познания, логикой, метафизикой. Направление это проявляло интерес исключительно к этике, да и то понимаемой в чисто практическом смысле, со староримской строгостью. Здесь требовались абсолютная честность в поведении, совершенствование силы воли и независимости от внешнего мира. Наградой за все усилия должна была служить истинная добродетель — единственное и достаточное условие для полного счастья. Только мудрец — подлинный властелин своей жизни! Эти истины провозглашали философы, пользовавшиеся в Риме в дни юности Сенеки большим авторитетом: Аттал, Секстий Нигр, Сотион. Двух последних со стоицизмом связывали некоторые заповеди, берущие свое начало якобы еще от Пифагора. Итак, Секстий рекомендовал каждый вечер производить смотр своим поступкам, внимательно анализируя, где ты сбился с пути, а что помогло духовно возвыситься; он проповедовал также полное воздержание от мясной пищи. Сотион, как и Пифагор, верил в переселение душ. Но Сенека не был фанатиком стоицизма. Он охотно пользовался знаниями и других столпов мудрости. С огромным уважением он относился к кинику Деметрию, который осуществлял на практике провозглашаемые им взгляды, говорил о достоинствах нищеты и сам жил как нищий, не имея даже соломенной подстилки для сна, ходил полунагой. Презирал праздную жизнь, которая, по его словам, подобна мертвому морю. Он считал достойными жалости тех, кого никогда не коснулись превратности судьбы. К общественному мнению относился с полным презрением, говоря: «Меня столь же мало занимает болтовня глупцов, как и звуки выпускаемых ими ветров».

¹ Л. А. Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977. С. 153—154. Пер. С. Ошерова.

Еще много лет спустя немало блестящих афоризмов Деметрия продолжало звучать в ушах Сенеки.

Как часто случается с молодыми людьми, Сенека жадно и с восторгом постигал науки своих учителей. Он следовал во всем их советам, не признавая компромиссов, рвался возможно быстрее приблизиться к идеалу мудреца, источавшему, как ему казалось, когда он внимал словам Аттала, божественный свет. Поэтому Сенека со всей серьезностью относился к рекомендованным учителями практическим приемам воздержанности и непотакания требованиям плоти. Жил он почти как аскет. Как сам он признается, большинство этих суровых правил он позже отверг, окунувшись в нормальную гражданскую жизнь; однако некоторые из них усвоил и сохранил на все годы. Сенека никогда не ел устриц и грибов, называя их роскошеством. Не пил вина. Не употреблял благовоний, заявляя, что «лучший запах тела — отсутствие запаха».

Он не принимал горячих ванн, считая, что они делают кожу чрезмерно нежной. Спал на очень твердых матрацах.

Под воздействием учений Секстия и Сотиона он какое-то время не ел и мяса.

«Год спустя мне от этого стало не только легко, но и приятно. Мне казалось, что я обрел большую живость ума... А каким образом я отказался от этих привычек? Моя юность пришлась на годы правления Тиберия. Приказано было отказаться от чуждых культов. Предрассудком считалось и воздержание от употребления мяса некоторых животных. По просьбе отца я вернулся к прежнему обычаю (потреблению мяса). Он же просил меня не столько из-за боязни обвинения, сколько потому, что не выносил философов».

Этот суровый режим, которого он придерживался в юности, возможно, и закалил Сенеку, но, несомненно, не придал солидности его внешнему виду. Словом, в известной мере именно философии он был обязан тем, что позже Калигула так легко поддался заверениям, что Сенека неизлечимо болен.

Мнимый чахоточный как-то пережил правление императора-безумца. А в отместку за смертельный страх, в каком он тогда жил, Сенека не жалел напоенных ядом колкостей, едва лишь (даже много лет спустя) вспоминал о Калигуле. Он писал: «Гай Цезарь, помимо прочих прегрешений, какие он часто совершал, любил потешаться над другими и был охвачен странным желанием, дабы каждого каким-то образом высмеять, хотя и сам являлся постоянным источником издевок. Такая мерзкая была у него бледность щек, обличающая

безумие, такая пугающая дикость в глазах, укрытых под старушечьим лбом, такое уродство лысой головы, кое-где испещренной как бы позаимствованными волосами. Вдобавок к этому густо заросший щетиной загривок, худоба тощих ног, завершающихся стопами монстра. Нет числа всем тем оскорблениям, какие он достал по адресу своих родителей и дедов, а какие достались всем государственным сословиям. Назову только те, которые способствовали его собственной гибели. Валерия Азиатика он считал одним из своих ближайших друзей. Это был непосредственный человек, который едва мог стерпеть даже оскорбления, брошенные постороннему лицу. Такому человеку во время застолья, а точнее—на публичном собрании Цезарь громко принимался объяснять, что его жена ничего особенного из себя как женщина не представляет... С военным трибуном Хереей все произошло по-другому. Это был человек, речь которого никак не соответствовала его доблести, а его голос, слабый и мягкий, мог ввести в заблуждение каждого, кто не знал о его подвигах. Всегда, когда он являлся к Гаю с просьбой сообщить пароль, тот называл имя то Приапа, то Венеры, каждый раз тем самым как бы обвиняя вооруженного воина в мягкости нравов. Бросая ему подобные упреки, сам он ходил в просвечивающем платье, увешанный золотыми украшениями... И как раз Херея первым среди заговорщиков поднял на него десницу, первым ударом меча рассек ему шею...»

Все это Сенека изложил в трактате «О стойкости мудреца», делая вывод, что мудрецу нельзя нанести оскорбление, ведь он подлинно свободный человек, то есть стоящий выше любых оскорблений, независимо от случайностей внешнего порядка. Как же памятливым был, однако, на обиды сам Сенека и как далек от стоического идеала!

Впрочем, уже тогда, когда своей слишком удачной речью в сенате философ подверг себя серьезной опасности, он должен был вспомнить, что один из учителей его юности, Секстий Нигр, настойчиво призывал:

— Мудрец избегает политики, он не позволит соблазнить себя чарами власти! Мой отец с презрением отверг должность сенатора, дарованную ему самим Юлием Цезарем!

Отказ от жизни аскета—первая измена идеалам юности, отчасти оправданная, однако, просьбами отца, обеспокоенного состоянием его здоровья, и услышанными наконец доводами рассудка. Вступление на путь политической карьеры—это вторая измена; и здесь

тоже многое определялось уговорами отца. Третья измена — женитьба.

Последнее представляется изменой, потому что сам Сенека соглашался с утверждением: мудрец не должен жениться. Он даже написал небольшой трактат в этом духе «О браке», в котором с удовольствием повторял мысли Теофраста на эту тему, сформулированные еще три века назад. Вот его основные положения:

Да, мудрец мог бы жениться на красивой, хорошей женщине из благородной семьи, будь он сам в добром здравии и с большим состоянием. Однако редко все эти условия бывают соблюдены. Следовательно, мудрец не должен жениться. Прежде всего: брак препятствует изучению философии, ведь никто не способен служить одновременно и книге и жене. Далее: жена будет требовать дорогих нарядов, золота, драгоценностей, прислуги, изысканно обставленного дома. А самое страшное — ворчливые жалобы ночи напролет: та лучше одета, этой оказывают больше уважения, только я единственная среди своих знакомых похожа на нищенку! А почему ты так смотрел на соседку? О чем ты шушукался со служанкой? Ты что-нибудь купил мне в городе? Необходимо постоянно восторгаться красотой своей избранницы; а стоит украдкой бросить взгляд на другую женщину, как жена будет считать, что она тебе разонравилась. Если позволишь ей распоряжаться в доме — превратишься в ее раба, если же что-то возьмешь под свой контроль, она решит, что ты ей не доверяешь, возненавидит тебя, начнутся ссоры и скандалы. Предположим, однако, что тебе достается хорошая и милая жена, это большая редкость: ты будешь охать, когда она станет рожать, будешь страдать от каждого ее недомогания.

В своем трактате Сенека не только привел большие фрагменты из Теофраста, но еще и украсил их примерами, почерпнутыми из жизни Рима; они убедительно свидетельствовали, как много натерпелись почтенные мужья от дурных жен.

Сенека высказывал здравые мысли относительно института брака, но, женившись, поправил их. И это явно был не очень счастливый брак. Сенека даже не называет имени своей жены, хотя имел от нее двух сыновей.

Безумец Калигула умер, все облегченно вздохнули, одним из самых счастливых, пожалуй, был Сенека. Мог ли он предугадать, что принесет ему новая власть!

В первый же год правления Клавдия Сенека вновь подвергся смертельной опасности, и произошло это совершенно неожиданно. Прощаясь с матерью, которая на краткий срок покидала Рим, он не предполагал, что

через три дня на много лет оставит столицу изгнанником. Впрочем, он мог считать себя счастливым уже хотя бы потому, что уцелел. Ведь обвиняли его в тяжком преступлении: прелюбодеянии с племянницей императора Ливиллой. Процесс происходил в сенате. Сенеке грозила смертная казнь. Смягчением приговора он обязан был личному вмешательству Клавдия. Его наказали конфискацией половины имущества и ссылкой на один из самых диких тогда островов Средиземного моря — Корсику. Ливилле предстояло отправиться на другой остров. Обвинение, приговор, отъезд — все это, собственно, совершилось в течение дня.

Действительно ли Сенеку связывали близкие отношения с Ливиллой? Если это и так, то сам по себе этот факт значения не имел. Существенно было то, что оба они считались участниками политического заговора. Муж Ливиллы, Марк Виниций, являлся одним из руководителей заговора против Калигулы, и сразу после убийства этого императора, прежде, нежели преторианцы навязали Риму извлеченного из-за занавеса Клавдия, именно Виниций намеревался сам захватить власть. Поэтому Мессалине и ее людям удалось без труда убедить Клавдия, что у Ливиллы крайне дерзновенные планы и что она любыми средствами спланирует вокруг себя друзей.

Корсика, куда Сенека прибыл непосредственно из Рима, показалась ему одним из самых мрачных и неприветливых мест на свете. Несмотря на это, он стремился утешить себя и близких. Утешение он черпал, размышляя о судьбах многих изгнанников из самых разных стран, которые всюду, даже в самом мрачном захолустье, умели обрести для себя вторую родину.

Что из того, что эта земля не родит плодовых и прочих ласкающих взгляд деревьев? Это правда, что здесь не текут большие судоходные реки и нет ничего, на что позарились бы другие народы. Урожая едва хватает на прокорм населения. Тут не ведут добычу драгоценных камней, нет месторождений золота и серебра. Но слаб тот дух, если его восхищают только земные блага! Необходимо обратить его к тем вещам, которые всюду одинаково прекрасны и излучают свет повсюду!

Несмотря на эти похвальные усилия, дух Сенеки постоянно обращался к земным, человеческим проблемам. Он написал трактат, чтобы утешить мать (а заодно и самого себя), но не мог скрыть горя, когда упоминал в нем своего маленького сына — ныне единственного, так как первого он потерял за двадцать дней до

изгнания. Что за славный мальчик этот Марк! У каждого, кто ни взглянет на него, все заботы как рукой снимет! Когда ребенок прижмется к груди, он способен утолить любую боль, даже самую острую и свежую. Кого не развеселят проказы Марка? Его щебетания так не хватает, чтобы отвлечься от отягчающих сердце забот!

Если бы еще изгнанник мог прозябать на Корсике, не опасаясь за свою жизнь! А тем временем даже в эту глушь доходили грозные вести. Любой корабль мог доставить трибуна с вынесенным ему смертным приговором. Именно такая судьба постигла Ливиллу; ее приказано было умертвить. Четыре года спустя погиб и ее муж, Марк Виниций, отравленный по наущению Мессалины. Это были далеко не единственные ее злодеяния. Список их длинен и мрачен.



Злодеяния Мессалины

В 42 году императрица добилась исполнения смертного приговора над третьим мужем своей матери, то есть ее отчимом Аппием Силаном. Ее соучастником был вольноотпущенник Нарцисс. Оба они, якобы абсолютно независимо друг от друга, поведали Клавдию свои зловещие сны: они видели убивающего его Силана. Разумеется, кроме этих слов нашлись и другие аргументы, также надуманные. Что явилось подлинной причиной ненависти Мессалины к Силану, установить трудно. Его смерть привела к разрыву отношений между матерью и дочерью на долгие годы. Домиция Лепида явилась к Мессалине только в последние минуты ее жизни.

В том же 42 году перед императрицей и вольноотпущенником открылась великолепная возможность отличиться. Был раскрыт настоящий, подлинный заговор! Наместник Далмации Скрибониан по договоренности с несколькими римскими сенаторами поднял мятеж. Они намеревались свергнуть существующее правление и восстановить прежнее, республиканское. Заговорщики были фантазерами и доктринерами. Когда далматинские легионеры узнали о намерениях своего военачальника, то тотчас оставили его: против императора они сражаться не будут! Часть заговорщиков покончила с собой, многих же, подозреваемых в соучастии,

пытали и казнили. Политические последствия заговора и мятежа оказались крайне серьезными. Клавдий навсегда потерял доверие к сенатскому сословию, стал еще более подозрительным, целиком доверял лишь жене и вольноотпущенникам.

Разнузданная, всемогущая императрица превратила дворец в публичный дом. Никто не смел донести об этом ее мужу. Префект преторианцев, который казался Мессалине недостаточно преданным, погиб. Глухое молчание покрывало все ее происки, все более откровенные и наглые.

Перепуганный Сенека лихорадочно искал спасения. Но что мог он сделать на Корсике, отрезанный от мира, затерянный среди скал и моря? При нем остался лишь его писательский талант. Случилось так, что как раз в то время умер брат Полибия, императорского вольноотпущенника. Сенека знал Полибия, ибо тот интересовался литературой. Он перевел Гомера на латинский язык, а на греческий — Вергилия. Полибий возглавлял канцелярию научных розысков для нужд императора. Изгнанник счел уместным напомнить о себе этому влиятельному лицу, одновременно засвидетельствовав свою преданность императору. Все это он изложил в пространном письме, которое содержало соболезнование и слова утешения Полибию в связи со скорбной утратой. Были там и такие фразы: «Сколько бы раз твои глаза ни наполнялись слезами, обращай их к императору. Слезы высохнут при созерцании великого и светлого божества. Блеск его ослепит тебя, и ты уже ничего другого не будешь видеть, созерцая его. Думай о том, на кого глядишь днем и ночью, с кем никогда мысленно не расстаешься. А при ударах судьбы призывай его на помощь.

Разве сам вид императора, сама мысль о нем не послужат тебе скорым и наилучшим утешением? Только бы боги и богини продлили его пребывание на земле! Только бы в своих деяниях он сравнялся с божественным Августом и превзошел того продолжительностью своего правления. Только бы смерть никогда не наведлась в его семью, пока он сам пребывает среди смертных! И да отдалится этот день вплоть до времени наших внуков, когда его род сможет зачислить императора в разряд небожителей!

Позволь же ему, судьба, исцелить род человеческий, издавна уже больной и зараженный! Позволь ему упорядочить и восстановить все то, что ниспровергнуто безумием предыдущего властителя. Пусть во веки веков сияет эта звезда, которая озарила мир, сползающий в бездну, погрязающий во мраке!»

Позже Сенека крайне стыдился этого письма. Действительно, банальная лесть славы не приносит. Хуже всего, однако, было то, что ценою подобного унижения он не приобрел ничего. Полибий, если и прочитал «Утешение», не подумал отблагодарить автора.

Через каких-нибудь три-четыре года из Рима пришло известие, от которого Сенеку обуял глубочайший страх: Полибий восстановил против себя Мессалину, впал в немилость и покинул мир живых! Как же должен был волноваться незадачливый льстец повергнутого любимца фортуны! К счастью, в Риме никто не помнил, что на Корсике бьется сердце, столь преданное Полибию.

47 год запечатлелся в памяти римлян не только смертью вольноотпущенника; это событие, впрочем, многие встретили с удовлетворением, как заслуженную кару за надменность и зазнайство сей особы. Однако в том же году погиб и достойный сенатор, дважды бывший консулом, баснословный богач Валерий Азиатик. Он равно восстановил против себя как императора, так и Мессалину. Та обратила на него внимание из-за любовной связи, какая завязалась у него с Поппеей Сабинной, как говорили, самой красивой женщиной в знатном обществе тогдашнего Рима. Уже одной красоты было достаточно, чтобы навлечь на Поппею ненависть Мессалины, а она к тому же посмела еще обольщать актера Мнестера, одного из любовников императрицы! Завистливая властительница рассчитывала, устранив Азиатика, одновременно погубить и соперницу. Помимо этого, Мессалина жаждала завладеть его великолепными садами, некогда составлявшими собственность Лукулла; Азиатик расширил и улучшил их, создав самый замечательный частный парк в Риме.

Очень скоро нашелся и услужливый доносчик, который предостерег императора от заговора со стороны Азиатика. Это звучало правдоподобно, ведь он уже входил в число заговорщиков против Калигулы; известно было также, что он, как выходец из Виенны (Южная Галлия), сохраняет многочисленные связи со всей Галлией и с армией на Рейне.

Азиатика арестовали на его вилле у Неаполитанского залива и в кандалах доставили в Рим. Допрашивали в личных покоях императора. Обвинял Сулла, тот самый сенатор, который шесть лет назад по наущению Мессалины выступал как официальный обвинитель против Сенеки и Ливиллы. В разбирательстве в качестве императорского советника участвовал и Луций Вителлий.

То был странный человек. При Тиберии он исполнял обязанности наместника Сирии. Прославился как прекрасный администратор и полководец. Он потеснил парфян из Армении, вынудив парфянского царя воздать почести орлам римских легионеров. Вникал в дела Иудеи так же, как позже Умидий Квадрат. Когда прокуратор Понтий Пилат устроил резню самаритян, Вителлий приказал ему отправиться в Рим и лично объясняться с императором. Вообще он был дружелюбно настроен по отношению к иудеям. Поскольку жители Иерусалима встретили его с превеликими почестями, он с согласия императора вернул им одеяние первосвященника. Это богослужebное одеяние находилось под охраной римской стражи в прихрамовой крепости Антония. Перед каждым праздником иудеи получали его из рук римлян и тотчас потом возвращали; обе стороны строго проверяли печать. Такое оскорбительное одалживание призвано было, согласно намерениям римлян, держать строптивый народ в повиновении. Именно в Иерусалиме Вителлий получил известие о смерти Тиберия и восшествии на престол Калигулы. Новый властелин быстро отозвал заслуженного наместника, опасаясь его чрезмерной популярности. Вителлий въезжал в Рим, глубоко уверенный, что ему предстоит распрощаться с жизнью. Несмотря на это, он не забыл прихватить с собой из Сирии саженцы благородных сортов фигов и фисташек. Благодаря ему эти сорта распространились по всей Италии.

Тотчас по возвращении в столицу энергичный военачальник и наместник, который годами мощной рукой управлял делами Востока, превратился в жалкого льстеца и покорного раба. В тогдашней обстановке это лишь свидетельствовало о его уме. Другого пути спасения для человека такого ранга в ту пору не существовало.

Вителлий первый завел порядок приближения к Калигуле с таким же точно церемониалом, какой обязателен при общении с богами. Конечно, в общении с душевнобольным это создавало дополнительные сложности, и тогда спасти человека могла лишь его сообразительность. Однажды Калигуле показалось, что он вступил в единоборство с богиней Луны. Он неожиданно спросил Вителлия:

— Видишь эту богиню?

На что сей достойный муж, перед которым недавно трепетали народы и армии, с набожным страхом потупил очи долу и, содрогаясь, едва слышно прошептал:

— Это только вы, боги, способны созерцать друг друга!

У кого не хватало ума на столь ловкие и быстрые ответы, тот расплачивался жизнью. Как-то, стоя возле высокого изваяния Юпитера, Калигула спросил прославленного актера Аpellеса:

— Кто выше? Я или бог?

Аpellес стал прикидывать. Этого было достаточно. Он погиб от палочных ударов и пыток, а Калигула на похвалы ему не скупился:

— Ты даже стенаешь великолепно!

Более благоприятные времена наступили для Вителлия с воцарением Клавдия. Тому требовались хорошие администраторы и советники. Он сразу привлек к сотрудничеству опытного наместника, наделив его доверием и сделав чуть ли не соуправителем. Но и теперь существовала известная опасность—вдруг на него падет подозрение или гнев Мессалины? Вителлий управился и с этим. Упросил императрицу подарить ему ее правую сандалию, которую постоянно носил в складках тоги, время от времени набожно целуя ее. Свое уважение к обоим сверхвлиятельным вольноотпущенникам, Нарциссу и Палланту, он выразил иначе, поместив золотые их изваяния среди домашних божеств.

В 47 году, когда вершился суд над Азиатиком, Вителлий занимал пост консула в третий раз. О ходе судебных заседаний ничего не знали, так как допрос обвиняемого и свидетелей велся в строжайшей тайне. Поговаривали, что после блестящей защиты Азиатика Мессалина заплаканная вышла из покоев, продолжая, однако, добиваться его казни. Ведь полагалось же существовать какому-то заговору. Клавдий, который не был извергом, позже отзывался об Азиатике с исключительной ненавистью.

Только благодаря ходатайству Вителлия император разрешил Азиатика, учитывая прежние его заслуги, самому избрать род смерти. Гордый сановник решил умереть как подобает мужчине. Он приступил к обычным гимнастическим упражнениям, которым предавался с увлечением, затем принял ванну и пировал в душевном спокойствии. При этом поглядывал на костер—его укладывали, чтобы сжечь его останки. Он приказал перенести костер в сторону, дабы огонь не повредил ветвей раскидистых деревьев. Ибо и он, подобно Пассиену, обожал их. Только после этого приговоренный распорядился, чтобы врачи вскрыли ему вены.

Лукулловыми садами завладела Мессалина. Она и не предполагала, что становится хозяйкой места своей собственной гибели.

Судебное разбирательство дела Азиатика еще не

успело завершиться, как люди императрицы добрались и до Поппеи Сабины. Они развернули перед ней впечатляющую картину тюремных прелестей. Очаровательная женщина предпочла принять смерть из собственных рук. Она оставила сиротой свою юную дочь от первого брака, носившую то же имя, что и мать, и унаследовавшую ее красоту.

Император ничего не знал о смерти Поппеи. Поэтому через несколько дней он за трапезой спросил ее мужа, почему тот явился без жены. Супруг ответил кратко и осмотрительно:

— Скончалась по велению судьбы.

Позже по постановлению сената к смерти приговорили двух братьев, в доме которых якобы происходили свидания Поппеи с актером Мнестером; последний, однако, продолжал жить в добром здравии. Мессалина избавилась от соперницы, превратив в собственность тогдашнего кумира сцены.

Сенека, слыша на негостеприимном острове об этих событиях, дрожал за свою судьбу. Он приступил к написанию трактата с характерным названием «О быстротечности жизни». Но в сколь же большем волнении протекали дни Агриппины! Она жила в самом Риме, неподалеку от дворца, в самом гнезде интриг. Она лишилась сестры. В любую минуту ненависть Мессалины могла обратиться и против нее. Это представлялось тем более реальным, что сын Агриппины уже подрастал, ему было около десяти лет. Как предусмотрительная мать, Мессалина наверняка, ни минуты не колеблясь, способна была устранить потенциальных соперников своего сына из близких к императорскому роду. А Луций Домиций, сын Агриппины, являлся ближайшим родственником Клавдия и был четырьмя годами старше ее Британника. Поговаривали, что как-то Мессалина подслала убийц с приказом удушить мальчика во время полуденной сиесты. Он чудом спасся. Подобные слухи по крайней мере кружили среди римлян, привлекая к нему всеобщие симпатии.

Это сочувствие нашло свое выражение во время больших торжеств по случаю восьмисотлетия основания Рима, которые состоялись в том же 47 году. Руководил празднествами сам император. Это мог быть последний год жизни Луция Домиция. В большом цирке в рамках юбилейных торжеств состоялась игра, именуемая *Lusus Trojae*: юноши из знатнейших домов садились на лошадей и, разбитые по отрядам, как бы демонстрировали боевые действия по образцу тех, которые некогда велись под стенами Трои. Правда, герои Гомера вели войну на колесницах.

Тогда-то Луций Домиций и Британник впервые публично выступили перед народом. Оба юноши, великолепно вооруженные, руководили каждый своим отрядом. Зрители с большим энтузиазмом аплодировали сыну Агриппины. Этого было достаточно, чтобы Мессалина вынесла ему смертный приговор.

Луция спасло только то, что после смерти Полибия Мессалина уже не могла рассчитывать на вольноотпущенников. А те, если действовали сообща, были могущественнее ее. Ведь все канцелярии находились в их руках. Сейчас вольноотпущенники опасались, что могут разделить судьбу своего товарища. Они боялись также и того, что Мессалина попытается свергнуть императора, без которого они ничего не значат, и возведет на престол кого-нибудь из своих любовников.

Агриппина, подыскивая в создавшейся ситуации союзника, который помог бы ей и сыну, обрела его в лице Палланта. Наряду с Нарциссом он был наиболее могущественным и едва ли не более честолюбивым. Повсеместно утверждали, что у племянницы императора и его министра финансов существовала любовная связь, возникшая именно в то время. Этим двоим не требовалось даже открыто выступать против Мессалины. Ее погубила собственная глупость и недоброжелательство Нарцисса.

Когда осенью 48 года ее мать Домиция Лепида забирала окровавленное тело своей дочери Мессалины из бывших садов Лукулла и Азиатика, Паллант и Агриппина уже принялись за дело.



Триумф Агриппины

В Риме размышляли над тем, что больше повлияло на императора: доводы и уговоры Палланта или обольщающие маневры самой Агриппины. В роли племянницы у нее был свободный доступ в личные покои Клавдия, и, как зрелая и опытная женщина, она умела произвести соответствующее впечатление. Легче всего было объяснять происходящее тем, что император поддался объединенным усилиям вольноотпущенника и своей племянницы: его советы убедили, а ее прелести одурманили Клавдия.

Кто знает, возможно, на решение Клавдия существенно повлияло именно то, что Агриппина — его родственница, к тому же в настоящий момент набли-

жайшая. Хотя, может, это и звучит странно, но такой подход был серьезный и благоразумный. Император, напуганный постоянными интригами и изменами в доме, хотел иметь рядом с собой женщину, которой мог бы полностью довериться. Ему было уже шестьдесят, он жаждал спокойствия, думал о безопасности, об опеке над осиротевшими детьми. Целесообразно ли было в его положении связывать себя женитьбой с посторонним домом, вводя в семью новых людей, пробуждая их честолюбие, жажду власти, кумовство. В случае же с Агриппиной все эти опасения не принимались в расчет, ведь она принадлежала к императорской фамилии. А внутрисемейные браки— правда, лиц, состоящих не в столь близком родстве,— на протяжении двух поколений сделались чуть ли не правилом в этой династии.

К концу 48 года уже почти вся столица знала, что женой императора будет Агриппина. С любопытством и страхом все ожидали, как она себя поведет. Пойдет ли по стопам жестокой Мессалины? Некоторые факты ее предшествующей жизни, казалось, говорили за это. А может быть, изберет себе примером Ливию, жену Августа, женщину умную и тактичную, но безоглядную? Ведь Ливия ввела в дом императора своих сыновей от первого брака (так же, как теперь Агриппина Луция), склонив мужа к тому, чтобы он их усыновил, сделала одного из них императором, а подлинных наследников престола устранила обманом и преступлением! Первый шаг Агриппины, еще до официального бракосочетания с Клавдием, был, пожалуй, понятен. Она решила женить своего сына Луция на Октавии— дочери Клавдия и Мессалины. Существовало лишь одно препятствие: у Октавии вот уже восемь лет как имелся жених. Учитывая юный ее возраст (ей исполнилось десять лет), женитьбу все время отодвигали, но жениха все равно официально именовали зятем императора.

Юний Силан Торкват, жених Октавии, принадлежал к одному из самых блистательных римских родов. По материнской линии он являлся потомком императора Августа. Ему было всего двадцать два года, а он уже удостоился высочайших почестей и должностей. Шесть лет назад, в 43 году, участвовал в походе Клавдия в Британию. Императором на него возложена была почетная миссия— передать сенату официальное сообщение о завоевании острова. А когда Клавдий праздновал свой триумф и, по древнему обычаю, на коленях поднимался по ступеням Капитолия, Силан был одним из тех, кто поддерживал его под руки.

В 43 году совсем еще юный Силан по специальному разрешению императора получил высокую должность претора. Перед ним открывалось блестящее будущее. Британик, сын Клавдия, был еще ребенком, и по логике вещей в ближайшие годы именно ему, зятю императора, надлежало стать соправителем.

Прозорливый Вителлий уже раньше постарался связаться с семьей столь многообещающего молодого человека; одного из своих сыновей он женил на его сестре. Но теперь, когда стало ясно, что император женится на Агриппине, которая неприязненно относится к Силану, Вителлий оказался в затруднительном положении. Оно усугублялось тем, что его культ сандалини Мессалины был всем известен и вызывал всеобщие насмешки. Хуже того — в решающий момент, когда Клавдий, уже уведомленный об оргиях Мессалины, спешил из Остии в Рим, чтобы наказать виновников, Вителлий все еще сохранял сдержанность. Он сидел в одной лектике с императором и Нарциссом. Тот бдительно следил за тем, чтобы гнев властелина не ослаб. Вителлий же лишь время от времени вздыхал:

— Какое преступление! Какая безнравственность!

Поди догадайся, чье именно преступление он имеет в виду: Мессалины или Нарцисса. И, как ни настаивал Нарцисс, чтобы Вителлий занял решительную позицию, выложил всю правду о Мессалине, тот, не зная еще, какой поворот примут события, подавал крайне уклончивые реплики.

Поскольку Мессалина проиграла, а новой хозяйкой на Палатине должна была стать Агриппина, требовалось новыми заслугами и удвоенной старательностью искупить прежние ошибки. Брак своего сына с сестрой Силана Вителлий тотчас же расторг, этого, однако, было крайне мало. Каким же образом убедить Агриппину, что в его лице она имеет преданного друга, как изгладить из памяти ту злосчастную сандалию ее предшественницы?

Он понимал: чтобы открыть сыну Агриппины путь к руке Октавии, следовало погубить Силана. Поэтому Вителлий активно принялся за решение этой задачи. Он знал о любви Клавдия к дочери и сыграл на этом. Нетрудно было убедить отца, что будущий зять, Силан, не заслуживает доверия. Он слишком привязан к своей сестре — это какое-то извращение: он, Вителлий, бывший ее свекор, лучше всех осведомлен об этом и именно поэтому велел сыну с ней развестись.

Случилось так, что в том же 48 году Вителлий исполнял вместе с самим императором должность цензора. В обязанности цензоров среди прочего входило и

определение состава сената. Цензор имел право исключить из собрания тех лиц, чей образ жизни, по его мнению, являлся безнравственным. Пользуясь этим правом, Вителлий не медля исключил Силана из сенатского сословия. Вскоре после этого, 29 декабря, молодому человеку было предложено отказаться и от должности претора. Это было крайнее унижение, ведь год истекал, а вместе с ним само собой окончилось бы преторство Силана.

С началом нового года Вителлий развернул энергичную деятельность, прокладывая Агриппине путь к цели. На заседании сената он выступил с большой речью, как он сам заявил, общегосударственного значения. Вителлий долго распространялся о трудах и ответственности властителя, который вершит судьбы мира. Он поставил вопрос: весьма желательно, чтобы кто-то помогал императору, по крайней мере в его домашних заботах, ибо только тогда он мог бы целиком посвятить себя проблемам всеобщего порядка. Император должен вступить в брак с женщиной, которая стала бы его подлинной опорой в успехах и неудачах, с которой он мог бы делить свои мысли и труд по воспитанию детей.

При всеобщем одобрении Вителлий сделал вывод:

— Поскольку все согласны, что брак необходим, следует поразмыслить над выбором подходящей женщины. Она должна отличаться знатностью рода, чистотой нравов, глубокими материнскими чувствами. При таких критериях нетрудно указать будущую жену императора. Какая из женщин знатного происхождения лучше соответствует этим условиям, нежели Агриппина? Это правда, что до сих пор в Риме не было браков среди лиц, состоящих в столь близком родстве, но ведь они приняты среди многих цивилизованных народов, достаточно вспомнить хотя бы египтян!

Энтузиазм охватил достойное собрание. Наиболее усердствующие сенаторы устремились к выходу, восклицая, что силой вынудят властителя сочетаться брачными узами, такими возвышенными и желанными. Когда все они столпились на Форуме, к ним примкнул римский люд, ожидавший сенаторов. Толпа направилась к Палатину, откуда навстречу им уже спускался императорский кортеж. Властитель не противился просьбам сената и простолюдыя. Через два дня он сочетался браком с Агриппиной.

Во время свадебных торжеств Силан покончил с собой. Что толкнуло его на этот шаг? Пожалуй, он сам избрал этот день, похоронивший все его надежды. Очевидно одно: с радостью в таком юном возрасте из жизни не уходят. Сестру Силана вскоре после этого

изгнали из Италии. Император, идя навстречу просьбам сената, обручил дочь с Луцием Домицием.

Итак, одни прощались с жизнью или Римом, а другие возвращались в блистательную столицу мира. К их числу принадлежал Сенека. Сразу после своей свадьбы Агриппина добилась его возвращения с далекой Корсики. Она совершила это прежде всего в память своей сестры Ливиллы, той, которую несколько лет назад по приказу Мессалины умертвили голодом. Ведь Сенеку изгнали, обвинив в том, что у него был роман с Ливиллой. Вернув ему благорасположение, Агриппина тем самым давала понять, что тогдашние обвинения, опорочившие ее сестру, безосновательны.

Вскоре после своего возвращения Сенека женился вторично на Помпее Паулине. Он намеревался уйти из общественной жизни, уехать в Афины или поселиться где-нибудь в деревне, чтобы целиком отдаться постижению мудрости.

Однако Агриппина порушила его планы.



Воспитатели

В качестве компенсации за годы скитаний и невзгод Сенека в 49 году получил звание претора и высокую должность наставника сына Агриппины. Отказать императрице он не мог.

Агриппина загодя предупредила его, что ум юноши не следует перегружать философией. Итак, Сенеке не удалось блеснуть своими познаниями в учении стоиков. Он мог, однако, внушать Луцию любимейшие свои максимы нравственного порядка, преподавая ему искусство обдумывания и произнесения речей. Это умение, столь необходимое каждому политику, являлось тогда важной частью обучения юношей из хороших семей. Конечно, не все имели возможность постичь правила красноречия под руководством такого великолепного мастера латинской прозы, как Сенека. По мнению некоторых, он в качестве учителя был слишком даже творческим педагогом, самобытным, слишком увлеченным собственным стилем. Так или иначе, ему удалось отвлечь воспитанника от чтения давних ораторов, подсовывая тому для подражания милые его сердцу новаторские образцы. Эти образцы отличались остроумием, лаконизмом, афористичностью, все усилия авторов

сосредоточивались на особой выразительности, точности мысли. По сути дела, этот стиль близок был некоторым видам тогдашней поэзии, особенно эпиграмматической. Ученик Сенеки сразу же начал пробовать свои силы на этом поприще. Двумя поколениями позже один из ученых, роясь в императорских архивах, обнаружил письменные таблички и заметки, собственноручно выполненные Луцием. Это были стихи. Бросалось в глаза множество зачеркнутых строк и поправок, словом, не подлежало сомнению, что речь идет о собственных композициях. Исследователь с удивлением установил, что некоторые из этих стихов крайне популярны, хотя никто не знал имени автора. И вот, как выяснилось, им был ученик Сенеки! Первооткрыватель, вероятно, тогда с сожалением вздохнул:

— Какой поэт в нем погиб!

Впрочем, не только поэт. Луций был юношей с живым умом и широким кругом интересов. Он любил рисовать, ваять, петь, а также управлять колесницей.

Сенека не был единственным учителем Луция. О его воспитании заботились также два греческих ученых — Александр и Хайремон.

Первый происходил из маленького местечка в окрестностях Спарты. Он принадлежал к философской перипатетической школе¹, создателем которой четыре века назад был великий Аристотель. Сам Александр занимался преимущественно составлением комментариев к некоторым трудам этого светила эллинской мысли. Он наверняка стремился привить Луцию этические идеалы: добродетели умеренности и воздержания. Он также учил его, что единовластное управление страной — самый совершенный тип государственного строя, однако при условии, что личность правителя в нравственном и интеллектуальном отношении превосходит остальных граждан.

Еще более оригинальным типом был Хайремон, выходец из Египта. Он мыслил и писал по-гречески, долгие годы работал в знаменитой Александрийской библиотеке, которой впоследствии даже руководил. Но наряду с этим Хайремон являлся египетским жрецом высокого ранга и ревностным популяризатором исконной культуры своей страны. Он даже написал историю Египта времен фараонов. Правда, этим отдаленным событиям Хайремон придал злободневное звучание. Он использовал любую возможность, чтобы дать волю

¹ Философская школа, основанная Аристотелем в Афинах. Перипатетики выступали в качестве последователей и толкователей учения Аристотеля.

своему антисемитизму, порожденному кровавыми столкновениями, постоянно вспыхивавшими между греками и евреями, жителями Александрии. В своей истории Хайремон развивал мысль, что евреи—это потомки прокаженных, изгнанных из Египта фараоном Рамсесом.

В другом своем трактате Хайремон объяснял природу иероглифической письменности, красивые и загадочные знаки которой так интриговали всех, посещавших страны на берегу Нила. Ученый, поступаясь истиной, зато вызывая одобрение читателей, утверждал, что иероглифы—это символы, содержащие знание извечное и неизъяснимое. Еще в какой-то работе он восхвалял жизнь египетских жрецов, посвященную постижению самых глубоких тайн, подчиненную требованиям воздержанности и аскезы.

А как Хайремон толковал происхождение и значение удивительной египетской религии? На помощь себе он призвал здесь учение некоторых философов-стоиков. Они объясняли: звезды, созданные из самой чистейшей материи, из эфирного огня,—это боги. Небесные тела оказывают влияние на все, что совершается на земле, а следовательно, воздействуют и на судьбы отдельных людей. Отсюда следует, что по их расположению можно определять будущее. Это правда, что миром управляет Провидение, которому все должны повиноваться, даже боги; однако в том и состоит величие египетских жрецов, что наукой своей они способны изменять приговоры Провидения!

Специальный трактат Хайремон посвятил кометам. В те времена повсеместно верили, что кометы предвещают войны, поражения, эпидемии и голод. Приводились примеры из весьма недалекого прошлого: во время гражданских войн они являлись предвестниками братоубийственных битв; в царствование Августа появление кровавой кометы предшествовало полнейшему разгрому трех легионов в лесах Германии, а позже—смерти самого императора. Некоторые, однако, утверждали, что есть отдельные кометы—вестники благоприятных событий. Вспоминали также ту, которая появилась в июле 44 года до нашей эры, стало быть, через пять месяцев после убийства Юлия Цезаря; народ верил, что комета—душа диктатора, восходящая на небо, дабы вечно сиять среди бессмертных божеств. Это утверждал и приемный сын погибшего, Октавиан, будущий император Август.

Хайремон принадлежал к числу тех, кто разделял кометы на «хорошие» и «плохие». Его интерес к ним оказал огромное влияние на Сенеку. В более поздние

годы и он написал трактат на эту же тему. Он придерживался мнения, что не все кометы предвещают недоброе. Сенека рассматривал проблему шире и скорее в чисто научном аспекте. Он размышлял над тем, какова природа этих небесных тел, из чего они состоят, почему, в отличие от других звезд, появляются нерегулярно. Сенека считал, что наше полное знание о них — вопрос времени. Он писал: «Почему мы должны удивляться, что кометы, которые представляют собой уникальный феномен, пока не поддаются точным измерениям и неизвестно ни начало, ни конец этих тел, появляющихся столь редко? Не прошло еще и 1500 лет с того момента, когда Греция подсчитала общее количество звезд и дала им названия. Доныне существует немало народов, знающих небо только по его виду и не ведающих, чем объясняются затмения Луны и почему подчас тень падает на Солнце. Впрочем, и у нас лишь недавно ученые это установили. Но когда-нибудь в результате исследований откроются в полном своем свете вещи доселе скрытые. Ибо одной жизни не хватит, чтобы постичь столь значительные проблемы, даже в том случае, если она будет посвящена астрономии. А ведь мы неравномерно делим те немногие годы, которые нам отпущены, между наукой и приверженностью страстям. Эти грандиозные проблемы получают объяснение в результате длительных и планомерных исследований. Настанет время, когда наши потомки будут удивляться, что мы не понимали столь очевидных вещей. Кто-то укажет, каковы орбиты комет и почему они так отличаются от путей других светил! Мы же остановимся на том, что уже открыто. Пусть и потомки внесут свою лепту в постижение истины!»

Почему же Сенека так красноречиво доказывал, что появление комет подчинено неким определенным, хотя еще и неизвестным законам? Он был приверженцем того направления философии стоиков, которое провозглашало абсолютную взаимосвязь всех явлений на свете: «Как потоки воды никогда не возвращаются и даже не задерживаются, одну волну сразу сменяет последующая, так сменяется и порядок в судьбе, и нам следует, согласно с извечной очевидностью событий, подчиниться одному закону: выполнять то, что предрешиено судьбой. Ибо что такое судьба? Это, как мне кажется, неизбежность всех явлений и случаев, нарушить которую не в состоянии никакая сила. Судьба ведет нас. Уже первый час жизни предопределил, сколько и кому ее отмерено. Одна причина обусловлена другой. Уже заранее предначертано, чему ты будешь радоваться, а что будешь оплакивать».

Поскольку все то, что происходит, издавна предре- шено, не может быть и речи о каком-либо феномене, который существовал бы только сам по себе в полном отрыве от целого и не имел бы определенной причины возникновения. Поэтому-то и кометы должны повиноваться определенным законам!

Вера во взаимосвязи всего вела в свою очередь к вере в то, что звезды оказывают влияние на судьбы как всего человечества, так и отдельных людей. А поскольку ход и взаимное расположение небесных тел в любой момент можно было определить и подсчитать, то по звездной схеме пытались определить, что же случится в будущем. Сенека прямо заявлял:

«Даже от незначительного приближения планет зависят судьбы целых народов. Самые основные и несущественные проблемы складываются в зависимости от того, появится ли на небосклоне благоприятная или неблагоприятная звезда».

Итак, воспитатели Луция, Сенека и Хайремон, были сторонниками астрологии. Может быть, лучше сказать: приверженцами. Ибо эту странную науку трактовали тогда с религиозной почительностью и набожным страхом. Вера в истинность астрологических предсказаний была всеобщей и непоколебимой. Император требовал совета знатоков астрологических наук по самым важным государственным вопросам с той же самой серьезностью, что и простая девушка, интересующаяся, когда наконец она выйдет замуж. Астрологов называли халдеями (ибо их искусство зародилось в Халдее, или Вавилоне) либо просто математиками или учеными.

Методы, какими пользовалось большинство этих «ученых», были простыми. Трималхион Петрония так рассказывал гостям о своем астрологе: «Я вообще от всяких дел хотел отстраниться, да отговорил меня подвернувшийся тут случайно звездочет-греченок по имени Серапа, человек поистине боговдохновенный. Он мне все сказал, даже то, что я сам позабыл, все мне до нитки и игольного ушка выложил, насквозь меня видел; недоставало только, чтобы он мне сказал, что я ел вчера. Подумаешь — он всю жизнь со мной прожил.

Но помнишь, Габинна, ты, кажется, при этом присутствовал, когда он сказал мне: «Ты таким-то образом пленил свою госпожу. Ты несчастлив в друзьях. Никто тебе не воздаст должной благодарности. Ты владелец огромных поместий»¹.

¹ Петроний. Сатирикон. Пер. Б. Ярхо. М.—Л., 1924. С. 132.

Кто бы не поверил подобным пророчествам?

Однако и тогда были более тонкие толкователи звездных знаков. Один из них подвизался советником при Клавдии и Агриппине. Звали его Бальбилл. Он был баснословно богат и облачен высокими государственными чинами. Всем этим, как и астрологическими познаниями, он был обязан своему отцу Фрасиллу.



Род Фрасилла

Еще в пору своего пребывания на острове Родос Тиберий безгранично доверял Фрасиллу. Собственно, Тиберий попал сюда изгнанником, оказавшись в немилости у своего отчима, императора Августа. Бездействие, чувство неуверенности способствовали тому, что Тиберий занялся изучением астрологии, в чем ему помогал именно Фрасилл, с которым опального случайно свела судьба. С течением времени «математику» стали известны все сомнения, тревоги и замыслы императорского пасынка. И тот, будучи по природе крайне подозрительным, в конце концов стал подумывать, как бы избавиться от магистра тайных наук. Однажды оба они шли по высокому и отвесному морскому берегу. Тиберий хотел было, воспользовавшись случаем, столкнуть вниз спутника, знающего слишком много, но тут заметил, что Фрасилл чем-то крайне озабочен и подавлен. Тиберий поинтересовался причиной этого.

— Звезды говорят о грозящей мне смертельной опасности. Но если этот день закончится благополучно, в наших судьбах произойдут счастливые перемены.

Далеко на горизонте появился корабль. Сияющий Фрасилл воскликнул:

— Вот она, радостная новость! Этот корабль несет весть о конце изгнания.

Именно так, судя по многим рассказам, Фрасилл завоевал доверие Тиберия, ибо корабль и в самом деле прибыл с хорошими вестями. Другие же излагали события в еще более драматическом виде. Тиберий, чтобы выяснить, кто из астрологов толково читает по звездам, отправлял их в дом на краю пропасти. Там они занимались составлением гороскопов себе и Тиберию. Если их предсказания доверия не вызывали, раб, сопровождавший астролога, сталкивал того на обрат-

ном пути в пропасть. Только Фрасилл вышел победителем из этого состязания, ибо, взглянув на свой гороскоп, в ужасе воскликнул:

— Сейчас как раз решается моя судьба!

Колоритных историй подобного рода рассказывалось множество. Фактом было то, что Тиберий, человек замкнутый, не доверявший людям, по возвращении с Родоса не расставался с Фрасиллом. Ничего не изменилось и тогда, когда он вступил на престол. Как советник и наперсник императора Тиберия, Фрасилл оказывал значительное воздействие на дела империи, ибо любому важнейшему решению предшествовал «разговор» со звездами.

Свою внучку Эннию придворный астролог выдал замуж за юного аристократа Макрона. После раскрытия заговора Сеяна тот стал префектом, скорее всего не без помощи Фрасилла. Эта должность тогда была необыкновенно престижна. Император, чья ненависть к людям с каждым годом усугублялась, постоянно пребывал на острове Капри; префект же преторианцев был одним из немногочисленных связных между ним и сенатом в Риме. Кто другой мог сравняться со столь влиятельными фигурами, какими были Фрасилл и Макрон? От первого зависели решения и эдикты императора, второй принимал их к исполнению.

Калигула, будучи совсем еще юным, понимал расстановку сил. Он жил на Капри, при дворе своего двоюродного деда, в постоянной тревоге: не прикажет ли император, который не щадил даже собственных детей, отправить на тот свет и его? Но, даже если ему удастся усыпить подозрительность властителя, разрушить враждебные интриги завистников, сумеет ли он когда-либо вступить на престол? Калигула понимал: ему необходимы союзники. Но кто мог быть могущественнее астролога и префекта преторианцев? Дорогу к ним Калигула сумел найти через Эннию, которая часто навещала деда и мужа. Некоторые позже утверждали, будто Макрон склонил жену к тому, чтобы она соблазнила будущего наследника престола. Зато другие считали, что инициатором этого романа была сама Энния: понадеялась, что позже сумеет женить на себе Калигулу и станет владычицей Рима.

Так или иначе, но Фрасилл поддерживал Калигулу. Делал он это, правда, довольно оригинально. Зная, что император никому не доверяет, убеждал его, что Калигула просто недостойн внимания; звезды предоставляют этому молодому человеку столько же шансов на захват власти, как и на проезд верхом по морскому заливу от Байев до Путеол!

Фрасилл умер в 36 году. Перед смертью он составил императору гороскоп, из которого неопровержимо следовало, что Тиберий проживет еще десять лет. Поэтому Тиберий не спешил с вынесением смертных приговоров лицам, которых он назначил отправить на тот свет раньше себя. Процессы, однако, уже шли; обвинения в Риме готовил и приводил в исполнение Макрон, а судебное разбирательство происходило в сенате, ибо обвинялись известные люди.

Среди обвиняемых был и Домиций Агенобарб. Неприязнь у императора он вызывал тем, что происходил из знатного рода и сумел породниться с царствующим домом. Естественно, что официально ему вменялось нечто другое: прелюбодеяние, безнравственная связь с родной сестрой Домицией Лепидой. То был испытанный и часто употреблявшийся тогда ход: с людьми расправлялись, дискредитируя их морально в глазах общества.

Дело Домиция и других «заговорщиков» было заранее predetermined. Некоторые из них, более слабые духом, кончали самоубийством, чтобы избежать ужаса допросов и позора унижений во время показательного процесса. Однако Домиций не сдавался. Он упорно повторял, что невиновен, и просил дать ему возможность приготовить защитительную речь. Поскольку никаких четких распоряжений императора на этот счет не существовало (ибо тот, доверяя гороскопу Фрасилла, не торопился, считая, что может вести еще долгую игру с подсудимыми), Домицию благосклонно предоставили отсрочку.

Тем временем Макрон получил с Капри конфиденциальное известие; что дни Тиберия сочтены. Скорая кончина императора, впрочем, не являлась тайной, Тиберию было уже 75 лет, но именно теперь он, дабы доказать всем, как крепок и здоров, стал предаваться утонченному распутству.

Подгоняемый предсмертной тревогой, Тиберий переехал с Капри на материк, в селение Мизены на берегу Неаполитанского залива. 16 марта он почувствовал себя плохо и не смог подняться со своего ложа. По дому разнеслась весть, что он умер. Толпа поздравляющих тотчас окружила Калигулу и Макрона. Внезапно кто-то крикнул:

— Император просит есть!

Всех как громом поразило. Некоторые оцепенели от ужаса, более сметливые убралась восвояси. Калигуле и Макрону терять было нечего. Они ворвались в императорскую опочивальню. Один из них крикнул:

— Да ведь он совершенно замерз! Надо его отогреть!

Они схватили подвернувшееся под руку женское одеяние и общими усилиями удушили старца.

Однажды, через несколько месяцев после того, как Калигула прочно утвердился на престоле, Макрон и Энния получили приказ покончить жизнь самоубийством.

Смерть старого императора спасла Домиция. Он снова мог спокойно наслаждаться жизнью, тем увереннее, что его жена была родной сестрой Калигулы, нынешнего императора. Именно в эти дни был зачат сын Домиция Луций, родившийся почти через девять месяцев после смерти Тиберия, в середине декабря. Итак, своим появлением на свет он косвенно обязан тому гороскопу Фрасилла, который гарантировал Тиберию еще десять лет жизни. Если б не это предсказание и вера Тиберия в астрологию, Домицию не предоставили бы время для подготовки к защите и он покинул бы этот мир до кончины старого властелина.

У Фрасилла был сын Бальбилл. В царствование Калигулы он предусмотрительно пребывал в Египте, имея при себе сокровища, подаренные его отцу Тиберием. Бальбилл вернулся в Рим только в 41 году, когда узнал, что на престол вступил Клавдий, с которым у него были дружеские отношения. Их взаимная симпатия зародилась много лет назад. Всеми тогда презираемый, Клавдий был частым гостем в доме Фрасилла. Ученый-астролог и его младший сын с пониманием относились к увлечению Клавдия историей, его же привлекала загадочность их искусства. Однако приверженцем астрологии Клавдий так никогда и не стал, относясь к ней со здравым скептицизмом.

В Александрии было хорошо известно о сердечных узах, связывающих Бальбилла с новым владельцем империи. Поэтому к нему обратились с просьбой сопровождать в Рим делегацию из десяти человек. Делегации предстояло выполнить две задачи.

Во-первых, посланцы должны были передать императору официальные приветствия в связи с принятием власти и просить его от имени своих сограждан одобрить чествования по этому поводу.

Во-вторых, им предстояло ходатайствовать об утверждении новых городских привилегий, а также повлиять на императора, чтобы он принял меры против евреев. Впрочем, те со своей стороны также направили делегацию — с жалобой на александрийских греков!

Ответ императора помечен 10-м ноября 41 года. Вот выдержки из него: «Прежде всего разрешаю отмечать день моего рождения как день Августа, согласно вашей просьбе. Разрешаю также установить в ряде мест

монументы мои и членов моей семьи. Ведь я вижу, что вы стремитесь всюду ставить изваяния, свидетельствующие о вашей привязанности к моему царствующему дому.

Что же касается двух золотых скульптур:

Первая из них должна символизировать Дело мира Клавдия. Я вознамерился было воспретить ее водружение, опасаясь, что она окажется слишком великолепной. Однако, уступая просьбам моего многоуважаемого друга Бальбилла, не возражаю, чтобы изваяние было установлено в Риме. А второе разрешаю носить во время шествий в дни, посвященные патронам города, так, как вы того желаете. Вместе с изваянием в шествиях можете носить и трон, украшенный по вашему усмотрению.

Было бы, пожалуй, неправильно, приняв столь большие почести, отказать вам в создании административного округа, носящего мое имя, и посадке священной рощи по египетскому обычаю. Поэтому я согласен на это, равно как и на установку конной статуи Витразия Поллиона, моего прокуратора.

Разрешаю сооружение квадриг в мою честь на вашей границе.

Вместе с тем я отказываю в просьбе назначать верховных жрецов в мою честь и запрещаю постройку в мою честь храмов, ибо не намерен раздражать своих современников.

А теперь о том, кто виновен в стычках и спорах — или, точнее сказать, в войне с евреями. Правда, ваши посланцы, в особенности Дионисий, сын Феона, во время совместной встречи с противной стороной вели себя крайне вызывающе. Тем не менее я решил не производить тщательного дознания. Однако предупреждаю, что выступлю со всей решительностью против тех, кто осмелился бы вновь сеять вражду. Заявляю без обиняков: если вы не откажетесь от этой губительной взаимной ненависти, буду вынужден показать, на что способен даже мягкий властитель, доведенный до праведного гнева. Поэтому еще раз настоятельно призываю вас относиться к евреям дружественно и с пониманием, ибо те издавна обитают в этом городе. Вы не должны препятствовать евреям в исполнении религиозных обрядов. Надо разрешить им их обычаи, как это было во времена Божественного Августа. Ознакомившись с мнением сторон, я санкционирую эти обычаи.

Евреям повелеваю удовлетвориться теми привилегиями, которые издавна у них существуют; и пусть они не посылают своих делегаций, словно живут в отдельном городе. Такого до сей поры никогда не водилось. Пусть

также они не вмешиваются в спортивные соревнования, которые организуются городскими властями. Они должны довольствоваться своими привилегиями и пользоваться теми благами, какими обладают в этом чужом для них городе. Им запрещено склонять к переселению, а также принимать евреев из Сирии и остальных районов Египта, в противном случае это вызовет у меня серьезное к ним недоверие. А если они не подчинятся моим наказам, я вынужден буду применить к ним суровые меры, считая, что они наносят империи вред.

Если вы прекратите обоюдные распри, пойдете на взаимные уступки, проявите взаимопонимание, я буду как и прежде заботиться о городе, с которым мою семью связывает давняя дружба.

Хочу засвидетельствовать, что мой друг Бальбилл, как всегда, в беседе со мной проявил заботу о вас; с непомерным усердием он отстаивал ваше дело».

Цель последних слов императорского послания была понятной. Клавдий хотел укрепить позиции Бальбилла в Александрии, несомненно, по его собственной просьбе. Ведь делегация не добилась главного — император не осудил евреев. Вину за это греки — жители Александрии — склонны были возложить на своих посланцев, обвиняя их в нерасторопности, в отсутствии усердия, недооценке значения миссии. Потому-то император так подчеркнуто говорил об усердии и самоотверженности Бальбилла, который, вероятно, не хотел утратить доверия своих земляков на берегах Нила. На протяжении всего царствования Клавдия он делил свое время между Римом и Александрией. Он быстро поднимался вверх по ступеням государственной иерархии, возглавляя при этом и некоторые чисто местные, египетские учреждения.

В 43 году как военачальник высокого ранга Бальбилл участвовал в походе на Британию. Позже у него в Египте была почетная должность смотрителя храмов и рощ, посвященных Августу, при этом он служил верховным жрецом приюта Гермеса в Александрии. Благоклонное отношение императора позволило ему возглавить знаменитую Александрийскую библиотеку, крупнейшую в тогдашнем мире. В благодарность Клавдию он создал там специальный отдел, назвав его «Клавдианиумом», где ежегодно в определенные дни публике читались научные труды императора.

В Риме Бальбилл какое-то время выполнял министерские функции, возглавляя ведомство по приему делегаций и контролируя его греческий отдел.

Несмотря на занятость множеством ответственных дел, Бальбилл продолжал изучать астрологию. Он

хорошо разбирался в науке вращения небесных тел и предупредил Клавдия, что в 43 году произойдет солнечное затмение, как раз в день рождения императора. Это было важное известие. Необычайное явление могло возбудить в народе тревогу как выражение воли богов. Стремясь загоя это пресечь, Клавдий распространил во всей империи сообщение. В нем указывалось, когда именно будет затмение солнца, разъяснялись также причины подобных явлений. Все это, несомненно, было делом рук Бальбилла.

В специальном труде астролог объяснял, как с помощью гороскопа, составленного к дате рождения, можно определить продолжительность человеческой жизни, предсказать, какая последует смерть.

По позднейшим слухам, Агриппина выпрашивала Бальбилла, что говорят звезды о ее сыне. Изучив гороскоп, «математик» заявил:

— Он станет императором, но убьет мать.

Агриппина якобы сказала:

— Пусть убьет, лишь бы царствовал!

Эту беседу сочинили приверженцы астрологии и враги Агриппины. Однако не подлежит сомнению факт, что Бальбилл стремился ближе познакомиться с Агриппиной с того момента, когда она стала женой императора. На роль воспитателя ее сына Бальбилл рекомендовал Хайремона. Оба египтянина хорошо знали друг друга, их связывала работа в библиотеке и в музее, интерес к астрологии и неприязнь к евреям. Бальбиллу не требовалось изучать расположение планет, чтобы сразу заявить, что сын Агриппины — восходящая звезда. А Хайремону он вполне доверял: тот наверняка всячески старался внушить воспитаннику надлежащее отношение к познаниям «математиков».

Следовало приобретать как можно больше друзей астрологии в императорской семье. Ведь столь доходное дело, как составление гороскопов, имело и некоторые теневые стороны. Все пользовались услугами «халдейских» мудрецов, но все дрожали от страха перед тайнами их искусства. А страх рождает подозрительность. С особенным недоверием относились к астрологам высшие власти. Они были убеждены, что те действительно умеют читать будущее и, следовательно, зная государственные тайны, могут посвятить в них людей, не имеющих на это права.

Поэтому тот самый Тиберий, который так верил звездам, в первые годы своего владычества добился через сенат утверждения суровых репрессий против проживающих в Риме астрологов. Тогда было принято решение о том, что римские граждане, прорицающие по

звездам, теряют все свое состояние и отправляются в изгнание, а «математиков»-иноземцев ждет смертная казнь. Это не были пустые фразы. Одно из астрологов сбросили со стены Капитолия, другому топором отрубили голову. Только публичное отречение от своего ремесла и личная благосклонность императора спасли некоторых из них от гибели.

Разумеется, эти постановления и репрессии не касались Фрасилла, так же как и более поздние эдикты императора не затронули его сына. Впрочем, через какое-то время даже менее влиятельные адепты астрологии возвратились в Рим. Спрос на них был чрезвычайно велик, в том числе и со стороны инициаторов таких гонений. Преследования не раз возобновлялись. Появлялись грозные указы, применялись суровые кары, но вскоре об этом забывалось, так как хотелось забыть.

Подобная непоследовательность была вызвана как раз глубокой верой в астрологию. Ведь непосредственным поводом для таких решений сената при Тиберии послужило раскрытие заговора, якобы составленного молодым аристократом Либом. Он обратился к астрологам, желая узнать, когда император умрет и кто будет его наследником. Предвосхищая смертный приговор, Либон покончил жизнь самоубийством.

Через тридцать лет Агриппина использовала и это недоверие к астрологам, и решение сената о деле Либона, чтобы погубить свою соперницу Лоллию Паулину, дерзнувшую мечтать о браке с Клавдием.

Нашелся услужливый доносчик: Лоллия выпрашивает астрологов о важных государственных делах, добиваясь у них ответа, кто будет женой императора. Клавдий, чтобы успокоить Агриппину, лично обвинил Лоллию перед сенатом. Ее приговорили к изгнанию и конфискации почти всего имущества. Она смогла сохранить лишь малую толику своих огромных богатств. Впрочем, и этого Агриппине оказалось мало: впоследствии к изгнаннице явился трибун, огласивший ей смертный приговор.

Подозрительность вообще была присуща Агриппине. А вдруг приговор не приведен в исполнение? Или Лоллия подкупила офицера и он убил кого-то другого? Она велела доставить ей голову соперницы. Но смерть неузнаваемо преобразила облик Лоллии. Императрица не узнавала ее. Успокоилась только тогда, когда раздвинула мертвые губы и по зубам убедилась, что это она самая.

Такая судьба ждала женщину, обширные матримониальные планы которой поддерживал вольноотпущен-

ник Каллист. Второй соперницей Агриппины была Элия Петина, на которую сделал ставку Нарцисс. Но это была уже немолодая женщина, и прежде не внушавшая Клавдию симпатию. Поэтому Агриппина оставила ее в покое. Всю свою ненависть она сосредоточила на Нарциссе. То была истинная месть Мессалины с того света. Человек, который больше всех способствовал ее гибели, теперь сделался объектом яростных нападок ее преемницы.



Усыновление

Вражда между Агриппиной и Нарциссом была тем ожесточеннее, что сопровождалась борьбой между вольноотпущенниками. Паллант был связан с императрицей еще теснее, чем перед ее замужеством. Ходили упорные слухи о том, что этих двоих сплотила не только политика и не только борьба с Нарциссом.

Не прошло и года со дня свадьбы Клавдия и Агриппины, как Паллант приступил к осуществлению плана, который для императрицы был, пожалуй, даже поважнее, чем сам брак. Вольноотпущенник принялся убеждать властителя в том, что он должен усыновить Луция Домиция, сына Агриппины!

Паллант ссылался на достойные примеры из недавнего прошлого. Ведь сам великий император Август усыновил своих пасынков, сыновей Ливии от ее предыдущего брака, Тиберия и Друза; этот последний был отцом Клавдия. Однако он забыл добавить, что Август, в отличие от Клавдия, у которого был Британник, не имел сына. Достаточно убедительным выглядел тот аргумент, что Луций старше Британника на четыре года и скорее сможет стать помощником в управлении империей. Но это обстоятельство предreshало и вопрос о престолонаследии! В случае усыновления Луций формально получал те же самые права, что и Британник, фактически же он оказывался в более выгодном положении как старший по возрасту, уже причастный к государственным делам.

Неужели Клавдий не отдавал себе отчет в этом?

Когда девять лет назад сын его и Мессалины явился на свет, император был преисполнен отцовской гордости. Держа ребенка на руках, он выступал на воинских митингах и появлялся в театрах, представляя армии и народу будущего властителя. Теперь же он, как бы

совершенно лишенный собственной воли и разума, повторял перед сенатом аргументы, которые ему подсунул Паллант. Более того, чтобы подчеркнуть необычность и значение своего шага, он напомнил, что с тех пор, как семья Клавдиев живет в Риме, никто еще не был ею усыновлен!

Сенат тотчас же одобрил намерения властителя. Вскоре в силу специального указа, с учетом всякого рода правовых формальностей акт усыновления совершился. Это произошло 25 февраля 50 года. С тех пор полное имя сына Агриппины и Гнея Домиция звучало: Нерон Клавдий Друз Германик Цезарь — и, стало быть, точно так, как звали Клавдиева отца, но с добавлением «Цезарь». Отец Клавдия, которого обычно называли просто Друз, прославился во времена Августа завоеванием Германии — страны между Рейном и Эльбой. Отсюда возникло его прозвище «Германик», которое, впрочем, ему присвоили посмертно. Ведь Друз умер в 9 году перед новой эрой, едва достигнув тридцати лет, — из-за неудачного падения с лошади. Клавдию исполнился тогда только год, Германику же, будущему отцу Калигулы, Агриппины, Друзиллы и Ливиллы, было шесть лет. Друза оплакивала не только императорская семья, но и весь народ. Юный военачальник уходил из жизни, озаренный славой героя и завоевателя, и был повсеместно любим как очень непосредственный и добрый человек. Увенчанный славой, Нерон Друз теперь должен был возродиться в новом представителе рода Клавдиев. Сумеет ли Луций, потомок Домициев, оказаться достойным воспоминаний и надежд, связанных с этим высоким именем?

«Нерон» — слово сабинское, означает «мужественный». Род Клавдиев переселился несколько веков назад в Рим именно из горного края сабинян, расположенного почти в самом сердце полуострова, к востоку от среднего течения Тибра. Многие из Клавдиев именовались Неронами, но то было лишь прозвище. Только Друз, а после него усыновленный Луций Домиций носили его как имя.

В Риме к усыновлению Луция отнеслись достаточно равнодушно. Ни у кого не было особых причин радоваться успеху Агриппины или тревожиться за судьбу сына Мессалины. Зато небольшой городок Помпеи сразу назначил жрецов Неронова культа: им присваивался титул *flamines Neronis*¹. Таких жрецов назначили, вероятно, и в других городах Италии и провинций, чем выражалась преданность царствующему

¹ Жрецы Нерона (*лит.*).

дому. Однако в самом Риме никогда не существовало религиозного культа здравствующих особ. Такой чести удостаивались только некоторые императоры и члены их семей после смерти и «освящения» или же причисления их к числу божеств сенатом.

Британник, уже девятилетний мальчик, не радовался новому своему брату. Ребенок ясно видел, к чему может привести это усыновление. Сын Мессалины, однако, был беззащитен. Единственное, что ему оставалось, это игнорировать сам факт. Поэтому он приветствовал Нерона, называя его настоящим именем и фамилией:

— Здравствуй, Луций Домиций!

Тот сразу пожаловался на это приемному отцу. В своем окружении (разумеется, по инициативе матери) он толковал, что-де неизвестно еще, чей сын Британник на самом деле.

Возможно, после того как раскрылись похождения Мессалины, подобные сомнения возникали и у самого Клавдия. Можно также предположить, что он перенес на ребенка неприязнь, которую испытывал к его матери. Только это оправдывает и делает понятным столь решительное предпочтение, которое он оказывал пасынку.

Британника покинули почти все. Даже слуги и рабы демонстрировали свое пренебрежение к мальчику, над которым нависла зловещая тень гибели. Необходимо признать, что Агриппина стремилась сохранить видимость приличия и проявляла к нему деланную нежность.

Однако в это время своим вниманием начали дарить Британника некоторые влиятельные персоны, что, разумеется, объяснялось не жалостью к ребенку, но страхом перед далеко идущими планами императрицы. Покровительствовал Британнику даже убийца его матери, Нарцисс, все еще могущественный. Только его заботой и можно было объяснить, что в окружении Британника остался его ровесник Тит, сын сенатора Флавия Веспасиана.

Мальчики вместе играли и учились под руководством одних и тех же педагогов. Отец Тита прекрасно ориентировался в создавшемся положении, тем не менее настолько верил во влияние своего друга Нарцисса, что не забрал сына из царствующего дома. Он понимал, что идет на риск, но, с другой стороны, в глубине души лелеял мысль о том, что вопреки всему Британник в будущем станет императором и перед Титом, другом его младенческих лет, откроются блестящие перспективы!



Флавий Веспасиан

Чрезмерным честолюбием этот человек не страдал. Однако если уж однажды он вступил на путь политической карьеры, то не видел ни повода, ни причины устраниваться — тем более что это отвечало планам его семьи. В доме Флавиев не стояли бюсты славных предков. Прадед, как говорят, был выходцем из-за Пада¹; он посредничал в найме сезонных сельских работников, которые ежегодно, в период полевых работ, прибывали из перенаселенных районов Умбрии в край сабинян, который, хотя и был гористым, однако, по причине близости к Риму, зажиточным. Особенно славилась долина, в которой находился город Реата. Предприимчивый наемщик подыскал себе здесь жену и зажил семьей как степенный горожанин. Его сын, Петрон, командовал легионерами в гражданской войне между Цезарем и Помпеем на стороне последнего, однако получил от победившего Цезаря прощение. С тех пор он занимался ссудными делами. Богатство семьи увеличил сын Петрона Сабин; он был сборщиком налогов в провинциях Азии, позднее же давал деньги под проценты в стране геллетов.

Располагая огромным богатством, собранным тремя поколениями наемщиков, мытарей и ростовщиков, два Сабиновых сына уже могли помышлять о политическом поприще. Старший из них, названный, как и отец, Сабином, быстро дослужился до высоких должностей, зато младший, Флавий Веспасиан, вовсе не мечтал о славе и блеске. Ему больше по душе была тихая сельская жизнь. Он воспитывался у бабки в селении около приморского города Этрурии — Коса. Флавий привязался к этой местности и всю жизнь возвращался туда, едва только представлялась возможность. Он не позволил ничего перестраивать и изменять в доме, с которым были связаны детские, дорогие его сердцу воспоминания. Сохранил он память и о своей бабке. До конца жизни в дни праздников он пользовался серебряным кубком, который принадлежал ей.

Однако честолюбивая мать сумела склонить Веспасиана к тому, чтобы он пошел по следам брата и занялся политикой. В итоге любитель сельского уединения начал добиваться должностей и с тех пор старательно шел в гору. Был военачальником, позднее,

¹ Ныне река По.

при Тиберии и Калигуле, поочередно квестором, эдилом¹, претором.

Именно тогда Веспасиан полюбил девушку по имени Ценида. Жениться на ней, всего лишь вольноотпущеннице, он не мог. Ее прежней госпожой была Антония, та самая, которая предоставила свободу также Феликсу и Палланту, бабка Калигулы и мать Клавдия. Через Цениду Веспасиан познакомился и с другими людьми, связанными с домом Антонии, особенно же с вольноотпущенниками. Дружеские отношения возникли у него и с Нарциссом. Разумеется, все это тогда особого значения не имело. Ибо кто при Тиберии считался с Антонией, женщиной на склоне лет? А кто при Калигуле всерьез принимал Клавдия, посмешище всего двора?

В конце 39 года Веспасиан женился на Домицилле, в результате этого брака родился его первенец — Тит. Роман с Ценидой оборвался, но дружба с Нарциссом крепла. Она принесла свои результаты тотчас по приходе Клавдия к власти, когда началось правление вольноотпущенников. Нарцисс выхлопотал Веспасиану высокую воинскую должность — легата, или командира легиона, носящего имя «*legio II Augusta*».

Легион в это время дислоцировался на берегах Рейна в городке Аргенторат, нынешнем Страсбурге. Как видно по названию, сформировал его сам Август. Сначала легион находился в Испании, но в 9 году после поражения римских войск в Германии его перебросили на Рейн. Вместе с другими легионами его использовали для несения сторожевой службы на великой пограничной реке.

Вскоре после того, как Веспасиан принял командование легионом, ему выпал шанс прославиться. В 43 году император и его советники решили завоевать Британию. Выполнение этой задачи поручили четырем легионам: трем на Рейне и одному на Дунае. В их числе оказался и «*legio II Augusta*».

Необходим ли был захват острова? Полвека назад, еще при Августе, взвешивалась целесообразность захвата Британии. Тогда восторжествовала следующая точка зрения на эту проблему:

Цезарь дважды высаживался на остров, но ничего существенного не добился. В глубь территории он не пошел. Случилось так потому, что в Галии в это время назревал мятеж, вдобавок из-за морского прилива погибло много судов. Теперь некоторые из вождей британских племен, дружески к нам настроенных,

¹ Должностное лицо, ведавшее общественными играми.

шлют посланников и оказывают нам различные услуги. Они открыли для наших торговцев почти весь остров. Бритты поставляют нам главным образом стеклянные сосуды, цепочки, украшения из слоновой кости для сбруи и другие предметы, не представляющие большой ценности. Ввозная и вывозная пошлины очень низки. Если бы мы захотели захватить остров, потребовалось бы постоянно держать там по крайней мере один легион и большое количество конницы. Подати от этих земель целиком ушли бы на расходы по содержанию гарнизонов, с другой стороны, сократились бы поступления от таможенных пошлин. Отсюда следует, что для блага империи захват Британии не нужен. Ее жители нам не опасны, остров в случае его присоединения не обогатит государство.

Верные этой позиции, Август и Тиберий оставили Британию в покое. Калигула хотя и планировал вторжение, однако всерьез его планы никто не принимал. Почему же Клавдий изменил традиционной политике империи на третьем году своего царствования?

Для этого были разные причины.

Среди племен, населяющих Британию, начались стычки. В некоторых землях право голоса обрели люди, враждебные римлянам. Наряду с этим римские торговцы утверждали, что остров не так беден, как это считалось ранее. Там вызревает недурной урожай, нет недостатка в стадах, добычу полезных ископаемых можно увеличить. Не последнюю роль сыграли и внутриримские отношения. В 42 году вспыхнул мятеж Скрибониана, наместника Далмации. И хотя солдаты не пошли за этим полководцем и мятеж без труда был подавлен, в окружении Клавдия родились опасения, что другие армии могут пойти на поводу у мятежников. Решено было представить войскам императора, убедить их в том, что он — выдающийся полководец. При случае предполагалось и произвести перемещения в крупнейших сосредоточениях легионов, в частности направить в Британию некоторые части, долгое время пребывавшие на Рейне и Дунае.

Назначенные для похода легионы не были в восторге от переброски их на остров и войны в незнакомой местности. В крупном военном лагере около нынешней Булони вспыхнули волнения. Успокоить солдат император повелел Нарциссу. Сенаторы в любую минуту готовы были пасть перед ним на колени, но легионеры встретили вольноотпущенника бранью и насмешками. Стремясь выказать еще большее свое презрение к нему, они тотчас же беспрекословно повиновались приказам возглавившего поход Авла Плавтия.

Римская армия высадилась на восточной оконечности острова. Ожесточенные бои с британцами, которыми предводительствовали вожди племен Каратак и Тогодун, завязались на территории нынешнего Кента. Великолепно проявил себя там Флавий Веспасиан. Позже сражение произошло и у переправ на нижней Темзе.

Тогда-то прибыл в Британию и сам император. Он привел своих преторианцев, с ним также прибыли слоны. Римляне продвигались вперед, не встречая сопротивления. Они захватили центр непокорной земли — Камулодун (нынешний Кольчестер), которому суждено было стать столицей новой провинции. Клавдий принял здесь присягу на верность вождей местных племен.

Император пробыл на острове лишь шестнадцать дней. Он возвратился в Рим, чтобы отпраздновать триумф, военачальники, однако, остались в Британии, ведя незначительные бои. Веспасиан, командовавший на южном участке, прославился захватом острова Вектис (ныне Уайт).

Плавт и Веспасиан покинули Британию только через пять лет, в 47 году. Оставшиеся легионы под водительством их преемников постепенно подчиняли племена бриттов римскому владычеству.

Живя в столице, Веспасиан не был лишь равнодушным наблюдателем всех драматических событий при дворе. Он видел полновластие и смерть Мессалины, соперничество трех женщин, стремящихся женить на себе императора, победу и месть Агриппины, усыновление Клавдием ее сына. Как друг Нарцисса и отец мальчика, воспитывавшегося вместе с Британником, Веспасиан был кровно заинтересован в исходе многих дел. С особым беспокойством следил он за растущим влиянием Агриппины.

Он опасался этого еще и потому, что она была несравненно расчетливей Мессалины. Тою владели чувства, зато Агриппиной — жажда власти. Не спесь и разврат, но суровая мораль задавала теперь тон при императорском дворе, по крайней мере такова была видимость. Но постоянные, доверительные контакты властительницы с Паллантом заставляли многих подозревать, что она готова стать любовницей даже вольноотпущенника, только бы добиться своей далеко идущей цели.



Агриппина, Нерон и подданные

Императрица не скрывала страстного своего стремления к титулам, блеску и славе. Почти одновременно с усыновлением ее отпрыска Клавдием она получила от сената почетный титул Августы. В том же самом 50 году бывших солдат начали направлять колонистами в город, в котором она тридцать пять лет назад родилась. Теперь этому городу присвоили название *Colonia Claudia Augusta Agrippina*. Это нынешний Кёльн на Рейне. До той поры он назывался *Oppidum Ubiorum*—Город убиев, ибо находился на землях, где жило это небольшое германское племя. Во времена Августа, а равно и Тиберия, это была главная опорная база в борьбе против германцев. Здесь размещались целых два легиона, а кроме того, располагалась и штаб-квартира командующего армией на Рейне. Несколько лет им был Германик, отец Агриппины, она родилась в этом северном гарнизонном городе, в варварской стране, потому что ее мать всюду сопровождала мужа.

Посылки колонистов в этот город и присвоение ему имени императрицы приписывали тщеславию Агриппины. Однако в принятии такого решения сыграли роль и другие, более существенные факторы. Граница на Рейне была беспокойной, то и дело в Германии происходили тревожные события.

Грабительское нападение готов, одного из германских племен, на пограничные территории теперь было легко отражено. Зато развитие событий в государстве царя Ванния вызывало серьезную тревогу. Этот царь управлял квадами на землях нынешней Словакии. Тридцать лет он был верным и преданным союзником римлян, что обеспечивало мир не только на среднем Дунае, но также и среди народов Северной Германии. Но теперь против Ванния выступила часть аристократии квадов, возглавляемая двумя его племянниками. Восставшим оказали помощь два могущественных народа, соседствующих с квадами на севере,—гермундуры и лугии. Обе стороны ходатайствовали перед римлянами о заступничестве. Император предусмотрительно не стал поддерживать ни одну из сторон, но распорядился усилить римские гарнизоны на Дунае.

В создавшейся ситуации образование колонии ветеранов на Рейне, названной именем императрицы, имело

особый смысл: надежная охрана поставлена у границ империи в Центральной Европе.

Вскоре после этого Ванний, побежденный врагами, попросил убежища в римских владениях. Клавдий великодушно позволил ему поселиться вместе с приверженцами в провинции Паннония. Быстро обнаружилось, что победители хотели лишь занять место долголетнего властителя и у них нет никаких враждебных намерений относительно Рима. Наоборот, они угодливо старались заслужить полное к себе доверие.

Итак, хотя это был первый в истории империи случай поименования города в честь императрицы, Агриппина со всей жесткостью могла утверждать, что *Colonia Agrippina* была образована в силу политических соображений. Однако в следующем году она позволила себе такое, что свидетельствовало только о ее спеси и тщеславии.

Никогда еще с тех пор, как Рим стал Римом, не случалось женщине оказаться на трибуне, принимая почести от побежденного военачальника. Толпы жителей столицы, собравшиеся на лугу возле казарм преторианцев, взирали на эту сцену с возмущением. Необходимо, однако, признать, что это было впечатляющее зрелище.

Плотные шеренги преторианцев сияют серебром доспехов и оружия; впереди на одной трибуне император в окружении сановников, на другой — Агриппина; к ним шествуют длинными колоннами войска побежденного вождя. Далее его братья, дочь, жена; все они стенают и молят о сострадании; замыкает процессию сам Каратак. Тот, который девять лет оказывал сопротивление римским легионам, оставленный всеми, теснимый во все более недоступные горы Британии. Он держится с достоинством. Остановившись перед императором, безбоязненно говорит:

— ...У меня были кони, воины, оружие, власть; нужно ли удивляться, что всего этого я не хотел лишаться? Если вы стремитесь всеми повелевать, то следует ли из этого, что все безропотно согласны стать рабами? Если бы я беспрекословно отдался под твою руку, то и моя участь не обрела бы известности, и ты не обрел бы новой славы победою надо мной. Моя казнь вскоре будет забыта, но если ты оставишь мне жизнь, в веках будут славить твое милосердие!

По приказу императора с Каратака и с его семьи тотчас же сняли цепи. Разумеется, этот великодушный акт не был вызван сердечным порывом Клавдия. Его заранее предусмотрели в программе торжества. Вслед за этим, тоже в соответствии с программой, вождь и

его свита приблизились ко второй трибуне, чтобы восславить Агриппину.

Каратаку довелось провести долгие годы в Риме. Прогуливаясь по столице империи, оглядывая ее величественные здания, этот вождь маленького народца с далекого Севера не мог удержаться от восклицания:

— И вы, владея таким богатством, позарились на нашу бедность!..

Он не понимал, что нет столь бедной страны, из которой безжалостный богач не сумел бы выжать толику золота.

Агриппина продемонстрировала как населению соседних городов, так и жителям столицы, что она не только жена императора, но и подлинная властительница. При всем при том, столь падкая на личную славу, она ни на минуту не забывала о самом главном деле — об укреплении позиций сына.

4 марта 51 года Нерон облачился в мужскую тогу и, следовательно, формально сделался совершеннолетним. Ему исполнилось только 14 лет, обычно же этот торжественный акт совершался в семнадцатилетнем возрасте. Однако здесь не существовало никакой четкой возрастной границы, это зависело, в сущности, лишь от воли родителей. Воля же Агриппины направлена была к одному — приблизить день совершеннолетия сына, и неудивительно.

Ритуал подобного обряда был освящен многовековой традицией.

Мальчик клал у алтаря домашних божеств ту тогу, которую до сих пор носил, — обрамленная красочной каймой, она называлась *praetexta*.

Вместо нее он надевал белую мужскую тогу и вверял в руки заботливых Ларов¹ буллу — золотой медальон-амулет, висевший у него на шее. В окружении родных и друзей он спускался на Форум и направлялся в государственный архив у подножия Капитолия. Здесь имя его вносили в список римских граждан. Торжественный день завершался пиром. Лица, занимавшие высокое положение, пользовались случаем снискать для новоявленного гражданина благосклонность простого люда, устраивали угощение для бедных и даже игры. Разумеется, Агриппина не забыла об этом, представляя сына жителям столицы. По этому случаю преторианцев оделили дополнительным жалованьем, а простой люд — хлебом. Состоялся также военный парад, в котором участвовал сам Нерон. Игры устроили в Большом цирке. Прибыли оба сына императора: приемный, Не-

¹ Лар — дух-хранитель очага.

рон,— в пурпурно-золотистом одеянии триумфатора, родной же, Британник,— в скромной мальчишеской тоге. Симпатии многотысячной толпы, как обычно в таких случаях, оказались на стороне ущемленного, что лишь осложнило его положение.

Благодеяния хлынули дождем на Нерона. Благодаря приемного отца за доброжелательность, Нерон произнес речь в сенате, преисполненную признательности к отчиму. В кругу сенаторов тотчас же нашлись люди, жаждущие доказать, что и сенат не менее благосклонен к столь замечательному юноше. Был принят указ (разумеется, с одобрения властителя), что Нерон получит должность консула уже в двадцатилетнем возрасте, хотя обычно ее доверяли лицам не моложе тридцати трех лет. Безотлагательным решением сената Нерону присвоили звание *impegium proconsulare*¹, то есть он отныне был наделен полнотой власти наместника сенатских провинций. Ему также присвоили титул *princeps juventutis*², или «предводитель молодежи». Он стал членом всех жреческих коллегий.

Теперь оставалось прославить имя Нерона по всей Италии и империи. Следовало показать всем, что император сделал хороший выбор: его приемный сын проявляет заботу о простых людях, интересуется судьбой даже самых отдаленных городов, выступает покровителем, готовым разобраться в их нуждах и проблемах. Проблем же было немало, как в тот, так и в последующие годы.

Грандиозный пожар уничтожил Бононию в Северной Италии— Нерон произнес в сенате речь, прося оказать помощь пострадавшим. Помощь была оказана в размере десяти миллионов сестерциев.

Землетрясение разрушило город Апамею в Малой Азии— благодаря ходатайству Нерона население его на пять лет освободили от податей.

Жители острова Родос с помощью Нерона добились самоуправления, которого их лишили несколько лет назад, когда имели место антиримские выступления.

Троянцев, обитателей воспетого Гомером города Илион, Нерон отметил особенным образом. Он произнес в сенате прекрасную речь на греческом языке. Напомнил, что римляне, а также род Юлиев, потомков Энея, происходят из Трои, что к этому-то роду принадлежали Цезарь и Август, а в результате усыновления и

¹ Должность или звание проконсула.

² Эта формулировка означала, что данное лицо числится первым в списке всадников, в императорскую эпоху так именовали и наследника престола.

Тиберий, по материнской же линии и он сам, Нерон. Выводы приемного сына поддержал Клавдий, увлекавшийся историей. Он огласил некий документ трехсотлетней давности, где сенат признавал, что троянцев и римлян связывает общность крови.

Благодаря столь высокому заступничеству город Приама и Гектора был навсегда освобожден от всех повинностей и податей в пользу государства.



Риторика

Агриппина не упускала ни одной возможности завоевать сыну популярность. Именно поэтому Нерон произносил речи не только в сенате и не только по вопросам государственной важности. Он дважды выступил в частных домах, в кругу гостей, произнося речи на произвольные, отвлеченные темы. Подобные показательные выступления ораторов тогда называли декламациями. Они оставались в моде на протяжении трех поколений, начиная со времен Августа. Свои ораторские способности выказывали даже представители высочайших аристократических сфер. До сих пор, однако, никому не удавалось слушать декламации члена императорской семьи, предполагаемого наследника престола.

Выступление Нерона, благодаря его артистизму, слушатели встретили благожелательно: юноша действительно был наделен определенным талантом, имея к тому же прекрасных учителей. Но важнее было нечто другое: Нерон проявил свой интерес к свободным искусствам, а также являл собой пример доступности, простоты, уважения к чужому суду.

Слух о декламациях Нерона имел определенные последствия. Популярность школ риторики, и так достаточно значительная, возросла еще больше. Если сын императора считает нужным овладеть искусством красноречия и демонстрирует свои достижения публике, то, очевидно, так следует поступать и каждому юноше, который надеется чего-то добиться в жизни.

Учителя риторики, и ранее не жаловавшиеся на нехватку учеников, пользовались все большим спросом. Это происходило не только в столице, но и повсеместно в городах Италии и всей империи. Школы отличались уровнем преподавания, но методы обучения, которое стало обязательным этапом в деле воспитания молодежи, были в основе своей одинаковыми. Сколько дискус-

сий и споров вызывала эта односторонняя система образования, засилье риторики, диковинные темы публичных речей! Ни один из просвещенных людей не мог равнодушно относиться к этому явлению. Оно вызывало критику и насмешки, но ему нельзя было отказать в известных положительных сторонах.

Школами красноречия заинтересовался также Петроний. Его сатирический роман должен был отражать — правда, с сознательными преувеличениями — действительное положение дел. А поскольку Петроний обладал не только высокой литературной культурой, но и великолепным даром наблюдателя, этот карикатурный образ эпохи получился одновременно и забавным, и поучительным. Основной замысел был изысканно пикантным: с Энколпием, главным героем, происходят удивительные приключения на суше и на море, ибо его преследует гнев божка Приапа, похотливого стража садов и покровителя любовных интрижек. Как можно догадаться, Энколпий не воодушевил божка своим прилежным трудолюбием, а поэтому героя ждали все новые и новые передрыги. Вот одно из его злоключений: «Пока я раздумывал над сказанным, портик наполнился толпой молодежи, возвращавшейся, как мне кажется, с импровизированной речи кого-то неизвестного, возражавшего на «суазорию» Агамемнона¹. Пока молодые люди, осуждая строй речи, насмехались над ее содержанием, я потихоньку ушел, желая разыскать Аскильта. Но, к несчастью, я ни дороги точно не знал, ни местоположения нашей гостиницы не помнил. В какую бы сторону я ни направлялся — все приходил на прежнее место. Наконец, утомленный беготней и весь обливаясь потом, я обратился к какой-то старушонке, торговавшей овощами.

— Матушка, — сказал я, — не знаешь ли часом, где я живу?

— Как не знать! — отвечала она, рассмеявшись столь глупой остроте.

Встала и пошла впереди, показывая мне дорогу. Я решил в душе, что она ясновидящая. Вскоре, однако, старуха, заведя меня в глухой переулок, распахнула лоскутную завесу и сказала:

— Вот где ты должен жить!

Пока я уверял ее, что дома этого не знаю, я увидел внутри какие-то надписи, голых потаскушек, пугливо разгуливающих под ними. Слишком поздно я понял, что попал в дом разврата! Проклиная вероломную старуху, я, закрыв голову плащом, бегом бросился

¹ Увещательная или защитительная речь.

через весь лупанар в другой конец. Как вдруг уже у самого выхода меня нагнал Аскильт, тоже полумертвый от усталости. Можно было подумать, что его привела сюда та же старушонка!»¹

Друзья встретились только для того, чтобы и далее подвергаться преследующим их неприятностям. А как они потеряли друг друга?

В тот день они посетили школу учителя риторики Агамемнона. Они слушали речи, произносимые его учениками, пока наконец Энколпий сам не попросил слова. Со всем темпераментом он заявил, что больше уже не в состоянии слушать все эти бредни. Впрочем, это не означало, что школа Агамемнона плоха. Наоборот, быстро выяснилось, что руководит школой вполне разумный человек. Он согласился с тем, что Энколпий во многом прав, но сделал это наедине во время прогулки в саду:

«Менее всего виноваты в этом деле учителя, которым поневоле приходится изображать безумца среди безумцев. Ибо, начни учителя преподавать не то, что нравится мальчишкам, «они остались бы в школе одни-одинешеньки», как сказал Цицерон. В этом случае они поступают совершенно как льстецы-притворщики, желающие попасть на обед к богачу: только о том и заботятся, как бы сказать что-либо, по их мнению, приятное, ибо без ловушек им никогда не добиться своего. Вот так и учителя красноречия. Если, подобно рыбаку, не взденет на крючок заведомо привлекательной для ребятишек приманки, то и останется сидеть на скале, без надежды на улов. ...Порицания достойны родители, не желающие воспитывать своих детей в строгих правилах... Совсем другое дело было бы, если бы они допустили, чтобы преподавание велось последовательно и постепенно, чтобы учащиеся юноши приучались читать внимательно и усваивать всей душой правила мудрости, чтобы исчезло с их языка ужасное пустословие убийственного стиля, чтобы они внимательно изучали образцы, назначенные им к подражанию...»²

Так рассуждал Агамемнон. Но насколько действительность отличалась от прекрасной теории! Юноша, который чему-то научился в школе грамматики, поступал под опеку ритора, разумеется, если у родителей хватало на это средств, ибо государственных школ не существовало. За все нужно было платить из своего кармана. Обучение у ритора заменяло высшее учебное

¹ Петроний. Сатирикон. М.—Л., 1924. С. 46—47. Пер. Б. Ярхо.

² Там же. С. 43.

заведение. Сперва молодой человек проходил там курс составления защитительных речей. Это и были так называемые суазории. Вот примерные темы таких сочинений:

«Спартанцы под Фермопилами размышляют, оказывать ли сопротивление персам или отступить»;

«Александр Великий раздумывает, вступить ли в Вавилон, где, согласно предсказанию, его ждет несчастье»;

«Цицерон, преследуемый палачами Антония, размышляет, не вернуться ли ему и не молить ли о милосердии самого Антония».

Подобные темы мало были связаны с жизнью. Но все это ничто в сравнении с высшим курсом красноречия, где учили компоновать так называемые спорные речи, контрверзы. Вот типичные их примеры:

«Летом несколько юношей отправились в Остию. Стоя на берегу, они увидели рыбаков, тянущих сеть. Они подошли к рыбакам и уговорились, что за определенную плату получают весь улов, независимо от того, что окажется в сети. Когда наконец сеть вытянули на берег, обнаружилось, что там вместо рыбы мешочек с золотыми монетами. Кому принадлежит золото — рыбакам или юношам? Доводы обеих сторон надлежит изложить в форме судебных речей».

«Пираты захватили в плен молодого человека. Тщетно он молил в письмах отца уплатить выкуп. У предводителя пиратов была дочь. Та велела парню присягнуть, что он женится на ней, если им удастся бежать. Им повезло. Тем временем отец приглядел для сына некую богатую невесту. Сын отказывается от брака. Отец гонит его из дому. Задача: составить речи дочери пирата и отца. Первая отстаивает свои права на мужа, которого вызволила из плена, второй же — права на сына, которого он породил».

Энколпий во многом был прав, заметив Агамемнону:

«Юноши в этих школах окончательно глупеют. Там они имеют дело вовсе не с тем, что ожидает их в жизни. Позже, оказавшись в суде или в каком-то собрании, они чувствуют себя так, словно перенеслись в другой мир».

Он несколько преувеличивал. Занятия риторикой по-своему оказывались полезными не только для учителей, но и для учеников. Нелепые, пустые споры о том, можно ли бросить ставшую женой дочь пирата, прививали определенный языковой опыт, блеск аргументации, которые вызывали восхищение не только как пример ораторского искусства, но и в ходе заседаний трибунала. Воспитанник ритора блистал там красноре-

чем, поражал противника острой шуткой, вводил в заблуждение неожиданным ходом аргументации. А как он компенсировал отсутствие юридической подготовки? Очень просто.

Когда требовалось сослаться на закон, интерпретировать его, привести аналогичные судебные решения в делах такого рода, процитировать мнения экспертов, известный оратор делал презрительный жест в сторону услужливых адвокатов. Их называли также прагматиками или каузидиками¹. Это им вменялось в обязанность знать наизусть законы и уставы. Они копались в архивах и собирали доказательный материал. Подчас им и самим доводилось выступать в судах по каким-то малозначительным делам. Они не пользовались уважением и были только ремесленниками, к тому же плохо оплачиваемыми. При любой возможности старались надуть клиентов. Грызлись между собой за пустячные судебные дела. Ибо разве можно было получить крупное дело в каком-либо городке или в самом Риме, не обладая авторитетом выдающегося оратора и человека со связями? Тем не менее для многих людей из бедных слоев это был предел мечтаний: выступать в тоге перед судебным трибуналом, соприкоснуться с сильными мира сего, постепенно поднимаясь все выше и выше.

В романе Петрония один из обитателей маленького городка так говорит об образовании своего отпрыска: «Итак, я купил мальчишке несколько таких книг с красными надписями, поскольку хочу, чтобы он для домашнего пользования немного ознакомился с правовыми вопросами: это даст ему кусок хлеба. Он уже достаточно образован для этого. Если бы он отказался от этого дела, я тогда обучил бы его какому-нибудь ремеслу — или цирюльника, или адвоката, и только смерть могла бы лишить его этого. Поэтому я ежедневно говорю ему:

«Примигений, верь мне, всему, чему ты учишься, ты учишься для себя. Ты знаешь адвоката Филера, если бы он прилежно не учился, сидел бы теперь без куска хлеба. Еще недавно он таскал мешки на продажу, а теперь загоняет в угол даже Норбана. Образование — это сокровище, а знания никогда не пропадут»².

Юридические науки изучали в специальных школах, в которых не было недостатка, особенно в самом Риме. Но школа школе рознь. Большинство из них выпускали именно заурядных адвокатов-прагматиков. Но были

¹ Защитник, стряпчий (лат.).

² Там же. С. 43.

серьезные учебные заведения, где преподавание права велось на самом высоком уровне, ибо там воспитывалась молодежь из знатных домов. Та молодежь, которая должна была управлять судьбами империи, занимая соответствующие должности наместников, префектов, высших военачальников, заседая в сенате, выполняя сложные обязанности консулов, преторов, квесторов.

Самым высоким авторитетом пользовались две школы. Одну из них основал еще во времена Августа Лабен. Вторая возникла несколько позже, при Тиберии и Клавдии. Начало ей положил Сабин, но подлинным основателем являлся Кассий, поскольку Сабин, человек бедный, занимавший в обществе невысокое положение, не мог придать своему детищу необходимого блеска.

Другое дело Кассий. Он происходил из древнего аристократического рода. Его прадед вместе с Брутом возглавил заговор против диктатуры Цезаря, он был одним из убийц этого великого полководца. Но потомки врага единовластия как-то смирились с новым строем. Сам Кассий при Тиберии и Клавдии достиг высших должностей. Пять лет он был наместником Сирии. На его долю выпало тогда почетное задание — сопровождать до Евфратской границы царя Митридата, владыку Понтийского царства, то есть Ирана и Месопотамии. Митридат когда-то воспитывался в Риме; в 49 году депутация понтийских аристократов, врагов царствовавшего тогда царя Готарза, упросила Клавдия прислать к ним властителем Митридата. Император охотно согласился. Однако скоро обнаружилось, что надежды, связанные с Митридатом, не оправдались. Поддерживавшая его партия магнатов оказалась слишком слабой. Претендент на трон, покинутый и преданный всеми, наконец сдался Готарзу, который приказал отрезать ему уши.

В качестве наместника Сирии Кассий контролировал и Иудею. Получив известие о том, что там начались какие-то волнения, он тотчас отправился в Иерусалим. Но тогдашний прокуратор уже подавил беспорядки; однако, чтобы и впредь удержать евреев в повиновении, изъял у них литургическое одеяние, поместив его в крепости Антония под охраной римского гарнизона, то есть лишил их привилегии, дарованной евреям десять лет назад Вителлием! Разумеется, дело заключалось не в самом одеянии, а в способе борьбы с евреями. Начни они бунтовать, можно было бы просто отказать им в выдаче одеяния, без которого нельзя исполнять службу. С разрешения Кассия евреи послали к императору делегацию; она возвратилась с письмом, в котором

прокуратора обязывали вернуть изъятое одеяние.

В 50 году Кассий был уже в Риме и с той поры посвятил себя главным образом изучению права и воспитанию молодежи. Как человек богатый и высоко-го происхождения, он организовал школу не ради заработка, но рассматривал это скорее как свой патриотический долг. Он считал себя последователем великих мужей времен республики, которые приобщали учеников к вопросам права путем бесед, свободного посещения лекций.

Принимал ли Кассий, самый выдающийся юрист того времени, участие в грандиозном правовом зрелище, какое состоялось в столице летом 52 года? Если даже старец лично и не явился на праздник Юпитера, то наверняка там были многие из его учеников. Ибо празднество стоило того, чтобы его увидеть.

Обычно во время праздника Юпитера Латинского все чины высших категорий на несколько дней покидали Рим. Они удалялись в святилище бога на гористом берегу Альбанского озера, в нескольких десятках миль от города. Там они приносили жертвы. Однако, чтобы не оставить столицу без присмотра и не прерывать хода безотлагательных дел, равно и судебных, на эти несколько дней назначался так называемый «префект города в период латинских праздников». Префект заседал на Форуме и имел право выносить приговоры по представляемым ему искам. Но уже давно никто не принимал этот обычай всерьез. Должность префекта рассматривалась как почетная, без всяких практических последствий. Этим титулом чаще всего одаривали молодых людей из знаменитых домов. Клавдий, однако, запретил подавать на рассмотрение этим молодым префектам дела, имевшие сколько-нибудь серьезный характер. Ибо их приговор формально имел силу.

На этот раз префектом на дни латинских празднеств Клавдий назначил Нерона. Многие римляне, наверняка по подсказке Агриппины, тотчас поспешили воспользоваться возможностью прославить юношу. Как только он воссел в базилике на Форуме, к нему толпой повалили самые выдающиеся ораторы и знатоки права. Перебивая друг друга, они старались изложить ему особенно важные и сложные вопросы. Пятнадцатилетний префект с большим знанием предмета разрешал их проблемы так, что вызвал всеобщее восхищение, выносил приговоры, поражавшие своей проницательностью. Могло показаться, что явился гений, который, несмотря на свой юный возраст, освоил уже всю премудрость римского права, имеющего за собой шестивековую традицию.



Цирк и партии

Чем же интересовался Нерон на самом деле? Разумеется, вовсе не правом и не основами риторики. Он любил то, что и все его сверстники в любую эпоху: легкую музыку, модные песни, захватывающие зрелища. Он увлекался, как и весь Рим, состязаниями колесниц. Об этом он готов был рассуждать постоянно, выказывая немалую проницательность. Он оценивал тактику ездоков, взвешивал шансы на победу каждой из четырех цирковых партий. Однажды учитель застал его в тот момент, когда Нерон вместе с другими учениками оплакивал разбившегося возницу, тот не успел обрубить вожжи, которые, как обычно, были привязаны к поясу, и разогнавшиеся кони протащили несчастного через весь стадион! Учитель принялся их ругать, но Нерон с достойной восхищения находчивостью воскликнул:

— Да ведь мы говорим о боях под стенами Трои и о том, как Ахилл волок тело убитого им Гектора!

Нерон был горячим сторонником Зеленых. Ибо партии имели названия тех цветов, в каких выступали их ездоки. Тридцать лет назад, при Тиберии, самой популярной была партия Красных. Люди постарше хорошо помнили, что творилось на похоронах одного из возниц: какой-то человек прыгнул в пламя костра, на котором сжигали труп. Белые, враги Красных, позже рассказывали, что его одурманили благовония, которые целыми ручьями выплескивали на костер; у него началось головокружение, он потерял равновесие и свалился прямо в огонь. Однако это действительно было самоубийство. Человек тот душой и телом принадлежал к партии Красных. Он и представить себе не мог, что никогда уже не лицезреть ему лучшего ездока своей партии. Никогда не увидит, как прочно стоит он, подобно юному богу, на квадриге, запряженной великолепными лошадьми, одетый в облегающую красную тунику без рукавов, со шлемом на голове, с кнутом в руке, с вожжами, прикрепленными к поясу, за который заткнут и нож. Триста тысяч зрителей замирают в ожидании, взоры всех обращаются к четырем колесницам и четырем возничим. Внезапно из ложи, возвышающейся над повозками, падает на арену белый платок. Словно от удара грома четыре колесницы, шестнадцать коней, мчатся вперед. В небо над стадионом вырывает-

ся дружный, несмолкающий крик. Они уже прошли прямую! Теперь поворот, самый опасный момент. Именно здесь демонстрируется смелость и мастерство ездоков. Крутой поворот, скрип колес, колесо левой квадриги чуть ли не задевает о столб. И снова по прямой. Стадион почти в полмили длиной, его требовалось обскатать семь раз. После каждого круга опускается вниз одна из семи фигурок дельфинов, расположенных на оси стадиона. И после каждого круга нарастают страсти, крики усиливаются, переходя в безумный вой, когда колесницы в седьмой раз приближаются к белой черте финиша.

Конец получасового напряжения, минуту спустя начинается новый заезд. Состязания—а их ежедневно более десятка, иногда даже двадцать четыре—продолжаются почти целый день. И весь день преданно толпятся на трибунах тысячи фанатичных болельщиков. Торговцы разносят еду, а в перерывах можно прогуляться и пофлиртовать под арками громадного цирка. Здесь подлинное сердце столицы!

Раз в несколько лет появлялись новые звезды среди возниц, старые же угасали. На счету у самых прославленных были сотни побед, и эти победы приносили им богатства, ибо, помимо символических премий, пальмы и венка, они получали также значительные денежные суммы от поклонников и высокие оклады от самих партий. Партии эти были еще и хорошо организованными предприятиями. Они имели своих постоянных управляющих, свои конюшни, множество умелых работников: колесников, шорников, коновалов, распорядителей. Тот, кто устраивал состязания (по обычаю, какой-нибудь знатный римлянин или, в особых случаях, и сам император), оплачивал также расходы партий, разумеется, всех четырех, независимо от того, какую из них он представлял сам, ибо в противном случае игры не вызывали бы такого накала эмоций.

Популярность каждой отдельной партии со временем менялась. Калигула был фанатиком Зеленых. Как говорят, он даже ел в их конюшне. И по этой причине возросла популярность противной партии Голубых. Ибо так случалось всегда: если влиятельные люди начинали поддерживать одну партию, тотчас же находились другие, которые, хотя бы только из чистого упрямства, втайне поддерживали ее противников.

В начале 52 года Клавдий заболел. Впрочем, он никогда не отличался крепким здоровьем и особенно часто страдал острыми желудочными болями. Агриппина сумела и это обстоятельство обратить на пользу своему сыну. Нерон выступил с торжественным пуб-

личным заявлением, что в случае выздоровления императора он на собственный счет устроит гонки колесниц и бои диких животных. У Нерона было двойное право давать подобный зарок, он являлся не только сыном, но совсем недавно сделался и зятем Клавдия. Брак с Октавией был заключен в первых днях 52 года. Как только император почувствовал себя лучше, Нерон исполнил зарок. Как устроитель состязаний, он имел удовольствие лично бросить из ложи белый платок на арену.



Фуцинское озеро

Народ благодарил бессмертных богов за возвращение императору здоровья и возносил до небес сыновью любовь Нерона и щедрость, с какой он провел игры. Каким прекрасным владыкой мог бы оказаться такой пылкий любитель спортивных игр!

У Агриппины были основания гордиться плодами своих усилий. Как много добилась она за несколько лет своего брака с Клавдием! Как ловко прокладывала сыну дорогу! Весь Рим восхвалял Нерона: этот юноша скромн, доступен, полон доброжелательности к людям, он прекрасный оратор, отличный правовед, почитатель игр, заступник всех страждущих, верно поступил Клавдий, сделав его членом своего рода!

Дела самой Агриппины при дворе тоже складывались удачно. Союз с Паллантом креп к обоюдной пользе. Постановлением сената от февраля 52 года Палланту были вручены преторские знаки и миллионы, от которых он с помпой сумел отказаться, все это тешило тщеславие вольноотпущенника. А через несколько месяцев его брат Феликс получил должность прокуратора Иудеи.

Одно лишь беспокоило Агриппину и ее союзника — все еще могущественное влияние Нарцисса. Глава императорской канцелярии, казалось, ничего не опасался. Когда на него нападали, он сам переходил в наступление. Обе стороны не упускали любой возможности навредить друг другу в глазах императора. Ярким примером этого стало открытие канала из Фуцинского озера — чуда тогдашней техники.

Озеро лежит в самом центре Апеннинских гор. Уровень его вод с периодичностью в несколько лет то поднимался, то вновь падал, что периодически лишало

местных жителей значительных площадей обрабатываемых земель. Поэтому еще Юлий Цезарь проектировал отвод части вод озера в долину соседней реки Лирис. Клавдий приступил к реализации проекта в первый же год своего прихода к власти. Работа продолжалась одиннадцать лет. Она потребовала великолепной организации и немалого технического искусства. Необходимо было рыть канал под горой. Его длина составляла, в пересчете на наши меры, почти шесть километров, ширина же от четырех до пятнадцати метров. Почти половина канала вырубалась в монолитной скале, остальные участки, пролежавшие в мягком грунте, приходилось облицовывать. Чтобы сделать возможной одновременную проходку на разных участках, создали несколько десятков штолен для удаления земли и подачи воздуха. Местами канал около четверти километра шел под землей. На этих работах занято было около тридцати тысяч человек. Вся полнота ответственности за строительство возлагалась на Нарцисса.

Разумеется, император хотел, чтобы процедура открытия канала прошла безупречно и надолго сохранилась в человеческой памяти. Чтобы привлечь на торжества как можно больше зрителей, объявили о блестящем представлении: предполагалось показать настоящий бой судов на озере. Император и Нерон явились облаченными в пурпурные воинские плащи, Агриппина же в одеянии, сотканном из чисто золотых нитей.

Где-то неподалеку от императорской трибуны стоял Гай Плиний, дядя того Плиния, который полвека спустя будет так возмущаться чванством Палланта. Плинию было не более тридцати, но его уже отметили высокими воинскими званиями. Он отличался работоспособностью и широтой интересов. Его занимало все: техника и грамматика, история и медицина, национальные обычаи, чудеса природы, жизнь животных. Поэтому Плиний не мог не явиться к Фуцинскому озеру. Так же, как и прочие, он обратил внимание на платье Агриппины и не упустил случая сохранить для потомства упоминание о нем. Но более всего заинтересовал его сам канал. Плиний должным образом оценил грандиозность этого творения. Много лет спустя он писал: «Просто невозможно определить стоимость строительства и число трудившихся на нем. Размах земельных работ не в состоянии представить себе никто, кроме тех, кто сами это созерцали».

Плиний был прав. Строительство канала и ныне вызывает уважение, хотя оно и велось довольно примитивными орудиями труда. Не все, однако, сумели беспристрастно оценить грандиозность этого сооруже-

ния. Один историк, писавший полвека спустя после Плиния, а следовательно, современник Плиния Младшего, известный и поныне, едва упоминает о самом канале, однако долго и странно рассуждает по поводу зрелища, которое придало блеск открытию канала. Речь идет о Таците. Основным принципом своих исторических работ он провозглашал полную беспристрастность и объективность. В действительности же факты деформировались им ловко и последовательно. Одним из средств, к каким прибегал Тацит, было умолчание или скупое упоминание о лицах ему несимпатичных либо акцентирование внимания на событиях и персонажах малозначительных. Клавдия Тацит не любил.

Правда, и зрелище, развернувшееся на озере, было запоминающимся.

Друг против друга стояли две флотилии — «Родос» и «Сицилия». Каждая насчитывала по несколько десятков настоящих многорядных военных судов. Команды состояли из смертников, общим числом 19 тысяч человек! Чтобы воспрепятствовать их бегству, у берегов озера разместили большие плоты. На них в полном вооружении расположились когорты преторианцев и мощные машины для метания камней.

Обе флотилии приблизились к трибуне. Команды приветствовали властителя могучим криком:

— Да здравствует император! Идущие на смерть приветствуют тебя!

На что Клавдий заметил:

— Как сказать...

Реплика его имела свой смысл, ибо не все сражавшиеся должны были погибнуть, однако смертники превратно истолковали ее, как освобождение от кровопролития. Поэтому, когда был подан сигнал к бою, корабли устремились вперед, но вскоре разошлись в разные стороны, не причинив никому никакого вреда. Клавдий сорвался с места. Начал бегать по берегу, угрозами и просьбами призывая к настоящей битве. Наконец флотилии сошлись! Раздался треск сталкивающихся носовых частей и бортов, ломающихся весел, крики гибнущих людей.

Когда зрители насытились в конце концов созерцанием битвы и крови, уцелевшим была дарована жизнь.

Только тогда открыли запруду.

Через какое-то время оказалось, что канал не выполняет своей задачи, ибо в некоторых местах недостаточно глубок. Поэтому после проведения дополнительных работ в 53 году состоялось повторное его открытие, снова сопровождавшееся зрелищем. На

этот раз созерцали бои гладиаторов, сражавшихся на больших деревянных помостах. После этого Клавдий приступил к пиршеству неподалеку от входа в русло канала. Неожиданно раздался ужасный грохот. Рухнула часть горного склона, подмытого водой. Пирующие с криком разбежались. В опасности оказался и сам император.

Агриппина воспользовалась испугом и недовольством мужа. Она нашла виновника: по ее мнению, им мог быть только Нарцисс. Ведь это он контролировал работы. Видимо, они выполнялись небрежно, были допущены злоупотребления, а государственные деньги пополнили доходы вольноотпущенника. Она прямо заявила:

— Склоны горы подмыло водой не случайно! Нарцисс намеревался замести следы плохой работы.

Подвергшись нападкам, тот не стал отмалчиваться, а принялся открыто упрекать Агриппину в чрезмерных амбициях и во вмешательстве в государственные дела, но как он мог бороться со столь энергичной, находчивой, не знающей пощады женщиной?



Нарцисс

Опасное свидетельство своего могущества Агриппина продемонстрировала и в следующем, 54 году. На этот раз ее восстановила против себя тетка Нерона, Домиция Лепида, та, у которой мальчик воспитывался в печальные годы после смерти отца и изгнания матери. Тогда Лепида не проявляла по отношению к нему особой заботы. Теперь, однако, когда звезда племянника поднималась все выше, она не жалела усилий, чтобы завоевать его благосклонность. Осыпала его подарками и лелью.

Агриппина не могла стерпеть, чтобы кто-то осмелился влиять на ее сына. Сестре своего первого мужа она нанесла разящий удар. Она обвинила Лепиду, что та пытается повредить ее здоровью с помощью магических заклятий и что своих рабов на юге Италии она не держит в повиновении, а это опасно для империи.

Дело рассматривалось в сенате. Свидетелем был вызван и Нерон, ибо несколько лет он провел в доме Лепиды, да и позже нередко там гостил. Юноша дал показания, значительно усугубившие положение тетки. Многие упрекали его за это. На самом же деле он

поступил предусмотрительно: судьба Лепиды была предрешена, чего ради ему навлекать на себя материнский гнев?

Зато Нарцисс сделал все, чтобы спасти Лепиду. Он понимал, что эта богатая, влиятельная, энергичная женщина способна по крайней мере отчасти уравновесить влияние Агриппины. Но он проиграл. Домиции Лепиде предстояло погибнуть. С тех пор сторонники императрицы и ее сына были почти всемогущи и в сенате и при дворе. Вольноотпущенник мог рассчитывать только на свое громадное богатство и на тех, кто непосредственно от него зависел. Но он не сложил оружия. Он знал, что после смерти Клавдия его положение будет одинаково трудным и при Нероне, руководимом Агриппиной, и в том случае, если на престоле окажется Британник, сын женщины, в смерти которой повинен прежде всего он, Нарцисс. Поэтому он бдительно следил за здоровьем и безопасностью Клавдия, ибо, пока Клавдий жив, ни один волос не упадет с его головы.

К Британнику Нарцисс теперь относился с явной нежностью. Обнимал и целовал его, громко заявляя:

— Сын Мессалины вправе не испытывать ко мне симпатии. И все же я молю богов, чтобы он быстрее рос и отомстил как убийцам матери, так и врагам отца.

Он заявлял это с определенным умыслом. Нарцисс надеялся, что его слова достигнут ушей Цезаря. Пусть знает, что для него благо господина превышает собственной безопасности!

Чтобы удостовериться, какое будущее ждет Британника, Нарцисс доставил ко двору известного тогда метопоскопа, или физиономиста, предрекающего судьбы человека по чертам его лица. Введенный в комнату, где играли два мальчика, знаменитый прорицатель тотчас указал на одного из них:

— Можешь быть спокоен, он будет владычествовать!

Нарцисс изумился и огорчился:

— Ты ошибаешься! Это всего лишь товарищ по играм императорского сына, Тит Флавий. Британник — это тот, второй.

Однако предсказатель стоял на своем:

— Я не вижу, чтобы Британник когда-нибудь мог стать правителем. Что же касается Тита, то здесь я не сомневаюсь!

Итак, и предсказания не давали Нарциссу надежд. Слишком много выпало на его долю неудач и разочарований. Вольноотпущенник чувствовал усталость, сделался нервным, ему начали докучать резкие подагриче-

ские боли. Влажный климат Рима и окрестностей был ему противопоказан. Требовался длительный отдых, хорошее лечение. Нарцисс, однако, не желал отдаляться от столицы. Наконец после долгих проволочек он решил отправиться в городок Синуесса, на рекомендованные врачами теплые минеральные воды. Свою роль сыграло и то, что Синуесса от Рима находилась на расстоянии около ста миль в южном направлении, располагалась на границе Лациума и Кампании, горы там подступали к самому морю, и путь до нее занимал всего один день.

Нарцисс отправился туда поздней осенью 54 года с тяжелым сердцем. Его беспокоило положение в Палатине, дурные предчувствия еще более усиливал страх, вызванный появлением кометы. Каждую ночь комета всходила на северной стороне небосклона, грозная и кровавая. День ото дня она поднималась все выше и выше, к середине небесного купола. В городе ходили всяческие слухи и из уст в уста передавались пророчества, вселяющие тревогу.



Самая лучшая мать

И в самом деле, расторопный вестник одолевал путь от Рима до Синуессы за один день. Но и этот срок оказался недопустимо долгим, поскольку 14 октября Нарцисс получил известие о смерти властителя, а вслед за тем был арестован. Канцлер государства, один из богатейших людей империи, в мгновение ока вновь стал тем, кем был много-много лет назад,— рабом.

Несмотря на полную внезапность происшедшего, Нарцисс успел преподнести Агриппине неприятный сюрприз—единственный и последний, на какой был способен. Чуть ли не в минуту ареста он сжег наисекретнейшую корреспонденцию императора. Она постоянно была при нем, даже здесь, на водах Синуессы. Тем самым он лишил Агриппину удовольствия узнать, кто шпионил за ней, писал на нее доносы. Он также не позволил ей ознакомиться с компрометирующими делами и делишками самых крупных сановников. Сколько блистательных процессов можно было бы возбудить на основе этого тайного архива! Как ловко удалось бы играть на взаимной вражде обвиняющих друг друга сенаторов! Трудно возводить здание новой власти без прочного фундамента старых доносов.

Разумеется, такой враждебный акт только осложнил положение Нарцисса. Но это уже было ему безразлично. Под бдительной охраной его везли по Аппиевой дороге в Рим, стены которого он недавно покидал как один из хозяев империи. Теперь (Нарцисс это прекрасно понимал) он двигался навстречу гибели, а возможно, и пыткам.

Запертый в лектике, в окружении вооруженных мрачных солдат, Нарцисс обладал избытком времени, чтобы горько и с проклятиями пожалеть о своем отъезде в Синуессу. В одном он был абсолютно уверен: Клавдий не умер естественной смертью, его погубила преступная Агриппина, воспользовавшись отсутствием преданнейшего слуги императора.

Какие же причины склонили Агриппину к убийству мужа? Ведь все развивалось соответственно ее мечтам и планам. Путь Нерона к престолу был уже прямым, надежным и гладким, следовало только спокойно ждать смерти императора. Возможно, Агриппина просто проявила нетерпение? А может, опасалась, что Клавдий еще изменит свое решение?

Об этом Нарцисс мог кое-что знать, ибо и сам старался открыть Цезарю глаза и отдалить его от жены. Уже ходили слухи, что Клавдий в последнее время стал проявлять к Британнику большую нежность. Он якобы собирался в скором времени надеть на него мужскую тогу, это означало бы, что мальчик достиг совершеннолетия. Беседуя с кем-то на эту тему, Клавдий заявил:

— Хочу, чтобы римский народ получил когда-нибудь настоящего императора!

А когда однажды случайно встретил сына во дворце, то обнял его и сказал:

— Быстрее подрастай, чтобы я успел дать тебе отчет во всем, что сделано.

После чего добавил по-гречески, цитируя Гомера:

— Тот твои раны излечит, кто прежде нанес их!

Знал ли Клавдий содержание тех секретных документов, которые позже, в последний момент, сжег Нарцисс? Если да, то понятно было бы примечательное высказывание императора, о чем тотчас же сообщили Агриппине:

— Уж такова моя судьба — иметь бесстыдных жен. Но это им дорого обходится!

Возможно, подобная фраза носила случайный характер и ничего серьезного не означала. Но женщина, которая сделала все, чтобы посадить сына на престол, не желала упустить столь близкую победу. Она предпочла предупредить возможные шаги Клавдия.



Как ей удалось совершить преступление? Лишь несколько лиц было посвящено в это мрачное дело. По понятным причинам никто из них никогда не проговорился. Дворцовой прислуге известны были только отдельные детали событий, а их можно истолковать по-разному.

Император занемог сразу после вечернего пиршества, на котором было подано одно из его любимых блюд — грибы. Существовал постоянный обычай: каждое блюдо властителя предварительно пробовал так называемый *praegustator*, как правило, один из самых доверенных вольноотпущенников. Итак, тому, кто хотел подсыпать яд в блюдо, предстояло вовлечь в дело и прегустатора, которым в то время был Галет. Некоторые утверждали, что он действительно подал грибы с ядом, изготовленным отравительницей Локустой.

По рассказам некоторых, яд подействовал сразу. Но другие утверждали, что тотчас после этого блюда у Клавдия началась рвота. Ужас охватил посвященных. Агриппина кивнула Ксенофонту, личному врачу императора, который полностью ему доверял. Ксенофонт подбежал якобы для того, чтобы помочь Клавдию. Сунул ему глубоко в горло перо, употребляемое для вызова рвоты, однако и оно было замочено в сильном яде.

Император промучился всю ночь. Умер он только на рассвете.

Смерть Клавдия скрывали от подданных в течение нескольких часов. Утром собрался сенат, дал клятву устроить жертвоприношения и празднества, если император (уже в это время мертвый) выздоровеет. Дворец охраняли караульные, которые никого не впускали и не выпускали. Агриппина часто заглядывала в спальню мужа и каждый раз возвращалась с отрадными вестями:

— Он чувствует себя все лучше и лучше!

По ее распоряжению во дворец доставили даже артистов, якобы для развлечения больного. Выглядела она, однако, испуганной и сломленной скорбью. То и дело прижимала Британника к груди и с нежностью говорила:

— Ты так похож на отца!

Вместе с тем попросила его не покидать своей комнаты. Точно так же удерживала обеих дочерей Клавдия — Антонию и Октавию.

Уже наступил полдень, когда неожиданно распахнулись главные ворота дворца. Оттуда вышел Нерон в сопровождении префекта преторианцев Афрания Бурра. Они остановились на ступенях. Перед ними во внутрен-

нем дворе застыла когорта, несшая в этот день службу. Бурр кратко сообщил:

— Только что император скончался. Приветствуем преемника—любимого его сына, Нерона Клавдия Друза Германика Цезаря!

Солдаты ответили громким криком: *Salve Imperator!*¹

Если даже кто-нибудь из них и подумал в этот момент о Британнике, то наверняка не осмелился бы вслух и заикнуться. А впрочем, почему должен царствовать Британник, а не Нерон—приемный сын императора, старший по возрасту, уже давно хорошо известный народу?

Нерон и Бурр сели в лектику. Их доставили в казармы преторианцев. Здесь Нерон обратился с речью к тысяче солдат; по слухам, текст этого выступления был написан для него Сенекой. Он сообщил преторианцам скорбную весть о кончине отца и заверил их, что постарается быть достойным наследником; пообещал также выплатить одноразовую, но весомую прибавку к жалованью. В ответ снова грянуло мощное:

— *Salve Imperator!*

Прямо из казарм Нерон прибыл в сенатский зал заседаний. Здесь уже знали обо всем. Только что провозглашенный император зачитал перед достойным собранием речь; и здесь подлинным автором ее был Сенека. Едва выслушав его слова, сенаторы начали состязаться в лакействе, так как каждый из присутствующих жаждал первым снискать расположение нового властелина. Нерон получил титул Августа, а также все звания и полномочия, какими владели предыдущие цезари. Было решено, что его выступление будет выгравировано на серебряных пластинках; каждый консул, вступая в должность, станет зачитывать его в сенате.

Все предложения Нерона сенаторы встречали бурными аплодисментами и утверждали единогласно, с одобрением. Император принимал эти почести с подкупающей скромностью, давал понять, что идет на это только ради блага республики. Отказался он лишь принять титул «Отца отечества».

— Я для этого еще слишком молод,—заявил он неутешному автору проекта.

Сенат не забыл о сыновней скорби Нерона. На этом же заседании Клавдий был причислен к числу бессмертных божеств. До этого обожествления удостоился только Август, создатель империи, основатель династии. Итак, с этого момента Клавдий официально

¹ Да здравствует император! (лат.)

именовался *Divus*—Божественный, его же сын Нерон—*Divi filius*—сын Божественного.

Было решено также, что похороны Клавдия будут проведены за счет государства.

На Палатин Нерон возвратился только поздно вечером. Офицер когорты охранников явился с просьбой о выдаче пароля на ночь.

— Вот пароль,— произнес император:— «Самая лучшая мать»!

Официальные сообщения о смерти и обожевлении Клавдия, а также о приходе к власти нового правителя были разосланы из Рима во все города и провинции, объявлены магистратам и чиновникам в страны от Британии до Мавритании, от Евфрата до Черного моря. На основе этих сообщений во всех крупных населенных пунктах громадной империи были составлены соответствующие обращения к населению. Один из чиновников в каком-то египетском городке долго мучился над правильным изложением обращения на греческом языке; он вносил поправки, черкал, не умея найти точных формулировок. Судьбе было угодно, чтобы среди тысячи подобных обращений во всей империи до наших дней дошел именно этот текст. Вот его содержание: «Клавдий, явившийся нам Бог, удалился к своим предкам, которым мы должны быть благодарны за его появление. Императором стал провозглашенный Нерон Цезарь, ожидаемый и желанный Бог—покровитель всего мира, источник всех благ. Поэтому все обязаны украсить себя венками и с благодарностью принести жертвы богам».

Во всех военных лагерях состоялись торжественные церемонии принесения присяги на верность новому императору, высочайшему военачальнику вооруженных сил империи.

Юбилей важных событий в жизни нового цезаря и членов его семьи с этого момента стали отмечаться жертвоприношениями. В протоколах жреческой коллегии «*Fratres Arvales*»¹—старинного братства, объединяющего только самую высшую римскую аристократию, было записано:

«13 октября Л. Сальвий Отон Тициан, председатель коллегии, принес жертву от имени Братьев на Капитолии в связи с годовщиной прихода к власти Нерона Клавдия Цезаря Августа Германика: Юпитеру—быка, Юноне—корову, Минерве—корову, на благо общества—корову, Божеству, опекающему властителя,—

¹ Арвальские братья (лат.).

быка, Божественному Августу — быка, Божественной Августе — корову, Божественному Клавдию — быка.

4 декабря Л. Сальвий Отон Тициан, председатель коллегии, принес жертву от имени Братьев на Капитолии в связи с годовщиной принятия власти трибуна Нероном Клавдием Цезарем Августом Германиком: Юпитеру — быка, Юноне — корову, Минерве — корову.

11 декабря Л. Сальвий Отон Тициан, председатель коллегии, от имени Братьев принес в жертву быка на Священной дороге возле дома Домициев, чтобы почтить память Гнея Домиция.

15 декабря Л. Сальвий Отон Тициан, председатель коллегии, от имени Братьев принес жертву на Капитолии в связи с днем рождения Нерона Клавдия Цезаря Августа Германика: Юпитеру — быка, Юноне — корову, Минерве — корову, Общественному спасению — корову, Согласию в честь Агриппины Августы — корову, Боже-ству, опекающему Цезаря, — быка».



Жена Божественного, мать цезаря

Всем своим поведением Нерон доказывал, что он не случайно выбрал пароль для первой ночи своего царствования. Он относился к матери с подчеркнутым уважением. Их часто видели в одной лектике, а случалось, что Агриппину несли на носилках, сын же шел рядом, как простой слуга.

Однако Агриппина не удовлетворялась внешними жестами почтения. Она захотела сразу взять в руки все нити подлинной власти. Она знала, как следует поступить, чтобы подданные повиновались: надо держать их в страхе. В глазах толпы истинный властитель тот, кто способен на убийства.

Эскорт, сопровождавший Нарцисса, еще не добрался до Рима. Когда он только приближался к столице, его встретил посланец Агриппины. Он вез приказ, которого можно было ожидать, ведь Нарцисс осмелился сжечь секретные документы. По странной игре судьбы смерть подстерегла вольноотпущенника поблизости от могилы Мессалины.

Вторая жертва Агриппины пока находилась далеко, чуть ли не на границах империи. Это был Марк Юний Силан, наместник Азийской провинции, старший брат

того Силана, который намеревался жениться на Октавии, но, устранившийся Нероном, покончил самоубийством в тот момент, когда Агриппина стала императрицей. Наместника по приказу властительницы отравили два хранителя императорских сокровищ в Азии. Они совершили это во время пиршества, почти не таясь.

Благодаря Палланту Агриппина осуществляла надзор над финансами во всей империи. Она контролировала также и канцелярию. Через ее руки проходили письма к наместникам провинций, к покоренным городам и народам, к союзным странам и царькам. Ее роль в государстве символизировали монеты, выпущенные вскоре после прихода к власти Нерона. Его профиль чеканился на одной стороне монеты, матери же — на другой. Были и иные монеты, на которых обе головы находились на одной и той же стороне, словно речь шла о равноценных властителях. Надписи на них также были выразительными: *Agrippina Augusta Divi Claudii Neronis Caesaris* — Агриппина Августа, жена Божественного Клавдия, мать Нерона Императора, *Agrippina Augusta mater Augusti* — Агриппина Августа, мать Августа.

Амбиции императрицы ограничивало то обстоятельство, что, как женщина, она не могла участвовать в заседаниях сената и выступать в роли официального лица. Но Агриппина управилась и с этим. Заседания сената созывались на Палатине, в большом зале библиотеки, рядом с императорским дворцом. Властительница следила за ходом совещаний, скрытая шторой. Присутствующие ее не видели, обычай оказался соблюден, но все находящиеся в библиотеке прекрасно знали, что любое их слово не забудется.

Однажды дело чуть было не кончилось скандалом. Нерон принимал послов из далекой Армении. Он сидел в зале аудиенций в окружении самых высоких сановников и советников, среди которых был и Сенека. Неожиданно в зал вошла Агриппина. Она направилась прямо к трибуне, чтобы сесть рядом с сыном и выступить в роли соправительницы. Ужас овладел всеми. Никто не смел остановить мать императора, но невозможно было обнаружить перед чужеземцами, что женщина правит империей. В последний момент Сенека что-то шепнул Нерону на ухо. Тот тотчас поднялся и быстро подошел к матери; нежно приветствовал ее, как положено любящему сыну. Тем временем аудиенцию прервали и перенесли на другое время.

По правде сказать, эта чрезмерная уступчивость по отношению к матери была единственной вещью, за которую упрекали нового властителя, но и этот упрек

нетрудно было отвести. Ведь ему исполнилось всего семнадцать лет, и невозможно требовать, чтобы он тотчас же принял на себя все бремя государственных дел. А уступчивость по отношению к матери свидетельствовала о примерной сыновьей любви.

Все единодушно признавали, что новый император начал свое правление наилучшим образом. Вскоре после похорон Клавдия он произнес в сенате пространную программную речь, как показали последующие месяцы, ее положения не были просто красивыми словами. Нерон заявил, что хочет править, опираясь на авторитет сената и волю армии, подражая в этом своему великому предшественнику Августу. Он молод, он пришел к престолу не путем кровопролития и войны, а следовательно, ни к кому не питает ненависти и не пылает жадной мести. Он далек от того, чтобы решать все своевольно. В его дворце не найдется места доносчикам и карьеристам. Личные дела императорского дома будут полностью отделены от государственных. Прежние полномочия сената следует ему вернуть. Правосудие в Италии и в сенатских провинциях призваны охранять консулы, он же займется проблемами армии, оставленной на его попечение. Воспользовавшись этой благоприятной атмосферой, сенат представил проекты двух решений, которые очень пришлись по душе всему собранию.

Первый проект касался адвокатских гонораров. Участвующие в процессе стороны должны отныне давать присягу перед началом судебного разбирательства в том, что они не заплатили и не обещали уплатить своим стряпчим вознаграждение. По замыслу сената это будет способствовать оздоровлению отношений в адвокатуре и судопроизводстве. Ибо подкуп и вероломное вытягивание последнего гроша из бедняков, которые оказывались перед алтарем правосудия, цвели пышным цветом. Адвокаты и судьи дружно возделывали эту ниву. Изворотливость служителей права была достойна восхищения. Например, стряпчий давал понять своим клиентам, что у него имеются связи с членами трибунала и приговор может оказаться благоприятным, но это повлечет за собой дополнительные расходы, которые необходимо включить в гонорар. А бывали такие случаи, что против кого-либо выдвигалось обвинение только для того, чтобы вынудить несчастного заплатить обвинителю, судьям и ловко подставленному посреднику—все это, разумеется, в виде адвокатского гонорара.

Обо всем этом было давно и хорошо известно. Единственный возможный выход виделся во введении

бесплатных правовых советов. В царствование Августа было принято решение: поверенный, взявший какую-либо мзду от клиента, обязан возратить сумму в четырехкратном размере, независимо от результатов дела. Разумеется, указ остался мертвой буквой. При Клавдии, в 47 году, один богатый негодник, у которого судейский выманил огромные суммы, покончил самоубийством. Это послужило непосредственным поводом для начала в сенате широкой дискуссии. Одни тогда рассуждали примерно так:

«Если никто не будет наживаться на судебных делах, то количество их наверняка сократится; ведь сейчас адвокаты сознательно поддерживают сутяжничество. Они же живут этим! Да, юридические советы необходимы. Однако люди, интересующиеся правом, должны помогать нуждающимся бесплатно, истинно по-граждански!»

Противная сторона, представленная, впрочем, в сенате только двумя лицами, Суллием и Коссуцианом, отвечала:

«Необходимо мыслить здраво! Адвокаты нужны именно самым бедным гражданам, чтобы те не стали жертвами богатых. Ради приобретения знаний, ради учения человек должен забросить свои семейные и имущественные дела. Легко говорить о бесплатном исполнении гражданских обязанностей, как это якобы происходило много столетий назад, но такое могут позволить себе только богачи. А интерес к знаниям, не позволяющий надеяться хоть на какое-то вознаграждение, тогда совсем иссякнет».

В конечном счете Клавдий, выслушав аргументы обеих сторон, принял решение о том, что стряпчие не вправе брать гонорары, но после завершения дела клиенты могут добровольно вознаграждать их, однако такие вознаграждения не должны превышать десять тысяч сестерциев; это была очень незначительная сумма.

На деле же такое решение императора, как и предыдущие, по понятной причине оказалось безрезультатным: тем, кто обязан был следить за его осуществлением,—прямая выгода не проводить его в жизнь. А кто лучше юристов знает, как втайне обойти закон?

В этой ситуации сенату следовало поразмыслить над тем, почему оба постановления не дали никаких результатов; было признано, что последнее решение Клавдия оказалось слишком мягким и компромиссным, а потому возникла необходимость в новом указе, который, как уже говорилось, вообще запрещал судейским получать

какие-либо гонорары. И так, сенат проявил наивную веру в спасительную силу законов, постановлений, запретов и предписаний. Кабы таким путем и в самом деле преобразовать действительность, мир давно бы сделался раем!

Указ об адвокатских гонорарах, сколь ни оторванный от жизни и даже абсурдный, был, однако, продиктован заботой сената об общественном благе. Зато проект второго решения преследовал исключительно материальные блага сенатского сословия.

При Клавдии вновь назначенным квесторам полагалось на протяжении года проводить бои гладиаторов. Такие игры обходились крайне дорого, бремя их ложилось в первую очередь на семьи сенаторов, ибо чаще всего квестуру получали их сыновья. Теперь предлагался проект отмены прежнего постановления, что облегчило бы положение сенаторских семей и упростило вопрос о выдвигании молодежи.

Проекты обоих постановлений имели, однако, и некую политическую окраску. Они служили косвенной, но явной критикой правления предыдущего императора, которого только что причислили к сонму богов! Сенат позволил себе такую критику, поскольку умерший не вызывал симпатии у аристократов. Зато Агриппина пыталась воспрепятствовать утверждению этих проектов. Их смысл ее ничуть не задевал, но ее пугала чрезмерная самостоятельность сената. Она ясно чувствовала, что за всем этим скрывается определенная недоброжелательность к ней. Борясь с поползновениями сената, Агриппина выступила в роли вдовы, которая не позволит исказить великие достижения своего мужа. Подобные аргументы она выдвигала в разговоре с сыном, и в таком же духе высказывались ее сторонники в сенате. Но, хотя во время заседаний ощущалось присутствие Агриппины за портьерой, тем не менее оба предложения были приняты.

Сенаторы — как правило пожилые, почтенные люди — не отличались гражданской отвагой. Тогда откуда же такая твердость в деле утверждения проектов? Она питалась все более усиливавшейся неприязнью к Агриппине и, кроме того, уверенностью сената в том, что юный император (пусть и столь послушный сын) не захочет менять свою политическую программу и не воспротивится решительной воле сената. Рассчитывали также на поддержку определенного влиятельного лица, которого уже сама Агриппина начала подозревать в двуличии.

Нерон положительно отнесся к обоим предложениям. Благодарный сенат дал согласие на его просьбу,

единогласно одобрил поставить монумент Гнею Домицию. Эта просьба служила наглядным свидетельством глубокой привязанности юноши к памяти отца, которого он ведь даже не знал. Нерон выказал также благородство, предложив вручить консульские знаки Асконию Лабелону, его опекуну в период несовершеннолетия. И эту просьбу сенат также удовлетворил.

Однако, когда речь заходила о его собственной особе, император давал поучительный пример скромности. Он не согласился на то, чтобы были установлены его серебряные и золотые изваяния, но разрешил сенатскому монетному двору чеканить не только бронзовые, но и серебряные и золотые монеты, что до сих пор являлось исключительно привилегией императорских монетных дворов. Он отверг предложение перенести начало года на декабрь месяц, в котором он родился. А когда его стали благодарить за то, что он игнорировал обвинения, выдвинутые против двух сенаторов, он сказал с покоряющей непосредственностью:

— Еще рано. Поблагодарите меня тогда, когда я действительно это заслужу.

Речи Нерона, которые он произносил в сенате, всегда были безупречны и по своему содержанию, и по стилистике. Все знали, что автор их — не семнадцатилетний юнец. Все знали и то, что в ближайшем окружении императора есть силы, составляющие противовес влиянию Агриппины, те, кто выступает за сотрудничество с сенатом, за милосердие к подданным и соблюдение законности, за возврат к идеалам Августа.



Отыквление Божественного

13 сентября, в день смерти Клавдия, у Сенеки была уйма дел. Ему требовалось срочно написать две речи, которые Нерон произнесет перед преторианцами и перед сенатом. Затем он приготовил для цезаря еще одно большое выступление, к похоронам Клавдия. Эта последняя речь восхваляла древность Клавдиева рода, который на протяжении веков дал Риму двадцать восемь консулов, пять диктаторов, семь триумфаторов, прославляла заслуги умершего перед государством, его мудрость, прозорливость, научные таланты.

Чрезвычайно важная речь, в которой Нерон представлял сенату программу своего правления, также

была делом Сенеки. Он же составлял все последующие выступления императора в сенате и стоял с ним рядом во время аудиенций и приема делегаций. Он являлся политическим советником юного властелина и одним из фактических соправителей. Сравниться с ним по значению мог только Афраний Бурр, префект преторианцев, по команде которого солдаты сразу же провозгласили Нерона императором. Эти оба, Сенека и Бурр, были введены во дворец Агриппиной, но быстро отошли от нее.

Сенека достойным образом использовал свое влияние на воспитанника. Он старался осуществить свои философские идеалы — отеческой и справедливой власти, объединяющей староримские добродетели с требованиями энергичного управления великой империей. К счастью, Сенека был философом римского типа, а следовательно, обладал большим чувством реальности. Он далек был от надежд Платона осчастливить человечество путем установления справедливого строя.

Приходится удивляться, что в эти дни, заполненные столь лихорадочной, ответственной работой, Сенека нашел время и силы, чтобы дать выход своей ненависти к Клавдию. Можно также изумляться гибкости ума этого писателя. Чуть ли не одновременно он диктовал речь для Нерона, которая возносила до небес заслуги и личность Клавдия, и обдумывал памфлет, обливающий умершего императора потоками злокозненных выдумок. Уже заглавие его говорит само за себя: «Отыквление Божественного Клавдия». Итак, это была едкая сатира на недавнее зачисление сенатом умершего в сонм богов!

Отрывки позволяют составить мнение об уровне этого памфлета: «Хочется мне поведать о том, что свершилось на небесах за три дня до октябрьских ид¹ сего года, который стал началом благодатнейшего века. Ни обиды, ни лести вы не найдете в моем рассказе. Это лишь чистая правда. Спросите меня, откуда я все знаю, но коль я не захочу отвечать вам — не отвечу. Кто может меня заставить?»

Я знаю, что получил свободу с того самого дня, как представился тот, на ком оправдалась поговорка: „Родись либо царем, либо дураком“. А захочется мне ответить — скажу все, что придет в голову. Где это видано, чтобы приводили к присяге историка? А уж если надо будет на кого сослаться, так спросите у того, кто видел, как уходила на небеса Друзилла; он-то вам и расскажет, что видел, как отправлялся в путь Клавдий, „шагами нетвердыми идя“...

¹ То есть 12 октября 54 года н. э.

Проще, пожалуй, сказать: Был октябрь месяц, и три дня оставалось до октябрьских ид. Который был час, этого точно тебе не скажу: легче примирить друг с другом философов, чем часы; впрочем, случилось это примерно часу в шестом, в седьмом...

Клавдий был уже при последнем издыхании, а скончаться никак не мог. Тогда Меркурий, который всегда наслаждался его талантом, отвел в сторону одну из парок и говорит ей: „До каких же пор, зловредная ты женщина, будет у тебя корчиться этот несчастный? Неужто не будет конца его мукам? Вот уже шестьдесят четвертый год, как он задыхается. Что за зуб у тебя на него и на государство? Дай ты в кои-то веки не соврать звездочетам: с тех пор, как он стал править, они что ни год, что ни месяц его хоронят. Впрочем, удивительного ничего нет, коль они ошибаются, и никто не знает, когда наступит его час, всегда его считали безродным. Делай свое дело. Смерти передай: во дворце пусть лучший царит опустелом“¹. «А я-то,—говорит Клото²,—хотела ему еще малость надбавить веку, чтобы успел он и несколькими оставшимся пожаловать гражданство... Но если уж угодно будет хоть немного иноземцев оставить на племя и ты так приказываешь, так будь по-твоему».

Далее Сенека выступает как поэт. Вот уже стихотворный строй:

«Молвила это она и, смотав свою гнусную пряжу,
Жизни дурацкой царя наконец оборвала теченье.
А уж Лахеса, собрав волоса, украсивши кудри
И пиэрийским челом и локоны лавром венчая,
Светлую прясть начала из руна белоснежную нитку.
И под счастливой рукой потянулась из этой
кудели

С новой окраскою нить. Изумляются сестры
работе —

Обыкновенная шерсть дорогим отливает металлом,
И золотые века нисходят по нитке прекрасной.
Нет их усердью конца, сучат благодатную пряжу,
Пригоршни полня себе и работе радуясь, сестры.
Спорится дело само, и без всяких при этом усилий
Мягкая сходит у них с веретен крутящихся нитка;
Годы Тифона уже побеждают и Нестора годы.
Пением тешит их Феб и, грядущему радуясь живо,
То прикоснется к струнам, то работе сестер
помогает.

¹ Здесь и далее см.: Римская сатира. М., 1957. Пер. Ф. Петровского.

² Имя одной из трех богинь судьбы в греческой мифологии, которая прядет нить жизни.

Пенью внимают они и тягость труда забывают.
И, увлекаясь игрой на кифаре и братнею песней,
Больше, чем надо, они напряли руками: людскую
Долю похвальный их труд миновал. „Не скупитесь,
парки,—
Феб говорит им,— пусть срок побеждает,
положенный смертным.

Тот, кто подобен лицом, кто подобен мне красотою,
Не уступающий мне поэт и певец. Благодатный
Век он измученным даст и законов молчанье
нарушит.

Как Светоносец, когда разгоняет бегущие звезды,
Или как Геспер, восход вечерних звезд предваряя,
Иль как в румяной Заре, рассеявшей тени ночные
И зарождающей день, появляется яркое Солнце,
Мир озаряя и в путь из ворот выводя колесницу,—
Так должен Цезарь взойти, таким увидит Нерона
Скоро весь Рим. Его лик озаряет все отсветом
ярким,
И заливаает волна кудрей его светлую выю“».

Эти риторические, выпренные фразы наверняка не высшее достижение римской поэзии, они свидетельствуют, однако, о надеждах, которые Сенека связывал со своим учеником.

«Это Аполлон. А Лакхеса, которая и сама увлеклась этим исключительным красавцем, напряла полные пригоршни и дарует от себя многие лета Нерону. Клавдию же все приказывают убраться из дому подобру-поздорову вон.

И тут испустил он дух и перестал притворяться живым. А умер он, слушая комедиантов... Вот последние его слова, какие слышали люди и которые он произнес, издав громкий звук той частью тела, какой ему легче было говорить: «Ай, я, кажется, себя обгадил!» Так ли это было, не ручаюсь, но что он все обгадил—это верно. Рассказывать о том, что случилось после этого на земле, не стоит. Все это вы прекрасно знаете, и нечего бояться, что позабудется событие, вызвавшее общую радость: своего счастья не забыть никому...»

А что происходило на небесах? Об этом Сенека рассказывает подробнее: «Докладывают Юпитеру, что явился какой-то большого роста и совсем седой; грозитя он, видно: все головой трясет, правую ногу волочит. Спросили у него, откуда он родом,— пробурчал что-то невнятное и несуразное; языка его не

поймешь: это не по-гречески, не по-римски, да и не по-каковски.

Тогда Юпитер приказал пойти Геркулесу, который весь свет исходил и, надо думать, знает все народы, и выведать, что же это за человек. Взглянул на него Геркулес и прямо смутился, хоть и не пугался он никаких чудовищ. Как увидел он это невиданное обличье, ни на что не похожую поступь и услышал голос, какого нет ни у одного земного существа, а какой под стать морским чудовищам, подумал он, что предстоит ему тринадцатый подвиг. Вгляделся попристальнее — видит, как будто и человек. И вот подошел он и говорит, как легче всего сказать греку:

— Ты из людей-то каких? Кто родители? Сам ты откуда?

Обрадовался Клавдий, что нашлись здесь филологи, что есть надежда на местечко для его «Историй...», и вот и сам, стихом из Гомера поясняя, что он Цезарь, говорит:

— От Илиона принес меня ветер ко граду киконов...

И обманул бы он совсем нехитрого Геркулеса, не будь тут Лихорадки, которая, покинув свой храм, одна только и пришла с ним; всех других богов он оставил в Риме. „Все его рассказы,— сказала она,— сущий вздор. Уверяю тебя (сколько лет с ним прожили вместе!), родился он в Лугдуне, и перед тобою земляк Марка“.

Потом состоялось собрание богов. Раздумывали, принять ли Клавдия в круг небожителей, о чем хлопотал Геркулес. Однако отзыв Божественного Августа решил дело: Клавдий хотя и его внук, виноват во многих преступлениях, необходимо изгнать его с Олимпа. Клавдия схватил за шею Меркурий и поволок в преисподнюю. А вольноотпущенник Нарцисс, который, хотя и погиб позже, уже поспел для встречи патрона кратчайшим путем. Приветствовать Клавдия толпой явились все его жертвы вместе с Мессалиной. Клавдий предстал перед судом, и вынесен был приговор: «Играть ему в зернь дырявым рожком. И вот начал он без конца подбирать высыпавшиеся кости, и все без толку».

Помнил ли Сенека, когда писал «Отыквление...», в каких словах прославлял он несколько лет назад того же Клавдия? Напомним: «Разве сам вид императора, сама мысль о нем не послужат тебе скорым и наилучшим утешением? Только бы боги и богини продлили его пребывание на земле! Только бы в своих деяниях он сравнялся с Божественным Августом и превзошел того продолжительностью своего правления. Только бы смерть никогда не наведальась в его семью, пока он сам пребывает среди смертных! И да отдалится этот день

вплоть до времени наших внуков, когда его род сможет зачислить императора в разряд небожителей!

Позволь же ему, судьба, исцелить род человеческий, издавна уже больной и зараженный! Позволь ему упорядочить и восстановить все то, что ниспровергнуто безумием предыдущего властителя. Пусть во веки веков сияет эта звезда, которая озарила мир, сползающий в бездну, погрязающий во мраке!»

Да, Сенека прекрасно помнил об этом. И именно поэтому распорядился тогда выискивать и уничтожать все экземпляры этого трактата, посвященного Клавдию. Однако, несмотря на усилия автора, текст сохранился до наших дней. А может быть, он сохранился как раз благодаря этим усилиям? Ибо ученые и писатели в ту пору относились друг к другу не менее «доброжелательно», чем в более поздние века. Скорее всего, они со злым удовольствием тайно показывали знакомым те восторженные гимны и сравнивали их с бранью в «Отыквлении...»

Наверняка при этом говорилось:

«Какое ничтожество этот Сенека! И он—воспитатель императора! Какие идеалы способен он привить, какие принципы? Трусости, оппортунизму, лакейству—вот чему на самом деле можно научиться от Сенеки».

Язвительные критики ошибаются. Оскорбленный писатель способен отомстить только одним путем: он передает потомкам созданный им образ врага. Это грозное оружие. Клавдий был одним из лучших римских императоров. Он мог не без оснований надеяться, что грядущие поколения запомнят его как умелого администратора, рачительного хозяина, великого строителя; что они оценят его усилия латинизировать народы империи, с симпатией вспомнят о его научных увлечениях. Он глубоко заблуждался. Как часто потомки совершенно равнодушно проходят мимо подлинных заслуг! Зато остается, живет на протяжении веков, действует на воображение читателей образ, коротко очерченный великим писателем. Трясущаяся голова, волочащаяся правая нога, неразборчивая речь, праздный интерес к истории, распутная жена, правление вольноотпущенников, развенчание его после смерти—только это и знали о Клавдии на протяжении двадцати веков!

Справедливости ради следует признать, что не только Сенека был создателем этого образа. По крайней мере равную вину в искажении исторической правды несет Корнелий Тацит. Он родился, очевидно, именно в тот год, когда умер Клавдий, то есть у него не могло

быть никаких личных поводов (как у Сенеки), чтобы критиковать и высмеивать этого императора. У Тацита, однако, были некие принципиальные причины: Клавдий сурово относился к сенату и безжалостно подавил попытку воскресить республику, а великий историк был страстным почитателем эпохи «свободы», то есть того периода, когда страной правили аристократы — сенаторы.



Сын Божественного

«Его лик озаряет все отсветом ярким.

И заливаet волна кудрей его светлую выю».

Так угодливо описал Сенека своего воспитанника в поэме, вплетенной в «Отыквление...» А как выглядел Нерон в действительности?

Лицо его нельзя назвать некрасивым, так как у него были правильные, мужественные черты, однако оно сохраняло неприятное, почти отталкивающее выражение. Не прибавляли ему обаяния и зеленоватые глаза, которые, как у всех близоруких людей, часто бывали прищуренными, а также густо рассыпанные по лицу веснушки. Светлые волосы действительно выглядели пышными, и Нерон очень заботился о них, завивая их словно девушка; шея, на которую они ниспадали, была не красивой, а просто толстой. Нерон вообще имел склонность к полноте. В ранней юности это не бросалось в глаза, так как он был достаточно высок. Однако с годами живот начал все заметнее округляться, а поскольку ноги у Нерона оставались слишком худыми, он вовсе не казался гармонически сложенным.

«...Красотою не уступающий мне поэт и певец», — говорит Аполлон о юноше. Эти льстивые слова Сенеки звучали почти иронически, однако он опирался на реальные факты. Нерон уже мальчиком проявлял интерес к пению и музыке. Но тогда у него не было возможности распоряжаться своим временем. Ему приходилось считаться с волей матери и воспитателей, вести себя безукоризненно, дабы привлечь на свою сторону общественное мнение и не дать повода врагам для оговора. Юноша прекрасно отдавал себе отчет в той деликатной ситуации, в какой оказался он вместе с матерью при жизни Клавдия. Он знал, что достаточно ничтожного промаха, чтобы утратить все и уступить

место Британнику. Поэтому он вел себя чрезвычайно осмотрительно и сдержанно.

Когда Нерон пришел к власти, на него свалились многочисленные — но главным образом представительские — обязанности. Самые важные из них улаживали мать и Паллант, а также Сенека и Бурр. Даже тексты выступлений юный император получал готовыми. Ему подсказывали, что и кому отвечать, когда улыбаться, как жестикулировать, чтобы произвести благоприятное впечатление. Нерон был интеллигентен, наделен достаточным актерским талантом, необходимым каждому политику, и, таким образом, великолепно справлялся со своей ролью.

Он быстро понял, что, по сути дела, у него теперь больше времени, чем прежде. Вдруг открывал для себя, что может свободно распоряжаться этим временем. Но он все еще чувствовал себя ребенком, за которым присматривает мать, учеником, поступками которого управляет учитель. Он не осознавал могущества неограниченной своей власти. Пользовался свободой умеренно, довольно скромно. Своим любимым занятиям предавался с робостью, почти скрытно. Постепенно, однако, шаг за шагом он приближался к чему-то поистине необыкновенному — к постижению полной, абсолютной свободы. Пока оно улавливалось в проблесках сверхчеловеческого счастья, пробивавшихся как бы сквозь туман, но все ощутимей, ибо ему ни в чем не оказывали сопротивления. Он наслаждался тем, что никто не делает ему замечаний, не отчитывает его, а если даже и осмеливается, то крайне подобострастно, как бы извиняясь.

Одно из первых удовольствий, какое Нерон мог теперь себе позволить, были занятия музыкой и пением. Огромную популярность тогда в Риме приобрел певец Терпн, кумир публики. Ибо точно так же, как и двадцатью веками позже, в императорском Риме время от времени появлялись новые звезды песенного жанра. Все, а особенно молодежь, устремлялись в театры, чтобы увидеть и услышать ту или иную песню — как правило, комическую. У всех на устах была популярная мелодия. Через несколько месяцев появлялся новый «талант» и новый «шлягер», срывая аплодисменты и миллионные доходы.

Изо дня в день Терпн посещал Палатин, приглашаемый на пиры, которые обычно начинались около полудня и продолжались до вечера. Ибо радость застолья Нерон всегда высоко ценил. Император засиживался с певцом и до поздней ночи, восхищаясь его игрой и голосом. Подчас ради развлечения он сам брал

в руки лютню и пел, подражая мастеру. Это повторялось все чаще, тем более что слушатели — прислуга и друзья — не жалели аплодисментов и слов восхищения. Это доставляло юноше огромное, нескрываемое наслаждение. Он мечтал, что и ему будет дано счастье пользоваться дарами муз, возможно, и он сумеет вызвать ту дрожь услады и истинный восторг, которые сопутствовали выступлениям Терпна? Какое это захватывающее чувство — увлекать за собой многотысячные массы! Люди срываются с мест, рукоплещут, непрерывно кричат: «*Sophos, sophos!*»¹ Разве власть певца над слушателями не более прекрасна, ибо она непосредственнее и заметнее, нежели власть над запуганными сенаторами?

Нерон решил совершенствовать свое мастерство. По правде говоря, голос у него был слабый и недостаточно чистый. Чтобы усилить его, Нерон пользовался приемами, которые в ту пору были в ходу у тогдашних профессиональных певцов: ложась в постель, он клал себе на грудь оловянную пластинку, воздерживался от некоторых блюд, время от времени приказывал вызывать у себя рвоту.

Другое увлечение, которому молодой правитель предавался все чаще, были состязания колесниц. Вскоре он не пропускал ни одного заезда. Правда, Нерон посещал цирк тайно, занимал не официальную ложу, но место, откуда его не могли увидеть. В своих покоях он часто забавлялся, расставляя на столе фигурки колесниц.

Нерон понимал, что цезарю не все дозволено. Если бы открылись его увлечения, он мог бы сделаться предметом насмешек, вызвать к себе презрение. Император — певец! Император — поклонник возничих! Народ еще помнил пресловутого Калигулу, который даже ел в конюшне Зеленых.

Как Агриппина, так и Сенека закрывали глаза на увеселения и забавы Нерона. По их мнению, цезарь мог бы с большей пользой проводить время, занимаясь изучением красноречия и права; однако пусть лучше интересуется пением и гонками, нежели важными государственными делами, ему еще рано заниматься ими, поэтому хорошо, что не мешает своим опекунам.

Еще одной причиной, по которой к утехам Нерона относились снисходительно, была борьба, начавшаяся между Агриппиной и Паллантом, с одной стороны, и Сенекой и Бурром — с другой. Двое последних опасались, что если Агриппина захватит всю власть в свои

¹ Браво. браво! (греч.)

руки, то вернутся мрачные времена Тиберия и Калигулы, ибо не раз уже могли убедиться в ее жестокости, неукротимом честолюбии и подозрительности. В равной степени у обоих государственных мужей вызывала отвращение связь матери императора с Паллантом, о которой ходили всякие омерзительные слухи.

Если сенат осмелился утвердить отмену адвокатских гонораров и освободить квесторов от организации игр, то лишь потому, что чувствовал поддержку Сенеки и Бурра. Шло скрытое единоборство между Агриппиной и двумя этими сановниками. Императрица якобы отстаивала установления умершего мужа, но, в сущности, попросту не могла допустить, чтобы сенат решал что-либо без ее благоволения. Она поступила крайне опрометчиво, ввязываясь вообще в это дело и выступая с призывом сохранить заведенные Клавдием порядки. Ибо сын ненавидел покойного. Он, правда, произнес надгробную речь, которую написал Сенека, однако в частных беседах по примеру того же Сенеки отзывался о своем приемном отце самыми не лестными словами, обвиняя его в том же, что и автор «Отыквления...»: в глупости и жестокости! Свою ненависть он простер столь далеко, что так и не разрешил соорудить Божественному внушительный, прочный склеп. Позже Нерон приостановил и постройку святилища Клавдия, оплаченного Агриппиной. Не удивительно, что Нерон с радостью использовал возможность отменить по крайней мере часть того, что утвердил Клавдий, он делал это тем охотнее, что одновременно приобретал благосклонность сената.

Итак, Агриппина вооружила против себя сына, а заодно выяснилось, что она не так всемогуща, как предполагалось.



Армения

Однако не честолюбие Агриппины и не ребяческие забавы Нерона доставляли Сенеке и Бурру больше всего хлопот. По-настоящему беспокоило их (как и всю столицу) положение на Востоке.

Когда принимали армянских послов, Агриппина порывалась взойти на трибуну, и только самообладание Сенеки предотвратило скандал. Инцидент был неприятным, это правда, однако мрачные вести, с которы-

ми прибыли армяне, оказались подлинным потрясением.

Уже десятки лет две державы соперничали в стремлении подчинить своему влиянию прекрасную высокогорную страну, откуда струятся истоки Евфрата и Тигра,— Армению; с запада ей угрожали козни Рима, а подчас даже и римские войска, с востока же — армии парфян. Мнение же самих жителей нищего края мало кого заботило; им приходилось становиться на сторону того, кто в данный момент превосходил силой. При Клавдии на армянский престол путем измен и преступлений попал царский сын Радамист, родом из соседней Иберии. Римские наместники соседних провинций получили от него деньги и оказали ему свою поддержку. Тем временем парфянский царь Вологез решил посадить в Армении своего брата Тиридата, что ему и удалось в 52 году. Радамист бежал. Наступила, однако, суровая зима, голод и мор. Парфяне отступили, Радамист вернулся и жестоко покарал армян, обвиняя их в предательстве и содействии парфянам. Террор вызвал восстание. Покинутый всеми, Радамист, обратившись в бегство, мог рассчитывать лишь на быстроту своих коней. Его сопровождала жена Зенобия. Беременная, она не могла вынести верховой езды по горному бездорожью. Но Радамисту нельзя было ни остановиться, ни даже замедлить бег своих коней. Однако он не хотел бросить жену на произвол врагов. Он пронзил Зенобию мечом, а тело ее бросил в реку Аракс, воды которого через некоторое время вынесли ее на берег. Местные пастухи нашли Зенобию, тяжело раненную, но живую. Перевязали рану как умели и доставили несчастную женщину в столицу страны, Артаксат, где уже пребывал Тиридат. Тот принял жену своего смертельного врага со всеми почестями.

Посланцы армян (тех, разумеется, которые держали сторону римлян) сообщили императору именно об этом последнем повороте событий: страна в руках Тиридата и парфян!

В Риме едва не началась паника. Парфяне были грозными врагами. Любой ребенок в Риме знал, что столетие назад, в 53 году до нашей эры, они нанесли страшное поражение армии триумвира Марка Кассия в Северной Месопотамии. Лет через пятнадцать они захватили Сирию и Малую Азию; их с трудом удалось вытеснить. Парфянский поход Марка Антония в 38 году до нашей эры закончился поражением. Со времен императора Августа угроза вторжения со стороны парфян уменьшилась, однако объяснялось это не военными успехами римлян, а внутренними раздорами в

парфянском царстве; императорская дипломатия сумела хорошо сыграть на этом в своих целях. Теперь положение могло решительно измениться: парфяне, казалось, переходили в наступление. А тем временем на римском троне — неопытный юноша! Как сможет он справиться с тяготами большой войны и ловушками политической игры коварных восточных деспотов?

Несомненная заслуга Сенеки и Бурра была в том, что, действуя энергично, они успокоили охваченный паникой народ и, кроме того, отдалили непосредственную опасность войны. Они убедили малoverов в самой империи и врагов у ее границ, что хотя император и очень молод, но у него имеются опытные и мудрые советники.

Был объявлен дополнительный набор в восточные легионы. Обратились к Антиоху, властителю Коммагены в восточной части Малой Азии, и к царю Агриппе, правящему значительной частью Иудеи. Эти владения в Иудее Агриппа получил в предыдущем году благодаря милостям Клавдия: новый император также проявил к нему благосклонность, дав ему два города у Генисаретского озера и один округ за Иорданом, укрепив тем самым позиции царя, который был известен, как и вся его семья, своей преданностью Риму, владел же он страной, где то и дело вспыхивали беспорядки.

В районе горного Евфрата располагались два небольших вассальных государства: по правому берегу реки — Малая Армения, по левому — Софена. В первом посадили теперь царя Аристобула, во втором — Сохема. Аристобул доводился близким родственником Агриппе и происходил из Иудеи. Своему царствованию в государстве, столь далеком от родных мест, он обязан был тому, что его предки благодаря бракам оказались связаны с армянской династией и даже управляли страной, правда недолго. Отдавая ныне им Малую Армению и Софену, римляне демонстрировали народам у Евфрата, что способны награждать верных людей, и укрепляли границу на опасном участке.

Но в основном они оставили на прежних должностях всех наместников восточных провинций, так как не решились производить такого рода перемещения в столь напряженную пору. Итак, легатом Сирии остался Уммидий Квадрат, прокуратором же Иудеи — Антоний Феликс. Зато назначили нового легата провинции Каппадокии и Галатии в Малой Азии. Это были естественные становища для намеченного похода в Армению, либо же, в случае наступления парфян, — район возможного отпора. Поэтому власть должен здесь держать

в руках хороший военачальник. Избрали на это место Гнея Домиция Корбулона.

Весь Рим приветствовал и одобрял это назначение. Корбулон прославился уже семь лет назад, будучи наместником провинции Нижней Германии, или нынешней Бельгии и части Голландии. Тогда он разгромил германские племена из-за Рейна, которые опустошили морские побережья Галлии. Он намеревался направиться в глубь Германии, но Клавдий запретил ему это. Корбулон был известен как военачальник староримской суровой школы, жесткий блюститель дисциплины. Когда отменили поход в Германию, он приказал своим солдатам копать судоходный тридцатипятикилометровый канал между Мозелем и Рейном, опасаясь, что бездействие может ослабить дисциплину легионов. Впрочем, полководца подчиненные чтили уже за один его вид: он был могучего роста, обладал мощным голосом и вообще походил на Геркулеса.

Едва из Рима были отданы все эти приказы и распоряжения, как пришло доброе известие: парфяне добровольно ушли из Армении! Это произошло потому, что вспыхнул мятеж в одной из подчиненных парфянам стран. Однако военные приготовления прерывать не стали, так как положение продолжало оставаться неясным, парфянское вторжение могло повториться, ведь — что самое важное — Тиридат по-прежнему держался за Армению и считал себя законным царем этой страны.

Известие об успешном обороте дел на Востоке дошло до Рима в начале 55 года. Год вообще сулил самое благоприятное будущее. Титул консула, в ту пору уже чисто почетный, принял сам император; его коллегой на этом посту оказался Луций Антистий. Нерон был назначен консулом первый раз, но лишь на два месяца. Ибо во времена империи, по обыкновению, за год сменялось несколько пар консулов. Первая пара, начинавшая год, именовалась *consules ordinarii*¹, следующая же — *consules suffecti*². Римляне стремились к тому, чтобы таким высоким почетом было отмечено наибольшее количество сенаторов.

Однако знаменательным фактом сочли не то, что император вступил в должность консула, а с виду незначительное, связанное с этим моментом событие. Первого января состоялись традиционные торжества: вступающие в этот день на должность приносили прися-

¹ Консулы, избранные в обычном порядке, т. е. до наступления года.

² Консулы, избранные по наступлении года, но еще не вступившие в исполнение своих обязанностей.

гу, ручаясь соблюдать все законы предыдущих властителей и правящего ныне императора. Когда Антистий начал произносить последние слова присяги, Нерон тотчас остановил его. Тем самым он дал понять, что считает своего коллегу абсолютно равным себе по должности и власти. Жест, в сущности, ничего не значил, но он был благороден; аристократия приветствовала его как новое свидетельство скромности императора и его доброй воли в сотрудничестве с сенатом.

Хорошие новости с Востока стали причиной того, что сенат осыпал властителя почестями, словно отступление парфян было его заслугой. Устроили благодарственные молебны и дали право императору носить в такие дни одеяние триумфатора, а также совершить торжественный въезд в столицу, приняли решение установить изваяние Нерона в храме Марса Мстителя, притом такого же размера, что и скульптура самого божества. Эта последняя честь была очень многозначительна, поскольку означала, что Нерон — равноправный с богом обитатель этого храма.

В этот период цезарь дал новые свидетельства своего великодушия, вернув сенаторское достоинство Плавтию Латерану. Его устранили из сената семь лет назад по обвинению в том, что он является любовником Мессалины. Обвинение было несправедливым, но отчасти основывалось на том, что Латеран, юноша с видной статью, вероятно, обращал на себя внимание распутной императрицы. Реабилитируя Латерана, Нерон вновь щегольнул прекрасной речью — разумеется, творением Сенеки. В ней, как и в других, произнесенных в то же время речах, неизменно повторялся один и тот же мотив: основой новой власти есть и будет милосердие.

Это была в ту пору любимая мысль Сенеки. Идеального властителя, по его мнению, должна отличать прежде всего мягкость и милосердие. Философ начал писать трактат на эту тему.



Акте

К числу самых доверенных своих друзей Сенека причислял Аннея Серена. Они были родственниками, но по-настоящему их сблизил интерес к философии. Ввиду единства взглядов и увлечений значительная возрастная разница ничего не значила.

Еще во время армянского кризиса Сенека доверил другу сложную и деликатную миссию: он должен срочно влюбиться в вольноотпущенницу по имени Акте; это красивая, милая и кроткая девушка, родом из провинции Азии, она принадлежала императору Клавдию, который предоставил ей свободу, поэтому ее полная фамилия ныне Клавдия Акте.

Предложение было удивительное, особенно из уст философа-стойка, беседующего с представителем того же самого, столь аскетического направления. Оно выглядело тем удивительнее, что эта любовь должна быть показной! Ей надлежало служить прикрытием, за которым мог разыгрываться настоящий роман. Несмотря на это, Серен взялся за эту довольно сомнительную роль. Он понимал, что игра ведется на крупную ставку. И хотя стойки учили, что с одинаковой мерой следует подходить как к незначительному, так и крупному проступку, Серен решил, что в этом случае надо мыслить более широкими категориями. Необходимо решиться на меньшее зло, чтобы спасти вещи более значительные.

Тем же, кто в действительности любил Акте, был Нерон. Он не мог открыто проявлять своих чувств. И не только потому, что был женат; ведь ни для кого не составляло тайны, что Нерон не живет с Октавией. Когда однажды ему сделали замечание, что он пренебрегает женой, он резко ответил:

— Пусть удовлетворится одеждой супруги!

Не Октавии опасался Нерон, но матери, полной подозрений, жестокой, стремящейся не выпускать сына из-под своего влияния. Ненависть Агриппины могла послужить для девушки смертным приговором.

Сенека, решившись помочь Нерону, руководствовался серьезными соображениями. Он считал, что достигший зрелости юноша должен иметь девушку. Пускай лучше император влюбится в ничего не значащую Акте, нежели обратит свою страсть на какую-либо замужнюю женщину из аристократического дома, которая наверняка возымела бы немалые претензии. К тому же, что тоже было немаловажным, помогая императору в столь тонком деле, Сенека связывал его с собой, отрывая от матери.

Таким образом, Серен вошел в круг личных друзей Нерона. Серен был значительно старше цезаря, но этому, однако, не придавалось значения, ибо ближайший друг императора Марк Сальвий Отон тоже был его ровесником, ему исполнилось уже двадцать шесть лет. Он импонировал Нерону своим цинизмом и изобретательностью в утехах. Одним из невиннейших развлече-

ний Отона было шляться по ночному Риму с бандой подобных себе, когда они подстерегали одиноких прохожих и подбрасывали их на плаще. Он стал вхож во дворец благодаря одной из императорских вольноотпущенниц. У нее, уже почти старухи, были большие связи. Отон, не долго думая, прикинулся страстно увлеченным ею, лишь бы открыть себе путь ко дворцу.

Серен выполнил свою задачу. Нерон и Акте тайно встречались, при дворе же все были убеждены, что это Серен безумно влюблен в нее и осыпает вольноотпущенницу дорогими подарками.

Наконец, когда наступил уже 55 год, Агриппина узнала обо всем. Отнеслась к этому чисто по-женски. Ее привело в ярость, что сын осмелился одаривать чувствами кого-либо, помимо нее.

Агриппина воскликнула:

— Итак, моя невестка — служанка, моя соперница — вольноотпущенница!

Поначалу ею предпринимались попытки отвадить Нерона от этой любви угрозами. Она не могла проучить ни императора, ни его друзей, поэтому отыгралась на прислуге за их мнимую преданность. Многие рабы были избиты палками, многих устранили из дворца. Это, разумеется, больно задело тщеславие Нерона как цезаря и взрослеющего мужчины. Он понял также, что с Акте, как и Сенекой, его связывает общая опасность. Уступить же он не мог, ведь это равнялось бы политическому поражению.

Вскоре Агриппина осознала свою ошибку, видя, что угрозами своими толкает сына в объятия Сенеки. Быстро переменяв тактику, Агриппина сделалась кроткой и терпимой. Перешла к просьбам:

— Почему ты не доверяешь матери? Можешь мне спокойно доверить любую тайну. Двери моей комнаты всегда открыты для тебя, наедине мы обсудим с тобой любое дело.

Такая неожиданная перемена в поведении матери насторожила императора. Несмотря на это, с его стороны также последовал примирительный жест. Обозрев дворцовую сокровищницу, он приказал направить Агриппине прекраснейшие платья и драгоценности. Это был поистине царский дар; даже враги никогда не упрекали Нерона в скарденности.

Как же он должен был изумиться, когда узнал, что его мать глубоко оскорблена! Ибо Агриппина истолковала его поступок с истинно женской логикой:

— Он посылает мне только это, а следовательно, остальное оставляет себе, тогда как я всему хозяйка, ведь он получил власть благодаря мне!

Агриппина заявляла это открыто, видимо, желая, чтобы сын узнал, как больно ее обидел, и поспешил исправить ошибку. Но случилось иначе. Нерона это окончательно оттолкнуло от матери. Агриппину ждал еще один ошутимый удар: Палланта отставили от канцелярии. Совершилось это тихо. Вольноотпущенник сохранил все свои огромные богатства, было четко оговорено, что счета за минувшие годы проверяться не будут. Паллант, покидая Палатин, продолжал оставаться одним из самых богатых и влиятельных лиц империи; он остался также членом сената. Контроль финансов Нерон поручил своему доверенному вольноотпущеннику по имени Фаон, то есть в этом отношении он шел по следам Клавдия, которого так высмеивал.

Агриппина утратила почву под ногами, ибо именно Паллант издавна являлся ее главным союзником. В тревоге и ярости она повела себя просто как невменяемая.



Смерть Британника

Агриппина угрожала Нерону:

— Британник уже взрослый. Это он — сын императора. Престол принадлежит ему. А тем временем правишь ты — приемный сын! И правишь так, что притесняешь мать. Пусть же тогда станут известны народу все преступления этого несчастного дома! Я предам огласке, каким образом был заключен мой брак с Клавдием и каковы обстоятельства его смерти. Божественному провидению угодно было сохранить Британнику жизнь. Я отправлюсь с ним в лагерь преторианцев, стану перед солдатами. Поглядим, как они поступят, когда услышат меня, дочь великого Германика, когда увидят Британника, сына умершего императора. А против них пусть встанут твой Бурр с перебитой рукой и ученый краснойбай Сенека.

Она говорила это, будто требовалось еще больше разжечь ненависть Нерона к Британнику. Император прекрасно знал, что у многих этот юноша вызывает симпатию и сострадание. Поговаривали и такое:

«Он родился, чтобы властвовать, но, не успев еще выйти из детского возраста, потерял сначала мать, потом отца, а вдобавок и империю».

Нерона постоянно мучила мысль: что будет, когда Британник станет совершеннолетним? У него законное

право на престол, однако делиться властью нельзя! А если найдутся такие, которые захотят втянуть Британника в интриги, заговоры, вполне возможно, и в государственный переворот?

Тревоги эти не были преждевременными. Приближался день 12 февраля, когда Британнику исполнялось четырнадцать лет, то есть ему вскоре предстояло надеть мужскую тогу. Юноша не скрывал, что считает себя обделенным. Как раз совсем недавно, в конце декабря минувшего, 54 года, отмечался веселый праздник — Сатурналии. Избрали короля игр, которому все обязаны повиноваться. Королем, естественно, стал император. Было уже за полночь, собравшиеся недурно развлекались, приказы властителя были остроумными. Наконец король игр обратился к Британнику:

— Встань, выйди на середину и исполни нам что-нибудь новенькое, — распорядился он.

Приказание было крайне недоброжелательным. Не так-то легко юноше выступить перед несколькими десятками подвыпивших придворных своего врага. Британник, однако, не растерялся. Он встал перед полукругом пиршественных столов и лож: Спокойно и выразительно начал декламировать. Уже после первых его слов в зале воцарилось глубокое молчание. Ибо Британник говорил о том, как его лишили отцовского наследства. Злопыхатели позже посмеивались над тем, что больше всего Нерона задело не сами слова, но тот факт, что у Британника оказался столь приятный голос.

Это произошло два месяца назад. Теперь речь шла не о декламации, не о приятном голосе, а о том, чтобы предупредить действия Агриппины. Ведь Нерон лучше других знал, что его мать способна на все и для сохранения своего влияния не остановится ни перед чем.

Нерон готовился к борьбе в глубочайшей тайне! Позже об этом рассказывали так:

В дворцовой тюрьме содержалась отравительница Локуста, та, которая приготовила яд для Клавдия. Она находилась под охраной трибуна Юлия Поллиона. Нерон приказал доставить ее к нему. Первая порция яда оказалась слишком слабой: у Британника только расстроился желудок. Император отколотил Локусту, крича:

— Ты дала ему лекарство, а не яд!

Локуста оправдывалась:

— Порция была слишком мала, я не хотела, чтобы преступление сразу стало явным.

Нерон отвечал на это с издевкой:

— Разумеется, разумеется, мне следует побаиваться закона!

Он приказал при нем же изготовить более сильный яд, который дали ягненку, и тот, промучившись часов пять, окошел. Другой отвар, покрепче, испытали на поросенке, и тот сразу издох.

Такие слухи позже ходили о сговоре императора с отравительницей. Как на самом деле готовилось убийство, не знал почти никто и знать не мог. Зато многие стали свидетелями того, что произошло в начале февраля в большом обеденном зале императорского дворца.

Так повелось, что вся императорская семья разом приступала к трапезе. Британник, как подросток, ел за отдельным столом вместе со своими друзьями по играм. Их осталось совсем немного, но Тит, сын Веспасиана, продолжал бывать во дворце. Блюда, подаваемые Британнику, сначала пробовал специальный *praegustator*. Во время обеда ему прямо из кухни принесли какое-то кушанье; *praegustator* снял пробу и подал блюдо мальчику, но оно было слишком горячее, тот не пожелал его есть. Тотчас же туда влили кружку холодной воды. Британник, едва прикоснувшись к еде, через короткое мгновение, парализованный, упал на ложе. Тит, лежавший рядом с ним, уже подносил ко рту кушанье из той же самой миски, из которой минуту назад зачерпнул его товарищ, но стоило ему взглянуть на соседа, как он уже не мог проглотить ни капли. Британник не в состоянии был издать ни звука, он явно начал задыхаться. Некоторые сотрапезники повскакивали с мест. Другие сидели не шевелясь. Все взоры обратились к Нерону. Тот лежал, небрежно опершись на ложе, словно бы ничего не произошло. Он спокойно заявил:

— Это из-за падучей. Он страдает ею с раннего детства. Сейчас придет в себя.

Агриппина и Октавия, родная сестра Британника, обе сохраняли невозмутимое спокойствие. Но в их глазах отражался смертельный ужас. Юношу вынесли из зала. Снова зазвучали веселые застольные беседы.

Тело Британника сожгли в ту же ночь. Скромные похороны состоялись на следующий день под проливным дождем. Прах захоронили в Мавзолее на Марсовом поле, которое Август возвел для членов своего рода.

Одновременно появилось обращение Нерона к римским жителям. Спешное погребение в нем оправдывалось тем, что, когда умирают лица юного возраста, к этому обязывает обычай предков. Ибо что значат в такой горестной печали пышность обрядов и шумные

речи? После потери любимого брата император возлагает все надежды на отечество, только в нем находит свое утешение. Он верит, что сенат и народ проявят теперь еще более горячую привязанность к его персоне, потому что он последний представитель великого рода.

Подлинным автором обращения был, вероятно, Сенека. Возможно также, что он знал о готовящемся умерщвлении Британника. Бурру были подчинены стражники, а следовательно, и офицер, надзиравший за Локустой. Впрочем, оба — и Сенека и Бурр — со страхом наблюдали, как Агриппина стремится использовать Британника против Нерона, так как их собственное возвышение было связано только с императором. Во всяком случае, советники Нерона не осудили его поступка и не покинули дворец. Наоборот, они развернули еще более энергичную деятельность в общегосударственных делах. Они считали: то, что произошло, было всего лишь политической необходимостью.

Впрочем, точно так же отнеслось к случившемуся и большинство жителей столицы. Все скорбели по поводу злосчастной судьбы Британника, но все единодушно признавали, что государство не может иметь двух властителей. Стародавняя легенда гласила: когда закладывали Рим, Ромул убил своего брата Рема. Эта легенда в понимании римлян символизировала жестокую правду: там, где речь идет о единстве и благе страны, должны отойти на задний план все родственные чувства и обычные моральные принципы. Амбиции подрастающего Британника должны были бы рано или поздно привести к конфликту, а возможно, даже к гражданской войне. Конечно, Британник был законным наследником престола, однако мог ли он оказаться лучшим, более разумным и мягким властителем, чем Нерон?



Охотники за наследством

Постепенно смолкли мрачные отголоски смерти Британника. В городе вспоминали об этом все реже и спокойнее. Другое занимало теперь мысли жителей столицы. Дело вроде прозаическое, по существу же захватившее тогда всех. Нерон и его советники проявили большой политический талант, сумев отвлечь таким образом всеобщее внимание от недавней драмы. Они

выдвинули проект изменений в законе о наследовании и в самой процедуре составления завещания. Проект сразу стал предметом страстных споров, снискав новому правительству множество сторонников.

Не было римского гражданина, которого бы этот вопрос не волновал. Каждый мечтал о получении наследства—ибо каким еще другим путем можно быстро обогатиться?—каждый заботился также о том, чтобы все у него обстояло в порядке и с собственным завещанием. В этом деле римляне уже издавна были крайне скрупулезны. Они придавали огромное значение изъявлению последней воли согласно требованиям права. Из-за нередкой в состоятельных семьях бездетности проблема с наследованием имущества усложнялась. А составление завещания оправдывало себя и потому, что уже одними посулами наследства можно было завоевать себе множество до гроба преданных друзей. Кто ловко пускал в ход такие посулы и умело менял завещания, пробуждая все новые надежды, тот прибавлял себе и значения, и богатства. Ибо какой бы человек не разделил интересы друга, зная, что после его смерти получит часть старательно сколоченного добра?

Будущие наследники в свою очередь сами оказывались в почете у других охотников за наследством. Все общество было оплетено тонкой сетью связанных с завещаниями надежд, иллюзий, афер и даже преступлений. Так как нередко бумаги фальсифицировались, смерть «благодетеля-завещателя» столь же часто ускорялась.

Петроний не отказал себе в удовольствии высмеять и эту сторону римской жизни. Герои его сатирического повествования выслушали во время пира у Трималхиона такую вот речь хозяина: «Друзья... рабы тоже люди: одним с нами молоком вскормлены, и не виноваты они, что рок их обездолил. Однако по моей милости скоро все напьются вольной воды. Я их всех в завещании своем отпускаю на свободу. Филаргиру, кроме того, отдаю его сожительницу и поместье. Кариону—домик, двадцатину и кровать с постелью. Фортунату же делаю главной наследницей и поручаю ее всем друзьям моим. Все это я сейчас объявляю для того, чтобы челядь меня уже теперь любила так же, как будет любить, когда я умру»¹.

Все принялись благодарить хозяина за его благодеяния; он же, оставив шутку, велел принести экземпляр

¹ Петроний. Сатирикон. М.—Л., 1924. С. 125—126. Пер. Б. Ярхо.

завещания и среди воплей разочарованных домочадцев прочел его от начала до конца.

Герои Петрония позже оказались в подлинной республике охотников за наследством. Это произошло при драматических обстоятельствах. При шторме на море их корабль затонул; друзья чудом спаслись. Направляясь в глубь континента, они издали заметили какой-то город. Повстречавшийся им крестьянин объяснил, что это Кротон, древний град, некогда один из первых в Италии. Потерпевшие кораблекрушение стали с нетерпением выпрашивать его, что за люди там живут и чем они занимаются. Крестьянин им ответил на это:

«Дорогие мои, если вы купцы, то смените профессию и попытайтесь здесь заработать на жизнь по-иному. Если же вы — люди смекалистые, то перед вами прямой путь к обогащению. В этом городе наука не процветает, а порядочность и благородство нравов не в чести. Знайте же, что все, кого вы здесь ни встретите, делятся на две категории: это либо дичь, либо охотники. Детьми здесь никто не обзаводится, ведь тот, кто имеет своих наследников, того не приглашают ни на пиршество, ни на зрелище, никакие улады его не ждут. Отверженный, он теряется в толпе. Зато те, которые ни разу не связали себя брачными узами и не имеют близких родственников, достигают самых высоких вершин. Вступите же в город, который напоминает поле во время чумы: куда ни взглянешь, всюду растерзанные трупы, а над ними вороны, терзающие их»¹.

Один из потерпевших кораблекрушение, Эвмольп, тотчас почувствовал выгоду. Он сказал:

— Мне по душе такой вид заработка! Почему бы нам не разыграть комедию? Приобретем состояние!

Они сочинили сказочку и вызубрили ее наизусть: Эвмольп потерял сына, юношу немалых способностей, подававшего большие надежды. Несчастный старец покинул родной город, ибо не мог сдержать слез, ежедневно созерцая друзей сына и его могилу. Однако корабль, на котором он плыл, затонул, двадцать миллионов наличными оказались на дне. Но не это огорчает старика, а отсутствие необходимого количества слуг, отчего ущемлено его собственное достоинство. Из нескольких десятков слуг, находившихся с ним на борту, уцелело несколько, всего лишь эта жалкая горстка! А ведь в Африке у него на тридцать миллионов земель и ссуд, рабов же такое количество, что он мог бы завоевать с ними Карфаген!

¹ Там же. С. 186.

Договорились, что Эвмольп будет все время кашлять, жаловаться на расстройство желудка, отказываясь от всех блюд, говорить исключительно о деньгах, просиживать над счетами, проклинать, что земля не возвращает вложенных в нее средств, сокрушаться по поводу неурожая, а больше всего заниматься исправлениями в завещании. Остальные прикинутся его рабами.

Они направились прямо в город. При сем мнимые слуги несли багаж с крайним недовольством, непрестанно ропща. Особенно негодовал Коракс, он то и дело швырял торбы, проклиная спешку, восклицая, что бросит тюки или же убежит с ними.

«Ну и ну! Что я—вьючное животное или баржа для перевозки камней? Я нанялся работать как человек, а не лошадь! Я такой же свободный, как и вы, хотя отец оставил меня нищим!»¹

Чтобы придать большую выразительность своему недовольству, он что ни шаг громко испускал ветры. Гиттон смеялся над этим до упаду, а Эвмольп тем временем завел разговор о сущности эпической поэзии, подкрепляя его декламацией своего произведения о гражданской войне. Так, перемежая свой путь ругательствами, поэзией, испусканием ветров, они наконец доплелись до города, расположенного на высокой горе. Их усилия были щедро вознаграждены. Кротонские вороны тотчас же учуяли падаль. Охотники сбежались толпой и наперегонки добивались расположения миллионера, который уже еле дышал. Никогда прежде мошенникам не сопутствовала столь большая удача. Эвмольп, однако, беспокоился: что, если какой-нибудь ловкач-охотник пошлет разведчиков в Африку и разоблачит наши обманы? Или Коракс предаст нас из зависти? Он вздыхал:

«Боги и богини, как плохо людям, живущим в беззаконии. Они всегда получают по заслугам!»²

Этот Петрониев Кротон—очевидная пародия на отношения, господствовавшие во всем римском обществе. В какой-то степени ловцами завещаний и наследств были все, включая и самого императора. И наверняка не один мошенник неплохо устроился, сыграв на этой мании. Однако соблазны охоты за наследованием имели и некоторые теневые стороны, о которых повсеместно сожалели.

Таковыми теневыми сторонами являлись законы, принятые еще со времен Августа и предписывающие римлянам заключать браки и обзаводиться детьми.

¹ Там же. С. 188.

² Там же. С. 202.

Каждый римский гражданин — мужчина в возрасте с 25 до 60 лет, женщина с 20 до 50 лет — обязан состоять в браке. Если брак прервался в результате смерти одного из супругов или развода, следует сочетаться новым браком и не позже чем через два года, разве что от предшествующего брака остались по крайней мере трое детей. Кто пренебрегал требованиями закона, тот ущемлялся всевозможными правовыми санкциями. Среди них и весьма серьезными: неженатые вообще не могли наследовать, бездетные же имели право только на половину оставленного им по завещанию.

В Риме не существовало государственных, должностных прокуроров, зато имелись доносчики. Если кто-то незаконно получал наследство, он становился жертвой этих бдительных стражей правосудия. Доносчику за дерзновенность и рвение по закону причиталась значительная часть спорного наследия.

Весь Рим с радостью приветствовал проект изменений в этом установлении. Его не отменили: это было творение самого Августа; он был также необходим, ибо безбрачие и бездетность по-прежнему преобладали в высших слоях общества. Однако теперь решено было ослабить действие закона, ограничив вознаграждение доносчикам одной четвертью. Проект сделался предметом дискуссии в сенате. Утвержденный, он вошел в историю римского права как *senatus consultum Neronianum*.

Вскоре после этого появились новые указы о том, как следует составлять завещание. Последнее волеизъявление записывалось на табличках; через отверстие в них трижды пропускался опечатанный шнурок. Свидетелям предлагались для подписи только две верхние незаполненные таблички, чтобы прежде времени не посвящать их в суть завещания. Запрещалось также завещать даже самую незначительную долю писарю, записывающему текст. Ибо бывали случаи, что писари произвольно назначали себе немалые суммы наследства.

Эти указы были направлены против фальсификаторов завещаний, которых тогда хватало в империи. Поэтому такие поправки к закону встречали одобрение как разумные и полезные. Злым языком, правда, вольно было толковать, что властитель, столь заботящийся о правомочности завещаний своих подданных, до сих пор не обнаружил завещания своего приемного отца, императора Клавдия. Или у него возникли подозрения, что последняя воля умершего фальсифицирована? А возможно, иронизировали самые язвительные, Нерон сам еще не успел ее фальсифицировать.



Последняя победа Агриппины

Хотя общественное мнение больше всего занимали проблемы наследования и завещаний, события в Палатине они полностью не заслонили. Ходила молва о необычайной благосклонности, которую Нерон проявлял к своим друзьям. Сколько из них именно теперь получило в дар от императора земельные владения, дома и виллы! Люди поговаривали:

— Это, вероятно, для того, чтобы посвященные в тайну поскорее забыли о недавнем преступлении, о смерти Британника!

Подарки делались главным образом через посредничество Бурра и Сенеки; философ не забывал при этом и о собственных имущественных интересах. Его богатства оценивали в триста миллионов сестерциев — немногим меньше, чем Паллантовы. Такая императорская благосклонность была всем понятна, ее даже считали необходимой. Ведь Агриппина, понятно, не сидит сложа руки, у нее уже много сторонников. Она ласкова с Октавией, милостива к гвардейским офицерам и солдатам; принимает у себя самых выдающихся представителей старых аристократических родов. Размышляли над тем, как отнесется Нерон к этим поползновениям матери, явно пытающейся сколотить какую-то группу, враждебную нынешнему правлению.

Поначалу император ограничивался лишь жалобами:

— Если так пойдет и дальше, я отрекусь от власти и отправлюсь на остров Родос!

Тем самым он стремился убедить общество, к чему способны привести чрезмерные амбиции Агриппины, пытаюсь представить себя ее жертвой. Когда эти сетования и угрозы не помогли, он проявил свое недовольство более ощутимо. Сначала отменил посты преторианцев перед покоями матери. Потом приказал ей покинуть императорский дворец и перебраться в дом, который некогда занимала Антония, мать Клавдия. Сюда он являлся с визитами, но очень краткими; входил всегда в окружении офицеров.

От Агриппины отшатнулись почти все. К ней заглядывали только некоторые ее приятельницы. По мнению политиков и сплетников, собиравшихся в винных погребах, падение гордой женщины, всего лишь несколько месяцев назад истинной властительницы Рима, было полным и окончательным.

Тем большей неожиданностью стало известие, кото-

рое в один из дней в середине 55 года облетело всю столицу. Из уст в уста передавали, что минувшей ночью и на рассвете в императорском доме разыгрались крайне драматические события. По рассказам прислуги, произошло следующее.

Нерон, как обычно, пировал до поздней ночи. За столом он не раз проводил по двенадцать и более часов, с полудня до полуночи, время от времени освежая себя ванной, зимой горячей, холодной — летом. В какой-то момент в зал вошел один из его любимых друзей по забавам и кутежам, танцор Парид. Он был мрачен и чем-то обеспокоен. На это все тотчас обратили внимание. А когда он приблизился к императорскому ложу и начал говорить, собравшихся охватил ужас, потому что тем, кто не слышал его слов, достаточно было видеть выражение Неронова лица.

Сомневаться в достоверности сообщения Париды не приходилось. Он называл фамилии людей, от которых узнал обо всем, его рассказ казался правдоподобным. Непосредственным информатором Париды был Атимет, хорошо ему известный, так как оба они были вольноотпущенниками одной и той же госпожи, Домиции, тетки Нерона. Атимет поделился с ним тайной потому, что именно Парид имел возможность непосредственно общаться с императором. А откуда эти сведения у Атимета? Опять же от его знакомых, приближенных Юнии Силаны. Она принадлежала к числу женщин, постоянно навещавших Агриппину. Именно Силана узнала от названных особ и просит передать, что Агриппина намеревается сочетаться браком с Рубеллием Плавтом, чтобы с его помощью убрать Нерона и завладеть троном.

План представлялся реальным и потому опасным. Рубеллий Плавт был в такой же мере потомком императора Августа, что и Нерон, и значительно старше последнего. И разве не объяснялись теперь контакты, которые Агриппина наладила со старой аристократией, и ее старания завоевать расположение преторианцев?

Нерон намеревался тотчас же потребовать от матери объяснений. Он был убежден, что государственный переворот уже совершается и его жизнь в смертельной опасности. Однако Бурр сумел успокоить и удержать цезаря от необдуманных поступков. Он советовал переждать ночь и дать возможность Агриппине ответить на выдвинутые против нее обвинения.

Ранним утром в бывший дворец Антонии явились Бурр вместе с Сенеккой и несколькими доверенными вольноотпущенниками императора. Дознание вел Бурр,

как лицо правомочное: он исполнял обязанности префекта преторианцев; Сенека не занимал никакой официальной должности, а следовательно, лишь присутствовал при дознании как свидетель. Агриппина своим поведением доказала, что в ее жилах действительно течет кровь императоров. Потрясенная, она тем не менее отвечала вопрошающим с гордой уверенностью в себе. Она не пала духом перед ничтожными поклепами интриганов. Достоинными внимания выглядели некоторые приведенные ею факты, свидетельствующие о низости обвинителей.

Источником интриги была женская зависть и ненависть. Много лет назад Юнии Силане пришлось уступить своего мужа Мессалине. Позже она намеревалась выйти замуж на некоего богача, но Агриппина расстроила этот брак. Такого ни одна женщина другой не простит! Юния делала вид, что по-прежнему остается подругой Агриппины, но в действительности лишь искала случая, чтобы отомстить. А Домиция? Ведь это Агриппина увела у нее ее первого мужа, Пассиена Криспа!

Разумеется, Агриппина прямо не называла эти факты из прошлого. Ограничилась намеками на то, какова подлинная почва интриги:

— Я не удивляюсь, что Силана, которая никогда не рожала, не знает, что такое материнское чувство. Родители не меняют детей с такой легкостью, как бесстыдные прелюбодейки своих любовников. Домиция я была бы благодарна за ее ненависть ко мне, пожелай она потратить ее на соперничество со мной во благо Нерону. Но она предпочитает сочинять театральные небылицы с помощью своего любовника Атимета и танцовщика Парида. Когда я прокладывала сыну путь к власти, она занималась украшением своей виллы в Байях. Пусть мне кто-нибудь докажет, что я подстрекала римский гарнизон, нарушала свой долг римянки, склоняла к мятежу рабов и вольноотпущенников императора! Моя судьба связана с правлением и жизнью Нерона. Разве Британник, взойдя на престол, проявил бы ко мне милосердие? Кто бы ни сделался императором, наверняка против меня выдвинули бы миллион обвинений. И упрекали бы не в произнесении (из-за горячности чувства) неосторожных слов, а в совершении таких поступков, которые только сын в состоянии простить.

Вскоре после этого состоялся разговор Агриппины с самим Нероном. Тот выглядел не только умиротворенным, но и виноватым. Ему хотелось загладить дурное впечатление от того легковерия, с каким он подставлял ухо любым нашептываниям интриганов. Агриппина это

сразу почувствовала. Она не защищалась, не напоминала о своих благодеяниях, не бросала упреков. Она прямо потребовала примерного наказания для виновников интриги, а также награды для своих истинных друзей. Император поспешно на это согласился.

Юния Силана отправилась в изгнание. Ее драгоценности были конфискованы. Атимет — якобы главный зачинщик интриги — заплатил жизнью за то, что уговорил Париду сообщить о мнимом заговоре императору. Только танцор вышел сухим из воды. У Нерона действительно была слабость к актерам!

Итак, всем на удивление, Агриппина не только невредимой выскользнула из западни, которую подготовили ей на пагубу, но даже укрепила свои позиции. Насколько значительного успеха она добилась, римляне смогли понять тогда, когда все узнали о назначениях на четыре важных поста. Все вновь назначенные так или иначе были связаны с Агриппиной.

Префектом обеспечения столицы стал Фений Руф. Это была ответственная роль. Ему вменялись постоянные и необходимые поставки продовольствия, прежде всего хлеба и оливкового масла, для миллионного города, а эти продукты поступали издалека — из Сицилии, Африки, Египта. В обязанности префекта входили: согласование сроков, забота о своевременном прибытии транспорта, что в огромной степени зависело от капризов моря и погоды, вопросы хранения продуктов. А если что-либо нарушало ход поставок, в городе, как это случалось уже не раз, доходило дело до серьезных беспорядков.

На должность префекта Египта назначили Клавдия Бальбилла. Это был недурной выбор. Ученый-астролог, он прекрасно знал обстановку в своем родном краю, а с императорским домом его уже давно связывали близкие узы. Ведь это он составил гороскоп Нерона в день его рождения. Рассказывали также, что тотчас после смерти Клавдия он, по просьбе Агриппины, указал счастливый миг, когда Нерону надлежало выйти из дворца и предстать перед строем преторианцев. Назначение Бальбилла египетские греки с радостью приветствовали. Все помнили, что четырнадцать лет назад Бальбилл вошел в состав посольства, прибывшего к Клавдию и резко выступившего против александрийских евреев. Правда, в последнее время споры между греческим и еврейским населением великого города несколько утихли, но огонь под пеплом постоянно тлел. Назначение наместником нильских владений именно Бальбилла тамошние греки сочли свидетельством того, что новый император на их стороне.

Так на самом деле и было. Недаром учителем Нерона долгие годы был Хайремон, враг евреев. Еще до назначения Бальбилла египетские греки стремились завоевать любовь юного властителя, воздавая ему почести, как богу. Но после этого назначения они с еще большим энтузиазмом чтили Нерона. Это отразилось даже в надписях на монетах: в Александрии имелся свой монетный двор, где чеканили разменную бронзовую монету. С тех пор как Египет оказался под римским господством, то есть со времен Августа, на одной стороне монеты всегда изображалась голова императора, его имя, а на другой — какой-нибудь символический образ и надпись, подчас лик жены властителя. До той поры содержание этих надписей не отличалось особым разнообразием и выразительностью, теперь же произошли заметные перемены. Вот наиболее интересные тексты на монетах: *Neos Agathos Daimon* — Новый бог-хранитель; *Pronoia Neu Sebastu* — Провидение Нового Августа; *Dikaiosyne* — Справедливость; *Eirene* — Мир; *Homonoia* — Согласие.

Итак, на Нерона, как до этого ни на одного другого властителя, возлагались большие надежды. Он должен был явить собой начало новой эпохи. Как новый Август, бог-покровитель и спаситель, он призван принести мир земле, согласие, справедливость, а также и благосостояние, символизированное на монетах почитаемой в Александрии Деметрой, богиней плодородия. Заслуживало внимания и то, что на многих монетах продолжали чеканить головы матери или жены Нерона — Агриппины либо Октавии.

При этом и Бальбилла египетские греки почитали, как, пожалуй, ни одного еще наместника. В окрестностях больших пирамид в минувшем веке нашли каменную плиту с надписью на греческом языке; надпись гласит, что ее установили жители деревни Бусирис: «В ознаменование того, что Нерон Клавдий Цезарь Август Германик, император, бог-хранитель мира, среди всех благодеяний, которыми он одарил Египет, явил и этот наиболее очевидный пример своего провидения, прислав к нам наместником Тиберия Клавдия Бальбилла; благодаря его благосклонности и добрым поступкам в Египте наступило изобилие всяческих богатств и можно видеть, как из года в год возрастают дары Нила и лучше используются ежегодные разливы священной реки».

Бальбилл отбыл в свою провинцию сразу, как получил назначение. Ветры благоприятствовали ему, и позже с восхищением рассказывали о том, что путь корабля от сицилийского пролива до Александрии занял небывало короткое время — шесть дней! Зато

новому наместнику Сирии, одной из важнейших восточных провинций, так и не довелось покинуть Рим, он даже не смог повидать страну, которой собирался управлять. Этим неудачником оказался Публий Антей, назначенный одновременно с Бальбиллом, тоже ставленник Агриппины. Причина, из-за которой откладывался его отъезд из столицы и фактическое управление провинцией, заключалась в особой ситуации, возникшей на Востоке.

Напомним, что там происходило. Стремясь восстановить свое влияние в Армении, захваченной парфянами, Рим примерно полтора года назад назначил наместником Каппадокии Корбулона. В Малую Азию он прибыл весной 55 года. Встретился с наместником Сирии Умвидием Квадратом, который передал под его начало два легиона и некоторые вспомогательные отряды. Под своим командованием Умвидий сохранил точно такие же силы. И что важнее, считал себя вправе действовать самостоятельно. Он мог так считать, поскольку компетенции его и Корбулона четко не указывались, возможно, намеренно: советники императора были заинтересованы в их соперничестве.

И получилось так, что при дворе царя Вологеза в Ктесифоне, что на реке Евфрат, почти одновременно появились посланцы и Корбулона и Умвидия. Парфянский царь в тот момент чувствовал себя достаточно неуверенно в собственном государстве: в одной из покоренных стран продолжался мятеж, среди магнатов нарастало недовольство. Поэтому Вологез пошел на переговоры, согласившись даже представить заложников. Однако повел он себя при этом с восточной хитростью. Отсылались члены самых именитых парфянских родов, но все из числа недругов царя!

Между посланцами римских наместников сразу начался спор, кто из них примет этих заложников. Сначала их получил центурион Умвидия, но в конечном итоге в империю доставил поверенный Корбулона. Затем началась распря между самими наместниками. Умвидий доказывал, что именно он своей дипломатией склонил царя к уступкам. А Корбулон утверждал, что, не появившись он на Востоке, парфяне не стали бы сговорчивее.

Примирил наместников Нерон, признал за обоими заслуги, себе же присвоил всю славу. В знак победы он приказал увить лавровыми ветками фасции — пучки прутьев с топором в середине, которые несли шествовавшие впереди него ликторы.

Если бы император в этой ситуации отозвал Умвидия, а прислал бы на его место нового наместника

Сирии, то положение Корбулона, и так прочное, чрезвычайно укрепилось бы. Он стал бы подлинным хозяином Востока. А такого императорское правительство не могло допустить. Вот почему после некоторой задержки решено было, что Умвидий останется в Сирии, назначение же Антея аннулировали.

Чтобы и римский люд что-то имел от успехов на Востоке, Нерон объявил о проведении больших игр. Заботу о подготовке их поручил Аррунцию Стелле, одному из друзей Агриппины. Это было четвертое назначение такого рода после примирения императора с матерью. Должность Аррунция являлась ответственной и необычайно почетной, создавала огромную популярность среди широких масс римлян.

Победа Агриппины несколько изменила соотношение сил в правящих сферах Рима. Это придало смелости некоей группе влиятельных лиц, не столько близких к матери императора, сколько недоброжелательно относящихся к Бурру и Сенеке. Решено было или оттеснить их от императора с помощью ловкой интриги, или по крайней мере подорвать доверие Нерона к обоим советникам. Бурра и Палланта обвинили в подготовке заговора с целью посадить на трон Корнелия Суллу. Тот был потомком славного диктатора, правившего почти полвека назад; он являлся также братом Мессалины и мужем Антонии, дочери императора Клавдия от первого брака. Итак, по своим родственным связям он принадлежал к числу лиц, крайне близких к императорской семье, и при определенных обстоятельствах действительно мог претендовать на трон. Те, кто плели интригу, рассуждали так: личность Корнелия Суллы укрепит императора в подозрениях; он поверит в правдивость обвинения тем охотнее, что не любит Палланта; несколько месяцев назад император освободил его от управления канцелярией по делам финансов, поэтому сочтет, что теперь Паллант пытается восстановить свое утраченное положение путем государственного переворота. Авторы этого плана знали, что дело будет рассматриваться в сенате, где многие завидуют Бурру, его высокой должности, и почти все терпеть не могут Палланта. При голосовании их обоих признают виновными! Предполагалось, что падение Бурра приведет и к отстранению Сенеки.

Однако события приняли иной оборот. Влиятельные особы, подлинные авторы задуманной интриги, не желали и не могли действовать прямо. Они не смогли подыскать в обвинители ни одной солидной фигуры. Наконец за эту роль взялся некий Пэт, сомнительный тип, вызывавший всеобщее презрение, ибо был скупщи-

ком вещей у лиц, приговоренных к конфискации имущества, после чего он делил и распродал приобретенное по частям. Итак, уже сама личность обвинителя подрывала достоверность обвинения!

Еще более удивительной оказалась реакция самого Нерона. Наученный горьким опытом, каким явилось раскрытие козней против Агриппины, он сразу отмежевался от этого дела и предоставил сенату свободу действий. В сенате же, вопреки ожиданиям интриганов, преобладали люди, которые хотя и не выносили Палланта, но еще более нетерпимы были к доноситељству. Они справедливо считали, что, если однажды распахнуть перед ним врата и воспринять всерьез, очередной жертвой доносчиков может стать любой.

Случилось так, что в судейскую коллегию, которой предстояло рассматривать обоснованность обвинения, избрали самого обвиняемого, Бурра! К тому же с правом решающего голоса! Второй обвиняемый, Паллант, явно воспринимал все с насмешкой. Когда доносчики заявили, что он вовлек в заговор своих вольноотпущенников, Паллант спокойно отвечал:

— Я со своими домашними разговоров не веду. Распоряжения отдаю движением головы или жестом. Если задание посложнее, отдаю письменный приказ. Где мои автографы на этот счет?

Обвинитель отправился в изгнание. А в далекой Иудее прокуратор Феликс облегченно вздохнул: его брат Паллант еще что-то значит!



Ночные утехи Нерона

55 год благополучно завершился. Между императором и его матерью наступило примирение, позиция Рима на Востоке упрочилась, народ наслаждался играми. Советники Нерона могли уверенно глядеть в будущее. Правитель по-прежнему предоставлял им свободу действий во всех государственных делах, а они со своей стороны ничем не стесняли его юношеских забав.

С наступлением темноты Нерон надевал шапку, какую носили рабы и бедные вольноотпущенники, и в теплой компании украдкой покидал дворец, отправляясь в город. Он посещал самые мерзкие харчевни и винные погребки, кружил по улицам в районах, где гнездились нищета и порок, не чурался обитателей самого дна. Он

часто задирали прохожих, возвращавшихся с ночных увеселений. Подчас дело доходило до драк. Многим, даже очень достойным особам доводилось в принудительном порядке искупаться в клоачной яме. Разнузданная банда совершала и обычные грабежи, вламываясь в лавки и лавчонки. Похищенный товар император потом сбывал друзьям на настоящих аукционах в одном из закоулков дворца.

Случалось в этих ночных драках пострадать и самому императору, когда он нарывался на более сильного. Так произошло, когда однажды он начал приставать к жене сенатора Юлия Монтана. Монтан храбро защищал ее. Император, стыдясь синяков под глазами, несколько дней вообще не показывался на людях. Однако Нерон не собирался мстить Монтану, считая, что тот был вправе жестоко обойтись с неведомым нахалом. Монтан сам себя погубил. Узнав от посвященных, кого ему выпала честь поколотить на темной улице, он направил письмо с извинениями. Прочтя письмо, император изрек:

— Значит, он знал, что поднял руку на Нерона!

Монтану пришлось покончить жизнь самоубийством. Зато его жена, красавица Кальвия Криспинилла, вошла в круг друзей императора. Она выступала в роли опытной наставницы по части различных извращений.

Из стычки с Монтаном Нерон извлек для себя урок. С тех пор в ночи его сопровождали офицеры и гладиаторы, державшиеся несколько поодаль. Они вмешивались лишь тогда, когда дело принимало серьезный оборот.

Вскоре весь город знал, кто нарушает ночной покой. Подвергшиеся нападению часто боялись звать на помощь. Этим пользовались настоящие воры. Они безнаказанно обирали жилища и лавки, молва же все приписывала проделкам Нерона.

Сенека и Бурр, разумеется, оправдывали императора:

— Ему только что исполнилось восемнадцать, а у юности свои законы. Однако там, где речь идет о серьезных вещах и государственных делах, он проявляет сдержанность, благоразумие, милосердие.

Именно милосердие Сенека считал самым ценным качеством властителя; с точки зрения подданного такое суждение вполне понятно. Милосердие Сенека определял следующим образом. Это умение держать себя в руках, когда есть возможность отомстить. Милосердие — это если человек, занимающий самую высокую должность, проявляет к подчиненным снисхождение, вместо того чтобы их наказывать.

Сенека посвятил милосердию отдельный трактат. Публикуя его, он преследовал сразу несколько целей: польстить Нерону и убедить императора, что он на правильном пути, и одновременно показать современникам, что он, Сенека, вдохнул в душу своего воспитанника благороднейшую добродетель и продолжает это качество развивать, чтобы дать потомству образ идеального правителя — милосердного Нерона, а равно и идеального советника правителя — философа Сенеки. В трактате автор писал: «Что заставило меня говорить о милосердии? Одно твое высказывание, Нерон. Хорошо помню его, ибо оно восхитило не только меня, но и других, которым я позже это повторял. Благородное, великодушное суждение, проявление подлинного милосердия. Это не были слова, сочиненные заранее, предназначенные для чужих ушей. Они вырвались ненароком и явились свидетельством того, как твоя природная доброта вынуждена противоборствовать с требованиями назначенного тебе судьбой положения. Бурр, твой префект, великолепный человек, именно для того и рожденный, чтобы служить такому правителю, как ты, должен был огласить приговор двум вора́м. Он просил тебя указать каждому из них меру наказания. Он настаивал, чтобы ты наконец принял это неоднократно откладываявшееся решение. Недовольно протянул тебе, также недовольному, лист бумаги, на подпись. Тогда ты и воскликнул: „О, как бы хотелось мне не уметь писать!“»

Когда же Нерон размышляет о масштабах своей власти, у него, по представлениям Сенеки, роятся такие думы в голове: «Неужто из всех смертных я один добился признания? Меня избрали для того, чтобы на земле исполнять волю богов. Я принимаю решения, которые определяют судьбы целых народов. В моих силах решить, какой будет эта судьба. О том, что судьба преподносит кому-либо из смертных, она объявляет моими устами. Мое решение способно доставить радость народам и городам. Вопреки моей воле, без моего благосклонного отношения ничто и нигде не расцветет. Один мой жест — и тысячи мечей, что сейчас покоятся в ножнах из-за моей приверженности к миру, будут обнажены. Я решаю, какие народы истребить, какие переселить, какие освободить или лишить свободы, каких царей обратить в рабов, на чью голову возложить царскую диадему, какие города должны пасть, а какие родиться. Несмотря на необъятность моей власти, меня к вынесению суровых приговоров не склоняют ни гнев, ни юношеская опрометчивость, ни легкомыслие и упрямство людей (хотя это способно

вывести из себя даже самых уравновешенных), ни желание посредством страха явить свою мощь, проклятое желание, столь частое в великих империях!»

Год назад, создавая «Отыквление...», Сенека устами Аполлона возвестил, что уже грядет золотой век, век счастья и торжества закона. И теперь в своем трактате он не упустил случая предсказать: «Милосердие императора постепенно распространится на всю империю, на все составные части этого колоссального организма, преобразовав их по своему образу и подобию. В людских сердцах возродится взаимная любовь, честность, доверие и скромность. Недостатки и пороки исчезнут, восторжествуют благоденствие и чистота нравов».

Не только Сенека прославлял Нероново мягкосердечие и счастье нового века. Один поэт, не очень оригинальный, хотя и небесталанный, начал в ту пору сочинять идиллии. Он подражал в своем искусстве прославленным «Буколикам», которые почти столетие назад, во времена Октавиана, создавал Вергилий. В первой идиллии автор (его звали Кальпурний) вводит бога гор и лесов Фавна. Тот предрекает своим подданным, жителям полей и диких пустошей, наступление времени блаженной радости. Стада будут спокойно пастись на воле, а пастуху не потребуется опасаться хищников, даже на ночь он не станет запирасть их в усадьбе. Золотой век возродится. На землю вернутся богини правосудия, юный император даст миру счастье. До тех пор, пока этот юный бог будет властвовать над народами, война способна свершить только одно: в приступах ярости раздирать собственные внутренности, ибо руки ее крепко скованы. Наступит мир, подлинный мир, не тот мнимый, что наступал уже часто, когда далекий враг бывал, правда, укрощен, но острие внутренних раздоров в такой тишине пронзало самое сердце страны. Ныне милосердие изгнало эту болезнь мнимого мира, повелев убрать в ножны безумные мечи. Никто не увидит уже закованных в кандалы сенаторов, в траурном шествии ведомых к месту казни. Тюрьмы опустеют. Должность консула вновь превратится в подлинную должность, закон вновь обретет силу. Пусть возрадуются все народы Юга и Севера, Востока и Запада. Комета послужила знаком небес, что по смерти предыдущего властелина милостивый бог принимает в свои твердые руки ответственность за судьбы великого государства римлян.

Подобная лесть и славословие — распространенное явление в начале царствования. Но если бы обратились к самым широким массам жителей столицы с вопросом:

действительно ли четырехлетнее правление Нерона представляется им удачным и счастливым? — вероятно, последовал бы утвердительный ответ.

Ночные странствия Нерона, хотя подчас и малопривлекательные для приподневшихся прохожих, завоевывали юному властителю громадную популярность. Народ смеялся над разъяренными сановниками, которых вытаскивали из выгребных ям. Налеты на лавки торговцев расценивали как хорошую шутку. Нерону прощались подобные выходки: императора, как видно, переполняет радость жизни, играет в нем молодая сила и удаль. Что за беда, если тот или иной гуляка ходит слегка побитым, а прижимистый купец причитает над разбитыми горшками? Во сто крат лучше такой переполох и крики по ночам, нежели всевластие тайной полиции, террор доносчиков, которых среднее поколение хорошо помнит со времен Тиберия! Императору известно, как живет простой люд. Он не зазнается, не сидит взаперти во дворце, он может заговорить с каждым в дешевых харчевнях. Его интересуется то же, что и простого смертного: легкая музыка, цирк, театр. Потому и зрелища устраиваются все чаще и чаще и становятся все великолепнее. Немаловажную роль в этом сыграло благожелательное отношение императора. В цирке количество конных заездов возросло до двадцати четырех, а состязания продолжаются с утра до вечера. Заправила партий сколачивают целые состояния. Они уже не согласны отдавать внаем своих людей и лошадей на единичные заезды, только на целый день. Цены подскочили так, что один из преторов, который вынужден был оплатить свою должность устройством игр, продемонстрировал публике не состязания колесниц, а собачьи бега!

Но в 56 году в Риме больше всего разговоров было не о цирке, а о театре.



Пантомима

Со времен Августа на театральных подмостках Рима господствовал один вид представлений — пантомима. Это был крайне своеобразный жанр.

На сцене выступал один актер. Арсенал его изобразительных средств состоял из жеста и танца, даже не мимики, ибо лицо актера скрывала маска. С помощью

этих простых и скромных средств он должен был представить зрителям драму, сюжет, который обычно черпался из богатейшей сокровищницы мифов, чаще всего малоизвестных. Один актер представлял поочередно разных действующих лиц этой драмы, как мужчин, так и женщин, и самое большее, что он делал при этом,—менял маски. Он танцевал в такт музыке, а оркестр состоял всего лишь из нескольких инструментов. Для объяснения происходящего на сцене имелся хор.

Киник Деметрий, учитель Сенеки, презирал театр. Это вытекало из основного принципа киников: человек должен ограничивать свои потребности самым необходимым. А театр для жизни наверняка не такая уж необходимая вещь, поскольку он не рожден самой природой. Деметрий поэтому никогда не смотрел пантомиму и метал громы и молнии против ее поклонников. Он говорил:

«Танцор в представлении—второстепенная фигура. Зрителя захватывает только музыка: флейта, свирель, отбивание такта. Актер же здесь ничего не значит, он бездумно кружится, а зрителя очаровывают его шелковые одеяния, мелодия, прекрасные голоса хористов».

Мим Парис пригласил Деметрия на репетиции, когда не было ни оркестра, ни хора. Актер изобразил историю Афродиты и Ареса. Их свидание подглядел бог солнца Гелиос и поведал мужу Афродиты, Гефесту. Тот приготовил хитро сплетенные сети и захватил обоих в ложе, когда они слились в самом пламенном объятии. Итак, танцор представил одну за другой эти забавные сценки, проиграв поочередно всех персонажей: и встречу любовников, и ссорившую со стыда богиню любви, и грозного бога войны, содрогающегося от страха.

Суровый киник был вне себя от восхищения:

— Дружище! Я не только вижу, но и слышу тебя! Ты говоришь руками!

Естественно, что актеры, достигавшие таких высот мастерства, были крайне популярны. У них существовали тысячи, десятки тысяч поклонников. Зарабатывали они миллионы. Города ставили им памятники, они получали те же награды, что и высокие муниципальные чиновники. Расположения мимов добивались самые состоятельные люди. Уже сорок лет назад сенат постановил: сенаторы не должны бывать в гостях у актеров, как люди высокого положения, они не могут сопровождать мимов на улицах. Приказ ничего не дал. Юноши из знатнейших римских семейств вели себя как слуги прославленных актеров. Богатые женщины да-

рили их любовью. Пример подавался императорским домом. Калигула дружил с мимом Мнестером, тем самым, который был любовником Мессалины и погиб одновременно с ней в 48 году.

Вместе с тем закон крайне сурово наказывал актеров! Римский гражданин, выступающий на подмостках, был тем самым обесчещен, подобно солдату, в дисциплинарном порядке уволенному со службы, вору, фальшивомонетчику, мошеннику: в определенных случаях он подлежал наказанию розгами; не мог отныне стать во главе какого-либо учреждения. Браки сенаторов и их потомков с людьми театра либо их сыновьями и дочерьми по закону считались недействительными. На практике же такие постановления соблюдались, только когда речь шла о нищих и малоизвестных актерах, таких, которые на сцене появлялись в царских одеждах, а в повседневной жизни питались хуже рабов и спали под ворохом тряпья.

Но когда выступали прославленные мимы, восторженные толпы заполняли театры до отказа. Даже равнодушные поддавались общему порыву, впрочем, среди зрителей сидели и хорошо оплачиваемые профессиональные клакеры. Актеры очень заботились об аплодисментах, поскольку от этого зависели их заработки и символы славы, которыми их награждали,— пальмы и венки. Поэтому они не гнушались никакими средствами, когда речь шла о борьбе с соперниками. Они создавали вооруженные банды, поддерживаемые и оплачиваемые богатыми почитателями. В театрах между этими бандами дело доходило до драк, в которых публика участвовала с тем же воодушевлением, с каким созерцала прелесть танца. Это было дополнительное развлечение. Возникли, по образцу цирковых, театральные партии. Современники сокрушались по поводу падения нравов, ибо не понимали, что массовое высвобождение эмоций в цирках и театрах было чем-то абсолютно естественным и даже необходимым. Уже около ста лет в Риме отсутствовала подлинная политическая жизнь, стало быть, не было выхода для здоровых, присущих каждому обществу инстинктов борьбы, соперничества, конфликта мнений. Все в государстве являлось видимостью и фикцией. Отсутствовали идеи — были лишь лозунги. Не было политиков — были карьеристы. Не было партий — были дворцовые клики и такие вот театральные-цирковые партии.

Для сохранения спокойствия в театрах вводили на время спектаклей когорты стражников — тысячи хорошо вооруженных людей. Но это мало помогало. Уже в царствование Тиберия в зрительном зале дело доходило

до столь ожесточенных драк, что погибали многие солдаты, пытавшиеся усмирить возбужденные толпы. Постоянно появлялись постановления сената и императорские эдикты, изгоняющие за пределы Италии актеров, повинных в возникших беспорядках. Это тоже оказывалось безрезультатным, ибо самые прославленные из них, а следовательно, и наиболее виновные, всегда умели уберечься. Калигула же сразу, в первые дни своего господства, отменил все наказания, которые касались мимов.

В самом конце 55 года решено было когорты из театра удалить. Мотивировалось это решение тем, что солдаты деморализуются, глядя на разнузданные танцы, принимая участие в общей неразберихе; это должно было также явиться проверкой: способна ли публика без вооруженной охраны сохранять спокойствие?

Быстро обнаружилось, что именно скрывал этот красивый жест. Борьба театральных партий всколыхнулась вновь с еще большим ожесточением. Почитатели тех или иных актеров забрасывали друг друга камнями, дрались досками, выломанными из скамей. Среди участников этих кровавых схваток особым запалом отличался некий молодой человек, которого вносили в театр в лектике. Вначале он действовал скрытно, из-за занавески лектики, позже, однако, принялся орудовать более открыто и смело. Собственноручно он проломил голову какому-то сановнику, который неосмотрительно подвернулся под руку. Нетрудно догадаться, кем был этот пылкий юноша.

Случилось так, что один из преторов приказал взять под стражу нескольких слишком пламенных любителей пантомимы. Когда их вели в кандалах, неожиданно появился народный трибун Антистий Созиан и, пользуясь своими полномочиями, распорядился тотчас же освободить задержанных. И в самом деле, именно в этих целях более пяти столетий назад, в начале существования республики, создали народный трибунал, чтобы представители его помогали всем притесняемым государственными властями. Пять столетий трибуналы с честью выполняли миссию. Они защищали простых людей от злоупотреблений вельмож и чиновников, отстаивали равноправие граждан перед законом. Теперь же все выглядело фикцией, если не сказать карикатурой. Формально республика продолжала существовать, существовали также и все республиканские учреждения, а следовательно, и народный трибунал. Однако теперь он служил лишь декорацией, придающей блеск Единственному, наделенному подлинной властью.

Задумывался ли кто-нибудь тогда, каким трагиче-

ским символом профанации свободы явилось вмешательство трибуна Антистия Созиана? Он формально занимал тот самый пост, что некогда и братья Гракхи, поборники крупных общественных и экономических реформ. Однако чего он добивался? Он торжественно выступил как защитник дебоширов и клакеров! А сделал это, очевидно, дая того, чтобы понравиться юному властителю, которого первого следовало задерживать за возникший беспорядок.

Однако эта жалкая комедия имела и серьезные последствия. Делом заинтересовался сенат, он заступился за претора, действиям которого помешал Антистий. Начались широкие дебаты. В итоге наглость трибуна была осуждена. При этом воспользовались случаем, чтобы ограничить и ту явную видимость правомочий, что еще оставались у занимавших этот пост.

Такое отношение сената к трибунам было понятным. На протяжении скольких уж поколений шла борьба между этим оплотом магнатов и консерваторов и трибунами—представителями народа! Исторические анналы республики полны упоминаний об ожесточенных, иногда и кровавых распрях, и хотя все это давно уже было всего лишь историей, в сознании членов сенатского сословия жили еще тогдашние обиды и предубеждения. И вот наконец наступил миг победы над наглыми борцами за равноправие! Правда, наступил он тогда, когда триумф не имел уже никакого практического значения, ибо как те, что стояли на самых низких ступенях иерархической лестницы, так и те, кто находился на вершине ее, были равны перед императором.

Почему Нерон позволил сенату одержать верх в этой борьбе? Вероятно, душою он оказался на стороне трибуна, который отстаивал свободу поведения в театре. Но оба советника цезаря, Сенека и Бурр, составляли с сенатом неразрывное целое. Неразумно было из-за такого ничтожного повода ломать политическую программу—принцип согласия и взаимодействия с сенатом.

Поскольку драматические столкновения в театре не прекращались, требовалось вновь ввести туда когорты стражников, а заодно вспомнить приказ о высылке из Италии актеров-подстрекателей.

Покинуть Рим пришлось многим второразрядным танцовщикам. Но любимец Нерона, Парис, остался. Сколь мил он оказался сердцу правителя, обнаружилось в ту же пору, но при иных обстоятельствах. Актер, как уже говорилось, был вольноотпущенником Домиции, тетки Нерона. И вот теперь он начал судеб-

ный процесс против своей бывшей госпожи о возвращении ему тех денег, которые он, как полагалось, выплатил за свое освобождение. Он утверждал, что, в сущности, никогда не являлся рабом, Домиция лишь выдавала его за такового, вынудив заплатить эти деньги. Разумеется, все это звучало по меньшей мере неправдоподобно. Однако суд, соответственно проинструктированный, поверил истцу, и Домиции пришлось уплатить Парису порядочную сумму.

Суть, однако, была не в деньгах. Ведь приговор ясно гласил, что Парис рожден свободным, а это великолепным образом улучшило его социальное положение. В сенате в это время как раз шли серьезные дебаты о вольноотпущенниках. Требовали введения суровых наказаний в отношении тех из них, которые не выполняют своих обязанностей перед хозяевами, не выказывают им уважения и благодарности. Предлагалось даже в некоторых случаях лишать их свободы, с тем, чтобы они вновь становились собственностью прежних господ. Эта проблема сделалась предметом обсуждения в ближайшем окружении императора. Мнения разделились. Часть советников согласилась с позицией сенаторов: вольноотпущенник, совершивший преступление, снова должен сделаться рабом. Указывалось также, что в нынешней ситуации самое суровое наказание, каким патрон может пригрозить своему неблагоприятному вольноотпущеннику,— это высылка его на расстояние ста миль от Рима. А между тем прекрасная, благодатная Кампания расположена еще дальше. Мнимый изгнанник мог перебраться туда и жить себе припеваючи, потешаясь над господским гневом.

Другие, однако, полагали, что такое решение трудно воплотить в жизнь. Вольноотпущенники и их потомки—это отдельная среда, многочисленная и влиятельная: из их числа рекрутируются мелкие служащие и солдаты городских когорт, и даже многие сенаторские семьи ведут свою родословную от вольноотпущенников. А по какому принципу можно лишать свободы, предоставленной с соблюдением обязательных правовых норм? Скорее необходимо предупредить хозяев, чтобы они осмотрительнее отпускали рабов на волю, и только тех из слуг, которые действительно заслуживают, или же прибегали к такой формулировке освобождения, которая в некоторых случаях предусматривает его отмену.

Эта точка зрения одержала верх. Император в письменной форме уведомил сенат, что не считает полезным издавать на этот счет постановление общего

порядка, жалобы на вольноотпущенников следует рассматривать индивидуальным образом.

И тем не менее долгие годы правления Нерона отличались известной суровостью в отношении вольноотпущенников. Их потомки даже во втором поколении не призывались в сенат.



Философ и рабы

Тенденция всех сенатских начинаний была четкой. Сенат жаждал таких реформ, которые укрепляли бы социальное и имущественное положение крупной аристократии. На это были направлены равно как ограничения полномочий народных трибунов, так и требование усилить контроль за вольноотпущенниками со стороны хозяев.

Эта тенденция последовательно поддерживалась сенаторами и в следующем, 57 году. Нерон тогда во второй раз возглавлял консульство. Он увековечил это событие отменой налога с закупки рабов. Налог был введен императором Августом, позже его увеличили до 4 процентов уплачиваемой суммы. Крупные рабовладельцы, разумеется, были заинтересованы в том, чтобы уклониться от налога, который составлял солидную сумму, поскольку цены на рабов, имевших хоть какую-нибудь квалификацию, постоянно росли. Государство, однако, не могло отказаться от столь надежного источника доходов, которое пополняло казну, именуемую *aerarium Saturni*¹, формально состоявшую в ведении сената. Было решено, что отныне налог платит продавец. Это была наивная мера; покупатели ничего не выигрывали, так как купцы в ответ повышали цены на рабов ровно настолько, насколько возрастали налагаемые на них подати.

Aerarium Saturni—название возникло потому, что еще со времен республики казна находилась в подвалах храма Сатурна—постоянно недоставало денег, ибо большинство доходов поступало из касс, непосредственно подчиненных императору; это были так называемые *aerarium militare* и *fiscus*². А тем временем

¹ Государственная казна при храме Сатурна, государственный архив.

² Налоги с римских граждан за освобождение от воинской повинности и налоги в пользу императора.

расходы из казны Сатурна были значительными: жалование тысячам чиновников низших категорий (ибо более высокие должности были бесплатными), доплата за зерно, которое в Риме продавалось по ценам более низким, чем закупочные, содержание храмов в столице.

Нерон сделал в 57 году великолепный жест. Он одолжил казне Сатурна из своих личных касс 400 миллионов сестерциев! Жест этот имел и свой исторический смысл, так как из предыдущих императоров только Август поддерживал подобным образом ресурсы сената. Итак, Нерон показал, что стремится верно следовать великому создателю империи.

По существу же, все это было фикцией. Еще в конце минувшего 56 года была произведена реформа казны Сатурна. До той поры она находилась в ведении квесторов. Теперь казной ведали два префекта, которых император назначил из числа бывших преторов. Формально это был возврат к тому положению вещей, какое некоторое время являлось обязательным при Августе, на самом же деле жест этот означал, что прежняя республиканская казна непосредственно и целиком зависит от императора.

Придя к власти, Нерон заявил, что во всем будет следовать достойному подражания Августу. Каждый новый год давал подтверждение тому, что император серьезно относится к этому прекрасному девизу. Так, в 57 году сенат утвердил эдикт, который формально возобновил и расширил один из указов времен Августа, по существу же, он во многом отвечал жизненным интересам магнатов-рабовладельцев.

Принципиальный смысл закона Августа сводился к следующему: введение в права наследования после завещателя, убитого его рабами, производится только после того, как всех виновных покарают пытками и смертью. Убийством считался любой насильственный акт—скажем, закалывание кинжалом, сбрасывание в пропасть или отравление. Казни подлежат все рабы, которые в момент убийства находились под одной крышей с господином либо в его окружении. Если господин покончил самоубийством, рабов наказывать не следует, разве что в том случае, когда они могли ему в этом помешать, но не помешали.

Восстановив приказ Августа, к нему ныне сделали дополнения.

В случае убийства рабами одного из супругов должны понести наказание и рабы другого супруга, составляющие его собственность. Все рабы, которые находились в доме, где убили их господина, должны быть подвергнуты пыткам и казнены, даже если хозяин

в своем завещании даровал им свободу. Рабы, живущие по соседству, которые слышали крики убиваемого и не пришли на помощь, подлежат наказанию наравне с убийцами, равно как и те рабы, которые покинули своего господина, подвергнувшись нападению бандитов.

Решение было жестоким, а применяли его, как показало будущее, со всей беспощадностью. Через четыре года случилось так, что раб убил своего господина, Педания Секунда, префекта Рима. Причина убийства не была ясна даже для современников. Якобы хозяин присвоил деньги, которые раб накопил для выкупа. Такие небольшие накопления раба, именуемые *peculium*, почти не принадлежали ему, ведь все, что невольник имел, считалось собственностью его господина, но все-таки по повсеместному обычаю, заплатив деньги, раб получал свободу.

Убийца был известен, невиновность остальных рабов Педания (около четырехсот человек разного возраста и пола) сомнений не вызывала. Но согласно решению 57 года все они должны были умереть. Известие об этом взбудоражило весь город. Громадная толпа собралась перед зданием, где шло заседание сената, домогаясь милосердия к несчастным жертвам. Впрочем, и среди сенаторов преобладало мнение, что следует отменить смертный приговор. Тогда поднялся Гай Кассий, этот прославленный суровый законник. Он заявил:

— Бывший консул погиб в собственном доме, став жертвой предательства своих рабов. Никто не остановил убийц, никто их не выдал. А ведь постановление сената, определяющее смертную казнь для всех рабов в случае, если один из них убьет господина, еще в силе. Теперь вы ратуете за его отмену. Но тогда грош цена любому заслуженному лицу, если уж смеют поднять руку на префекта столицы. И может ли служить защитой количество рабов, если Педания не уберегли четыреста человек? Кому рабы придут на помощь, если даже теперь они этого не делают?

Наши предки не доверяли рабам, хотя тогда те рождались в их имениях и домах и, следовательно, с детства могли привязываться к своим господам. Теперь, однако, среди наших рабов люди разных чуждых племен. Их нравы совершенно отличны от наших, их религии неведомы, либо богов у них вовсе нет. Этот сброд можно удерживать в повиновении только страхом. Разумеется, погибнут и некоторые невиновные. Нечто подобное, однако, происходит и в армии, когда солдаты бегут с поля боя: каждый десятый засекается розгами насмерть, хотя бы даже на самом деле он проявил

храбрость. Абсолютной справедливости не существует, когда речь идет об устрашающем примере. Но несправедливости по отношению к отдельной личности уравновешивается пользой для всего общества...

В конце концов, несмотря на протест многих сенаторов, одержало верх мнение Кассия. Однако опасались, что в городе могут вспыхнуть беспорядки. Массы жителей, потрясенных зверством этой узаконенной резни, схватились за камни и факелы. Тотчас появилось суровое воззвание императора, порицающее «сеятелей смуты». Кордоны солдат блокировали дорогу, по которой четыреста невинных жертв, в том числе женщин и детей, повели к месту казни.

Главной целью этой экзекуции, как и ее правовой основы, то есть постановления сената от 57 года, было отбить у рабов охоту к новым выступлениям против своих хозяев. Им вменялось заботиться о жизни господ, как о своей собственной, ибо при малейшем подозрении, что их патрон умер насильственной смертью, все они отправлялись за ним следом — виновные и невинные.

Бесчеловечное решение вступило в силу, когда у кормила власти стоял Сенека. Что бы дурное о нем ни говорили, но извергом он наверняка не был. А в его сочинениях сколько по тем временам мудрых мыслей о рабстве!

В письме к другу Сенека писал: «Я с радостью узнаю от приезжающих из твоих мест, что ты обходишься со своими рабами, как с близкими. Так и подобает при твоём уме и образованности. Они рабы? Нет, твои смиренные друзья. Они рабы? Нет, твои товарищи по рабству, если ты вспомнишь, что и над тобой и над ними одинаковая власть Фортуны.

Мне смешны те, кто гнушается сесть за стол с рабом — и почему? Только потому, что спесивая привычка окружила обедающего хозяина толпой стоящих рабов! Он ест больше, чем может, в непомерной жадности отягощает раздутый живот, до того отвыкший от своего дела, что ему труднее освободиться от еды, чем вместить ее. А несчастным рабам нельзя раскрыть рот, даже чтобы сказать слово. Розга укрощает малейший шепот, даже случайно кашлянувший, чихнувший, икнувший не избавлен от порки: страданием искупается малейшее нарушение тишины. Так и простаивают они целыми ночами, молча и не евши. Из-за этого и злословят те, кому при хозяевах говорить запрещается. Зато другие, кому можно перемолвиться словом не только при хозяине, но и с ним самим, кому не затыкали рта, готовы бывали за хозяина подставить

голову под меч, принять на себя близкую опасность. За столом они говорили, под пыткой молчали.

Часто повторяют бесстыдную поговорку: «Сколько рабов, столько врагов». Они нам не враги—мы сами делаем их врагами. Я не говорю о жестокости и бесчеловечности—но мы и так обращаемся с ними не как с людьми, а как со скотами. Мы возлежим за столом, а из них один подтирает плевки, другой, согнувшись, собирает оброненные пьяными объедки, третий разрезает дорогую птицу и уверенными движениями умелых рук членит на дольки то грудку, то гузку. Несчастен живущий только ради того, чтобы по правилам резать откормленную птицу, но тот, кто обучает этому ради собственного удовольствия, более жалок, чем обучающийся по необходимости...

Изволь-ка подумать: разве он, кого ты зовешь своим рабом, не родился от того же семени, не ходит под тем же небом, не дышит, как ты, не живет, как ты, не умирает, как ты? Равным образом и ты мог бы видеть его свободнорожденным, и он тебя—рабом. Когда разбит был Вар¹, Фортуна унизила многих блестящих по рождению, готовых через военную службу войти в сенат: одних она сделала пастухами, других—сторожами при хижинах. Вот и презирай человека того состояния, в которое ты сам, покуда презираешь его, можешь перейти. Я не хочу заниматься этим чересчур обширным предметом и рассуждать насчет обращения с рабами, с которыми мы так надменны, жестоки и сварливы. Но вот общая суть моих советов: обходись со стоящими ниже так, как ты хотел бы, чтобы с тобою обходились стоящие выше. Вспомнив, как много власти дано тебе над рабом, вспомни, что столько же власти над тобою у твоего господина... Будь милосерден с рабом, будь приветлив, допусти его к себе и собеседником, и советником, и сотрапезником. Тут и закричат мне все наши привередники: «Да ведь это самое унижительное, самое позорное!» А я тут же поймаю их с поличным, когда они целуют руку чужому рабу... «Что же, надо допустить всех моих рабов к столу?»—Нет, так же как не всех свободных. Но ты ошибаешься, полагая, будто я отправлю некоторых прочь за то, что они заняты грязными работами: этот, мол, погонщик мулов, а тот пасет коров. Знай: не по занятию, а по нравам буду я

¹ Квинтилий Вар—наместник провинции Германия. В 9 году н. э. вместе со всем войском попал в засаду, устроенную одним из германских племен в Тевтобургском лесу, и после гибели своих солдат покончил с собой.

их ценить. Нравы каждый создает себе сам, к занятию приставляет случай. Одни пусть обедают с тобой, потому что достойны, другие—затем, чтобы стать достойными... Он раб! Но, быть может, душою он свободный. Он раб! Но чем это ему вредит? Покажи мне, кто не раб. Один в рабстве у похоти, другой—у скупости, третий—у честолюбия, и все—у страха. Я назову консуляра—раба старухи, и богача—раба служанки, покажу самых родовитых юношей в услужении у мимов. Нет рабства позорнее добровольного. Так что нечего нашим слишком разборчивым гордецам запугивать тебя. Будь с рабами приветлив, покажи себя высоким без высокомерия: пусть они лучше чтят тебя, чем боятся.

Кто-нибудь скажет, будто я зову рабов надеть колпак, а хозяев лишаю их достоинства, когда говорю, что лучше бы рабы чтили их, чем боялись: «Неужто так прямо он и говорит: пусть рабы чтят нас, как будто они—клиенты или утренние посетители?» Кто так скажет, забывает, что и с хозяина хватит того, чем довольствуется бог,—почитания и любви. А любовь не уживается со страхом. Поэтому, на мой взгляд, ты правильно поступаешь, когда, не желая, чтобы рабы тебя боялись, наказываешь их словами. Побоями наставляют бессловесных животных»¹.

Принципиальным образом проблему рабства Сенека затронул также и в трактате «О благодеяниях», написанном уже в конце жизни. Там он в одном месте размышляет, может ли раб быть благодетелем своего господина? Некоторые возражали на это. Доказывали, что: «Раб не способен стать кредитором своего господина, даже если ссудит его своими собственными деньгами. Это правда, что он ежедневно оказывает услуги своему хозяину, сопровождая его в путешествиях, пользуя его во время болезни, обрабатывая для него землю. Но это всего лишь служба, не благодеяние. Об этом последнем можно говорить тогда, если кто-то окажет услугу, кто мог бы ее и не оказать. А раб не имеет права отказать. Он не может похвастаться, что сделал что-то, ибо не мог этого не сделать!»

Сенека на это отвечал: «А если раб борется, защищая своего господина, подвергая свою жизнь опасности? Если, покрытый ранами, проливает последнюю каплю крови, стремясь своей смертью выиграть время для господина, чтобы тот мог спастись? Если никакие обещания тирана, никакие угрозы и пытки не

¹ Л. А. Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977. С. 77—79. Пер. С. Ошерова.

склонили раба к тому, чтобы выдать своего хозяина? Ведь история знает и такие случаи! Разве и эти поступки мы не назовем благодеянием?»

Философ резюмировал: «Ошибается тот, кто считает, что рабство пронизывает всего человека насквозь. Человеческая плоть послушна владельцам и принадлежит им, но разум всегда сохраняет полную свободу. Бренное тело можно продать и купить, но дух неподвластен неволе. И все, что не связано с духом, свободно. Господин не может только приказывать, раб же не все обязан выполнять. Он может, например, отказаться от чего-то, что угрожало бы безопасности страны либо вело к преступлению. Существуют также некие вещи, в которых господин не может отказать рабу, например пища и одежда. Никто не называет этого благодеянием. Однако если господин позаботится о воспитании слуги, если обучит его, то это — благодеяние. Точно так же и раб: он тоже способен совершить нечто, выходящее за рамки предписания и обязанности. Сколько примеров можно здесь привести!

Мы все состоим из одних и тех же элементов, одинаково произошли и на свет. Никто не выглядит более благородно в сравнении с другим, разве что он умнее и находчивее. Все мы рождаемся на одном и том же свете».

Но тот же Сенека вынужден был признаться в другом месте: ненависть рабов погубила столько же господ, сколько и гнев властителей. А сколько преступлений и проступков совершают слуги! Обкрадывают своих господ, доносят, убивают, отравляют, покидают!

И потому, вопреки своим возвышенным взглядам, он не голосовал против постановления, не выступил против казни рабов Педания. Реальности жизни и политики часто вынуждают отказываться от идеалов доктрины.



Милосердие Нерона

Знатные господа были довольны. Их интересы полностью удовлетворялись. Но и у простого римского люда были поводы радоваться от всего сердца.

Сразу же с началом 57 года император торжественно открыл новый, громадный амфитеатр. По-гречески слово «амфитеатр» означает «вокруг зрелища»: в этом сооружении места для зрителей располагались не по-

лукругом, но опоясывали овал арены со всех сторон. Первый настоящий амфитеатр в Риме построил Цезарь в 46 году до нашей эры. Через 17 лет усилиями Статилия Тавра был возведен небольшой, но каменный амфитеатр. Сооружение Нерона, выполненное из дерева, возвели в один год. Весь Рим восхищался толщиной и высотой массивных брусьев и стволов, которые использовали при строительстве. Оборудовали амфитеатр великолепно, не забыли даже о голубом навесе, который натягивали над головами зрителей, чтобы предохранить их от палящих лучей солнца.

В амфитеатрах происходили бои гладиаторов, единоборство их с дикими животными, демонстрировали сражения. Нерон обставил открытие амфитеатра весьма торжественно, устроив зрелище, какого еще не видел Рим. Сначала арену заполнила вода, в которой плескались различные морские твари. Потом на это искусственное озеро выплыли корабли «персов» и «афинцев», начавшие настоящий морской бой. Вслед за тем воду быстро спустили и на сухом песке арены началась битва. Сражающимися были смертники из числа гладиаторов и рабов. Кровь лилась ручьями, но благосклонность императора даровала жизнь всем, даже преступникам.

Еще одна причина для радости простого люда — так называемый *congiarium*, то есть раздача денег. Каждый римский бедняк получал по 400 сестерциев. Великодушные императора увековечили чеканкой монет со специальной надписью.

Но не только римские граждане и жители столицы пользовались доброжелательностью Нерона. Именно в это время появился императорский эдикт, крайне важный для обитателей провинций. Нерон запрещал наместникам устраивать какие-либо игры. По обыкновению, эти игры производились за счет люда, подчиненного воле наместника, то есть это была особая форма вымогательства. Нужно отметить, что к таким злоупотреблявшим властью Нерон и его советники применяли суровые меры. Перед сенатом предстало в эти месяцы несколько наместников, обвиненных в лихоимстве.

Одним из них был Коссуциан Капитон, недавний наместник Киликии в Малой Азии. Ровно десять лет назад, когда при Клавдии в сенате рассматривался проект об отмене адвокатских гонораров, двое крайне резко выступили против этого: Коссуциан и Суиллий. Они возражали потому, что сами нажили состояние на грязных адвокатских и судебных махинациях. Несмотря на это, проект, поддержанный большинством сенаторов, был утвержден, и сразу же в начале царствования

Нерона, как мы помним, это решение еще более ужесточили. В сенате все были настроены по отношению к Коссуциану по меньшей мере недоброжелательно. Вымогательства и злоупотребления, какие он допустил в Киликии, были явными и возмутительными, обвинители же, хорошо чувствуя атмосферу, смело атаковали. Делегаты провинции нашли влиятельного защитника своего дела в лице Тразея Пэта. Этот бывший консул обладал большим авторитетом как человек безупречной честности. Коссуциана, ненавидимого издавна доносчика и посредника в самых грязных делах, сенаторы единодушно осудили. Из сената он был удален.

Если, однако, наместник, пусть явно виновный, был лицом более влиятельным, чем Коссуциан, дело могло приобрести неожиданный оборот. Это обнаружилось на примере Эприя Марцелла. Его обвинили почти одновременно с Коссуцианом в лихоимствах, совершенных в Ликии. Доказательства были убедительными, а Тразея, сторонник беспощадного правосудия, вновь бросил на весы свой авторитет. Несмотря на это, от Марцелла отвели все обвинения. Более того, его обвинителей отправили в изгнание как гнусных клеветников!

Такой поворот нетрудно было предугадать. Марцелл действительно являлся персоной значительной. Он родился в бедняцкой семье в Капуе. Благодаря собственным усилиям и незаурядным способностям он сколотил огромное состояние и получил высокие государственные должности. Считали, что его богатство достигает почти трехсот миллионов! Должность претора он исполнял еще при Клавдии, правда, всего лишь один день, вследствие довольно зловещих обстоятельств. Клавдий тогда, 29 декабря 49 года, лишил преторской должности Юния Силана, бывшего жениха своей дочери Октавии, сделал он это в результате интриг Агриппины и Вителлия. Однако должность претора, хотя бы и однодневная, позволила Марцеллу позже стать наместником Ликии. Путем совершенных там мздоимств и злоупотреблений он увеличил свое состояние и без труда смог подкупить многих судей-сенаторов. Впрочем, и без того у него были чрезвычайно широкие знакомства среди очень влиятельных лиц. И что еще немаловажно: он славился как один из лучших римских ораторов. Не удивительно, что большинство сенаторов голосовало за оправдание Марцелла!

Однако сам факт привлечения к ответственности человека столь влиятельного доказывал, что император и его советники не собираются оставлять жителей провинции на произвол наместников. Знаменательно

также и то, что разбирательства дел Коссуциана, Марцелла и других им подобных проводились публично перед сенатом, а не скрытно, в личных апартаментах императорского дворца. Это укрепляло веру в значение программных девизов нынешнего правительства: законность, открытость политической жизни, сотрудничество с сенатом, милосердие для всех.



Дело Помпони Грецины

Еще в царствование Тиберия, в 19 году, произошло событие, которое одних огорчило, других позабавило, а всем вместе наглядно показало, сколь сильное влияние на воображение женщин оказывают восточные религиозные культы.

Паулина и Сатурнин были счастливой супружеской четой. Оба юные, красивые, из хороших семей, состоятельные, они жили — вещь в высших сферах тогдашнего Рима крайне редкая — дружно и добродетельно. Тщетно пытался добиться благосклонности Паулины некий богатый эквит¹ Деций Мунд. Напрасными оказались богатые подарки, обещание двухсот тысяч денариев за одну ночь. Паулина встретила это предложение с негодованием. Деций понял, что похоронил свои надежды навсегда. Влюбленный без памяти, он якобы уже носился с идеей о самоубийстве. Тогда-то вмешалась в это дело вольноотпущенница его отца, Ида. Она взялась за него, обещая успех, и всего лишь за 50 тысяч!

В дом к Паулине явился самый почитаемый из жрецов Исиды; юная жена Сатурнина была ревностной сторонницей этой египетской богини. Жрец попросил о беседе наедине с поклонницей. Разговор оказался действительно доверительного и необычайного свойства. Ибо бог Анупис, тронутый благочестием Паулины, одарил ее своим особым чувством и просил, чтобы вечером она прибыла в храм Исиды, где ее ждет общество божества и его ложе. Паулина приняла это приглашение с надлежащим покорством и глубоким удовлетворением, поспешив похвалиться перед подругами, что стала избранницей бога, а у мужа просила согласия на это. Сатурнин не колеблясь разрешил ей участвовать (как он это понимал) в ночном богослужении в честь экзотического божка. Жена в его глазах

¹ Представитель всаднического сословия.

была вне всякого подозрения. В храме Паулина нашла изысканно сервированный стол и брачное ложе. Жрец погасил светильник и закрыл дверь. В полнейшем мраке к ложу приблизился бог Анубис в человеческом облике. Удалился он только на рассвете.

Через три дня Деций встретил Паулину. С миной триумфатора он заявил:

— Двести тысяч денариев у меня в кармане, а ты все равно стала моей! Деция ты отвергла, а Анубису отдалась.

Паулина призналась мужу в том, что на самом деле произошло. Тот тотчас же обратился к императору. Провели расследование. Жреца богини и вольноотпущенницу распяли на кресте. Деция отправили в изгнание, храм Исиды сровняли с землей, ее изваяние сбросили в Тибр.

В истории Рима это был первый случай шумной и кровавой расправы с чуждой религией. Наивно было бы полагать, что причина этого преследования — лишь забавное приключение Паулины. Культ Исиды уже издавна представлялся властям подозрительным, его пытались ограничить административными мерами.

Первый храм Исиды появился в Риме за какое-нибудь столетие до правления Тиберия, на закате республиканской эпохи. Число приверженцев богини быстро росло, на что вскоре обратил внимание сенат. В течение нескольких лет, с 59 по 48 год до нашей эры, четырежды постановляли разрушить храм Исиды, уничтожались и ее статуи в городе. Тщетно! Преследуемая религия возрождалась еще более окрепшей. Император Август вообще запретил сооружение каких-либо часовен египетских божеств в пределах Рима, его же советник Агриппа приказ этот распространил и на предместья столицы.

Не следует, однако, думать, что римляне в принципе были враждебно настроены по отношению к чуждым культам и богам. Наоборот. Они приняли их, и при этом официально, во всю историю республики эти религии существовали здесь в большом количестве, особенно пришедшие из Греции и Малой Азии. Откуда же такая подозрительность по отношению к египетской богине?

Родовитых римлян шокировала загадочность ее обрядов, их красочность, эмоциональность, пышность. В Риме почитали богов просто, серьезно, почти формально. А тем временем в храме Исиды во время некоторых торжеств устраивались театральные представления, в которых участвовали толпы верующих, выкрики и песни слышались во всех окрестных улицах. Тянулись

к этому культу женщины, привлеченные красотой и богатым содержанием мифов о богине, которая в отчаянии разыскивает своего коварно убитого мужа Осириса, находит его и, радостная, возвращает к жизни. Массовое участие женщин в обрядах, часть которых была известна только посвященным, порождало слухи, что в храме устраиваются оргии.

Приверженцами Исиды вначале были почти исключительно люди низших слоев, рабы и вольноотпущенники, выходцы с Востока. Это породило опасение, что под видом тайных обрядов организуются тайные общества с антигосударственными целями.

Немаловажно было и то, что культ Исиды пришел из Египта, а в конце республиканской эпохи отношения с этой страной не всегда складывались по-дружески. Они совершенно испортились, когда египетская царица Клеопатра вовлекла в свои сети Антония. Октавиан, будущий император Август, сознательно сокрушал тогда все, что было египетским. А если еще учесть, что Клеопатра приказала представлять ее и чтить как новую Исиду!..

Растущую популярность египетского божества не способны были сокрушить никакие приказы. Культ Исиды воздействовал на воображение, отвечал чаяниям людей, измученных жизнью. Тем же, которые достигли высших ступеней посвящения, эта религия давала надежду вечного счастья после смерти.

Торжественные чествования и богослужения производили глубокое впечатление на всех верующих участников. Самый большой праздник приходился на конец октября и первые дни ноября. Вся община вспоминала тогда о скорби богини, которая потеряла мужа. В храме звучали траурные песни, молитвы, причитания. Но после трех дней грусти взмывал крик радости:

— Мы нашли друг друга! Возрадуемся!

И снова три дня храм наполнялся пением, уже ликующим.

Исполненным спокойствия был праздник 5 марта. Величественная процессия устремлялась к морю, чтобы открыть судоходный сезон, прекратившийся на зимний период.

Обычные богослужения происходили ежедневно. Открывались врата храма; отдавали почести статуям богини, а также божествам, сопутствующим ей: Анубису, Серапису, Нефтиде. Их статуи украшали цветами, верных же кропили святой нильской водой. Вместе пели гимны и молились. В торжественные моменты главные жрецы выступали в великолепных, красочных литургических одеждах, держа священные символы.

Обычно, однако, служители храмов Исиды одевались, как все египетские жрецы, в длинные белые льняные одеяния и старательно брили головы.

Общины приверженцев Исиды были разбросаны по всей империи, поддерживая между собой тесную связь. Каждый почитатель богини мог рассчитывать на помощь своих единоверцев в любой провинции.

Кто признавал Исиду своей покровительницей, тому не обязательно было отвергать культ других богов. Ведь жрецы мудро учили, что почитать ее следует как сверхбожество, которое объединяет в себе силу и свойства иных богов, каковые—всего лишь частные ее проявления. Исида—это подлинное ее имя, открытое тысячелетия назад египетским жрецом. Они провозглашали:

— Исида милосердна и полна любви. Кто согрешил, тот может искупить свои грехи и получить ее прощение. Кто страдает несправедливо, может молить ее о помощи. Она не забывает ни о ком, независимо от положения, богатства, возраста и здоровья, каждому вольно обращаться непосредственно к ней со своей болью.

Неудивительно, что и преследования Тиберия были безрезультатны. Его преемник Калигула сразу же, в первый год своего правления, построил богине храм на Марсовом поле, то есть уже за городскими стенами, в районе, богатом, однако, великолепными зданиями. Калигула не был особенным почитателем Исиды, но знал, что, порывая с политикой Тиберия, приобретает популярность среди простого люда. Позже подобным образом поступал и Клавдий, а после него—Нерон и его советники. Они сами сторонились культа Исиды, но ее приверженцев не преследовали.

Нерон, впрочем, презирал всех богов. Единственно, кого он какое-то время признавал, это восточную богиню Астарту, почитаемую главным образом в Сирии, поэтому римляне обычно называли ее *Dea Syria*¹.

Разрешая по необходимости культ Исиды, правители все же препятствовали его распространению в высших слоях общества. И уж совсем невозможно было себе представить, чтобы уважаемая матрона стала почитательницей чуждой богини и ходила в ее храм наравне с вольноотпущенницами и женщинами полусвета! Похождения Паулины еще у всех оставались в памяти.

Между тем Помпония Грецина, в 57 году обвинен-

¹ Богиня Сирия (лат.).

ная в потворстве чуждым предрассудкам, принадлежала к одному из самых блестящих римских домов и доводилась женой Авлу Плавтию, полководцу, который в 43 году возглавлял поход на Британию. Она была дочерью сановника, который дослужился до должности консула. В юности дружила с императорской семьей, особенно же с Юлией, внучкой Тиберия. В 43 году Мессалина спровоцировала смерть этой Юлии. Грецина держалась так, словно пребывала в постоянном трауре.

Возможно, именно это вызвало подозрение, что Помпония связалась с каким-то чуждым религиозным культом. А может быть, Помпония действительно интересовалась, и в этом ей помогала ее вольноотпущенница, тайной наукой Исиды, где смерть, скорбь и воскресение играли столь большую роль?

По староримскому обычаю сенат предписал провести расследование в этом деликатном вопросе мужу Помпонии. Ибо существовало правило, что хозяин в ответе за все, что происходит под крышей его дома, и наделен почти неограниченной властью над своей женой, детьми, рабами. Государство неохотно вмешивалось в такие дела. Плавтий созвал семейный совет. На этом домашнем судилище, изучив все обстоятельства, решили, что Помпония невиновна. Сенат признал вопрос исчерпанным.

Некоторые позже рассуждали, что Помпонию подозревали не в почитании Исиды, но в связях с иудеями. Иудейская община существовала в Риме по крайней мере около века. Она была многочисленной и влиятельной и также вела религиозную пропаганду; поэтому у нее было немало сочувствующих среди женщин из высших социальных слоев.

При Тиберии одновременно с преследованием приверженцев Исиды предпринимались крутые меры против иудеев, поселившихся в столице. И в этом случае также известную роль сыграла женщина. Ее звали Фульвия, она происходила из высокопоставленной семьи, проявляла огромный интерес к иудаистской религии, а позже, кажется, даже приняла ее. Чтобы доказать свою благочестивость, она пожертвовала Иерусалимскому храму драгоценные дары. Она доверила эти драгоценности четырем людям, которые ознакомили ее с учением Ветхого завета. Обнаружилось, однако, что эти набожные наставники — обыкновенные мошенники; они бежали, прихватив предназначенные для храма золото и порфиру. Возмущенная Фульвия с помощью мужа дошла до самого императора. Ее жалоба заставила власти обратить внимание на чрезвычай-

чайное распространение иудаизма. Впрочем, и без этого среди сановников хватало людей, неприязненно относившихся к иудеям, к ним принадлежал и Сеян, всемогущественный в ту пору префект преторианцев.

Поэтому репрессии были жестокими. Призвали в армию четыре тысячи юношей-иудеев из Рима, направив их на Сардинию якобы для борьбы с тамошними разбойниками. Тогда это был дикий остров с более чем суровыми условиями жизни, поэтому многие из сосланных туда пропали без вести. Часть новобранцев отказалась взяться за оружие, их ждали тяжелые наказания.

Клавдий сначала относился к иудеям доброжелательно. Об этом свидетельствуют его эдикты первых лет правления, подтверждающие привилегии, коими иудеи до тех пор пользовались. Позже, однако, кажется, в 49 году, в римской общине вспыхнули какие-то волнения на почве религиозных споров. Император не вникал в причины беспорядков. Он запретил иудеям собираться, что на деле лишило их возможности отправлять службу в храме. Поэтому часть из них покинула тогда столицу. Некоторые переселились в соседние города, другие выехали в различные провинции.

Через некоторое время эдикт, хотя и не отмененный, был предан забвению. Римская иудейская община сохранилась и по-прежнему привлекала последователей, которых называли прозелитами.

Не думается, чтобы Помпония Грецина принадлежала к числу сочувствующих иудаизму. Но христианкой она наверняка не была. Эта легенда родилась много столетий позже из упоминания у Тацита о том, что Помпония жила, предаваясь печали. Но Тацит ясно говорит, что она погрузилась в траур после смерти Юлии, а следовательно, это происходило в 43 году. Христианство тогда делало только первые шаги в Иудее, и никакой миссионерской деятельности в других странах не вело.

Почему, однако, трудно признать Помпонию прозелиткой иудаизма? Ответ прост: и тогда были аристократки, равные ей по общественному положению и вовсе не скрывавшие своих симпатий к иудеям, но никто из-за этого не подвергал их упрекам. К числу таких женщин принадлежала и та, с которой начиная с 58 года все теснее сплеталась судьба Нерона.



Поппея Сабина

Дед Поппеи Сабини был родом из Помпей. При Августе, в девятом году, этот Поппей Сабин занимал должность консула, потом же 24 года — почти четверть века — являлся наместником трех балканских провинций — Мезии, Македонии и Ахайи, то есть всей нынешней Греции, а также части Югославии, Болгарии, Румынии. У него были большие организаторские заслуги, он славился и как блестящий полководец.

Его дочь Поппея Сабина считалась самой красивой женщиной в тогдашнем Риме. Она вышла замуж за юного аристократа Тита Оллия, чей род тоже вел свое начало из Помпей. Их брак был недолговечен. В 31 году Оллий в самом начале своей карьеры погиб. Именно тогда император Тиберий узнал о заговоре своего префекта преторианцев, Сеяна. Все, кто подозревался в содействии Сеяну, поплатились жизнью. Среди приговоренных к смерти был и муж прекрасной Поппеи. Осиротела его маленькая дочь, которая позже стала носить не его фамилию, а матери, как более известную.

Через шестнадцать лет завистливая Мессалина явилась причиной гибели Поппеи-старшей. Она приплела ее к делу Валерия Азиатика, а также заподозрила в том, что мим Мнестер, с которым у нее у самой был роман, — любовник Поппеи. Младшей Поппее тогда было по крайней мере лет восемнадцать. Она слышала, как доносчики угрожали ее матери тюрьмой и истязаниями. Она в бессильном отчаянье взирала на то, как стараются погубить эту красивую, в расцвете лет женщину, которую боготворил Рим. Вся драма длилась несколько часов. Какими же словами мать, принуждаемая к самоубийству, прощалась с дочерью?

Красоту Поппея унаследовала от своей несчастной матери. Светло-золотистые волосы, столь редкие на юге, делали ее почти экзотической красавицей. Ее крайне заботило сохранение красоты и свежести. Как-то она призналась:

— Я хотела бы умереть раньше, нежели начну увядать.

Поппея не только принимала ванны из молока ослиц, но пользовалась специальными кремами, которые еще много лет спустя причислялись римлянками к лучшим косметическим средствам. Унаследованное от предков состояние Поппеи было громадным, поэто-

му она могла позволить себе всякого рода роскошества.

Поппея отличалась не только красотой. Она была также образованной и высокоинтеллигентной женщиной. Даже недруги признавали, что беседа с ней — истинное наслаждение. Она интересовалась религиями, особенно же была связана с иудаизмом. Некий еврейский писатель позже назвал ее благочестивой женщиной. В ее окружении, как и во всех известных римских домах, хватало и астрологов.

Будучи предусмотрительной, Поппея всегда заботилась о сохранении внешних приличий. Из дома выходила редко, а появляясь в обществе, прикрывала лицо. Это создало ей репутацию высокодобродетельной и одновременно придавало очарование загадочности. Правда, кружили слухи, что у нее много любовников. Позже, однако, все удостоверилось, что ею никогда не владели страсти, она руководствовалась исключительно холодным расчетом.

Первым мужем Поппеи был Руфрий Криспин, при Клавдии несколько лет префект преторианцев. Именно он в 47 году арестовал Валерия Азиатика, с делом которого оказалась связана судьба матери Поппеи. В 51 году Агриппина отстранила Руфрия и вверила командование над преторианцами Афранию Бурру. От брака с Руфрием появился сын.

В столице по-разному рассказывали о том, как Нерон сблизился с Поппеей, но остается фактом, что в 58 году Поппея развелась со своим первым мужем и вступила в брак с Отоном. С ее стороны это был, несомненно, очень мудрый ход, ибо Отон являлся одним из ближайших друзей императора, в то время как Руфрий в политике оказался уже отыгранной картой. Отон побивал прежнего префекта преторианцев и молодостью: был почти ровесником Поппеи.

Люди, гораздые сочинять скандальные истории, позже рассказывали об этом так: Нерон уже ранее познакомился с Поппеей, а ее брак с Отоном был видимостью, призванной служить ширмой для императорской интрижки. И все же отличный план не оправдал надежд, ибо Отон сам влюбился в Поппею и совсем не собирался делиться ею с Нероном. Случалось, говорят, император выстаивал часами перед закрытыми дверями своего приятеля, просьбой и угрозами домогаться выдачи «депозита».

История забавляла многих, но не соответствовала истине. Нерон увидел Сабину уже женой Отона и заинтересовался именно потому, что неосмотрительный приятель похвалился ему, какую красоту он хранит у

себя дома. С первой же встречи с императором Пoppея великолепно повела дело.

Опытной женщине нетрудно было увлечь молодого человека. Пoppее было уже по меньшей мере 28, Нерону же только 21. Она дала понять, что он ей нравится, но, когда император воспылал страстью, Пoppея внезапно до неузнаваемости изменилась. Теперь она вела себя неприступно и холодно. Она прямо говорила Нерону:

— Нынешний брак меня устраивает, и я не собираюсь его расторгать. Отон великолепен. Ты же живешь с этой вольноотпущенницей Акте. Это мерзко и недостойно!

Нерона держали на привязи, как молодого скакуна; вожжи то приспускали, то вновь сильнее натягивали. Он бегал по кругу и совершенно не знал, что предпринять. Свою ярость он срывал на приятеле, жену которого обольщал. Как тот смеет ревновать? Как может равняться с ним, с императором?

Отношения между обоими молодыми людьми резко ухудшились. Пoppея, вероятно, в глубине души смеялась. Ее планы развивались успешно.



Падение Суиллия

Этот 58 год для Пoppеи явился еще одним поводом для радости. Суиллий — тот, который девятнадцать лет назад по наущению Мессалины был обвинителем ее матери, отправился в изгнание. Это был уже старик по крайней мере лет семидесяти. Поэтому он вел себя бесстрашно. Ни с кем не считался, хотя у него, известного обвинителя времен Клавдия, имелось немало врагов. Да у них руки были коротки. Он прошел уже все ступени карьеры, даже одно время был консулом, наместником Азии, сколотил значительное состояние, ныне его сводный брат, Корбулон, командовал армией Востока. Многолетний судебный опыт научил Суиллия: лучшая форма защиты — наступление. Он знал, что столь влиятельный теперь Сенека пылает к нему ненавистью. Причина очевидна: некогда именно Суиллий посодействовал изгнанию и Сенеки, и Ливиллы. Но старый лис хорошо знал, что положение советника императора вызывает большую зависть среди сенаторов. Почему бы не воспользоваться этим? Почему бы

не показать, каков этот благородный Сенека на самом деле? А у Суиллия имелся особый повод от всей души ненавидеть Сенеку: он считал того истинным виновником постановления об отмене адвокатских гонораров, которые являлись главным источником обогащения этого (в зависимости от ситуации) обвинителя и адвоката.

А потому Суиллий поносил Сенеку на все лады:

— Он ненавидит друзей Клавдия, так как тогда отправился в изгнание. Но ему воздали по заслугам! Он тратит время на бесполезные науки и водителствует неопытным юношей, неудивительно, что его переполняет зависть к тем, кто защищает права сограждан при помощи собственного, неподкупного красноречия. Я был квестором Германика, он же соблазнил его дочь Ливиллу. А что за премудрости, какие такие философские знания позволили ему за четыре года дружбы с императором заработать 300 миллионов? В столице он расставляет сети на всех бездетных и вылавливает духовные записи, по всей Италии и провинциям ссужает деньги под ростовщические проценты! У меня скромное состояние, нажитое своим трудом. Я предпочитаю подвергнуться любому обвинению и любой опасности, нежели склониться перед человеком, который всем обязан лишь слепой удаче!

Рассуждения Суиллия были бесчестными. Ведь этот «свой труд» означал: обвинения невинных людей, защита явных преступников, посредничество в самых грязных делах. Еще в царствование Тиберия Суиллию пришлось отправиться в изгнание, так как имелись доказательства, что он, будучи судьей, взял деньги у обвиняемой стороны. При Калигуле он возвратился в Рим, но лишь благодаря тому, что император женился на его единокровной сестре, Цезонии.

Во всяком случае, его обвинения крайне расстроили Сенеку. Трудно было все это опровергнуть — состояние философа и в самом деле очень быстро увеличивалось. На это обратили внимание многие. Немало ехидных шуток о философе-миллионере кружило по Риму. А несколькими годами позже, создавая трактат «О счастливой жизни», Сенека с осязательным раздражением опровергал взгляды тех, кто рад бы видеть каждого мудреца нищим. Он восклицал: «Перестань же требовать от философов безденежья, так как никто не обрекал мудрость на бедность. Философ может иметь большие материальные средства, но они ни у кого не отняты и не обгажены чужой кровью; он приобрел их, никого не обижая и не прибегая к грязной наживе; расходование их так же честно, как и поступление, и

никто, кроме завистника, не станет по ним вздыхать. Как бы ты их ни увеличивал, они останутся безупречными: в них, правда, много таких драгоценностей, на которые всякий зарится, но никто не мог бы найти в их составе своей собственности. Не отказываясь от щедрой судьбы, мудрец не будет гордиться честно приобретенным именем, но и не будет его стыдиться. Впрочем, у него будет повод к гордости, если он, открывши свой дом и допустивши к своему добру сограждан, сможет сказать: «Пусть каждый возьмет то, в чем он признает свою собственность!»

...Мудрец не пустит к себе в дом ни одного денария нечистого происхождения, но он не отвергнет богатства, являющегося даром судьбы и плодом добродетели, и не закроет перед ним своей двери... Он не будет хвастать им, но и не будет скрывать его: первое свидетельствовало бы о скудоумии, а второе — о робости и мелочности человека, воображающего, что он хранит в кармане невесть какое добро. Мудрец, как я сказал, не вышвырнет богатства из своего дома»¹

Сенека около четырех лет, вплоть до 58 года, ждал возможности сломить Суиллия. Именно тогда начался — и бурно развивался — роман императора с Пoppей, дочерью одной из жертв Суиллия. Это обстоятельство преисполнило философа отвагой. Сначала он носился с мыслью организовать процесс о вымогательствах, которыми Суиллий занимался, как наместник Азии, в конце правления Клавдия. Однако подобный процесс затянулся бы, ведь обвиняемому полагался год на поиски свидетелей и доказательств своей невинности. В конечном итоге Сенека избрал другой путь. Он добился того, что Суиллий был обвинен в сенате в гибели многих выдающихся лиц при предыдущем императоре. Список выглядел внушительно.

С абсолютным спокойствием Суиллий ответил на это, что ни одну из перечисленных жертв он не обвинял самостоятельно, но лишь законно повинуюсь Божественному Клавдию. Это заявление, возможно, и положило бы конец дальнейшему разбирательству, если бы не представленный сенату отзыв самого Нерона:

— Документы тайной канцелярии моего отца неопровержимо доказывают, что он никогда и никого не понуждал выступать с обвинениями против кого-либо.

Это заключение было равнозначно приговору. Ибо, раз сам сенат ознакомился с позицией властителя в этом деле, любая дальнейшая защита Суиллия беспо-

¹ Л. А. Сенека. О счастливой жизни. СПб, 1913. С. 23—24. Пер. С. Янушевского.

лезна. Следовало, однако, восхищаться непреклонностью и упорством старика. Ибо, когда у него выбили из рук один аргумент, он тотчас изыскал другой. Теперь он уже ссылается на приказы Мессалины!

Это произвело неприятное впечатление. Справедливо поинтересовались, почему же не нашлось никого другого, столь послушного этой жестокой распутнице? Суиллия хорошо вознаграждали за его грязные услуги, однако всю ответственность он сваливает на других — и к тому же на мертвых!

Старик отправился в изгнание на Балеарские острова. Прожил он там еще очень долго, в достаточно комфортабельных условиях, хотя у него и конфисковали часть его богатств.



Проблемы Армении и Германии

Итак, Суиллия покарали не слишком сурово. Причиной такой снисходительности были огромные заслуги его сводного брата, Корбулона. Как раз поступили сообщения о замечательных успехах этого полководца на Востоке. Славу его побед, естественно, присвоил себе Нерон. Его еще раз провозгласили «императором»¹. В честь Нерона возвели монументы и триумфальные ворота. Сенат утвердил благодарственные молебны, а дни, когда была одержана победа, решили объявить праздничными; обо всем этом оповестили столицу и сенаторов.

Единственным, кто постарался приглушить всеобщее ликование, был известный правовед Кассий. Он заметил, что следовало бы сохранить несколько непраздничных дней, чтобы заниматься и текущими делами. Но это едкое замечание восприняли как проявление зависти. Ведь и Кассий несколько лет назад имел дело с Арменией и парфянами, будучи наместником Сирии. Он направил в Парфию царевича Митридата с целью посадить его на престол, но этот план сорвался.

Корбулон одержал полную победу. Ее восприняли с особенной радостью потому, что долго ждали; это произошло через три года после того, как Корбулон принял командование. Промедление не было, однако, его виной. Легионы, которые он возглавил, прибыли из

¹ Здесь: в значении «победитель» (лат.).

Сирии и оказались вообще небоеспособными. Солдаты обленились после многолетнего безделья. Привыкнув к спокойной жизни в прекрасных и богатых городах, они не соизволили даже выставить караулы и охрану. На обваловку лагеря взирали как на чудо. Разучились носить шлемы и доспехи. Пришлось часть легионов распустить, произвести дополнительный набор, стянуть новые легионы и вспомогательные части. Только осенью 57 года Корбулон вторгся в горы Армении. Наступила крайне суровая зима. Полководец удерживал дисциплину железной рукой.

Настоящие боевые действия начались весной 58 года. Тиридат благодаря поддержке парфянов все еще удерживал власть в Армении. Он предпринимал дерзкие вылазки, грабя те округа, которые считал благожелательно настроенными к римлянам. Однако избегал стычек с римскими отрядами, явно стремясь продолжать партизанскую войну. Горные районы прекрасно годились для этого.

Корбулон избрал тактику набегов на земли, подвластные Тиридату, с разных сторон. Немалую помощь оказали вожди некоторых соседних народностей, которые были союзниками Рима. Теснимый со всех сторон, Тиридат вынужден был пойти на переговоры. Сначала он протестовал:

— По какому праву римляне пытаются изгнать парфянов из Армении, если совсем недавно взяли заложников и вступили на путь дружественных отношений?

Наряду с этим он угрожал, что ему на помощь придет его брат, царь Вологез. Но Корбулон прекрасно знал, что у Вологеза теперь есть дела поважнее: его подданные продолжают бунтовать. Корбулон советовал Тиридату, оставив парфянов, искать поддержки в Риме, он сможет сохранить власть, если император даст свое согласие.

Тиридат добивался непосредственной беседы с римским главнокомандующим. Уже согласованы были все детали и вопросы обеспечения безопасности, но встреча так и не состоялась: обе стороны взаимно опасались обмана. Поскольку переговоры сорвались, римляне приступили к захвату армянских крепостей, дабы открыть себе путь в столицу страны — Артаксату. Корпус, которым командовал сам Корбулон, всего лишь три дня штурмовал самую мощную из этих крепостей — Воланд. Легионеры влезли на стены почти без потерь. С защитниками крепости они жестоко расправились: мужчин вырезали, женщин и детей продали в рабство. В окрестностях Артаксаты Тиридат пытался вовлечь римлян в борьбу в неблагоприятных

для них условиях. Поскольку эти попытки не удались, он под вечер оставил поле боя и бежал в восточном направлении. Назавтра Артаксата, потрясенная судьбой Воланда, сама распахнула ворота. Это спасло жителей от гибели, но город разрушили и сровняли с землей.

Не только с Востока поступали благоприятные вести. Недурно развивались события также и в Центральной Европе, на Рейне. Наместник Нижней Германии сообщал об укреплении римского господства в дельте этой великой реки. Там преобладали обширные заливные луга, особенно подходящие для выпаса скота. Поэтому их предназначали под пастбища для лошадей и коров, принадлежащих четырем легионам, которые располагались тогда в Нижней Германии. В действительности, однако, те земли почти не использовались. В 55—56 годах провинцией управлял Помпей Паулин, шурин Сенеки. Фризы, осевшие к востоку от устья Рейна, пытались в то время заселить эти отошедшие к легионам земли. Осмелились они потому, что издавна ни один римский военачальник не выступал в поход в глубь Германии. Ходили даже слухи, что император вообще запретил наместникам какие-либо вооруженные действия. Воины племени верили этим слухам, ибо тот, кто переправлялся через Рейн, видел легионеров, занятых укреплением плотины над рекой, а в соседней провинции — Нижней Германии — солдаты копали большой судоходный канал между реками Мозель и Арап (нынешняя Сона).

Уже многие фризы заселяли дельту, они начали даже обрабатывать землю. Тем временем, в конце 56 года, в Нижнюю Германию прибыл новый наместник Дубий Авит. Он жаждал действия, стремясь доказать, что император сделал хороший выбор. Родом он был из селения Васио (ныне Васси) в Южной Галлии, а высокое назначение получил благодаря поддержке влиятельного земляка — Афрания Бурра, префекта преторианцев, родившегося в том же городишке.

Дубий приказал фризам убраться. Напрасно двое племенных вождей отправились в Рим, чтобы лично просить у Нерона защиты. Оба они, правда, удостоились чести получения римского гражданства, но приказа император не отменил. Часть фризов осмелилась, несмотря на это, остаться на земле, в которую они вложили уже столько трудов. Дубий бросил на упрямецев конницу, которая частью изгнала их, частью вырезала.

В Германии царил земельный голод. Племена воевали друг с другом за каждый клочок земли. Некоторые народности, изгнанные со старых мест обитания, вы-

нуждены были искать новые. Такая судьба выпала ампсивариям. Еще несколько лет назад они жили к востоку от реки, ныне называемой Эмс, а тогда — Амизия. Их вытеснили оттуда могущественные хавки. Один из вождей ампсивариев, Бойокал, издавна был союзником римлян, он служил в армии при Тиберии и Германике. Теперь он предстал перед Дубием и молил его, чтобы тот позволил его людям поселиться на пастбищах, принадлежащих легионам. Он объяснял:

— Те земли издавна уже были переходящей собственностью разных племен. Ныне большая их часть без всякой пользы пустует. Солдаты редко пасут там своих коней и скот. Разумеется, римляне должны заботиться в первую очередь о своих, хотя люди в это время мрут с голоду. Почему бы, однако, не отдать пустующие земли дружественной народности?

Наместник отказал в просьбе. Он готов был позволить поселиться лишь одному Бойокалу. Гордый германец возмутился. Он заявил:

— Нам негде жить, но наверняка хватит места, чтобы умереть!

Ампсиварии пытались склонить соседние германские племена к общей борьбе с римлянами. Однако наместник Верхней Германии переправился через Рейн и пригрозил этим племенам с тыла. Предоставленные самим себе, ампсиварии отступили на восток, в глубь Германии. Гонимые и истребляемые всеми, они полностью погибли. Их мужчин вырезали, женщины же и дети стали рабами соседних племен.

Это была не единственная братоубийственная война в то время среди германцев. Хатты и гермундуры вели ожесточенную борьбу из-за соляного рудника, расположенного на берегу реки, которая ныне зовется Заале. Победу одержали гермундуры. Согласно распространенному среди германцев и галлов обычаю они, начиная войну, дали зарок, что в случае победы всю добычу принесут в жертву богам Дийу и Вотану. Итак, они уничтожили всех пленных, лошадей, а трофеи сожгли.

Подлинными победителями этих межплеменных войн германцев были римляне.



Романы, подати, хлеб

В столице ликовали по поводу побед над двумя грозными врагами. Однако все это происходило так

далеко, где-то в неприступных горах Армении или в мрачных, болотистых лесах Германии! Столица жила совсем другим: неожиданными событиями, разыгравшимися в самом Риме.

Народный трибун Октавий Сагитта совершил убийство по любви. Уже давно он был без ума от одной замужней женщины, Понтии Постумии. После длительных усилий ему удалось склонить ее к разводу. Однако Понтия, уже став свободной, не проявляла желания сочетаться браком с любовником. Она медлила якобы из-за своего отца, противившегося ее новому замужеству. На самом деле Понтия намеревалась выйти замуж за другого, что побогаче. Октавий, доведенный до отчаяния, поскольку не помогли ни просьбы, ни угрозы, вымолил у нее еще одну, прощальную ночь. Он явился на свидание с доверенным вольноотпущенником. Сначала последовали упреки с обеих сторон и слезы, потом же, казалось, наступило примирение и любовь. Но когда они остались в покое одни, Октавий пронзил любовницу кинжалом. На ее крик ворвалась служанка. И она тоже пала от удара, нанесенного рукой юноши, который спокойно удалился, оставив в доме, как он считал, двух мертвых женщин.

На следующий день вольноотпущенник Октавия сознался, что убил Понтию, мстя ей за обиды, нанесенные господину. Поскольку заявление сделано было им добровольно, его слова приняли на веру. Тем временем служанка Понтии пришла в себя и назвала подлинного убийцу. Октавия нельзя было сразу же привлечь к судебной ответственности: как народный трибун он пользовался правом личной неприкосновенности. Только в следующем году, когда он оставил эту должность, его, согласно с давним законом об убийствах, отправили в изгнание, конфисковав все имущество.

Это событие настолько взволновало римское общество, что сделалось даже темой школьных упражнений и трактатов. Его избирали предметом дискуссий, в которых ученик для сноровки выступал и как адвокат, и как прокурор. Написал тогда свои речи, как в защиту Октавия, так и против него, и один девятнадцатилетний студент риторики, Марк Анней Лукан, племянник Сенеки.

Лукан, как и вся его родня, был родом из Испании. Родился он в Кордубе в начале октября 39 года. Ему едва исполнилось девять месяцев, когда его отец Мела перебрался в Рим, вслед за своими братьями Сенекой и Аннеем Новатом. Но, в отличие от них, Мела не занимался политикой и не стремился к сенаторскому званию. Он нажил, однако, огромное состояние, долгие

годы прослужив прокуратором императорских имений. Юный Лукан воспитывался у наилучших тогда в Риме учителей философии, риторики и поэтики; из них наибольшее влияние на мальчика оказал Корнут. Это в его школе он подружился с чрезвычайно талантливым поэтом Персием.

Даже до этой тихой обители, каким было заведение Корнута, докатились волны возмущений и споров вокруг совершенного Октавием. И здесь, как и всюду в Риме, задавали себе вопрос: оправдывает ли большая любовь любой поступок?

Эти споры были тем живее, что о треугольнике Нерон—Поппея—Отон кружили все более забавные сплетни. Развод с Отоном уже состоялся или же был делом ближайшего будущего. Выйти за Нерона замуж Поппея, разумеется, не могла, ибо тот был женат на Октавии. А впрочем, хотела ли она? Разные ходили толки. С этой точки зрения вся история крайне напоминала роман Октавия и Понтия. Закончится ли он столь же трагично? Может быть, Отон схватится за кинжал? Ибо в том, что он по-прежнему ревнует Поппею, никто не сомневался, меньше всего, пожалуй, сам Нерон. Поэтому император явно сторонился своего неразлучного до тех пор друга. Их все реже видели вместе. Задавались вопросом, не придется ли Отону вообще оставить Рим, а может, и вовсе распрощаться с жизнью?

Несмотря на всю любовь к Поппее, Нерон не изменил своего образа жизни. Не прекратил он и своих ночных вылазок в город. Он отправлялся далеко, под самый Мульвиов мост, где Виа Фламиния, тянущаяся из города на север и пересекающая все Марсово поле, переходит через Тибр. В окрестностях моста собирались тогда женщины легкого поведения. Когда император возвращался оттуда однажды ночью, он чуть было не стал жертвой покушения; так по крайней мере оповещали официальные источники. Он избежал смерти якобы только потому, что в какой-то момент свернул с Виа Фламиния и направился в город через парки на склонах соседних холмов. Зато те из его друзей, которые пошли дальше прямо по Виа Фламиния, наткнулись на группу молодых людей. Дело дошло до драки.

В действительности это был обыкновенный уличный скандал. Никто не пострадал, изрядно только пошумели. Все происшедшее тотчас бы забылось, если бы не нашелся доносчик, который показал, что нападавшие были людьми Корнелия Суллы. Это сразу изменило значение ночной потасовки. Ведь Сулла был мужем

Антонии, старшей дочери императора Клавдия! Еще три года назад выдвинутое против него обвинение в заговоре отпало сразу, ибо было абсурдно и направлено не столько против Суллы, сколько против Бурра. Теперь, однако, все обернулось иначе. Правда, не принято доверять показаниям доносчика полностью, но на всякий случай Сулле рекомендовали перебраться в Массилию и не покидать ее стен.

В виновность Суллы никто не верил, так как его считали глупцом и человеком, неспособным к решительным действиям. Его погубила семейная слава, а также родство с императорским домом. Вдали от столицы империи пришлось влачить жалкое существование последнему потомку великого диктатора, который сто сорок лет назад впервые в истории Рима отказался повиноваться сенату и повел свою армию на столицу.

Но еще больше, нежели подлинными любовными историями и мнимыми покушениями, население как столицы, так и всей империи интересовалось проектом отмены косвенных налогов. Собственно, волновал главным образом вопрос о пошлинах. Таможни существовали у границ империи по всей их протяженности. Там взимали пошлину за все ввозимые товары. И одновременно следили, чтобы за границу не утекали те, вывоз которых был запрещен в законодательном порядке, такие, как железо, оружие, вино, оливковое масло, зерно, соль, золото. Пограничные пошлины не особенно волновали людей, ибо из соседних, главным образом восточных, стран доставляли дорогие товары для удовлетворения нужд наиболее богатых слоев населения. Зато большое и непосредственное значение для всех имели пошлины внутригосударственные. Хотя в политическом смысле империя составляла единое целое, торговля между странами, входящими в ее состав, не была совершенно свободной. Империя разделялась на несколько таможенных округов. Некоторые из них охватывали две-три провинции, такие, как округа Галлии, Испании, Иллирика, Африки, Азии. Другие же — только по одной, как Сицилия, Греция, Британия. Зато Египет, Сирия и Иудея были поделены на небольшие округа. Помимо этого, некоторые города имели право взимать собственные пошлины. Размер их в среднем составлял 2 или 2,5 процента от стоимости товара.

Сами по себе пошлины не являлись таким уж большим злом. Поистине тягостной — и даже пагубной для развития торговли — была процедура их взимания. Государство не располагало собственным таможенно-финансовым ведомством. Была заимствована система, с

незапамятных времен применявшаяся в греческих государствах и в римской республике: сбор пошлины сдавался в аренду объединениям откупщиков. Это были так называемые *societates publicanorum*¹. Те уплачивали в казну заранее назначенную сумму и потом заботились о том, чтобы ее вернуть, разумеется с определенной прибылью. Главное бюро объединений находилось в Риме, окружные же центры в таких городах, как Лугдун (ныне Лион) — для Галлии, Петовион — для Иллирика, Эфес — для Азии, Карфаген — для Африки, Лондиний — для Британии. Эти бюро располагали большими группами служащих, а также вспомогательного персонала, который присматривал за сборщиками налогов в отдельных таможенных, называемых *stationes*². Рядовые работники в основном набирались из рабов.

Жалобы на злоупотребления таможенников были повсеместными. Некоторые союзы откупщиков даже не объявляли свои тарифы, в результате чего купцы оказались в руках оценщиков. К пошлине как таковой прибавлялись также дополнительные сборы: за осмотр товаров, за обмен монет, за ведомственные расходы. Общее недовольство действиями пошлинников привело к тому, что в окружении Нерона родился проект генеральной реформы: отменить пошлины вообще! Сторонники этой идеи обосновывали ее так:

— Непосредственные доходы государства сначала, вероятно, снизятся, но вскоре, однако, торговля столь пышно расцветет, что возрастут налоги, поступающие от жителей провинций. Это с лихвой покроет утрату таможенных поступлений.

Император отдавал себе отчет в том, что подобный шаг снискал бы ему громадную популярность во всей империи, поэтому он был благосклонен к проекту. Нерон, впрочем, никогда не отличался скупостью и мелочностью. Именно в начале того 58 года он преподнес по прекрасному подарку трем потомкам сенаторских родов, которые до такой степени обеднели, что их, собственно, предстояло исключить из состава сенаторов. Так вот Нерон назначил им достаточно высокое годовое жалованье.

Несмотря на это, проект после продолжительной дискуссии провалился, так как казался слишком рискованным. При постоянно огромных государственных расходах длительная неустойчивость бюджетного равновесия могла иметь серьезные последствия, особенно

¹ Союзы откупщиков (лат.).

² Здесь: податный пункт (лат.).

для обороноспособности империи. Легко отменить пошлины, трудно, однако, в случае необходимости вводить их заново.

Дискуссия привела лишь к тому, что решено было по крайней мере обуздать произвол таможенников. Все тарифы и внутренние правила объединений повелели довести до всеобщего сведения; судам приказано рассматривать вне очереди иски, возбуждаемые пострадавшими против таможенников, солдатам полагалось платить пошлину только за предметы, которые они ввозили на продажу.

Заодно пытались также решить другую большую проблему, удручающую жителей провинций. Речь шла главным образом о тех краях, откуда доставляли зерно в столицу. Теперь ввели некоторые установления, регулирующие это дело. Чтобы поощрить провинциальных торговцев на отправку судов с зерном для Италии, постановили, что такие суда не будут зачисляться в состав имущества, а поэтому за них не нужно платить пошлину.



Путеолы

Поставки зерна в столицу были постоянной заботой правительства. Суда, прибывающие из Сицилии и Египта, обычно доплывали до Путеол, города у залива, ныне именуемого Неаполитанским. Однако оттуда до Рима еще далеко, ибо протяженность Аппиевой дороги — 150 миль. Значительно удобнее была разгрузка в порту Остия в устье Тибра, откуда и по суше гораздо ближе, и можно также подводить баржи вверх по реке до самой столицы. Однако остийский порт был мал и страдал от разливов Тибра. Клавдий начал грандиозные работы по его перестройке. Эти работы все еще продолжались. Путеолы по-прежнему оставались главным портом Западной Италии и самой столицы. По богатству и по числу населения Путеолы были вторым после Рима городом на полуострове, значительно превосходя соседний Неаполь.

Шестью столетиями ранее греки основали этот город на обрывистом холме, несколько выдающемся вперед на северном побережье залива. Этот город называли Дикерхия. Греческая колония позже разрослась, застройка пошла вдоль моря и в западном и восточном направлениях. Греческое его название сменилось на итальянское — Путеолы. Однако язык элли-

нов и во времена империи был здесь господствующим, так же, впрочем, как и в других близлежащих городах.

Главный порт находился по западную сторону холма. Чтобы предохранить его от штормовых ветров, построили громадный мол, предмет гордости современников, развалины мола внушают уважение и поныне. Длина его была почти четыреста метров, ширина от 11 до 16 метров. Набережная порта в восточном направлении простиралась на два километра. Там находились склады, зернохранилища, доки, большой крытый рынок. Однако и такого огромного порта оказалось недостаточно, поэтому на восточной стороне были устроены гавани меньших размеров, с ограждающим их молом длиною в восемьдесят метров.

В самом городе имелось несколько великолепных зданий. На холме высился храм Аполлона и Августа, а в отдалении от берега, на склонах гор, располагались: театр, амфитеатр, бани, громадный цирк. К западу от порта уже издавна возводили свои виллы богатейшие люди Рима. Среди них была и та, в которой поселился диктатор Сулла после того, как сложил с себя власть; по дороге на Кумы находилась также прославленная вилла Цицерона, которую он называл Академией. Во времена империи ее превратили в курорт, так как на ее территории забили горячие источники.

Оживленной, богатой и красочной выглядела жизнь в этом городе, который был весь обращен к морю, радостно приветствуя корабли, прибывающие в Средиземное море из самых разных стран.

«Сегодня неожиданно,— писал Сенека своему другу,— показались на горизонте александрийские корабли, которые обычно высылаются вперед, чтобы возвестить скорый приход идущего вслед флота. Именуются они «посыльными». Их появление радует всю Кампанию: на молу в ПUTEОЛАХ стоит толпа и среди множества кораблей различает по парусной оснастке суда из Александрии: им одним разрешено поднимать малый парус, который остальные распускают только в открытом море... Как только суда зайдут за Капрею и за тот мыс,

Где Паллада глядит со своей скалистой вершины, все они поневоле должны довольствоваться одним парусом— кроме александрийских, которые и приметны благодаря малому парусу.

Эта беготня спешащих на берег доставила мне, ленивцу, большое удовольствие, потому что я должен был получить письма от своих, но не спешил узнать, какие новости о моих делах они принесут»¹.

¹ Л. А. Сенека. Нравственные письма к Луцилию. С. 150.

Корабельные грузы были самыми разнообразными: зерно, оливковое масло, вино, папирус, лен, стекло, духи, рабы. Дорогие товары поступали даже из далекой Индии через Красное море и Египет. Население жило не только морем и торговлей. ПUTEОЛЫ славились металлургическими изделиями и красильным делом. Здесь имелось множество банков и предприятий, хватало также учителей всех возможных искусств и жрецов наиболее экзотических культов. Полным-полно было адвокатов, астрологов, женщин легкого поведения, мошенников и воров. Именно поэтому здесь надолго задержались герои романа Петрония. Здесь же они посетили школу красноречия Агамемнона, здесь почтенная старушка привела Энколпия в бордель, здесь они познакомились с Трималхионом, который пригласил их к себе на пир. В ходе этой трапезы, когда хозяин на минуту удалился из зала, беседы потекли более непринужденно. Говорилось обо всем, чем жил город. Досталось также и городским властям, особенно от Ганимеда:

«Говорите вы все ни к селу ни к городу; почему никто не беспокоится, что ныне хлеб кусаться стал? Честное слово, я сегодня кусочка хлеба найти не мог. А засуха-то все по-прежнему! Целый год голодаем. Эдилы — чтоб им пусто было! — с пекарями стакнулись. Да, «ты — мне, я — тебе». Бедный народ страдает, а этим обжорам всякий день — сатурналии. Эх, будь у нас еще те львы, каких я застал, когда только что приехал из Азии! Вот это была жизнь!.. И если хлеб оказывался черствым, они брали этих гадов за горло, так что у тех душа в пятки! Но помню я Сафиния! Жил он (я еще мальчишкой был) вот тут, у старых ворот; перец, а не человек! Когда шел, земля под ним горела! Но прямой! Но надежный! Друзьям друг! С таким можно впотьмах в морру играть. А посмотрели бы его в курии. Иного, бывало, так отбреет! А говорил без вывертов, напрямик. Когда вел дело на форуме, голос его гремел как груба; никогда притом не потел и не плевался. Думаю, что это ему от богов дано было. А как любезно он отвечал на поклон! Всех по именам звал, ну словно сам из наших. В те поры хлеб не дороже грязи был. Купить его на асс — вдвоем не съесть; а теперь он не больше бычьего глаза. Увы! Увы! С каждым днем все хуже; город наш, словно телячий хвост, назад растет! А кто виноват, что у нас эдил трехгрошовый, которому асс дороже жизни. Он втихомолку над нами подсмеивается. А в день получает больше, чем иной по отцовскому завещанию. Уж я-то знаю, за что он получил тысячу золотых; будь мы настоящими мужчинами, ему бы не

так привольно жилось. Нынче народ: дома — львы, на людях — лисицы. Что до меня, то я проел всю одежку, и, если дороговизна продлится, придется и домишко продать. Что же это будет, если ни боги, ни люди не сжалятся над нашим городом?»¹

Другой участник пира, Эхион-лоскутник, слегка успокаивал разгневанного Ганимеда: «Пожалуйста, выражайся приличнее. «Раз — так, раз — этак», — как сказал мужик, потеряв пегую свинью. Чего нет сегодня, то будет завтра: в том вся жизнь проходит. Ничего лучше нашей родины нельзя было бы найти, если бы люди поумней были. Но не она одна страдает в нынешнее время. Нечего привередничать, все под одним небом живем. Попади только на чужбину, так начнешь уверять, что у нас свиньи жареные разгуливают. Вот, например, угостят нас на праздниках в течение трех дней превосходными гладиаторскими играми, выступит группа не какого-нибудь ланисты², а несколько настоящих вольноотпущенников»³.

В действительности, однако, дела города обстояли не лучшим образом. Правда, он пользовался широкой внутренней автономией, так же, как все города империи, но структура этих «муниципиев» и «колоний»⁴ была так задумана, что абсолютный перевес в правах оставался за богатыми слоями населения. Каждый гражданин города имел право голоса при выборах должностных лиц, которые проводились ежегодно, однако в кандидаты мог выдвигаться только тот, кто обладал известным состоянием. Равно и сам механизм голосования обеспечивал богатым преимущество перед плебсом. Учреждения были коллегиальными. В муниципиях наиболее почетными были *quattuorvires*, присматривающие за действиями администрации, и *aediles* (эдилы), отвечающие за порядок и обеспечение; зато в колониях таких чиновников было только двое. После годичного пребывания на этой должности они пожизненно входили в совет декурионов⁵, который служил как бы миниатюрной копией римского сената. Именно этот совет играл самую важную роль в самоуправлении. Он обладал широкими контролирующими полномочиями, с его авторитетом считался каждый служитель.

Не удивительно, что в такой ситуации часто возникали конфликты между городскими властями и плебсом. Притесняемый богачами, он не мог отстаивать

¹ Петроний. Сатирикон. М.—Л., 1924. С. 93—94. Пер. Б. Ярхо.

² Учителя и начальники гладиаторов.

³ Петроний. Сатирикон. М.—Л., 1924. С. 95. Пер. Б. Ярхо.

⁴ Города и поселения с особым статусом самоуправления.

⁵ Члены местного сената.

свои права, ибо одни и те же люди и угнетали его, и заседали в учреждениях и судах. В ПUTEОЛАХ жило также много пришлого люда, вообще лишенного каких-либо прав, хотя многие жили здесь с давних пор.

В 58 году в городе вспыхнули серьезные волнения. Обе стороны — и декурионы и плебс — направили в Рим свои делегации, взаимно обвиняя друг друга в возбуждении уличных стычек и поджогах домов. Восстановить порядок в столь крупном портовом городе сенат поручил Гаю Кассию. Это был тот прославленный юрист, который недавно осмелился заметить, что изобилие праздничных дней в связи с победами в Армении мешает ведению насущных дел. Возможно, сложную миротворческую миссию ему доверили не без злорадства: пусть блестящий правовед, так озабоченный жизненными нуждами, покажет, как он умело решает рожденные ими проблемы.

Кассий прибег к суровым мерам, но ничего не добился. Через некоторое время он сам попросил освободить его от этого поручения. Тогда в ПUTEОЛЫ направили двух братьев Скрибониев — Прокула и Руфа. У них дела пошли лучше, возможно потому, что им придали когорту преторианцев.



Байи и Бавлы

В марте 59 года Нерон находился неподалеку от ПUTEОЛ, в своей вилле в Байях. Это имение уже издавна было самым прославленным приморским курортом в Италии. Оно раскинулось на полуострове, замыкавшем Неаполитанский залив с запада. На самом мысу располагался порт Мизены, где в двух глубоких природных гаванях стояла эскадра военного флота. Зато в Бавлах, лежащих в середине береговой линии, имелся только мелкий заливчик со спокойной водой; над песчаным побережьем возвышалось полукружие гор с обрывистыми склонами. Из Бавл открывался великолепный вид на весь залив — от ПUTEОЛ, окрестностей Неаполя и конуса Везувия, до гористого Суррентского полуострова и его продолжения, острова Капреи, замыкающего горизонт с юга.

Байи своей славой обязаны были не только лечебным источникам, имевшимся здесь в изобилии, самых разных минеральных составов: сернистые и соля-

ные воды, битумные кислотные фонтаны. Некоторые из них били у самого берега моря и даже из волн. В летние месяцы в Байях устанавливался малярийный климат, ибо вдоль береговой линии основания полуострова простирались обширные лагуны мертвых вод: по дороге в Пuteолы—Лукринское озеро, а по западной стороне, по пути на Кумы,—Ахерусийское озеро. Весной, однако, здесь было поистине чудесно. И потому уже три столетия сюда съезжались богатые римляне на отдых и лечение. Все наиболее роскошные виллы возводились на холмах и у самого моря в Байях либо по соседству с ними. Здесь имели свои виллы такие прославленные личности, как Марий, Помпей, Антоний, Варрон, Цицерон, Домиция—тетка Нерона, Кальпурний Пизон. Императоры часто отдыхали в Байях. В их руки и переходили постепенно, путем наследования, самые красивые дома в этих окрестностях.

Однако не только изысканную аристократию тянуло в Байи. Толпами стекалась сюда и разношерстная молодежь, которая здесь, вдали от надзора родных и знакомых, чувствовала себя свободно. Степенные люди с возмущением рассказывали друг другу о разнузданных забавах молодежи. Сенека жаловался другу, что уехал из Байев на следующий же день по прибытии. Ибо что из того, если эти места обладают некоторыми природными достоинствами? Надо их избегать, так как Байи сделались притоном всех пороков. Вдоль берега шатаются пьяные, в лодках устраиваются пирушки, озеро оглашается музыкой и пением. Все это вершится открыто и шумно, словно напоказ! Что за удовольствие жить среди кабаков?

Некогда, сетовал Сенека, было по-другому. «Гай Марий, Гней Помпей и Цезарь хоть и построили усадьбы в окрестностях Байев, но поместили их на вершинах самых высоких гор... Взгляни, какие места они выбирали для возведения построек и каковы эти постройки,—и ты поймешь, что здесь не усадьба, а лагерь. Неужели, по-твоему, Катон стал бы жить в домике, откуда он мог бы считать проплывающих мимо распутниц, глядеть на великое множество разнообразных лодок, раскрашенных во все цвета, и на розы, что носятся по озеру, мог слышать пение ночных гуляк?»¹

Почему Сенеке пришлось так по душе усадьба Сервилия Ватии, богача, умершего еще в царствование Тиберия? Эта усадьба располагалась на западной стороне полуострова, выходила к открытому морю и овева-

¹ Л. А. Сенека. Нравственные письма к Луцилию. С. 85—86.

лась порывами морского ветра, чего недоставало Байям. Однажды Сенека велел отнести себя туда в лектике. Внутри усадьбы он попасть не мог, но и то, что заметил снаружи, вызвало его восхищение: «Там есть две пещеры, просторнее любого атрия¹, вырытые вручную ценую огромных трудов... Платановую рощу делит на манер Еврипа ручей, впадающий и в море и в Ахерусийское озеро. Рыбы, что кормятся в ручье, хватало бы вдосталь и для ежедневного лова... Самое большое преимущество усадьбы в том, что от Бай она отделена стеной и, наслаждаясь всем, что есть там хорошего, не знает тамошних неудобств... Видно, Ватия был неглуп, если выбрал это место, чтобы жить в безделье и старческой лени...»²

Между Байями и ПUTEОЛАМИ на маленьком мысу располагалось местечко Бавлы. Более века назад там находилась великолепная вилла — собственность известного тогда оратора Гортензия. О ней знает каждый, кто знаком с римской литературой и античной философией, ибо Цицерон избрал ее для сцены диалога «Лукулл», в котором рассматривает тонкие вопросы теории познания. Однако и в древности было так же мало любителей философии, как и ныне. Среди жителей Италии нечто иное прославило эту виллу: красивые рыбы, мурены, которых Гортензий разводил в прудах, созданных ценую огромных расходов тут же, у моря. Один из друзей оратора открыто насмехался над его увлечениями:

— Всадил целое состояние в рыбные пруды, но рыбу к обеду велит покупать на рынке в ПUTEОЛАХ. Мало того, что он ничего от этого не получает, ему приходится еще хлопотать о корме для мурен. Среди рабов у него есть люди, которые вылавливают маленьких рыбок, чтобы старые их не съели. Он больше заботится о больных муренах, нежели о слабеющих слугах.

Ходили слухи, что с каждой сдохшей рыбиной Гортензий прощался со слезами на глазах.

Однако не он один был столь увлеченным рыбоводом. После смерти Гортензия его вилла неизвестными путями перешла в руки Антонии, которая была матерью Клавдия и бабкой Калигулы и Агриппины. Любимых мурен она приказала украсить своими серьгами.

Однако по-настоящему прославил Бавлы Калигула. Он решил пройти посуху оттуда до ПUTEОЛ, располо-

¹ Зал в храме, дворец (лат.).

² Л. А. Сенека. Нравственные письма к Луцилию. С. 92—93.

женных на противоположном берегу залива; по прямой это было около трех миль. Корабли стянули со всей Италии. Их оказалось недостаточно, много новых построили на месте. Их установили в два ряда на якорях от Бавл до путеольского мола. Вымостили на палубах кораблей дорогу, подобную Виа Аппиа, на ней установили беседки для отдыха, подумывали даже об укладке водопровода со сладкой водой.

Когда все уже было готово, Калигула взошел на помост. На нем были великолепные доспехи, которые некогда, говорят, носил сам Александр Великий, а также шелковый пурпурный плащ, вышитый золотом и сверкающий дорогими камнями из Индии. Голову императора украшал веночек из дубовых листьев. Украшенный таким образом, Калигула принес жертву богу моря Нептуну и богине Зависти, чтобы отвратить ее злой взгляд от сооруженного по его приказу моста. Потом он прошел по мосту во главе свиты конников и эквитов. Вступил в Путеолы так, словно шел во главе крупного вооруженного отряда. На следующий день он вернулся по тому же мосту, но несколько другим способом: ехал на колеснице, запряженной лучшими беговыми лошадьми. На нем была туника, обрамленная золотом, а за колесницей маршировала когорта преторианцев в полном боевом снаряжении, придворные же ехали в повозках. Несли также трофеи, будто бы после победоносной войны, и вели молодого парфянского царевича Дария.

В середине пути император взошел на трибуну, установленную на одном из кораблей. Он прославлял себя и армию, ибо они посуху пересекли море! В знак своего благоволения он щедро одарил солдат, потом же на мосту началось шумное веселье. Оно продолжалось всю ночь при свете многочисленных факелов и ламп, которые горели на самом мосту, на кораблях, на снующих повсюду лодках, а также по всему берегу. Не обошлось без развлечений, достойных безумца. Император сталкивал в воду многих товарищей забавы, а потом, плавая на остроносом судне, некоторых утопил.

С той поры Калигула кичился тем, что он могущественнее Нептуна. Он насмехался и над Ксерксом, ибо построил на море мост длиннее, чем смог построить этот персидский царь! Он радовался также тому, что неожиданно исполнилось пророчество, которым много лет назад астролог Фрасилл усыплял подозрительность Тиберия:

— Калигула может с таким же основанием мечтать о царствовании, как и о том, что он проедет верхом на коне по морю от Байев до Путеол.

Народу надолго запомнился мост Калигулы, поскольку использование судов для его постройки роковым образом отозвалось на судоходстве и обеспечении Италии хлебом.



Смерть Агриппины

Приближался веселый народный праздник *Quinquatrus*¹, который отмечался 19—22 марта в честь богини Минервы, покровительницы различных наук и искусств. Это был праздник ремесленников, врачей, учителей, учеников, дни, свободные от школьных занятий, период беззаботных весенних забав. Агриппина пребывала на своей вилле в Анции, там, где 21 год назад родился Нерон. Неожиданно она получила от сына очень милое письмо, приглашавшее ее в Байи вместе провести праздник. Письмо явилось тем более приятной неожиданностью, что в последнее время отношения между матерью и сыном складывались не лучшим образом. Они виделись очень редко. Впрочем, для этого было не много возможностей, так как Агриппина в основном находилась вне Рима на своих виллах в Анции или Тускуле. Нерон одобрял эти отлучки, утверждая, что матери необходим отдых и свежий воздух. А в Риме у нее уйма забот! Постоянно ее вызывают в суд по каким-то странным делам о наследстве!

Количество вызовов было действительно удивительным, точно так же, как удивительна была и наглость предъявлявших претензии. Словно бы некий тайный ее враг подсказывал исподтишка, что именно теперь наступил самый подходящий момент для расследования некоторых сомнительных прав, которыми пользуется мать императора!

Однако и у себя на виллах Агриппина не знала спокойствия. Возле ее домов постоянно вертелись какие-то чужаки. Наглые прохожие приставали к ее слугам, позволяли себе грубые шутки.

Итак, Агриппина с радостью приняла приглашение приехать в Байи. Она прибыла на небольшом, легком либурнийском корабле. При жизни Клавдия и по приходе к власти Нерона в ее распоряжении имелись великолепные трехрядные суда, но разрешение на

¹ Квинкватр — празднество в честь Минервы на пятый день после Мартовских ид.

пользование ими уже давно отменено. Нерон поджидал мать на берегу. Принял он ее ласково, поддержал под руку, потом крепко обнял. Так как во время причаливания либурнийский корабль из-за странной неловкости команды получил какие-то повреждения, император со всей готовностью предоставил матери другой великолепный корабль, как раз стоявший в заливе.

Агриппина поселилась не в самих Байях, а в Бавлах, на той вилле, которая некогда принадлежала Гортензию, а впоследствии—Антонии и Калигуле. После полудня в ее честь в Байях дан был пир; в роли хозяина выступал Отон. Мать императора прибыла на этот пир в лектике. Пир оказался великолепным, продолжался до полуночи. Нерон был на редкость разговорчив и ласков. Он сыпал шутками, острил, но в разговоре касался и важных дел. Видно было, что он не торопился расстаться с матерью.

Из-за позднего часа Агриппине пришлось возвращаться на предоставленном ей корабле. Проводы были нежными. Нерон проводил мать на самый берег, с любовью смотрел ей в глаза, прижал голову к ее груди. Когда она уже вступила на палубу, он воскликнул:

— Держись молодцом, будь здорова! Я знаю, что живу и правлю только благодаря тебе!

Ночь была тихая, озаренная звездами. Агриппина прилегла на ложе, установленном на борту. У ложа были высокие стенки, они выполняли роль занавесы, заслоняющей от назойливых взглядов команды. Команда состояла из совершенно посторонних людей, лишь двое из окружения Агриппины взойшли на борт: Ацеррония—она сидела на низком стульчике рядом с ложем,—а также Креперей Галл, тот находился неподалеку от руля. Над той частью палубы, где стояло ложе и находился руль, простирался навес на опорах, защита от дождя и солнечных лучей.

Царила тишина, весла мерно ударяли о воду, корабль стремительно рассекал спокойные воды залива. Ацеррония как раз говорила о том, сколь счастлива и радостна эта минута примирения и взаимопонимания.

Внезапно раздался треск. Навес рухнул. Корабль покачнулся и остановился. Казалось, его борта расступились и все содержимое целиком погружается в бездну. Послышались вопли, крики и ругань. Гребцы метались по палубе и дрались между собой. Часть из них, словно обезумев, пыталась потопить корабль, наклоняя его на один борт. Другие изо всех сил оказывали сопротивление, пытались удержать в равновесии поврежденный корабль. Среди общей растерянности раздался пронзительный женский крик:

— Ко мне! Спасите! Я — Агриппина, я мать императора!

К кричащей тотчас подбежали несколько человек с кольями и палками. Женщина начала стонать и хрипеть.

В императорской вилле в ту ночь никто не спал. Вскоре после катастрофы начали поступать первые донесения:

Навес рухнул, но корабль не затонул. Креперей Галл погиб, но лица, находившиеся при ложе, уцелели, так как его стенки оказали сопротивление тяжести навеса. Убита женщина — это не Агриппина, а Ацеррония. Мать императора спаслась, так как в момент общей суматохи тихо соскользнула в воду и какое-то время плыла, а потом ее подобрали с какой-то лодки.

Вся округа пришла в волнение. Известие о том, что матери императора угрожала опасность, молниеносно разнеслась по всем городкам от Мизен до Путеол. На берегу полно было людей с факелами. Многие отправились на лодках к месту трагедии. Все были убеждены, что катастрофа на корабле — результат рокового стечения обстоятельств, хотя никто не понимал, как это могло произойти. Ведь море было абсолютно спокойно, и здесь нигде не торчат подводные скалы! В народе кружили самые нелепые слухи. Многие уже готовились принести благодарность богам, Агриппине же и ее сыну слали поздравления.

Потрясенный Нерон лихорадочно совещался со своими приближенными. Не могло быть никакого сомнения — Агриппина разгадала все. Она не поверит в несчастный случай. Но даже если бы удалось ее убедить в том, что всему виной — какая-то погрешность в конструкции корабля, то смерть Ацерронии все равно перечеркивает любые объяснения: девушку убили, когда она закричала, что является Агриппиной!

Итак, Агриппине известно, что ее хотели убить коварным путем. Что она теперь предпримет? Прибегнет ли к крайним средствам? Может быть, вызовет и вооружит своих рабов? Может, обратится непосредственно к преторианцам? А может, она уже на пути в Рим и вот-вот предстанет перед сенатом и народом, обвиняя своего сына в самом ужасном из всех злодейств — покушении на жизнь матери? Что предпринять?

Сенека и Бурр сидели молча. Трудно было в этой ситуации дать какой-либо совет. Если не принять меры, власть их воспитанника окажется под угрозой, их же самих ждет смерть. Но ни у того, ни у другого сановника не поворачивался язык подсказать выход. Сенека первый набрался смелости. Глядя на Бурра, спросил:

— Сумеют ли твои солдаты выполнить этот приказ?

Бурр тотчас же ответил отрицательно. Преторианцы преданы всему императорскому дому. Память о Германике, отце Агриппины, все еще жива. Это дело обязан довести до конца Аникет, ибо он виновник всего происшедшего.

Аникет, префект Мизенского флота, также участвовал в обсуждении. Бурр был прав. Действительно, это Аникет предложил идею построить корабль, который затонет во время плавания: когда рухнут подпорки, провалится утяжеленный свинцом навес и проломит палубу; судно развалится и бесследно исчезнет в пучине. План был недурен, ибо какие только несчастные случаи не происходят на море! А когда Агриппины уже не будет в живых, сын может выразить свою скорбь, возводя в память о ней алтари и храмы.

Однако конструкция корабля не оправдала себя. Навес, правда, рухнул, но борта не разошлись и судно затонуло не сразу. Не вся команда была посвящена в тайну. Поэтому часть хотела спасти корабль, в то время как люди Аникета пытались накренить его на один борт, чтобы ускорить потопление.

Брошенный Бурром вызов Аникет принял с полным спокойствием, так как давно ненавидел Агриппину. Вероятно, потому ныне и состоял в высокой должности, хотя был всего лишь вольноотпущенником. Он пользовался доверием императора, некогда был при нем одним из воспитателей. Без колебаний взялся Аникет за завершение дела. Лишь потребовал, чтобы ему предоставили свободу действий, не стесняли в выборе средств. Нерон воскликнул:

— Только теперь я становлюсь императором! И этот вольноотпущенник предоставляет мне власть. Поторопись, возьми самых лучших людей!

Совещание еще продолжалось, когда доложили, что прибыл посланец от Агриппины, ее вольноотпущенник Агерин. Он принес хорошие вести: его госпожа благодаря милости богов и судьбы счастливо спаслась во время катастрофы; она получила легкое плечевое ранение, никакая опасность ей не грозит; поэтому Агриппина просит, чтобы сын не беспокоился и пока отложил свой визит, так как она прежде всего нуждается в отдыхе.

Действительно, это было единственное, что оставалось Агриппине в создавшемся положении: сделать вид, что ни о чем не догадывается. Но было уже поздно.

Нерон внимательно слушал речь посланца. Однако прежде, чем тот закончил, послышался стук металла об пол. Кинжал упал у ног Агерина. Император закричал:

— Охрана, ко мне! Это покушение! Держите убийцу!

Ворвались преторианцы. Ошеломленного Агерина, который вообще не понимал, что происходит, заковали в кандалы как подосланного Агриппиной злодея. Подбросил же ему кинжал сам Нерон.

В это время Агриппина лежала в своей вилле в маленькой спальне, освещенной только слабой лампой. Возле ее ложа находилась рабыня. Полнейшая тишина царила вокруг. Агриппина чутко прислушивалась. Когда же вернется Агерин? Каков будет ответ Нерона?

Где-то послышался стук оружия, зазвучали приглушенные голоса. Девушка выскользнула из комнаты. Агриппина окликнула ее:

— Значит, и ты меня покидаешь?

Ворота виллы были уже выломаны, прислуга разбежалась.

Трое вооруженных мужчин вошли в комнату: Аникет, капитан корабля Геркулей, офицер морской пехоты Обарит. Агриппина приподнялась на ложе:

— Если вы хотите узнать, как я себя чувствую, то скажите, что мне уже лучше. А если вы намереваетесь совершить что-то другое, то я не верю, что это был приказ сына. Он не способен стать убийцей матери!

Геркулей ударил ее палкой по голове. Обарит выхватил меч. Агриппина крикнула:

— Бей в живот!

Ей нанесли несколько смертельных ран. В ту же самую ночь прислуга сожгла тело матери императора на обычном ложе, которым пользовались на пирах. Пока правил Нерон, у Агриппины не было никакого памятника. Только впоследствии ее вольноотпущенники насыпали над могилой небольшой курган. Он возвышался на холме, через который шла дорога в Мизены, неподалеку от старой виллы диктатора Суллы. Отсюда открывался великолепный вид и на залив, и на открытое море.

Император до утра не сомкнул глаз. Нерон осознал, что совершил, только тогда, когда ему доложили об исполнении приказа. Он сидел молча, словно парализованный. Время от времени вставал, делал несколько шагов, производя впечатление обезумевшего. От этого страха и чувства вины ему не удалось избавиться уже никогда. Много позже он признавался самым доверенным лицам, что его мучит по ночам призрак матери; подчас слышит как бы свист бичей и видит горящие факелы. Впоследствии, при посещении Греции, ему захотелось принять участие в известных Элевсинских

мистериях, устраиваемых в храмах. По древнему обычаю глашатай объявил перед началом:

— Сюда возбраняется входить безбожникам и тем, кто запятнал себя преступлением!

Нерон не решился войти внутрь.

Но в эту ночь император опасался не только видений и богинь мщения. Его терзала тревога: что произойдет, когда о преступлении узнает армия, сенат, народ? Не отвернутся ли от матереубийцы? Не погибнет ли он в нищете, презираемый и покинутый всеми? Никто еще не совершил столь ужасного поступка — ни человеконенавистник Тиберий, ни даже безумный Калигула!

Император ждал рассвета как избавления.



Поздравления

При свете зари к императору явились высшие и младшие военные чины личной охраны. Они принесли ему свои глубочайшие сердечные поздравления. Он так удачно избежал смертельной опасности! Только чудом не пал жертвой преступных козней матери!

Вскоре после этого прибыли делегации из ближайших городков. Они выражали свою глубокую радость и сообщали, что в храмах уже приносятся жертвы богам — в знак благодарности народной за спасение любимого императора. В числе первых поспешили в храмы друзья властителя.

Нерон принимал эти почести и поздравления с лицом, на котором отражалась глубокая печаль и скорбь. Казалось, он говорил: «Какое мне дело до всего, если любимейшая мать мертва?»

Он отправился в Неаполь, словно сам вид мест, где разыгралась трагедия, ему невыносим. В действительности же Байи продолжали оставаться любимой виллой императора. Позже он приезжал туда часто и надолго.

Тем временем Сенека от имени Нерона уже составлял официальное письмо в сенат следующего содержания: «Вольноотпущенник Агриппины пытался совершить на меня покушение. Его схватили с кинжалом в руках. Агриппина, узнав об этом, покончила самоубийством. Постыдные и преступные происки этой женщины ведут свое начало издавна. Она хотела соуправлять государством, привести к присяге на верность себе

преторианцев, сенат и народ. Римские граждане пресекли эти безумные замыслы. Поэтому Агриппина мстила, выступая против выдачи солдатам наград и против денежных пособий простому люду. Она старалась также погубить многих выдающихся лиц. Только невероятным усилием мне удалось удержать ее от вторжения в зал сенатских заседаний, а ведь это опозорило бы нас перед послами чужих народов. А в скольких преступлениях, совершенных во времена правления Клавдия, повинна именно Агриппина!»

Немало было в этом письме красивых фраз, достойных мастера риторики, каким являлся Сенека. Например: «Даже не верится, что я уцелел, меня это нимало не радует».

Сенаторы были потрясены опасностью, которая угрожала любимому властителю, и низостью задуманного преступления. На экстренном заседании они наперебой выдвигали предложения: провести во всех храмах благодарственные молебствия, придать торжественность дням *Quinquatrus*, когда был раскрыт заговор, великолепными играми; установить в зале заседаний золотое изваяние богини Минервы, покровительницы праздника *Quinquatrus*, и такого же монумента императора; считать день рождения Агриппины, 6 ноября, роковым днем, убрать все статуи преступной матери.

Среди нескольких сотен сановников нашелся только один, который хранил молчание и даже удалился из зала. Это был Тразей Пэт. Другьям он позже сказал:

— В конечном счете, что плохого может причинить мне Нерон? Самое большое — убить. Но по-настоящему повредить мне он не способен.

«Повредить по-настоящему» означало для Тразеи — вынудить к неблагоприятным поступкам, которые оставили бы по себе дурную славу у потомков. Ибо он часто говорил:

— Если бы Нерон мог убить одного меня, я простил бы его льстецам их усилия снискать его благосклонность. Но среди них немало таких, кому он приказывает умереть. И все же грядущие века будут знать о них лишь то, что они погибли, обо мне же, однако, нечто большее!

Итак, устами Тразеи говорила не только гордыня, но и наивность. Он считал, что властитель способен только убить. Не понимал, что может, сверх того, запятнать свою жертву. А ведь пример был у Тразеи перед глазами: Агриппина утратила не только жизнь, но и честь. Ее официально признали преступницей.

Правда, равно и юный император все еще не отдавал себе отчета в том, что власть вознесла его высоко. Он

все еще не понимал, что человеческая трусость не имеет границ. Потому и медлил с возвращением в Рим, странствуя по различным городам Кампании. Боялся, не зная, как его встретит столица.

Когда наконец стало известно о приезде императора, Рим сделал все, чтобы он уяснил себе эти простые истины.

Весь город вышел цезарю навстречу. Народ стоял согласно делению на административные округа. Сенаторы явились в торжественных одеждах. Отдельный ряд составляли женщины и дети. Чудом спасенный властитель благосклонно принял радостные приветствия своих подданных. Сначала он отправился на Капитолий, где принес надлежащую жертву самому достойному и великому — Юпитеру.

А ведь все, начиная с сенаторов и кончая ничтожным поденщиком, знали, что они воздают почести и радостно приветствуют преступника-матереубийцу. Не опасались даже говорить об этом. Ибо если доносчик и подслушает — что из того? Не подаст же он в суд, ведь даже открыто принять и предъявить подобное обвинение означало бы гибель для всех — для судей, для обвинителя, для ответчиков и свидетелей.

Агриппина не пользовалась уважением среди простого люда и сановников. Но преступление, жертвой которого она стала, потрясло всех. Кружили рассказы о том, что Нерон после убийства матери вел себя как выродок, рассказы придуманные, нелепые и, однако, вызывавшие доверие. Будто бы сразу после убийства Агриппины палачами император отправился в Байи, где внимательно осмотрел тело убитой. При этом сказал с одобрением:

— Я и не знал, что моя мать была так красива!

А поскольку его мучила жажда, он в ходе этого осмотра попивал вино. Говорили также, что уже ранее и многократно он пытался умертвить мать, прибегая к различным способам. Трижды приказывал подать ей яд, но безрезультатно, так как она, отлично зная обычаи императорского двора, уже много лет в малых дозах принимала различные смертоносные яды. Ходили слухи и о том, что архитекторы сконструировали в одном из домов Агриппины свод, который должен был рухнуть в нужный момент, но этого не удалось удержать в тайне. Наконец, поговаривали, что Агриппина, зная о враждебности к ней сына, пыталась спасти себя, побуждая его вступить с нею в кровосмесительную связь, и Нерон уступил бы, но Сенека успел подослать Акте. Та напугала его:

— Твоя мать утверждает, что ты спишь с ней. Если

солдаты узнают об этом, они повернут оружие против тебя.

Простой народ смело выражал свое презрение к властителю. На стенах столицы появились надписи: «Орест, Нерон, Алкмеон — все матереубийцы». На одном из монументов императора кто-то повесил кожаный мешок. Ибо в давние времена такова была кара для тех, кто умертвил родителей или кого-то из близких родственников: убийцу зашивали в кожаный мешок вместе с собакой и змеей, а мешок сбрасывали в Тибр. К концу республиканского правления этот жестокий обычай забылся, но восстановил его беспощадный ко всем преступникам император Клавдий.

Четыре года назад Сенека посвятил Нерону трактат «О милосердии». Поскольку философ не упускал любой возможности высмеять мертвого властителя, он ехидно писал: «Твой отец в течение пяти лет приказал зашить в мешки больше убийц своих близких, нежели (как сообщают) их зашили за несколько веков. Ибо, пока это самое чудовищное из всех преступлений даже не предусматривалось законом, не было и детей, которые осмелились бы его совершать. Люди большого ума, великолепно знающие проблемы этого мира, предпочитали не упоминать это невероятное и выходящее за пределы всякой дерзости злодейство, нежели указать путем самого введения кары, что оно допустимо».

Это была изворотливая аргументация, приведенная лишь для того, чтобы любой ценой внушить отвращение к памяти Клавдия. Написав это, Сенека и не предполагал, что через несколько лет он сам будет обвинен, почти наравне с Нероном, в преступлении именно такого рода. Не без оснований говорилось:

— Это он был воспитателем императора. Это он составил лживое письмо в сенат!

Нашлись и такие, кто приписывал Сенеке некий демонический замысел. Он вполне сознательно подталкивал императора к чудовищному убийству, чтобы вызвать к нему отвращение у всех, а потом самому захватить власть.

Однако больше, чем Сенеку, и заслуженно, в этом обвиняли Поппею.

У нее имелись конкретные причины настраивать Нерона против матери. Император не решался на развод с Октавией, и — это было очевидно — главным образом из-за своего страха перед Агриппиной. А к замужеству честолюбивая Поппея стремилась все откровеннее. Словно бы в шутку называла Нерона послушным мальчиком, которому полезно наконец обрести немного свободы. Она спрашивала:



— Почему ты оттягиваешь свадьбу? Может быть, моя красота тебе недостаточна? А может, неблагороден мой род, хотя в нем были триумфаторы?

Однако она тут же добавляла:

— Конечно, не из-за этого. Подлинная причина в другом. Ты боишься, что, когда я стану женой, обнаружатся все несправедливости, допущенные Агриппиной в отношении сената. Выявится также, как ненавидит твою мать народ, раздраженный ее чванством и жадностью. А сама Агриппина потерпит только такую невестку, которая тебя ненавидит. Это позволяло бы ей вести интриги.

Поппея доходила до того даже, что угрожала:

— Я вернусь к Отону. Предпочитаю покинуть столицу и жить где-нибудь на краю света, только бы не видеть, как унижают императора и каким опасностям его подвергают.

Она говорила это подчас словно в шутку, подчас рыдая. Ее слова падали на благодатную почву. Нерон боялся матери — и отдавал себе в этом отчет. Он мог возмущаться Агриппиной, мог ей угождать, но в ее присутствии всегда был робок и неуверен в себе. Поэтому-то с таким удовольствием одобрял ее отъезды из Рима. Но и они не помогали. Агриппина, пребывая в Анции или же Тускуле, знала о каждом шаге своего сына, и сама мысль об этом отравляла императору радость забав, дурачеств, попок.

Агриппина погибла, чтобы Нерон мог стать Нероном.



Назначения

Рим и Италия долгое время находились под впечатлением страшных событий той мартовской ночи в Байях. Население провинций к известию о смерти Агриппины отнеслось с меньшим интересом. Многие простые крестьяне на Ниле, Дунае, Родане и Таге наверняка никогда не узнали об обстоятельствах, в которых погибла мать императора. Разумеется, в более крупных городах сразу поспешили продемонстрировать свою радость в связи со спасением властителя. Торговцы и крупные землевладельцы, вероятно, с жадностью поглощали новости из далекой столицы. Однако как для богатых, так и для бедных крестьян во сто крат важнее, в сравнении с драмами императорского дворца,

было то, что происходит в резиденции наместника; он был хозяином их жизни и добра. Итак, если говорили о смерти Агриппины, то прежде всего в связи с вопросом, вызовет ли это какие-то передвижения на постах наместников. Одни утверждали, что нет, ибо Агриппина ведь уже давно никакой политической роли не играла. Другие считали, что правительство захочет показать свою силу и владение ситуацией, поэтому произведет множество изменений.

Они были правы. После смерти Агриппины, в 59—60 годах, многие провинции получили новых наместников. И при этом подобранных умело и разумно. Правительство явно стремилось продемонстрировать, что будет продолжать прежнюю политику заботы о провинциях. Более того, хотело доказать, что только уход коварной Агриппины позволяет юному императору распространить в полном блеске свою доброжелательность на весь род человеческий.

Правда, одно из первых назначений, вероятно, было вызвано не заботой о провинциях, но желанием убрать из Рима неугодного человека. Им был Отон. Поговаривали, что Нерон намеревался сослать его на какой-нибудь остров. Однако в защиту бывшего мужа Пoppей выступил сам Сенека. Добился только одного: Отон уехал из Рима с почестями, как наместник Лузитании, или нынешней Португалии, и Западной Испании. Назначение было необыкновенным, ибо обычно наместничество получали бывшие консулы или бывшие преторы, и то через несколько лет после того, как оставляли эту должность. А тем временем юный Отон занимал донне самую низкую должность, не дающую прав на наместничество,—был квестором. У него не было никакого ни административного, ни военного опыта, его считали повесой, мотом, человеком, лишенным каких-либо моральных принципов. Все в Риме знали, какова истинная причина столь необыкновенного назначения. По столице кружили стишки такого содержания: «Ты интересуешься, почему Отон отправился в почетную ссылку? Потому что спал с собственной женой!»

Однако выбор оказался удачным. Вдали от утех и удовольствий столицы Отон сделался как бы другим человеком. Был работающим и энергичным, не запятнанным вымогательством и злоупотреблениями. И управлял Лузитанией долго, почти десять лет. Помнил ли он, что сто двадцать лет назад именно эту провинцию получил некий Гай Юлий Цезарь, второразрядный в ту пору политик, известный соблазнитель, смутьян, несостоятельный должник? Помнил ли, что именно наместни-

чество в Лузитании открыло Цезарю путь к блистательной карьере? История подчас повторяется.

Год спустя вслед за Лузитанией и соседняя провинция, Тарраконская Испания, или нынешняя Восточная и Северная Испания, встречала нового наместника Сервия Сульпиция Гальбу. В отличие от Отона это был пожилой человек, шестидесяти с лишним лет, опытный военачальник, искушенный политик, отличный юрист. Он успел уже побывать на самых высоких должностях, был одним из богатейших людей в империи.

Молодым человеком Гальба снискал расположение Ливии, вдовы императора Августа. Она завещала ему по духовной записи пятьдесят миллионов сестерциев. Поскольку сумма эта была вписана не словами, а цифрами, император Тиберий посчитал, что речь идет лишь о пятистах тысячах. Правда, это не имело значения, так как Тиберий аннулировал все завещание Ливии. Сделал он это, впрочем, не из алчности, но из-за неприязни к матери, с которой постоянно ссорился в последние годы ее жизни. Лично к Гальбе Тиберий относился скорее хорошо. Он позволил ему начать служебную карьеру в более юном возрасте, чем это было принято. В качестве претора Гальба устроил игры во время майского праздника богини цветов Флоры. Римский люд помнил о них долго, ибо тогда увидели слонов, танцующих на канатах! Потом в течение года Гальба был наместником провинции Аквитания в Галлии. В 33 году стал консулом. Пятью годами позже, уже при Калигуле, управлял Верхней Германией. Подтянул расшатавшуюся военную дисциплину и положил конец набегам германцев из-за Рейна. Когда на границу прибыл сам цезарь, готовившийся к большому походу против германцев, до которого, впрочем, никогда так и не дошло, внешний вид воинов Гальбы ему понравился. Тот мог многого требовать от своих солдат, так как сам подавал пример выносливости. Муштру перед властителем он проводил, держа все время щит, а непосредственно после этого пешком отшагал двадцать миль за императорской повозкой!

Клавдий высоко ценил Гальбу, причислял его к своим советникам и друзьям. Он якобы передвинул на несколько дней поход в Британию только потому, что беспокоился о здоровье Гальбы. В 45—46 годах Гальба был наместником провинции Африка, или нынешнего Туниса. Эту страну беспокоили равно как набеги кочевников, так и распри среди оседлого населения. Твердой рукой Гальба быстро восстановил порядок. В награду за это получил триумфальные отличия и титул члена трех жреческих коллегий.

Однако, когда Клавдий женился на Агриппине, Гальба отошел от общественной жизни. У него имелись известные основания опасаться этой женщины. Ведь после смерти первого мужа, Домиция, Агриппина пыталась женить на себе именно Гальбу! Ее мало волновало, что он женат и у него двое сыновей. От своих намерений она отступилась только после активного и публичного вмешательства тещи Гальбы. Вскоре после этого он овдовел, потерял также и обоих сыновей. С тех пор жил уединенно на своей семейной вилле около Фунди или в Тускуле. Он сторонился Рима, справедливо считая, что лучше не попадаться на глаза женщине, некогда отвергнутой, а ныне столь могущественной. Он не изменил стиля жизни и при Нероне, хотя Агриппина уже утратила влияние. Вероятно, опасался, что ему вменят в вину дружбу с Клавдием, которого ненавидел и Нерон, и его советник Сенека. О Гальбе говорили, что, даже когда его несли в лэктике на прогулку, сзади всегда ехала повозка, нагруженная деньгами. Для подстраховки: если бы внезапно последовал приговор об изгнании, средства для жизни—под рукой. А тем временем он удостаивается неожиданной чести—наместничества в важной испанской провинции!

Гальба управлял ею восемь лет. Поначалу он очень рьяно взялся за наведение порядка. Банкиру, который обманывал при обмене денег, приказал отрубить обе руки и прибить их к столу. Судебного опекуна, который отравил сироту, чтобы завладеть его состоянием, приговорил к распятию. Несчастный защищался, восклицая: он—римский гражданин, ссылаясь тем самым на свое право апеллировать к императору. Гальба вежливо обдумал этот протест: приказал поставить крест выше всех других и выкрасить его белой краской. Позже, однако, Гальба меньше заботился об административной четкости и законности, повторяя:

— За безделье к ответу никого не привлекают!

Флавий Веспасиан отстранился от политической жизни почти в одно время с Гальбой и по той же причине: боялся Агриппины. Он знал, что та его ненавидит, так как он был другом Нарцисса. От Нерона тоже ничего хорошего не ждал, поскольку держал своего сына подле Британника—вплоть до трагической смерти мальчика. Несмотря на это, в 59 или 60 году при жеребьевке провинций в сенате Веспасиану выпала Африка! Конечно, эта традиционная жеребьевка наместничеств уже давно была фикцией. Счастье, как правило, шло в паре с благосклонностью властителя. В момент, когда Веспасиан принимал провинцию, ему было около пятидесяти. Опытный полководец и адми-

нистратор, он прекрасно справлялся со своими задачами. Хроники зафиксировали лишь одно событие, достойное внимания: во время беспорядков в местечке Адрумет кто-то ловко угодил в наместника репой. Ничто так хорошо не свидетельствовало о порядочности Веспасиана, как факт, что через два года он вернулся из Африки беднее, чем до отъезда туда. У него даже возникли финансовые сложности. Часть владений он вынужден был передать брату и даже взяться за торговлю мулами. Отсюда прилепившаяся к нему кличка «*mulio*», ибо так называли погонщиков этих работающих животных.

И Гальба, и Веспасиан принадлежали к ближайшему окружению Клавдия. Так же, как и Юлий Вестин. В 48 году Клавдий предложил сенату проект постановления, признающий за римскими гражданами из Южной Галлии право добиваться высших государственных постов. Перечисляя города и заслуженных лиц, он сказал: «Вот замечательная и могущественная Виенна. С давних пор она поставляет нам сенаторов! Из этой колонии происходит Юлий Вестин, гордость эквитского сословия. К немногим я питаю такие дружественные чувства, как к нему. Ныне я поручил ему свои имущественные дела. Прошу, чтобы его дети могли занимать первые ступени жречества, а потом, с годами, перемещаться на все более высокие должности».

В конце 59 года Вестин пришел на место, принадлежавшее Бальбиллу, префекту Египта. Тот получил эту должность в 55 году благодаря Агриппине, ничего удивительного, что ему пришлось уйти в отставку после ее смерти. Однако положение знаменитого астролога по-прежнему было прочным, если учесть и популярность его искусства, и его дружбу с Сенекой — дружбу прочную, сложившуюся на почве общих увлечений литературой и наукой.

Равно и северные провинции империи получили в 59 году своих наместников. Верхней Германией стал управлять Скрибоний Прокул, а его брат Руф — Нижней Германией. Те самые, что в предыдущем году навели порядок в ПUTEОЛАХ, когда там начались конфликты между местными властями и плебсом.

В Британию направили Светония Паулина. В 42 году он победоносно сражался с мавританцами в Северной Африке и первым римским полководцем перешел через Атласские горы. Он добрался до побережья Атлантического океана. Надеялись, что ныне он завершит завоевание Британии, ибо его предшественники за последние годы не много преуспели. Дидий Галл, наместник в 52—58 годах, был стар и не очень деятелен. Он

ограничился боями с племенем силуров в нынешнем Уэльсе, где овладел несколькими небольшими укрепленными поселениями. Преемник Дидия — Вераний — умер вскоре после того, как сделался наместником. После него осталось только самоуверенное заявление в завещании, что, если судьба отпустит ему еще два года жизни, он завоюет императору весь остров. Оно свидетельствовало лишь о полном незнании местности, недооценке смелости племен и трудностей кампании.

Теперь оставалось выяснить, действительно ли Светоний укрепит власть римлян в этой наиболее далеко выдвинутой на север провинции.

Зато главнокомандующий войск на Востоке, Корбулон, именно в 59 году придал новый блеск своему имени: он окончательно завоевал Армению! Захватил вторую столицу этой страны, Тигранокерту, расположенную на берегу горного Тигра. Уже сам прорыв к этому городу представлял колоссальное достижение. Шли через высокие горы, на каждом шагу преодолевая вражеское сопротивление. Не хватало продовольствия, воины страдали от чрезмерной жары. Но полководец сумел подбодрить солдат, вселить в них стойкость, снося наравне с ними невзгоды. Тигранокерта сдалась без боя. С ее населением победитель обошелся мягко. Весной следующего, 60, года Тиридат пытался еще раз вторгнуться в Армению. Корбулон отбросил его и подавил мятежи в разных районах страны. В принципе можно было непосредственно включить Армению в состав империи как одну из провинций, в Риме, однако, решили по-другому. Постановили сохранить этот край на роли вассального государства, а на трон посадить царевича, который издавна воспитывался в Италии. Это был Тигран, потомок иудейского царя Ирода и давних властителей Каппадокии и Армении. Но только часть армян признала Тиграна. Поэтому Корбулон оставил там один из своих сильных корпусов, некоторые же пограничные земли отдал соседям, надежным союзникам римлян.

В том же 60 году поступило сообщение о смерти Уммидия Квадрата, наместника Сирии. В награду за заслуги именно Корбулона назначили наместником этого богатого и важного края.

Но и в маленькой, примыкающей к Сирии с юга Иудее произошла тогда смена прокуратора. Феликс, муж красавицы Друзиллы, оставил свой пост.



Правление Феликса

За восемь лет прокуратуры Феликса кресты густо усеяли холмы Иудеи. На них распинали разбойников и всех тех, кто подозревался в содействии им.

Но только римляне и богатые иудеи говорили о «разбойниках». Они сами называли себя «ревнителями», так же звал их и простой люд. Это было горделивое и много значившее название. «Ревнители» считали себя (и только себя!) истинно верными Завету, непримиримыми борцами за свободу Иудеи. Они с презрением смотрели на всех иудеев, которые — как саддукеи и даже фарисеи — допускали некоторые компромиссы с греческой культурой и римской властью или же — как ессеи — бежали от жизни и борьбы в пустынные глухие места, предаваясь молитве и мистической созерцательности. Движение «ревнителей» у иудеев имело давние традиции, но отдельной организацией, с собственной идеологией, оно стало только полвека назад. Это была заслуга Иуды Галилеянина. Когда римляне принимали Иудею под свою руку и производили перепись населения, Иуда поднял восстание. Он провозгласил:

— На помощь Бога может рассчитывать только тот, кто сам отдает все, дабы свершилось великое дело — установление его царства на земле. Для тех, кто погибнет в бою, даже временное поражение будет означать вечную победу!

Мятеж был подавлен, но под пеплом продолжал пылать огонь. Десятки лет «ревнители» совершали набеги на римских оккупантов и те слои иудеев, которые обвинялись ими в падении страны и отходе от Завета. Возглавлял движение род Иуды. Группы «ревнителей» скрывались в недоступных местах, в горах и оврагах, на краю пустынь. Оттуда они совершали вылазки на римские посты, на имения богачей, на пограничные с иудейскими земли. Они нападали коварно, из укрытия, в случае необходимости проявляли беспримерное мужество. Один из иудеев-современников, неприязненно к ним настроенный, свидетельствует: «Они беззаветно любят свободу. Господином и властителем считают одного только Бога. Никакая смерть, даже самая жестокая, их не страшит, не принимают они в расчет и того, что месть может пасть на близких. Ничто не заставит их признать господином кого-либо из смертных».

Ожесточенность этого незатухающего движения

имела свою основу в нездоровой социальной обстановке, сложившейся в тогдашней Иудее. Преобладающими там были крупные земельные владения. Хозяева поместий сдавали доли земли в аренду крестьянам, которые должны были возвращать им большую часть урожая, платить государству налоги, приносить жертвы в храм. Кто не мог справиться с этим бременем, терял все, даже личную свободу. Именно эти нищие крестьяне и арендаторы массами пополняли движение «ревнителеев». Ведь им нечего было терять. Они жили надеждой на царство божье, царство справедливости. Они ненавидели богатых и могущественных господ, ждали прихода Мессии. А если не боролись сами, то всячески помогали «ревнителям».

Феликс не брезговал никакими средствами, лишь бы только задушить движение, ужасавшее римских оккупантов и состоятельных иудеев. Где не помогала сила и жестокость, он действовал изменой и обманом.

«Ревнителями» руководил тогда Елеазар, сын Динея. Это именно он несколько лет назад сжег самарийские села в отместку за нападение на галилеян, совершивших паломничество в Иерусалим. За них вступился тогда прокуратор Куман, а наместник Уммидий Квадрат отправил всех, замешанных в это дело, в Рим, на суд императора Клавдия; тот освободил иудеев, наказал самаритян, Кумана приговорил к изгнанию, а прокуратором Иудеи назначил Феликса. Оттого-то Елеазар надеялся, что новый прокуратор прибегнет к иной политике, нежели его предшественник, и станет на сторону иудеев. Поэтому он согласился на предложение провести с Феликсом непосредственные переговоры. Он отправился в Приморскую Цезарию, резиденцию прокуратора. Здесь он был тотчас заключен в тюрьму, закован в кандалы и препровожден в Рим. Главой «ревнителеев» с того момента стал Менахем, внук Иуды Галилеянина.

Жестокость Феликса привела к тому, что сельское население опасалось оказывать «ревнителям» поддержку. Малейшее подозрение навлекало суровые кары на целые семьи, села и округа. «Ревнители» изменили тактику. Они уже не совершали налеты единичными отрядами. Со своими врагами они теперь расправлялись скрытно. Вместе с толпой паломников они направлялись в праздничные дни в Иерусалим и вступали на территорию храма. Под одеждой у них были спрятаны короткие кинжалы. Подходили к избранной жертве и врасплох, среди бела дня, на самых многолюдных площадях и улицах, убивали ее. Когда тело убитого сползало наземь, они первые испускали крик ужаса.

Поступая подобным образом, «ревнители» сделались еще опаснее и совершенно неуловимыми. Ужас охватил всех, кто по каким-либо причинам мог оказаться им немил. Могушественные люди содрогались от страха перед каждым встречным. Даже друзьям не доверяли.

Однажды в самом храме скрытным образом убили первосвященника Ионатана. Можно было заподозрить «ревнителей». Однако на этот раз ходили толки, что подлинный виновник преступления сам прокуратор. Было известно, что он не выносил первосвященника, так как тот давал ему советы и указания. Ионатан полагал, что имеет на это право, так как после разбирательства в Риме поддержал его назначение наместником. Таким образом, прокуратор воспользовался возможностью, какую предоставляла волна скрытных убийств. Нанял убийцу и избавился от обременительного благодетеля, уверенный в безнаказанности. Ибо кто мог доказать, что Ионатан не пал жертвой «ревнителей»?

Но тайные убийцы угрожали только единицам. Для спокойствия всей Иудеи гораздо опаснее было нечто иное: повсеместное ожидание Мессии. Жрецы—толкователи Писания уже издавна возглашали, что явится некогда предводитель, который установит царство счастья и справедливости, даст Израилю власть над всеми народами земли. Они возглашали также, что чем тяжелее время, чем сильнее обрушиваются на страну удары, тем ближе пришествие Мессии. Не удивительно, что эта мысль овладела сердцами и мыслями всех малых сих, сделалась их мечтой и надеждой. И не удивительно, что в Иудее постоянно появлялись «пророки» и «посланцы», мнимые «Мессии». Неизменно повторялось одно и то же, каждый из искусителей находил тысячи фанатически преданных сторонников. Весть, что Мессия уже у порога, молниеносно разносилась по всей стране, вызывая волну ликования. Тогда делом начинали интересоваться местные и римские власти. Искуситель стремительно исчезал, но в сердцах тех, которые за ним пошли, сохранялась глубокая убежденность, что это был все-таки предвестник истины; он не исчез навсегда, он вернется, когда только время наступит!

Наиболее трагически завершилось дело одного египтянина, который завоевал себе немалый авторитет среди иерусалимского плебса как чудотворец. Тысячи простаков отправились за ним к Масличной горе, чтобы увидеть, как по приказу пророка рухнут городские стены, они же войдут в столицу в триумфе и славе. Однако вместо ангельских труб они услышали хриплые рожки легионеров. На беззащитные массы

ринулись римская конница и пехота. Несколько сотен сторонников пророка пали убитыми на горе, около двухсот заковали в кандалы.

Через несколько дней во дворе одного из храмов поднялся гам. Толпа бросилась на какого-то еврея-чужеземца, крича, что он оскорбляет Завет. Мнимому виновнику угрожала смерть. Однако рядом с храмовыми постройками возвышалась крепость, именуемая Антония,— творение Ирода Великого. Издавна там стоял римский гарнизон. Дежурный офицер тотчас явился со своими людьми, чтобы успокоить волнение в зародыше. Вооруженные солдаты с трудом отбили из рук толпы этого человека и забрали с собой.

Офицер не мог понять причину шумихи. Он заподозрил, что это и есть тот египтянин, который сбежал несколько дней назад. Однако задержанный с гордостью заявил:

— Я иудей, родом из Тарса Киликийского!

Он испросил позволения обратиться к толпе. Та приняла первые слова тарсийца воем:

— Пусть убивают! Смерть ему!

Разгневанный офицер решил добиться истины простым и издавна испытанным способом— плетью и пытками. Виновник волнения, уже лежа распростертым на полу, крикнул надзирающему за процедурой центуриону:

— Так у вас наказывают плетью римских граждан, да еще без приговора?

Центурион тотчас же помчался за офицером. Тот быстро явился, вопрошая:

— Ты действительно римский гражданин?

А когда услышал утвердительный ответ, не мог сдержаться, чтобы и самому не похвалиться:

— Я заплатил за римское гражданство порядочный куш!

И услышал на это спокойный ответ:

— Я же родился римлянином!

Тарсийца (его звали Паулос или Павел) оставили в крепости до выяснения дела. Впрочем, его невозможно было выпустить, так как в случае новых волнений он вряд ли уцелел бы. Командир не мог понять, откуда такая ненависть у евреев к единоверцу? Представил его синедриону.

Но и в этом высоком собрании не было согласия относительно его вины. Ибо когда Павел заявил: «Я фарисей и, как все фарисеи, верую в воскресение плоти!» — члены упомянутой секты, заседающие в совете, тотчас выступили в защиту задержанного... Все это не умещалось в голове офицера, привыкшего распозна-

вать дела и принимать решения с солдатской простотой. В довершение всего ему сообщили, что группа фанатиков приняла решение убить Павла, когда на завтра его поведут из Антонии в синедрион.

В ту же ночь Павла под сильной охраной отправили из Иерусалима в Цезарию, где пребывал прокуратор Феликс. О событиях в городе и личности задержанного гарнизонный начальник Антонии информировал в письме следующего содержания: «Клавдий Лисий приветствует уважаемого прокуратора Марка Антония Феликса.

Этого человека схватили евреи, собираясь его убить. Я освободил его со своими людьми, так как мне стало известно, что он римлянин. Я пытался понять причину обвинений и представил его синедриону. Выяснил, что речь шла о спорных вопросах их Завета. Но в этом нет ничего такого, что может повлечь за собой смерть или тюремное заключение. Поскольку мне стало известно, что на этого человека готовится покушение, я решил сразу же направить его к тебе. Равно его обвинителям я велел, чтобы изложили свои обвинения перед тобой. С приветом».

Пять дней спустя в Цезарии происходил допрос перед Феликсом. Обвинители утверждали: задержанный — распространитель заразы между евреями всего мира как глава секты назареев, он виновен также в осквернении храма. Эти обвинения Павел категорически отвергал. Феликс отложил дело.

Тюремный режим в Цезарии был мягким. Павел мог принимать посетителей. Руководителем новой секты заинтересовалась Друзилла, жена прокуратора. Будучи иудейкой, она лучше понимала религиозные разлады своего народа, нежели ее муж, которого занимали только политика и деньги. С мнением Друзиллы Феликс очень считался, не только потому, что она происходила из царского рода, но и потому, что недавно родила ему сына.

Однажды Павел предстал перед ними обоими. Феликс и Друзилла расспрашивали его о новом учении. Узник принялся убеждать их, что Мессия уже пришел много лет назад; следует вести справедливый и добродетельный образ жизни, памятуя о Судном дне, который ждет всех. Эти наставления наскучили Феликсу. Он сказал:

— Теперь можешь идти. Я вызову тебя в соответствующее время.

Феликс беседовал с Павлом еще несколько раз, но принимать окончательное решение не спешил. Он был занят делами поважнее. Вся Иудея бурлила. Непокой-

но было даже в Цезарии. Здесь все время вспыхивали стычки между евреями и сирийцами. Конфликты возникали по вопросу о том, кому управлять городом. В создавшемся положении легкомысленно выпускать на свободу человека, который однажды уже вызвал серьезные волнения.

Так прошли два года. Наконец (это был уже 60 год) Феликса сняли с должности. Новым прокуратором стал Порций Фест. Тот намеревался начать свое правление с примирительного жеста в отношении иудеев. Он готов был, уступая их требованиям, направить Павла обратно в Иерусалим и там предать его суду. И тогда узник подал апелляцию прямо на имя императора; это право предоставлялось ему, как римскому гражданину. Итак, пришлось направить Павла в столицу.

Тем временем Феликса, недавнего властителя жизни и смерти всех жителей Иудеи, чуть было самого не отдали под суд. Цезарийские иудеи пожаловались на него императору, обвиняя его в различных злоупотреблениях. Однако Нерон, воспитанник Хайремона, не был другом иудеев. Жалобу не приняли. Кое-кто утверждал, что Феликса спасло ходатайство Палланта, ибо тот хотя уже и не участвовал в политической жизни, но еще пользовался значительным влиянием благодаря своему многомиллионному богатству. Наверняка помогло Феликсу то, что сирийцы и греки из Цезарии направили в Рим две отдельные депутации. Последним повезло, ибо греки попали к вольноотпущеннику Бериллу, который заведовал греческой канцелярией императоров. К грекам Нерон всегда был благосклонен. Поэтому депутация вернулась в Цезарию с истинным триумфом. Она добилась отмены предыдущего распоряжения, которое предоставляло иудеям и сирийцам такие же права в управлении городом. С этого момента полнотой гражданских прав в этой столице тогдашней Палестины разрешалось пользоваться только сирийцам. С этим евреи не могли согласиться, ведь все-таки Цезария находилась в пределах их родины. Они упорно стояли на своем, положение обострялось из месяца в месяц. Призрак большой войны уже отбрасывал кровавый отблеск на землю Иудеи.

Мы теряем из поля зрения Феликса и Друзиллу. Об их судьбе ничего не известно. Сохранилось лишь упоминание, что сын Феликса погиб вместе с женой во время извержения Везувия, того самого извержения, которое похоронило Помпеи в 79 году.



Ватикан

Сенека и Бурр радовались, что, несмотря на трагические события той мартовской ночи, артистические увлечения Нерона не угасли, а, наоборот, вспыхнули с новой силой после того, как у него исчез затаенный страх перед матерью. Именно поэтому государственные дела шли своим чередом. Императора они по-прежнему не интересовали или, выражаясь точнее, интересовали еще меньше. Надежные, опытные руки Сенеки и Бурра, как и прежде, управляли всем. Юный цезарь целиком отдался служению самым разнообразным музам.

Правда, в этой его лихорадочной увлеченности искусством уже проявлялись тревожные симптомы. Нерон все настойчивее домогался, чтобы ему позволяли демонстрировать свои таланты публично, перед массами. Ему особенно не терпелось показать свое искусство управления колесницей и игры на лютне. Он ссылался на примеры Древней Греции, когда герои и цари сражались на колесницах, состязались, а крупнейшие поэты воспевали их деяния и победы. А сам бог Аполлон разве не играет на лютне? Именно таким и изображают его многочисленные скульптуры, в том числе и та, что в Палатинском храме.

Эти аргументы нелегко было опровергнуть. Мог ли наставник мудрости Сенека подрывать веру в красоту и ценность тех примеров, которые сам восхвалял перед воспитанником? Стоило, правда, напомнить, что у римлян отношение к спорту и искусству иное, нежели в Древней Греции. Там победа на играх или слава певца служили поводом для гордости, ставили победителя в один ряд с самыми знатными людьми своего города. В Риме же просто немыслимо, чтобы серьезный человек (не говоря уже об императоре) появился на арене или сцене как профессиональный певец или возничий! Это подорвало бы авторитет правителя в глазах и самих римлян, и покоренных народов.

Но император не желал отказываться от своего намерения, а Агриппины, способной прямо сказать ему, что она об этом думает, уже не существовало. В конце концов Сенеке и Бурру пришлось уступить. Они постарались, однако, чтобы свои способности император проявлял возможно скромнее.

На правом берегу Тибра, против Марсова поля, раскинулись довольно обширные пастбища у подножия

взгорья, соединявшегося к западу с Яникульским холмом. Это место называлось Ватиканским полем. То был типичный пригород — уже не деревня, но еще и не город. Здесь попадались мелкие хозяйства, однако глинистая почва почти не годилась для возделывания; во всяком случае, ватиканское вино считалось самым скверным. Была даже поговорка: «Любители уксуса пьют ватиканское». Имелись здесь кирпичные заводи и гончарные мастерские. Никакие внушительные постройки не облагораживали Ватикан. Известностью пользовался лишь храм Кибелы, Великой матери богов, культ которой пришел из Малой Азии.

Но здесь, в этой несколько запущенной пригородной местности, были и свои прелестные уголки — сады, доставшиеся императору Калигуле в наследство от матери, которые он великолепно украсил. Остальные ватиканские сады принадлежали Домиции, тетке Нерона. Она умерла в 59 году, вслед за Агриппиной, которую ненавидела. Не обошлось без слухов о том, что и Домицию отправил на тот свет Нерон, жаждущий завладеть ее виллами в Байях и Равенне. Так или иначе, известно, что завещание Домиции вообще не предавалось огласке, а император тотчас прибрал к рукам все ее имущество, в том числе и сады за Тибром. Таким образом, вместе с парком Калигулы, который Нерон, естественно, тоже унаследовал, в Ватикане образовался обширный комплекс прогулочных садов.

Эти императорские сады располагались за рекой и за городом, то есть чуть на отшибе и вместе с тем не слишком далеко от центра столицы, ибо от ватиканских пастбищ в сторону Палатина вел мост, построенный еще при Калигуле, который позже все называли Мостом Нерона. Он находился там же, где и нынешний Мост Виктора Эммануила. За ним путник из Рима вступал на дорогу, называемую *Via Cornelia*, которая шла по равнине к склону холма. Как и подле каждой римской пригородной дороги, здесь тоже по обеим сторонам тянулись многочисленные гробницы. В IV веке, когда император Константин на территории Ватикана, у подножия холма, приступил к строительству базилики Св. Петра, часть дороги и могил засыпали, выравнивая территорию. В 1452—1667 годах базилика и колоннада вокруг площади перестраивались, и тогда раскопали, а отчасти и уничтожили остальные могилы возле старой *Via Cornelia*. Лишь раскопки, проводившиеся вплоть до 1939 года в подземельях базилики, позволили исследовать могилы, засыпанные во времена Константина. Эти раскопки также показали, что *Via*

Cornelia проходила непосредственно вдоль южной стены нынешней базилики.

На одной из гробниц обнаружили надпись — отрывок из завещания покойвшегося в ней. Надпись начиналась со следующих слов: «Гай Поппилий Геракл приветствует своих наследников. Мои наследники, прошу вас и вверяю это вашей преданности, наказываю вам: поставьте мне могильный памятник возле ватиканского цирка».

Наследники распорядились высечь на камне это завещание, дабы доказать, что исполнили волю умершего. Для нас же это важная информация об истории застройки Ватикана. Ведь она свидетельствует, что возле этого отрезка *Via Cornelia*, то есть в непосредственном соседстве с позднейшей базиликой, во времена империи находился цирк. О том, что ватиканский цирк существовал, было известно и до того, как обнаружили надпись, но только теперь удалось точно обозначить, где именно он располагался.

Своим возникновением этот цирк обязан Калигуле. Страстный любитель состязаний, тот обожал управлять колесницей, поэтому и построил личный стадион в уединении ватиканских садов. Свой цирк он украсил обелиском, доставленным прямо из Египта. Вероятно, тем самым, который и поныне стоит на большой площади перед базиликой, где установили его в 1586 году, передвинув на несколько десятков метров.

На этот ватиканский цирк и обратили теперь свое внимание Сенека и Бурр. Они предоставили Нерону возможность вволю тешиться состязаниями, как некогда это делал Калигула. Первоначально зрители состояли только из скромного круга друзей и слуг. Потом по милости императора допускалось все больше зрителей из города, в том числе даже из плебса. И как раз простому люду эти зрелища особенно нравились. Сановники были смущены, но близился и их черед деятельного участия в хорошей забаве!

Как раз в это время в столице начались грандиозные торжества и игры. Они призваны были отразить благодарность простого люда богам за чудесное спасение императора и смерть Агриппины. Сам же властитель устраивал их *pro aeternitate Imperii* — чтобы империя существовала вечно. Их называли *Ludi Maximi* — Величайшие игры.

Игры действительно получились великолепными. Они продолжались несколько дней, происходили в разных театрах и цирках столицы. Не жалели усилий, чтобы они затмили все, что Рим созерцал до этого. Поставили комедию Афрания, поэта, жившего двести

лет назад, которая называлась «Пожар». И в самом деле, в маленьком городке, специально сооруженном на сцене, вспыхнул настоящий огонь. Актерам разрешили забрать себе все, что они успеют спасти в охваченных пламенем домах, где намеренно оставили немало ценных вещей. Сам вид актеров в длинных одеждах, смело скачущих в грозное пламя, дерущихся друг с другом из-за каждой мелочи, больше позабавил публику, чем перипетии старой комедии. Но роли переменялись: актеры все больше веселились видом зрителей. Ежедневно, пока продолжались игры, зрителей забрасывали дичью, лакомствами, жетонами на хлеб. Император и сам швырял в толпу небольшие шарики; тот, кому повезло их поймать, получал соответственно недурное вознаграждение: дорогие наряды, рабов, коней, золотые и серебряные изделия, драгоценности, картины, домашних животных, даже суда, дома и домашний инвентарь.

У этих игр была еще одна особенность, восхищавшая простой люд. Актерами, гладиаторами, лютнистами, гонщиками колесниц нередко выступали потомки самых прославленных сенаторских семей, эквиты (как женщины, так и мужчины). Они делали это из уважения к императору и во славу империи. Но ни для кого не являлось секретом, что Нерон за их выступления платит огромные деньги. Зато он тем самым не только придал торжественность зрелищу, но и приглушил недовольство, вызванное его собственным участием в зрелище на ватиканской арене.

Вскоре Нерону представился случай вовлечь еще более выдающихся лиц в массовые выступления на сценах и подмостках, да к тому же и даром!



Ювеналии и Неронии

Осенью 59 года Нерон впервые сбрил бороду. В те времена юные римляне сбривали бороду примерно в двадцатилетнем возрасте. Эту важную процедуру называли *depositio barbae*, или сбрасывание бороды, и отмечалась она как семейный праздник, веселыми забавами с домашними и друзьями.

Нерону уже исполнился 21 год. Поскольку он был цезарем, его *depositio barbae* превратилось в празднество для всего Рима, особенно среди знати. Ибо

каждый, кто считался (и хотел, чтобы его считали) другом правящего дома, присоединился к императорской свите. Каждый чувствовал себя польщенным, если смог внести свою лепту в забаву. Не приходилось опасаться, что тем самым он подорвет свой авторитет и достоинство: ведь это была чисто дружеская забава, в своем кругу.

Сама церемония бритья состоялась в большом зале, называемом *Saepta Julia*, где некогда происходило голосование и выборы служащих. Прежде, нежели брадобрей приступил к своей высокой миссии, состоялось состязание атлетов, представленное по греческому образцу. Волосы императорской бороды после бритья были тщательно собраны в золотой шар, богато украшенный жемчугом. Шар этот поместили как дар в храме Юпитера Капитолийского. То было лишь начало празднества. Настоящая забава началась в ватиканских садах, в личном цирке и театре. Император дал ей специальное название: *Juvenalia* (Ювеналии), или Праздник юности. У этого названия существовала определенная традиция. Дело в том, что уже Калигула к веселым праздникам *Saturnalia*, отмечавшимся в декабре, прибавил день *Juvenilis*, посвященный забавам и спортивным выступлениям молодежи.

Все, кто в Риме что-то значил, готовились к Ювеналиям возможно тщательней, независимо от возраста и пола. Старики, юноши и женщины из лучших семей спешно брали уроки танца, пения и актерской игры. Кто не обладал никакими способностями, с тяжким сердцем скромно растворялся в невзрачной массе хористов. Любовь к императору многим позволила одержать победу над возрастом и зажгла искру скрытых до того времени талантов. Зрители увидели восьмидесятилетнюю матрону, показавшую танцы и пантомиму!

Император выступил как певец. Он четко соблюдал все требования, предъявляемые к профессиональным актерам. Приказал Юнию Галлиону, бывшему консулу, брату Сенеки, оповестить о своем выходе на сцену. Представ перед зрителями, Нерон скромно, как того требовал от актеров обычай, произнес:

— Мои господа, будьте ко мне снисходительны!

Потом он исполнил свои собственные произведения: песни об Аттисе и о вакханках, которые приняли с восторгом. Раздались бурные аплодисменты, перешедшие в овации и крики, выразительно скандируемые и многократно повторяемые:

— Цезарь великолепный! Цезарь Аполлон! Цезарь Август! Цезарь превыше всех!

С особым усердием аплодировали и выкрикивали поздравления группы статных юнцов из аристократических семей. Тогда они впервые выступили как сплоченная корпорация. Наряду с когортами преторианцев они составили как бы личную охрану властителя и одновременно послушную клакерскую организацию. Эти юноши получили официальное название *Augustiani*¹. Идея создания такого корпуса императорских друзей была не нова: своими пажамі обзаводился Александр Великий, позже его преемники, великие эллинские монархи, цари Египта, Сирии, Македонии.

Потом состоялся прием для публики на искусственном озере за Тибром, у подножия Яникульского холма. Озеро было создано еще при Августе для показа на его водах морского боя, а на берегах его разбили тогда обширный парк. Теперь среди деревьев стояли палатки и лотки, а деньги на еду щедро раздавала императорская касса. Забава продолжалась до поздней ночи.

Так завершились Ювеналии 59 года. Нерон повторял потом эти веселые празднества, но при его преемниках их предали забвению. Возродились они лишь через двадцать лет, при императоре Домициане, и вновь, после еще более длительного перерыва, в III веке, когда правил Гордиан. А много-много веков спустя так стали называть студенческий праздник.

Забавы в столице протекали весело и спокойно, на вкус простого люда, пожалуй, даже слишком уж спокойно. Многие любители арены тогда вздыхали:

— Насколько все интереснее происходит в Помпеях. Там умеют повеселиться! Вот это игры — кровь по всему амфитеатру!

Действительно, помпейские бои гладиаторов завоевали себе в тот год широкую известность. В столице были *Ludi Maximi* и *Juvenalia*, а чем хуже Помпеи, город, где Нерон пользовался такой популярностью, где у него появился свой жрец сразу же, как только его усыновили, город, откуда родом жена императора — Помпея? Так рассуждали все помпейцы, а оплачивал эти соревнования некий Ливиней Регул. Он пошел навстречу общему стремлению своих земляков, но преследовал при этом и собственные цели. Лет пятнадцать назад, еще при Клавдии, его удалили из сената за какие-то лихоимства. Он поселился в Помпеях. Ныне намеревался вернуть себе Нероново благорасположение, публично выражая свою радость в связи со спасением императора.

¹ Августяны — учрежденная Нероном конная гвардия.

Помпейский амфитеатр, незначительно пострадав, сохранился доныне. Для маленького городка он был велик: мог вместить около двадцати тысяч зрителей. Но ведь публика стекалась со всей округи. Наибольшее число гостей прибывало из Нуцерии, удаленной от побережья на 12 миль. Нуцерия к тому времени крайне обнищала, хотя, как и Помпеи, носила гордое имя колонии. Обезлюдение Нуцерии даже привлекло внимание властей; двумя годами ранее туда направили некоторое количество новых поселенцев, легионеров, отслуживших свой срок.

Как это обычно случается с соседями, помпейцы и нуцерийцы не ладили между собой. Бои гладиаторов разжигали страсти. Впрочем, так уж повелось, что в ходе кровавых стычек на арене зрители нередко разделялись на партии. У известных гладиаторов имелись свои приверженцы, которые ободряли избранников громкими выкриками, а также громко осыпали ругательствами их противников. Зрители тоже делились согласно тому, были ли они за «самнитов» или за «фракийцев». Существовало две категории гладиаторов. Первые сражались без доспехов, но с большими прямоугольными щитами. Вторые же выступали в доспехах и оборонялись с помощью небольших и круглых щитов. Имелись еще «сетеборцы». Эти выступали почти обнаженными, а в качестве оружия пользовались трезубцем, кинжалом и сетью, которую порывались набросить на своего закованного в латы противника, называемого *secutor*, то есть преследователь.

Весь амфитеатр оглашался ревом и свистом, когда побежденный гладиатор отбрасывал щит и поднимал вверх палец левой руки, моля о милосердии. Если зрители в ответ размахивали платками, значит, он свободен и получает *missio*¹. Зато большой палец, опущенный вниз, это сигнал: *lugule!* — добей! На арену выходила прислуга в масках бога Меркурия и раскаленным железом проверяла, действительно ли добытый мертв. Затем рабы в масках Харона, бога подземного царства, крючьями уволакивали труп.

Все это выглядело по-варварски жестоко. Но у людей, сопровождающих восторженным воем зрелище боксерского зверства, нет права осуждать своих предшественников, живших двадцать столетий назад: ведь они сами дают волю тем же первобытным инстинктам.

Во время помпейских игр у зрителей сначала вспыхнула словесная перепалка, а затем и драка. Сразу же произошло деление на хозяев и гостей. Полетели

¹ Освобождение (лат.).

камни, пошли в ход колья, схватились и за ножи. Зрительный зал еще обильнее истекал кровью, нежели арена. Помпейцы одержали верх. Множество нуцерийцев вернулись в родной городок окровавленные, а некоторых доставили на носилках.

Дело доложили императору. Нерон предусмотрительно уклонился от разбирательства и поручил изучить вопрос сенату. Это был красивый жест, укреплявший авторитет достойного собрания. Но цезарь отделался тем самым от тягостной необходимости выносить суровый приговор, он предпочитал выглядеть правителем неизменно милосердным, к которому народ исполнен одной благодарности за оказываемое добро. В истории с Помпеями для него это было особенно важно, так как город по отношению к императору всегда выражал свою преданность.

Однако и сенат не собирался брать на себя ответственность. Он передал дело консулам. Те провели расследование, но воздержались от приговора и с надлежащей почтительностью предоставили сенату принять заключительное решение. Тому ничего не оставалось, как вынести окончательный вердикт.

Игры в Помпеях на десять лет запрещались. Незарегистрированные товарищества — *collegia*, которые служили очагом всяческих стычек во время игр и выборов, распускались. Отстранили от должности *duoviri*¹ 59 года и распорядились провести новые выборы. В помощь городским властям назначили нового чиновника со званием *praefectus juri dicundo* — судебный префект.

Самый дурной оборот, пожалуй, эти события приняли для Ливиния. Он ухлопал на игры уйму денег, надеясь удостоиться милости, а вместо этого его приговорили, как косвенного виновника несчастья, к изгнанию!

Наиболее тягостное для помпейцев наказание — запрет проводить игры — отменили три года спустя, вероятно, благодаря заступничеству Поппеи. Но ненависть между двумя городами осталась. На стенах домов, откопанных из-под пепла Везувия, донныне сохранились надписи: *Nucerinis infelicia* — горе нуцерийцам.

Равно и другие города Кампании включились в спор, принимая в нем ту или иную сторону. Отсюда и другая надпись, выскребенная рукой врага Помпеев: *Puteolanis feliciter, omnibus Nucerinis felicia, et unicum Pompeianis et Pitecusanis* — да здравствуют путеоланцы, желаем сча-

¹ Дуумвиры — носители высшей власти в муниципиях и колониях.

стья нуцерийцам, а помпейцев и пифекусцев надо вздернуть на крюк!

В 60 году Нерон начал второе пятилетие своего правления. Удачного правления, что должен был признать любой житель Рима, Италии, провинций. Экономика повсюду развивалась с успехом. Административная машина была четко отлажена. Наместников подбирали умело, злоупотребления сурово наказывались. Повысился авторитет сената, законность торжествовала, доносительству был положен конец. Счастливо разрешился армянский вопрос. Это правда, что в императорской семье разыгрались две мрачные драмы; никто не знал, однако, насколько то было действительно делом Нерона, в какой мере — делом случая, а в какой — политической необходимостью. Впрочем, игры, народные забавы и милосердие императора помогли развеять дурные воспоминания. Разумеется, многие сановники осуждали чрезмерное увлечение Нерона пением, поэзией, скачками, тем более оттого, что вовлекал в свои забавы серьезных людей. Однако (и это вынужден был признать каждый) он давал волю своим увлечениям скорее частным образом.

Народ хвалил бы Нероновы зрелища безо всяких оговорок, не будь они такие культурные и такие греческие. Крови слишком мало — таково было общее мнение. Вспоминали, что уже в 57 году, когда состоялось открытие большого амфитеатра на Марсовом поле, Нерон не позволил добить ни одного гладиатора, сражавшегося на арене, хотя это были всего лишь рабы и смертники. Еще больше любителей острых ощущений разочаровали игры, которые император устроил в 60 году, открывая второе пятилетие своего царствования.

Он назвал их Нерониями. Игры эти должны были повторяться через пять лет, то есть в следующий раз произойти в 65 году. Этим, и, собственно, только этим, они отличались от Олимпийских игр, возобновлявшихся через четыре года. Император, кстати, старался пересадить эти прославленные староэллинские состязания на римскую почву во всей полноте. Словом, как и Олимпиады, Неронии состояли из соревнований по трем дисциплинам: по музыке, атлетике и гонкам на колесницах.

Под названием *certamen musicum*¹ разумелись смотры певцов, поэтов, ораторов. Соревнования атлетов — часто их называли гимнастическими — включали в себя прежде всего состязания борцов, кулачные бои, а также забеги.

Сделали все, чтобы придать Нерониям соответству-

¹ Музыкальные состязания (лат.).

ющий торжественный блеск. Игры проводились за счет государства. Продолжались несколько дней и ночей подряд. Некоторые из них созерцали в театре Помпея. В сумерки весь город обильно иллюминировали. Для увековечения Нероний появились специальные монеты с надписью: *Certamen Quinquennale Romae Constitutum* — в Риме учрежденные пятилетние игры.

Однако народ был ими недоволен. Что это за игры без гладиаторов, диких животных и мимов? Как и у черни, не вызывали игры восхищения также у представителей высших сфер. Они опять же не одобряли состязания по гимнастике. И не потому, что спортивные тренировки у них были не в чести. Наоборот. Они охотно этим занимались как полезной подготовкой перед армейской службой. Но чрезмерное и почти профессиональное увлечение атлетикой представлялось им делом недостойным для культурного человека.

Сенека прямо заявлял, что это глупое занятие, не подходящее для человека образованного, — тренировать мышцы, наращивать затылок, укреплять грудную клетку. Ведь даже если такое увеличение объемов тела пойдет успешно и мускулы увеличатся, все равно ни по силе, ни по весу невозможно уподобиться волу. Более того, избыточность веса давит на разум, теряется живость ума. Вследствие постоянных физических усилий исчезает способность к проникновенному мышлению, к напряженному интеллектуальному труду. А кто обычно преподает атлетику? Самые ничтожные рабы, единственное занятие которых — натираться оливковым маслом да потягивать вино. По их мнению, день прошел великолепно, если удалось как следует пропотеть, а эта потеря восполняется соответствующим количеством выпитого.

А ведь, напоминает Сенека, есть легкие и непродолжительные упражнения: бег, гимнастика для рук, прыжки вверх, в длину и на месте. После любых тренировок следует, однако, побыстрее от проблем тела переходить к умственным занятиям.

У греков существовало иное отношение к атлетическим тренировкам. Они занимались этим повсюду. Гимнасии — место подобных занятий — были столь же обязательны в любом греческом городе, как и театр. Но и там тоже порой крайне резко протестовали против чрезмерного увлечения легкоатлетикой. С особенной страстью говорил об этом великий врач Гален уже во II веке:

— Атлет живет как свинья, а собственно, и того хуже, ибо он должен не только много есть и спать, но еще и быть в постоянном физическом напряжении. В

сущности, возникает порочный круг: только насыщение, питье, испражнения, сон да барахтание в пыли. Эти занятия, правда, придают телу силу, но только кажущуюся, оно бывает неспособно ко многим другим функциям и меньше защищено от болезней, чем тело нормального человека. Гимнасии— это рассадник безделья и лени, умственного застоя. Впрочем, атлет не в состоянии совершить ничего значительного даже в своей области. Представим себе, что Зевс устраивает совместные состязания людей и животных. Кто победит? В обычном беге— заяц; в беге с препятствиями— олень; на длительную дистанцию— конь; в борьбе— медведь и лев; в поднятии тяжестей— слон; в кулачном бою— бык; в пятиборье— пожалуй что осел!

Удивительные слова в устах врача. Но эта ненависть Галена к атлетике имела свое оправдание. В греческом мире в те времена множество молодых людей признавали только спорт и с презрением поглядывали на все более оскудевавший круг глупцов, корпевших над книгами. Даже второразрядный атлет в маленьком городке получал большее признание и больше денег, нежели хороший врач, учитель, строитель. А какую популярность и богатства приобретали те, которым удавалось добиться успеха на общегреческих играх! Разумеется, все это были профессиональные атлеты, хотя еще поддерживалась старая фикция о якобы любительских занятиях. Атлеты были организованы в так называемые «союзы эфебов», которые в известном смысле соответствовали нынешним спортивным клубам. Это явление стало массовым и представляло серьезную опасность для развития культуры. Великий врач Гален это прекрасно понимал. Культ атлетики и атлетов был извращением старогреческого идеала мужественности человека, соединяющего в себе все достоинства ума, благородство характера, физическое совершенство. Опошление этого идеала происходило на протяжении столетий самым заурядным образом: ведь легче и приятнее развивать мышцы, нежели ум!

Римская знать, неприязненно относившаяся к заимствованной из Греции атлетике, во многом была права, опасаясь, что повышенный интерес к этим состязаниям приведет к таким же плачевным результатам, что и там. Кумиром молодежи сделался человек с хорошо развитой мускулатурой, с низким лбом, озабоченный только тем, куда лучше всего нанести противнику удар кулаком или с какой ноги лучше прыгнуть. Атлетические соревнования в этом отношении были опаснее, чем все другие игры, которые до той поры видели в Риме. Ибо можно было увлекаться боями гладиаторов, но в

конечном счете ни один нормальный человек не спешил добровольно рисковать жизнью на арене. Сделаться возничим на колеснице было нелегко. Атлетика же толкала к подражанию и соучастию.

У врагов атлетики имелось тем больше оснований, что у городского люда она становилась все популярнее. Со времен Августа «греческие состязания» все чаще повторялись в Риме.

При Нероне неприязнь к атлетике в высших слоях настолько возросла, что на арене публично выступали только профессионалы, как правило, люди из низов. По-иному обстояло дело с *certamen musicum*. На театральной сцене появились представители знатных семей. Сам император, разумеется, активного участия в этом не принимал. Тем не менее судейская коллегия, как и вся группа исполнителей, домогавшихся награды, признали победителем в красноречии и в поэзии именно его. Вероятно, приняли во внимание «объем творчества в целом». Императору вручили также венок за игру на лютне; он, однако, распорядился возложить его к статуе Августа.

Среди поэтов, выступивших во время Нероний, обратил на себя внимание двадцатидвухлетний Лукан, племянник Сенеки, тот самый, который два года назад, когда нашумело дело трибуна Сагитты, писал речи в его защиту и против него. На протяжении этих двух лет Лукан настойчиво работал. Занятия риторикой он забросил и переключился на поэзию. У него уже имелось несколько небольших произведений, в одном из них описывалась смерть Гектора, в другом — загробный мир. В 59 году он отправился в Афины. Причиной путешествия было не только желание поучиться в этом прославленном городе философов, но и ненормальная супружеская жизнь его родителей. Отец поэта, Мела, совершенно отдалился от жены и поселился в деревне в Кампании; Лукан принял его сторону, затаив определенную обиду на мать.

Занятия в Афинах продлились недолго. Лукана затребовал сам император, которому понравились его стихи. Юноша вошел в круг друзей правителя. Они вместе спорили о поэзии, увлекались импровизацией и декламацией.

В ходе Нероний Лукан читал в театре свою поэму *Laudes Neronis* — «Похвалы Нерону». Произведение не сохранилось, известна, однако, его общая тональность. Ибо мы знаем другую похвалу императору того же автора. Она вошла во вступление к большой эпической поэме, над которой Лукан начал работать вскоре после 60 года. Она называется «Фарсалия». Воспевает она

историю гражданской войны, которую более ста лет назад вели Цезарь и Помпей. Решающая битва, завершившаяся победой Цезаря, происходила возле города Фарсал. Драматические события продолжительной войны, похоронившей Римскую республику, действительно составляли великолепный материал для поэтического произведения.

В первых строках Лукан осуждает кошмар братоубийственных сражений. Однако вслед за этим высказывает следующие мысли.

Гражданская война—страшная вещь. Но мы не ропщем, о боги, если не существовало другой возможности открыть путь будущему правлению Нерона. Ведь нам известно, что за вечное господство небожителей приходится дорого расплачиваться. Юпитер завоевал власть только после тяжелейшей борьбы с титанами. Итак, мы охотно приемлем преступления и бедствия гражданской войны, ибо она дала нам Нерона. Пролито море крови, но Рим благодарен судьбе, поскольку все совершалось ради тебя!

Потом, обращаясь непосредственно к императору, он говорит примерно такие слова:

Когда завершится долгий век твоего земного царствования, ты вознесешься к звездам. Семья небожителей радостно примет тебя. Любой из богов уступит тебе свою власть. Возможно, ты захочешь властвовать, а может, предпочтешь встать на колесницу и, подобно новому солнцу на огненном корабле, будешь производить смотр земному движению. Остановись посреди небосвода. Воссияет солнечная погода, и ни одно облако не заслонит императора! Род человеческий сложит оружие, и примирятся враги. Мир воцарится на земле!

Кто читает эти строки, убежден, что перед ним вырисовывается уже вполне отчетливый характер принципов эпической поэмы. Но это только видимость.

Certamen musicum, введенные Нероном в 60 году,— важная дата в истории европейской культуры. Это не преувеличение. Наша культура возникла на базе достижений греков—общеизвестно и бесспорно. Но из огромного богатства эллинской культуры по-настоящему живо донине только то, что восприняли римляне. Именно так произошло и с обычаем публичных музыкальных и литературных конкурсов, сопровождавшихся награждением авторов. В Греции они практиковались издавна. Музыкальные конкурсы были там неотъемлемой частью многих игр. Римляне никогда не решились бы последовать такому примеру. Для этого они были слишком практичны и суровы; подобает ли официально

проявлять такое уважение к произведениям, которые есть не что иное, как плод отдохновения, недостойного истинного гражданина? Потребовались воля и власть императора, чтобы поднять поэзию, песню, декламацию до уровня, достойного не только признания, но даже премии со стороны государства. И нам безразлично, что подвигло Нерона на такой шаг—искренняя любовь к греческой культуре или же (что представляется более вероятным) обычное лицемерие.

Неронии повторились лишь однажды. Но важно было одолеть само сопротивление, дать пример. Четверть века спустя после Нерона император Домициан возобновил состязания по греческому образцу. Назвал их Капитолийскими, ибо на победителей возлагали венок на Капитолии. Эти состязания пережили века. Именно благодаря им народам Западной Европы стало известно, что великие успехи в области художественного творчества достойны славы и официальной премии.



Комета 60 года

Даже небо приветствовало второе пятилетие правления Нерона. Появилась комета. Она была хорошо видна долгое время—целых шесть месяцев того, 60 года. Она появилась сначала в северной части небосклона, потом переместилась в западном направлении, пока не исчезла, достигнув южного горизонта.

Появление огненной звезды вызвало в народе огромное возбуждение. Спрашивали:

— Может быть, это предвестница таких же перемен, как та комета, что появилась шесть лет назад?

Тогда умер император; неужели и нынешнему правителю грозит гибель? Тщетно доказывал Сенека, вслед за Хайремоном и Бальбиллом, что не все кометы—зловещее предзнаменование. Комета 54 года возвестила благоприятную новость—вступление на престол Нерона, эта же отрадна, поскольку открывает второе пятилетие Неронова правления. Выводы философа, вероятно, встретили одобрение во дворце—ибо кто из придворных осмелился бы сказать в присутствии императора, что ему грозит опасность?

Однако среди большинства жителей столицы преобладало убеждение, что кончина Нерона близка. Размышляли больше над тем, кто явится его преемником. Взгляды всех обращались к Рубеллию Плавту. Он был

в родстве с основателем династии, Августом, в той же степени, что и Нерон. Он снискал себе повсеместное уважение. Жил скромно, вел замкнутый образ жизни. Охотно встречался с философами-стоиками. Его брак с Антистией считался воистину образцовым.

Уже пять лет назад родство с Августом чуть было не стало причиной гибели Плавта. Тогда-то, в 55 году, Юния Силана и Домиция затеяли интригу против Агриппины: через своих вольноотпущенников они бросили подозрение, что та жаждет посадить на трон именно Рубеллия Плавта. Этот бездарный навет легко обнаружился, и Агриппина на короткое время восторжествовала. Плавт несколько лет чувствовал себя в безопасности. Ныне, однако, положение осложнилось, ибо равно как комета, так и слухи в народе должны были обеспокоить императора.

Но довольно об этом! Случилось происшествие, которое потрясло бы Нерона, не будь он даже суеверным и желай он Плавту самого лучшего. Летом император отправился в одно из своих любимых поместий, в Сублаквей. Это нынешний Субьяко, городок, расположенный в горах, в 45 милях от Рима, в узкой долине реки Аниен. Скалы в тех местах неожиданно и почти отвесно ниспадают к реке. Это недурное свидетельство того, что Нерон, избрав именно такой, зачаровывающий своей суровостью пейзаж, был восприимчив к красоте природы. Необычайная живописность долины возросла с постройкой запруд, которые создали на реке три озера. Запруды эти разрушились только в средние века.

По берегу тянулись великолепные постройки императорской виллы. Освежаясь прохладой от озер, в Сублаквее часто пировали на свежем воздухе. В то знойное лето молния однажды ударила в столовую сервировку, приготовленную для пира в саду. Никто не пострадал, все, однако, сочли это дурным предзнаменованием для властителя и благоприятным для Плавта, так как Сублаквей административно относился к Тибуру, откуда происходил его род.

И все же, несмотря на знамения, которые могли обеспокоить человека даже менее подозрительного, Нерон обошелся с Плавтом благоразумно. Он послал ему письмо с просьбой, чтобы тот отправился в свои владения в Азии и таким образом устранил почву для слухов.

Изгнаннику, жертве кометы, сопутствовала жена и несколько ближайших друзей. Был среди них и философ Музоний Руф, который пользовался большим уважением, потому что не только проповедовал принци-

пы стойков, но и воплощал их в жизнь. Златоустых учителей премудрости в Риме хватало, начиная с Сенеки, однако хорошо было известно, чего стоит гармония убеждений и поступков императорского советника.

Толки об опасности, грозящей Нерону, с отъездом Рубеллия Плавта не прекратились. Они вспыхнули с новой силой, когда император тяжело заболел после купания в водозаборе около Сублаквея. Это было начало акведука, подводившего холодный горный поток к самой столице; он назывался *Aqua Marcia*, функционирует и поныне. Нерона соблазнила прохлада кристально чистой воды. Купание сочли святотатством, ибо родники акведука почитались священными. Потому и в болезни императора видели свидетельство гнева богов. Но на самом деле наказания заслуживали владельцы загородных поместий, которые самовольно отводили с акведуков воду для садов и плавательных бассейнов, так что до города ее доходило мало.

Во время этой болезни один из придворных воскликнул у ложа Нерона:

— Случись с тобой непоправимое — и нашей империи конец!

На что император ответил:

— Однако государство нашло бы еще опору в лице одного человека...

— В ком же именно? — хором поинтересовались изумленные льстецы.

— Я имею в виду Меммия, — отозвался Нерон.

Это свидетельствовало о том, что он недурно разбирается в человеческих достоинствах. У старика Меммия была слава замечательного организатора и полководца. Как преемник Поппея Сабина, деда возлюбленной Нерона, он долгое время являлся наместником балканских провинций. Пользовался всеобщем уважением. В одном только можно было его упрекнуть: уступил Калигуле свою жену Лоллию Паулину и во время свадьбы исполнял роль отца невесты. Кто, однако, воспротивился бы безумцу на троне, каким был Калигула?

Нерон оправился от болезни, но тем временем пришли вести о катастрофических бурях и землетрясениях в Греции и Малой Азии. Наиболее ощутимо в Азии пострадал город Лаодикея. Город, однако, был богат и скоро восстал из руин, даже без помощи государства. Правительство же взяло на себя заботу об италийских городах, пришедших в упадок из-за массовой эмиграции в провинциях. В два из них, Тарент и Анций, направили колонистов — бывших солдат. Обоим

городам присвоили статус колоний, как и ПUTEОЛАМ. План заселения не дал ожидаемого эффекта: ветераны предпочитали оставаться в провинциях, где провели немало лет, служа в легионах. Сторонники астрологии торжествовали. Недобрая сила кометы продолжалась и в 61 году заявила о себе еще более угрожающим образом. В Британии кровь лилась потоками. Погибло около восьмидесяти тысяч римлян и значительно больше коренных жителей острова. Какое-то время казалось, что Британия навсегда будет потеряна для империи.

Начало восстанию положило племя иценов, населявших нынешний Норфолк. Поскольку при захвате острова Клавдием они встали на сторону завоевателя, то сохранили частичную независимость, хотя землями к югу и западу от них стал управлять непосредственно Рим. В 61 году вождь иценов Прасутаг умер. Он знал, что римляне воспользуются его смертью, чтобы присоединить эту землю к империи. Поэтому в своем завещании назначил императора своим основным наследником, надеясь тем самым сохранить для жены и дочерей по крайней мере часть владений, народу же — остатки свободы. Эта уловка не удалась. Ибо вскоре явился вступить в права наследования императорский прокуратор Кат Дециан. Он не ограничился тем, что полагалось цезарю согласно воле умершего, но рассматривал всю страну как собственность нового хозяина, то есть в действительности как свою. Алчность и жестокость Ката были беспримерны. Ни в какой другой провинции такое самоуправство никому не сошло бы с рук, но Британия постоянно трактовалась как театр военных действий, и по этой причине чиновникам было предоставлено больше свободы.

У богатых иценов отняли имущество, с родственниками царя обращались как с рабами. У них потребовали возврата всех подарков, которые годами раздавал Клавдий, чтобы снискать себе расположение племен. Слуги прокуратора изнасиловали обеих дочерей Прасутага, мать же их, царицу Боудикку, которая бросилась им на помощь, избили и обесчестили.

Жаждающая мести Боудикка сделалась душой восстания, которое готовилось в глубочайшей тайне. За Боудиккой пошли не только ицены, но и множество племен, живших к тому времени в границах провинции, главным образом тринобанты, расселившиеся в нынешнем Эссексе к северо-востоку от Лондона. И их тоже римская администрация притесняла различными способами. Но хуже чиновников и сборщиков налогов были римские торговцы и банкиры, которые прибыли вместе

с армией и на протяжении двадцати лет сильно преуспели. Они не только скупали за бесценок трофеи и рабов, но также наживались и на простодушии бриттов, впервые сталкивавшихся с системой высокоорганизованной экономики. Им ссужали деньги на приобретение предметов и уплату налогов. Бритты легко входили в долги, не задумываясь, что придется отдать либо вдвое больше, либо вовсе лишиться имущества, а то и личной свободы. Одним из крупнейших тузов ростовщичества был Сенека. Поговаривали, что в одной Британии он ссудил (разумеется, через посредников) сорок миллионов!

Однако самой кровоточащей раной для тринобантов являлась римская колония Камулодун (ныне Кольчестер). Поселившиеся там ветераны изгоняли, выбрасывали из домов прежних жителей, а других облагали данью в пользу возведенного в городе храма Божественного Клавдия. Некоторые представители британской знати активно помогали захватчикам в притеснении своих соотечественников.

Слухи о крупном заговоре дошли до Камулодуна, но колонисты не хотели этому верить. Они не позаботились даже о сооружении временных укреплений — крепостных стен город еще не имел. Те, что попугливее, стремясь склонить остальных к действиям, принялись рассказывать о неких зловещих знаках: опрокинулось изваяние богини Победы; в пустом театре кто-то услышал странные завывания и стоны; в водах возле устья Темзы увидели изображение разрушенного города. На всякий случай власти колонии попросили прокуратора Ката прислать вооруженный отряд, но тот мог дать лишь двести воинов.

Именно это представляло куда большую опасность, нежели слухи и предсказания паникеров: в округе не было ни одного крупного гарнизона. Ближайший IX легион находился в Линдуме (ныне Линкольн), то есть в ста двадцати милях; лагерь II легиона располагался в Глевуме (ныне Глостер); остальные же войска, XIV и часть XX легиона, находились еще дальше, у северо-западных берегов Уэльса. Там под командованием полководца-наместника Светония Паулина армия готовилась к захвату острова Мона, ныне именуемого Англси.

Этот маленький, убогий островок был тогда сердцем свободной Британии. Тут находился центр друидизма. Эта мрачная религия, благодаря фанатизму и сплоченной организации жрецов, издавна оказывала огромное влияние на все кельтские племена. На Мону стекались дары со всей Британии, отсюда же шли призывы к

неотступной борьбе с захватчиками. Каждый воитель, преследуемый римлянами, находил здесь приют и помощь. В священных рощах Моны совершались древние культовые церемонии с приношением кровавых человеческих жертв.

Для римлян овладение островом было очевидной политической необходимостью. Но они стремились к этому также как враги друидов. Это была единственная религия, которую они не признавали, хотя в принципе римляне сохраняли терпимость к верованиям покоренных народов.

Пролив, отделяющий Мону от Британии,— узкий и мелкий, но переправа на кораблях с плоскими днищами произошла успешно. Конники добрались вплавь, на лошадях. Легионеров, однако, ужаснуло необыкновенное зрелище: на берегу стояли многочисленные ряды воинов, а среди них бегали женщины с распущенными волосами, завывая и размахивая факелами; друиды вздымали руки и осыпали проклятиями подплывающих легионеров. Но страх быстро миновал. Солдаты спрыгнули с кораблей и сплоченными отрядами пошли в наступление. Оказалось, что никакие молитвы и заклинания не притупляют острия мечей. После короткой отчаянной схватки вповалку рядами легли на берегу воины, друиды и жрицы. Римляне приступили к вырубке священных рощ.

Именно тогда пришла страшная весть: Восточная Британия в огне! Докладывали: ицены и тринобанты взяли за оружие; Камулодун захвачен и сожжен, римское население вырезано поголовно; горстка солдат оборонялась в храме Клавдия только два дня; IX легион, спешащий из Линдума на помощь Камулодуну, в пути был разбит и вырезан, только конница спаслась бегством.

Светоний принял смелое решение. Он двинулся на восток, захватив с собой лишь кавалерию, пехота должна была поспевать за ним изо всех сил. Он направил гонца во II легион в Глевум с приказом покинуть лагерь и в указанном месте присоединиться к остальной армии.

В течение нескольких дней наместник проехал 230 миль и остановился в Лондоне. В этом богатом торговом поселении находились армейские склады и, следовательно, много подрядчиков и торговцев. Зато, как и в Камулодуне, какие-либо укрепления здесь начисто отсутствовали. Нечего было и думать об обороне, тем более что основной корпус еще не прибыл. А бритты уже близко! Светоний вывел войска. Напрасно жители молили защитить их. Чтобы не

затягивать марша, наместник взял с собой только мужчин, способных сражаться. Вскоре после ухода римлян отряды Боудикки ворвались в Лондон. Победители пленных не брали. Единственным свидетельством тех дней служит слой пепла на глубине под центральными районами нынешней английской столицы.

Судьбу Лондона через несколько дней разделил Веруламий (ныне Сент-Олбанс), где также находились армейские зернохранилища. И здесь беззащитных поселенцев наместник бросил на произвол судьбы. Тех, которые не погибли сразу от меча повстанцев, ждала мученическая смерть, так же, как до этого жителей Камулодуна и Лондона: истязания, муки, сожжение заживо.

Наконец где-то в лесах к западу от Веруламия Светоний встретился со своим пехотным корпусом. Не явился, однако, II легион из Глевума. Его командир отказался выполнить приказ. Он боялся покинуть лагерь и вступить в лес. Таким образом, Светоний располагал всего десятью тысячами солдат против многократно превосходящих его по численности полчищ Боудикки. Но отступить было некуда. Лишь битва в открытом поле могла обеспечить победу, ибо укрыться в лагере (при уничтоженных зернохранилищах и прерванной линии снабжения) значило обречь себя на голодную смерть.

Толковый военачальник умело выбрал место сражения — обширную равнину, с трех сторон замкнутую лесами. Конницу сосредоточил на флангах. Сомкнутый строй легионеров, прикрытый щитами, застыл неподвижно перед приближающейся с воем беспорядочной толпой повстанцев. По единому приказу солдаты метнули свои дротики. Потом могучим рывком когорты устремились вперед, одновременно в наступление пошли эскадроны. Единожды получив отпор, бритты, как правило, обращались в бегство. Но отступить они не могли, так как сзади стояли телеги с привезенными женщинами и детьми, которым надлежало стать свидетелями их окончательной победы. Легионеры убивали всех подряд. Согласно их донесениям, они сравняли счет, уничтожив около семидесяти тысяч людей Боудикки. Сама она покончила самоубийством.

Узнав о победе римлян, трусливый командир II легиона закололся мечом.

Тем временем прибыло подкрепление с континента. Приступили к систематическим карательным действиям в районах, охваченных восстанием. Но не только римский меч нес гибель в Британии. В стране свирепствовал небывалый голод, так как жители восточной

части острова, начавшие весной борьбу с римлянами, не засеяли своих полей, рассчитывая на быструю победу и на римские зернохранилища.

Прокуратор Кат бежал сразу же, в первые дни мятежа. На его место прибыл Юлий Классициан. На дела Британии он смотрел иначе, нежели Светоний, который пылал жаждой мести и готов был уничтожить всех «варваров». Новый прокуратор обладал более широкими взглядами и лучше понимал положение местного населения, ибо сам происходил из провинции, из Галлии. А как служащего казначейства, ответственного за поступления в государственную казну, Классициана волновали прежде всего экономические проблемы, он презирал в военачальниках жажду крови и побед. Он отчетливо видел, что людоедские планы Светония неосуществимы, а для интересов империи вредны. Между сановниками произошло резкое столкновение. Прокуратор открыто заявил, что подлинный мир в Британии восстановит только новый наместник, об этом же он писал в своих донесениях в Рим. Он был прав. Хороший военачальник оказался, как это часто случается, скверным политиком. Британцы видели в нем своего смертельного врага. Они предпочитали безнадежную борьбу унижению перед лютым палачом.

Для оценки положения на месте император направил своего вольноотпущенника Поликлита. Тот встал на сторону прокуратора. Осенью 61 года Светония отозвали по мелкому обвинению в том, что он позволил уничтожить часть флота. Решение было правильным. Преемники Светония покончили с политикой жестокости; благодаря этому на острове удалось восстановить прочный мир, который сохранялся до конца правления Нерона.

Примерно лет сто назад в районе Лондона откопали гробницу Юлия Классициана, поставленную его женой. Этот чиновник потрудился на благо той земле, в которой навеки погребли его прах.

Срочное восстановление мира в Британии было необходимо, ибо и у восточных границ империи сгущались тучи. Тигран, ставший с благословения Рима с недавних пор царем Армении, легкомысленно начал военные действия против парфян и грабил подчиненные им страны. Царь Вологез, который не мог допустить, чтобы в Армении посадили римского вассала, ускорил контрнаступление. Весной 61 года часть его армии должна была вступить в Армению и вновь возвести на престол Тиридата, другая же часть направилась в Сирию. Наместник этой провинции, Корбулон, вовремя уведомленный о намерениях врага, направил в Армению

два легиона, сам же, как умел, укреплял сирийскую границу. Он обратился в Рим с просьбой назначить особого командующего на армянский фронт.

Военачальники Вологега осадили столицу Армении Тигранокерту, но успеха не достигли, ибо город был хорошо обеспечен продовольствием, а римский гарнизон мужественно оборонялся. Корбулон в это время через своих посланцев резко упрекал Вологега за начало военных действий. Вологез готов был к примирению, ибо дела у него обстояли не лучшим образом: Тигранокерта не капитулировала, а многие парфянские земли подверглись нашествию саранчи. Он пообещал для укрепления мира направить посланцев прямо в Рим и согласился вывести свои войска из Армении. То же самое, впрочем, сделал и Корбулон, который не хотел оставлять разрозненные римские отряды на форпостах, столь далеко выдвинутых на восток. Он эвакуировал даже Тигранокерту. В сущности, он поступал согласно инструкции, полученной из столицы. Там было решено в отношении Армении изменить политику. Поскольку Тигран не выдержал экзамена, признали необходимым включить этот край в состав империи как провинцию. Такая задача была поставлена перед Цезеннием Пэтом, который весной 62 года как командующий армянским фронтом прибыл на место.



Оскорбление величества

Людей, которые видели глубже, серьезно беспокоили не Британия и не Восток, хотя там обильно лилась кровь и пахло войной с парфянами, но некий внешне малозначительный инцидент, происшедший в сенате в начале 62 года. Впервые за двадцать лет, в первый раз при правлении Нерона, рассматривалось обвинение в оскорблении величества.

Понятие «величие римского народа» родилось в эпоху республики. Тогда же возникли первые обвинения в оскорблении его изменой родине, лихоимством, другими недостойными действиями. Римский император теоретически был прежде всего представителем народа. Юридически это находило свое выражение в том, что он наделен был властью народного трибуна и годы своего владычества отсчитывал со дня ее принятия. Отсюда родился принцип: кто каким-либо образом

действует во вред императору либо оскорбляет его особу и семью, он тем самым оскорбляет величие римского народа. Следовательно, совершал преступление *laesae majestatis*¹ тот, например, кто не проявил должного уважения к статуе властителя, отказался присягнуть ему на верность, притворно присягал его именем, оскорбил его устно или письменно.

Обвинения такого типа служили неиссякаемым источником доходов для доносчиков. В Риме любой имел право подавать в суд на гражданина, который — на самом деле или же мнимо — совершил какое-то преступление. Разумеется, обвиняли главным образом богатых людей, так как в случае успеха обвинитель получал значительную часть состояния своей жертвы. Приговоры за оскорбление величества обычно бывали суровыми: ссылка и конфискация имущества либо смертная казнь, хотя сама причина осуждения часто оказывалась просто смешной.

Во времена Божественного Августа, писал Сенека в работе «О благодетелях», слова еще не были опасны, но уже могли доставить неприятности. Сенатор Руф во время пиршества сказал в подпитии:

— Хоть бы император не вернулся из поездки, в которую собрался.

И добавил:

— Того же желают ему все волы и бычки!

Речь, разумеется, шла о том, что в случае счастливого возвращения волы и бычки отправятся на алтарь богов как благодарственные жертвы. Нашлись, однако, на этом пиру такие люди, которые с профессиональной бдительностью прислушивались к разговорам. Сразу на рассвете раб, стоявший на пиру у ног Руфа, ему рассказал об этом и посоветовал самому сообщить обо всем императору. Сенатор послушался его совета. Он заступил путь Августу, направлявшемуся в город, и начал клясть себя за то, что вчера он, кажется, обезумел. Руф воскликнул:

— Пусть божья кара падет на меня и моих сыновей!

Император простил его. Руф сказал в ответ:

— Никто не поверит, что ты на самом деле со мной помирился, если ничего мне не подаришь.

И попросил небольшую сумму, которую приятно было бы получить от человека, крайне к нему расположенного. Император согласился даже на это.

При Тиберии, продолжал там же Сенека, хлынула повальная волна обвинений. В мирное время это нанесло больше бед, нежели война и даже несколько войн.

¹ Оскорбление величества (лат.).

Доносчики брали на заметку болтовню пьяных, запомнили обычные шутки. Все могло представлять опасность, чуть ли не каждое слово и каждый жест. Никто уже не ждал, каков будет приговор по тому или другому делу, ибо он всегда был одинаков. Случилось тогда так, что бывший претор Павел во время пира потянулся за ночным горшком. А у этого Павла имелся портрет Тиберия, выгравированный на перстне. Это заметил быстрым взглядом присутствовавший на пиру доносчик Марон. Он тотчас начал призывать всех в свидетели, что Павел нанес оскорбление императору, прикоснувшись к ночному горшку его изображением. Но в тот же момент раб Павла, который якобы помогал господину, подавая ему сосуд, показал, что перстень находится в его руке: в последний момент Павел успел снять его, понимая, к чему будет клонить доносчик.

Обвинения в оскорблении величества в конце правления Тиберия были столь частыми, что именно в этом видели самое страшное проклятье тех лет. Потому-то Калигула обещал уничтожить практику доносов, чего, однако, не выполнил. Зато Клавдий вообще запретил принимать к рассмотрению такие доносы. Они возвратились только на седьмом году господства Нерона.

Необходимо признать, что вина лица, обвиненного в оскорблении величества после столь долгого перерыва, была реальной. Антистий Созиан сложил стихи, оскорбляющие императора, и огласил их публично во время приема у одного из своих друзей. При этом присутствовал Коссуциан Капитон, продажный адвокат и доносчик, в прошлом удаленный из сената (в 57 году) за злоупотребления в Киликии и недавно восстановленный в должности. Он тотчас принялся за свои прежние дела и обвинил Антистия, который занимал тогда должность претора, перед сенатом.

Могло бы показаться, что возобновление отвратительной практики доносов вызовет изумление и тревогу. Но к этому отнеслись почти пренебрежительно. За семь лет соблюдения законности Рим приобрел доверие к политической программе Нерона и его советников. Известно было также, что император не обидчив. Вот почему в сенате преобладал взгляд, что обвинение ложное, а император позволил предъявить его только затем, чтобы получить новый повод щегольнуть своей снисходительностью. Поэтому было выдвинуто предложение наказать Антистия по возможности строже: высечь розгами, а потом топором отрубить голову. Все были уверены, что в случае утверждения такого сурового приговора император отклонит его силой своей власти трибуна. Однако Тразея Пэт предложил более

мягкий приговор, а именно: ссылку виновника на один из островов. Началась оживленная дискуссия. Большинство, словно не желая подвергать испытанию милосердие цезаря, склонилось к проекту Тразеи. Некоторые, однако, и среди них Авл Вителлий, стояли за первое предложение. Наконец решено было представить императору предложение Тразеи.

Основной смысл ответа Нерона сводился к следующему:

— Я не провоцировал Антистия ничем, он же осыпал меня самыми грязными оскорблениями. От сената потребовали, чтобы он занялся этим делом, следовало определить меру наказания, учитывая характер проступка. Слишком суровый приговор я смягчил бы и тем более не собираюсь воспрепятствовать приговору умеренному. А впрочем, если сенат сочтет уместным, то он может вообще освободить Антистия.

Более сообразительные из сенаторов ощутили в этих словах загаенный гнев и обиду. Тем не менее большинство из них склонилось к предложению Тразеи.

Само по себе это примечательно, ибо свидетельствует, насколько прочной была вера в милосердие Нерона.

Однако многие не избавились от подозрений и опасений. На Палатине происходило что-то скверное. Дело Антистия указывало: в окружении императора получают право голоса опасные люди. Заставляло задуматься и следующее: во время прений в сенате именно Авл Вителлий так резко выступал против смягчения приговора. А ведь Вителлий был одним из любимцев цезаря! Он неизменно шел по следам своего отца, уже покойного, который угодливецостью завоевал благосклонность сначала Калигулы, потом Мессалины, а позже — Агриппины. Еще мальчиком Авл понравился старому императору Тиберию и пребывал в его окружении на Капри. Следующий император, Калигула, высоко ценил его как лошадиного. При Клавдии оба Вителлия в высшей степени преуспевали: отец был доверенным советником цезаря, сын же — любимым партнером по игре в кости. Поэтому Авл получил должность консула уже в 48 году. Нерон быстро открыл его таланты; ему был близок столь опытный знаток различных извращений и азартных игр.

Некоторые старались рассеять опасения других, говоря:

— Вителлий, так резко нападая на Антистия, просто перестарался.

На это отвечали:

— А чем объяснить, что Коссуциан Капитон вообще осмелился выдвинуть обвинение? Ведь как доносчик

он уже наказан, а как недавно возвращенный в сенат должен бы вести себя осмотрительнее! Вероятно, за всем делом стоит тесть Коссуциана, Софоний Тигеллин. А это не сулит ничего хорошего.

Тигеллин вошел в окружение императора благодаря тому, что занимался разведением скаковых лошадей на юге Италии. Как знаток он мог дать объяснение, совет. Прошлое Тигеллина было крайне темным. Известно только, что родился он на Сицилии в нищей семье. Потом перебрался в Рим. Поскольку он был очень красив, на него обратили внимание сестры Калигулы. За их благосклонность он поплатился высылкой в Грецию. Возвратился оттуда при Клавдии. По странному стечению обстоятельств почти одновременно умерли трое дядей Тигеллина, состоятельные люди. Наследство позволило ему приобрести поместья на юге и заняться коневодством.

Одним Антистием дело не кончилось. Вскоре было выдвинуто обвинение против Фабриция Вейентона. И в этом случае вина его была очевидной. Фабриций составлял пасквилы на сенаторов и публиковал в форме их «последней воли». А в остроумии и изобретательности ему нельзя было отказать. В свое время, когда главы партий добивались высоких цен за наем людей и лошадей для игр, именно он запряг собак... в колесницы!

Осудили его, однако, не за эти публикации, но за мнимое взяточничество. «Завещания» Фабриция велено было предать огню. Это имело лишь один результат: они подскочили в цене и привлекли внимание читателей.



Уход Сенеки

Афраний Бурр умер в начале 62 года, вероятно, от рака горла. Не обошлось, однако, без толков, что Нерон его отравил. Эти сплетни находили свое подтверждение в том, что Бурр решительно противился планам развода с Октавией.

Когда Нерон поинтересовался его мнением по этому поводу, он ответил:

— Разводись, но должен будешь вернуть ей приданое!

А приданым была империя.

Смерть префекта преторианцев явилась ударом прежде всего для Сенеки. Он терял друга и советника-коллегу, честного человека, полностью поглощенного государственным делами. Все, чего они оба добились в течение семи лет, определялось полным единством мнений и целей. Они взаимно дополняли и поддерживали друг друга. С авторитетом Бурра император чрезвычайно считался, так как все помнили тот октябрьский день 54 года, когда префект преторианцев объявил когорте, несшей охрану во дворце:

— Император скончался. Поприветствуем же его любимого сына, императора Нерона!

Если бы не этот его поступок, престол наверняка перешел бы к Британнику.

После смерти Бурра император вернулся к практике, к которой часто прибегали предыдущие властители: он назначил двух префектов преторианцев. Одним из них стал Фений Руф, что было воспринято с большим одобрением. С 55 года Руф являлся префектом по снабжению продовольствием и великолепно справлялся со своими нелегкими обязанностями. Он пользовался репутацией человека безупречной честности, однако по натуре слабого и робкого. Своим взлетом Руф обязан Агриппине и потому с 59 года пребывал в постоянном страхе, опасаясь разделить ее судьбу. Поэтому с самого начала уступил первенство своему коллеге, второму префекту преторианцев, которым стал профессиональный коневод, разводивший скаковых лошадей,— Софоний Тигеллин. Этот не ведал никаких сомнений и опасений. Он сделал карьеру, угождая Нерону, он и далее руководствовался одним лишь правилом: угадывать самые потаенные желания императора.

События развивались быстро. Вскоре после смерти Бурра и назначения новых префектов Сенека попросил цезаря об аудиенции и обратился к нему со следующей речью:

— Вот уже четырнадцать лет, как я сопутствую твоей столь обнадеживающей юности, уже восьмой год — твоему правлению. В течение этих лет сколькими званиями и богатствами ты меня одарил! Именно их избыток — это единственное, что не позволяет мне чувствовать себя воистину счастливым. Ибо часто я сам с собой рассуждаю: «Итак, я, рожденный эквитом, выходец из провинции, ныне принадлежу к сановникам государства! Я, человек новый, блистаю среди аристократов, которые могут с гордостью указать на длинный ряд славных предков! А ведь я гордился, что мой дух может удовлетвориться малым. Тем временем я развел столь великолепные сады! Я прогуливаюсь по загород-

ным поместьям, я—владелец громадных земельных угодий, у меня огромные доходы!

Могу сказать только одно в свое оправдание: ведь мне не подобало противиться твоей благосклонности!

Произнося это, Сенека давал отповедь многим завистникам, которые уже давно упрекали его за чрезмерное богатство, что философа крайне огорчало. Теперь он просил императора, чтобы тот освободил его от бремени и эти владения включил вновь в свои наделы. Такое предложение было равнозначно просьбе об освобождении от обязанностей советника. Этого пожелания Сенека не мог высказать прямо, ибо не занимал никакой официальной должности. Он напоминал мимоходом, что уже стар и не в силах справляться с делами, жаждет отдохнуть и заняться совершенствованием духа.

Ответ Нерона полон был выражениями сыновних чувств. Он начал со слов:

— Если я могу сразу же ответить на твою приготовленную и обдуманную речь, то лишь благодаря тебе! Когда я был мальчиком, а потом юношей, ты помогал мне указаниями и советами. Пока я жив, не забуду, скольким тебе обязан!

Разумеется, пожертвованных поместий император назад не принял, однако дал понять, что не может воспрепятствовать стремлению старца, который жаждет покоя. Они расстались, обнимая и целуя друг друга.

Это была почетная отставка. Сенека сам предупредил ее. Он понимал, что без Бурра не способен управлять делами империи. Он знал также, что уже давно много сенаторов и придворных настраивают императора против него.

Уместно было бы спросить, почему только теперь Сенека принял решение распрощаться с государственными делами и политикой. Философ, однако, мог бы защищаться следующим образом:

— Это правда: о недостатках и преступлениях Нерона я знал лучше других. Если, несмотря на это, я так долго оставался, то делал это не ради собственного тщеславия, а ради всеобщего блага. Я стремился, пока возможно, воздействовать на императора и обуздать его дурные инстинкты. Я воспитал тигра и хотел удержать его в повиновении. Это не удалось. Зверь вырвался из клетки!

Но, отходя от общественной жизни, Сенека мог услышать и другой упрек—что он предает идеалы и учение стоиков, которые проповедовали: философ должен посвятить всего себя благу государства и каждого отдельного гражданина. Он призван помогать даже

своим врагам. От этой обязанности его ничто не избавит — ни возраст, ни усталость, ни опасность.

Подобный упрек Сенека отверг в трактате «О счастливой жизни», заявив: наставники нашей школы не считают, что мудрец должен заниматься проблемами любого, без различия, государства. Совершенно неважно, каким путем он приходит к пониманию счастливой жизни: потому ли, что государственный строй не соответствует мудрецу, или же наоборот.

А впрочем, спрашивал Сенека, разве не счастливая жизнь предоставляет лучшую возможность служить этой великой республике, которая включает в себя все человечество и весь мир? Служить именно ей, а не той маленькой и тесной, в которой мы родились по воле случая.

Такая счастливая жизнь, о которой говорит Сенека, — всего лишь избавление от забот и проблем общественной жизни. Ибо в действительности жизнь заполнена работой и деяниями, особенно интеллектуального характера. Для того и сотворила нас природа, истинная жизнь, согласно с ее законами и велениями. Любопытство нашего ума — это дар природы, которая пониманием собственного мастерства и красоты сотворила нас, чтобы мы как зрители восхищались ее шедеврами. Иначе она утратила бы действенность своих усилий, если бы свои творения, такие великолепные, мастерски завершенные и такие блистательные, несхожие многообразием своей красоты, являла бы безлюдной пустыне. Мы еще не обзрели ее богатств во всем их истинном великолепии, но наш взор открывает нам путь наших поисков, создавая предпосылки для познания истины, дабы мы от очевидных вещей переходили к скрытым во мраке, открывая для себя истины более древние, чем окружающий мир. Например: откуда ведут свое начало звезды? В каком состоянии пребывала вселенная, прежде чем обособиться на составные части? Чей это разум упорядочил все вещи в пучине хаоса и сумбура? Кто каждой из них отвел определенное место?.. Наша мысль крушит небесные преграды и не желает довольствоваться познанием только очевидных вещей, необходимо познать то, убеждает она, что скрыто за краем света...

С лихорадочной поспешностью, как бы желая наверстать долгие годы, посвященные политике, Сенека занялся теперь творчеством. Большая часть богатого наследия Сенеки возникла именно в 62—64 годах. Однако эту трудовую счастливую жизнь постоянно нарушали грозные раскаты надвигающейся бури.



Начало нового правления

Смерть Бурра и уход Сенеки широким эхом отозвались по всей империи. Поэтому новое окружение императора, особенно Тигеллин, опасалось потрясений и волнений. Ведь у обоих многолетних советников Нерона имелось множество друзей и сторонников равно как в столице, так и в провинциях. Будут ли эти люди, занимающие ответственные посты, бесстрастно смотреть на то, как рушится система их личных связей? Не попытаются ли воспользоваться общей неуверенностью, выдвинув своих кандидатов на власть? А были еще живы два человека, которые в силу своего происхождения могли бы претендовать на престол: Сулла, изгнанный в Массилию в 58 году, и Рубеллий Плавт, с 60 года живущий в Малой Азии. Императору напомнили, что семь лет назад Бурр был обвинен в том, что совместно с Паллантом пытался посадить на трон именно Суллу. У всех еще свежа была память о комете, появившейся два года назад, и о молнии, которая ударила в Сублаквее,— знаки, предвещающие, по мнению народа, захват власти Рубеллием.

Опасения были безосновательными, но при дворе отнеслись к ним с полной серьезностью. Чтобы избежать попыток бунта и устранить возможных противников, император направил доверенных офицеров и в Массилию, и в Малую Азию. По возвращении они явились к нему с небольшими свертками. Тот внимательно осмотрел содержимое, высмеял преждевременную седину Суллы и слишком длинный нос Плавта.

Суллу убили неожиданно, когда в его массильском доме подавали к столу. Зато Рубеллий уже знал, что его ждет. Ибо, прежде чем добрался до Азии отряд солдат, туда прибыл доверенный вольноотпущенник с письмом от тестя Плавта — Антистия Ветера. Благодаря своим широким знакомствам он вовремя узнал, какая опасность нависла над зятем, и советовал ему оказать вооруженное сопротивление солдатам, которых будет всего лишь шестьдесят человек.

Однако Рубеллий Плавт не воспользовался советом. Он спокойно ждал, когда вооруженные палачи постучат в его дверь. Смерть застала его в тот момент, когда он, раздетый донага, готовился к ежедневной гимнастике. Эта пассивность объяснялась вовсе не отсутствием отваги. Рубеллий решил пожертвовать собой, чтобы спасти жизнь любимой жене и детям. В этом решении

его поддерживал стоик Музоний. Он всегда учил, что смерти не надо искать, но нельзя и бежать от нее. Для человека мудрого она — событие неизбежное и не имеющее абсолютно никакого значения.

Об уничтожении Суллы и Рубеллия император официально уведомил сенат. Он кратко объяснил, что это было необходимо ради блага государства. Сенат единогласно постановил исключить обоих из своего состава, а также отслужить благодарственные молебствия.



Смерть Октавии

Весной 62 года, через двенадцать дней после развода с Октавией, Нерон женился на Поппее.

Бывшая жена получила в утешение дом Бурра и владения Рубеллия Плавта. Однако ей пришлось покинуть Рим и перебраться в Кампанию. Это, вероятно, ее не обременило, так как на Палатине, наблюдая забавы двора и роман мужа с соблазнительницей, сама она жила словно в тюрьме. Но при разводе ее подвергли мучительным унижениям. Как официальный повод развода с женой Нерон назвал ее бесплодие. Выдвинуто было также обвинение, что Октавия путалась с каким-то флейтистом из Александрии. Ее рабынь подвергли пыткам, которыми лично руководил Тигеллин. Девушки дали те показания, какие требовались палачам. Только одна из них, хотя и претерпевала жестокие мучения, имела мужество заявить Тигеллину:

— Лоно моей госпожи чище твоего рта!

В ближайшем окружении императора его браку с Поппеей противился, собственно, лишь вольноотпущенник Дорифор, да и у него были свои причины. Он являлся душой оргий, которые почти ежедневно происходили во дворце. Он был даже «мужем» Нерона, так же как другой вольноотпущенник, Спор, позже сделался императорской «женой». Дорифор опасался, что брак с Поппеей положит конец веселым забавам, а следовательно, и его влиянию. Напрасно он опасался. Вольноотпущенник недооценивал своего господина, который прекрасно справлялся и с супружескими обязанностями, продолжая при этом участвовать во всякого рода забавах юности.

Радость новой хозяйки Палатина была недолгой. Неведомо откуда разнеслась по городу сплетня, что

императору уже наскучила Поппея и что он готов вернуть свое расположение Октавии. На Форуме и Капитолии собралась огромная толпа. Она сбросила статуи Поппеи, на их месте установила изображение первой жены императора. Крики ликующих масс доносились даже на Палатин. Возникли опасения, что толпа ворвется в императорскую резиденцию. Порядок восстановила когорта преторианцев, разогнавшая беззащитную толпу выставленными вперед копиями.

Поппея была перепугана. Что будет, если Нерон устрасится народного гнева и действительно вернет Октавию из ссылки? Она повалилась мужу в ноги, умоляя:

— Речь идет не только о нашем браке, хотя он дорог мне больше жизни! Но и сама наша жизнь теперь в смертельной опасности! Это не народ возмущался, это рабы и слуги Октавии. Они схватились за оружие, чтобы выступить против тебя. Им не хватает только вождя, но и он найдется, если события будут развиваться так и дальше. Что произойдет, если Октавия покинет Кампанию и приедет сюда? Почему эти люди настроены против меня? Ведь я никому не сделала ничего дурного! Впрочем, если сочтешь необходимым, можешь вернуть обратно свою госпожу. Возможно, так даже и лучше будет. Скоро и это может оказаться невозможным. Ибо, если ты не пожелаешь Октавию в качестве жены, они найдут ей нового мужа!

Гибель Октавии подготавливали коварными путями. Ее обвиняли в том, что, будучи женой Нерона, она нарушала супружескую верность. Это утверждал сам мнимый ее любовник. Им был префект флота Аникет, тот самый, который три года назад убил Агриппину. Давая показания, он действовал, разумеется, не по своей воле. Во всяком случае, его готовность пойти навстречу желаниям властителя послужила ему на пользу. Его приговорили к ссылке, не слишком, однако, суровой; он жил долгие годы в спокойствии и достатке на Сардинии, где и умер естественной смертью.

Октавию сослали на остров Пандатерию, крохотный и почти необитаемый. Вот как описывает Тацит последние минуты ее жизни: «Там в окружении центурионов и воинов томилась еще не достигшая двадцатилетнего возраста молодая женщина, уже, как предвещали ее несчастья, исторгнутая из жизни, но еще не нашедшая даруемого смертью успокоения. Прошло немного дней, и ей объявляют, что она должна умереть, хотя она уже признавала себя незамужнею женщиной и только сестрою принцепса, взывая к

именам их общих предков Германиков и, наконец, Агриппины, при жизни которой, пусть в несчастливом замужестве, она все же оставалась живою и невредимою. Ее связывают и вскрывают ей вены на руках и ногах; но так как стесненная страхом кровь вытекала из надрезанных мест слишком медленно, смерть ускользает паром в жарко натопленной бане. К этому злодеянию была добавлена еще более отвратительная свирепость: отрезанную и доставленную в Рим голову Октавии показали Поппее. Упомянуть ли нам, что по этому случаю сенат определил дары храмам? Да будет предуведомлен всякий, кому придется читать—у нас ли, у других ли писателей—о делах того времени, что, сколько бы раз принцепс ни осуждал на ссылку или на смерть, неизменно воздавалась благодарность богам, и то, что некогда было знамением счастливых событий, стало тогда показателем общественных бедствий»¹.

Октавию убили 9 июня. Вслед за этой чистой девушкой торжествующая Поппея спровадила в могилу одного из отвратительнейших персонажей из окружения своего мужа—того самого Дорифора, который осмелился противиться ее браку с Нероном. Судьбу Дорифора разделил другой вольноотпущенник, гораздо более могущественный и прославленный,—миллионер Паллант. Последнего погубили именно миллионы; императору просто надоело ждать его естественной смерти.

Поппея смотрела на отрубленную голову своей несчастной предшественницы, будучи уже на первых месяцах беременности. Она родила дочь в начале 63 года. Матереубийца оказался большим любителем детей. Нерон сиял отцовской гордостью и радостью. Одарил равно как дочку, Клавдию, так и Поппею титулом Августы. Поздравления сенаторов Нерон принимал с большой благосклонностью. Они толпой поспешили в Анций, ибо именно там, в родном городе императора, имело место это радостное событие. Уже во время беременности Поппеи сенат утверждал молитвы и давал обеты в честь благополучного и счастливого разрешения ее от бремени. Теперь не было конца радостям и почестям. Слушались благодарственные молебны, принято было постановление построить храм Богини плодородия, провести большие пиры в Риме и Анции.

Однако девочка умерла на четвертом месяце жизни. Нерон пережил это крайне тяжело. Сенат так же усердно утешал властителя в скорби, как прежде

¹ К. Тацит. Сочинения: В 2 т. Т. I. Анналы. Л., 1969. С. 279—280. Пер. А. Бобровица.

разделял его радость. Умершую зачислили в разряд божеств. *Diva Claudia Augusta* обрела свой храм, и жрецы в честь нее творили особые молитвы.

Весна 63 года принесла Нерону еще одно болезненное разочарование, на этот раз в государственных делах.



Армения и Иудея

Перед императором предстали посланцы парфян, сопровождаемые римским офицером. От имени своего царя они заявили:

— Армения, за которую так долго ведется борьба, в наших руках. Римская армия потерпела постыдное поражение. Несмотря на это, Тиридат согласен владеть Арменией как союзник и вассал Рима. Он готов был бы принять царскую диадему из рук императора, однако столь далекому путешествию препятствуют некоторые соображения религиозного порядка. Зато он может исполнить эту церемонию на Востоке перед фронтом легионеров и статуей императора.

Римский офицер подтвердил слова парфян: Армения утрачена. Пэт наголову разбит.

А тем временем посреди дороги, ведущей на Капитолий, возводили триумфальную арку в честь победы Пэта над парфянами! Как могла возникнуть столь невероятная ситуация?

В 62 году Пэт, командующий войсками в Армении, действительно добился некоторых успехов. Он занял Тигранокерту, ограбил ее окрестности. Именно тогда он направил Нерону гордые послания, в которых докладывал, что война окончена. На зиму он отвел свои части в лагерь в местности Рандея. Здесь он узнал, что с юга движется сам царь Вологез, который до сих пор стоял на Среднем Евфрате и вел неудачные бои с Корбулоном. При известии о приближении царя во главе крупных сил Пэт потерял голову. Мелкий успех небольших разведывательных отрядов наполнял его гордостью победителя, мелкое поражение низвергало в пучину тревог. Он не отважился отбить наступление врага, хотя горная местность была удобной для оборонительных боев. Часть своих сил он рассредоточил, остатки же быстро подверглись деморализации.

Тем временем Корбулон уже шел Пэту на помощь.

Вначале он не спешил, так как не представлял себе, что положение командующего столь незавидно. Вскоре он получил отчаянные письма Пэта, и с тех пор его войско двигалось днем и ночью. Однако он не успел. Его отделяло от Рандеи три дня пути, когда ему сообщили, что Пэт сдался, и притом на унижительных условиях: римские войска удаляются из Армении, оставляя крепости и запасы продовольствия парфянам, а на реке Арсаний римляне должны построить мост. Когда легионеры в панике покидали Рандею, парфяне и армяне выстроились у дороги, отбирая у них всю добычу, даже оружие и одежду. Пэт бежал так быстро, что за один день одолел сорок миль. По пути он бросал даже раненых.

Корбулон вступил в переговоры. Но добился он только того, что царь-победитель согласился не вводить в Армению свои отряды, взамен чего римляне отошли с восточного берега Евфрата.

Что положение в Армении хуже, чем сообщалось в донесениях Пэта, в Риме было известно уже ранее, но лишь рассказы послов и офицера помогли нарисовать полную картину случившегося. Предложение парфян о том, чтобы Тиридат отдал символические почести, при таком положении вещей могло представляться приемлемым. Однако было ясно, что, по существу, Армения в этом случае делается зависимой от парфян, римляне же будут довольствоваться лишь ее формальным статусом вассального царства. На это нельзя было согласиться.

Послы уехали ни с чем. В Риме приняли решение начать военные действия. Командование вновь доверили Корбулону. Он получил звание *imperium maius*, то есть стал руководить вооруженными силами и наместниками соседних восточных провинций. Армии в тех районах усилили.

Летом 63 года Корбулон вступил в Армению.

Вторым очагом конфликтов на Востоке была Иудея. И тут дела обстояли не лучше. Преемник Феликса, Порций Фест, вступил на эту должность полный благих намерений, однако никто уже не сумел бы вернуть несчастной стране мир. Слишком сильной была ненависть к римлянам, слишком обострены внутренние распри. Фест точно так же, как и его предшественник, должен был бороться с фанатизмом тайных убийц, которые устраняли своих врагов с помощью кинжала. Кроме того, уже десятки лет в Иудее появлялись обманщики, увлекающие за собой толпы простаков, жаждущих узреть Мессию. Возникали также и другие, неожиданные осложнения.

У царя Агриппы был в Иерусалиме дворец, с террасы которого свободно обозревался двор храма. Таким образом, он следил за религиозными церемониями, удобно возлежа у пиршественного стола. Возмущенные иудеи возвели стену, которая заслонила храм как от дворца, так и со стороны крепости Антонии. Это в свою очередь разгневало царя и прокуратора; они приказали разрушить стену. Тогда иудеи направили в Рим, к императору, делегацию из десяти знаменитых мужей. Ее возглавлял первосвященник Исмаил и страж храма Хелкий.

«Выслушав их, Нерон не только простил им их проступок, но и согласился оставить стену, это он сделал в угоду жене своей Пoppее (она отличалась истинным благочестием), которая просила его за иудеев. Императрица затем отпустила десять депутатов, Хелкия же и Исмаила оставила у себя в качестве заложников»¹.

Так писал впоследствии о результатах миссии Иосиф, сын Матии, в своих «Иудейских древностях». В те времена, когда все это происходило, Иосифу было двадцать с лишним лет, однако он уже выделялся среди иерусалимской молодежи. В своей «Жизни» он хвалится: «Мой отец Матия блистал не только пышностью рода, но еще большую славу он приобрел в силу присущего ему чувства справедливости. И потому он принадлежал к числу первых мужей Иерусалима, крупнейшего из наших городов... Я учился прекрасно. Как утверждали все, я обладал исключительной памятью и отличался крайней смышленостью. И хотя я был почти мальчишкой, четырнадцати лет от роду, мое увлечение наукой встречало всеобщее одобрение, притом до такой степени, что ко мне являлись первосвященники и знатные граждане, когда желали выяснить некоторые наши правовые вопросы. В шестнадцатилетнем возрасте я решил непосредственно ознакомиться с учением наших философских школ. Существуют три такие школы: фарисеи, саддукеи, ессеи. Я считал, что определить, какая из них лучшая, смогу, лишь глубоко изучив каждую. И потратил много сил, труда, но поочередно познакомился с этими учениями. Тем не менее был убежден, что этих знаний недостаточно. Именно тогда мне довелось услышать об одном муже, живущем в пустыне. Звали его Банн, одеждой ему служили листья деревьев, питался он тем, что пошлет сама природа. Блюда чистоту, он в течение дня

¹ Иосиф Флавий. Иудейские древности. В 2 т. Т. II. СПб. 1900. С. 412. Пер. Г. Генкеля.

неоднократно омывался холодной водой. Три года я был его учеником. В город вернулся, лишь когда утолил свою жажду знаний. Политикой я стал увлекаться в девятнадцатилетнем возрасте. Примкнул к школе фарисеев, которая во многих отношениях сходна с греческой школой стоиков».

Вернемся, однако, к той стене. Успешное разрешение этого вопроса было достойно внимания еще и потому, что царь Агриппа пользовался немалым влиянием при императорском дворе. Он старался всячески угодить властелину мира. Столицу своего крохотного государства, город Цезарию у Генисаретского озера, он переименовал в Нероний, а на монетах чеканил изображение императора.

Прокуратор Фест умер во время исполнения своих обязанностей. Прежде чем успел прибыть новый прокуратор, Лукцей Альбин, в Иерусалиме воцарилась анархия. Этим воспользовался тогдашний первосвященник, который вынудил синедрион вынести приговор об избении камнями его политических противников. Это вызвало возмущение многих иудеев. Они послали депутацию с жалобой на имя Альбина, который был уже в Александрии. В результате его вмешательства царь Агриппа назначил нового первосвященника.

Альбин ревностно принялся за восстановление порядка. Но больше его интересовали деньги. Он брал их от любых партий и от всех значительных лиц. Большой вес приобрел тогда бывший первосвященник Ананий. Он был крайне щедр, благосклонность Альбина и первосвященника приобрел постоянными подношениями. У него имелась многочисленная прислуга, были под рукой и обыкновенные головорезы. Десятину, положенную священникам, они забирали у крестьян прямо на току. Еще и поэтому бедные священники, главным источником существования которых была эта десятина, умирали с голоду. «Ревнителю» прибегли теперь к новому средству борьбы: брали в заложники людей, связанных с их врагом, Ананием. И снова безнаказанно разбойничали по всей стране.

Иосифа Флавия угнетало то, что он видел на родине: беспощадность римлян, разлад и борьба меж иудеев, бедность народа. Он стремился совершать большие дела, чтобы помочь народу и обрести славу. Успех делегации десяти, достигнутый благодаря поддержке Поппеи, подсказал ему смелую идею. В 64 году он отправился в Италию, чтобы добиться освобождения нескольких священников, которых направил в Рим, на императорский суд еще прокуратор Феликс. Однако корабль, на котором плыл Иосиф, затонул в Адриати-

ческом море. Несколько сотен потерпевших кораблекрушение провели всю ночь в воде, судорожно цепляясь за балки и доски. Только на рассвете появился корабль из Киренаики, который принял на борт восемьдесят человек, среди них и Иосифа. В ПUTEОЛАХ Иосиф сумел свести дружбу с актером Алитуром, евреем по происхождению, который был вхож и к Нерону.

«Благодаря ему я проник к жене императора, Поппее. Я все ждал случая, чтобы как можно скорее попросить императрицу об освобождении этих священников. Эта милость была мне оказана, а сверх того я получил еще великолепные подарки. И вот я возвратился на родину».



Выступление в Неаполе

В 64 году, когда Иосиф Флавий прибыл в Италию, двор часто переезжал к Неаполитанскому заливу. Это было вызвано не только красотой тамошних окрестностей, но и тем, что император решил выступать как певец именно в неаполитанском театре. До той поры он делал это в Риме только частным образом, в своих ватиканских садах во время Ювеналий. У него не хватало духу выйти на столичную сцену актером-певцом. Здесь же он чувствовал себя свободнее, так как в Неаполе и округе жило много греков, которые относились к искусству иначе, нежели римляне.

В неаполитанском театре собрались громадные толпы. Прибыли зрители со всей Кампании. Среди них можно было увидеть и солдат, и профессиональных клакеров. Клакерскую организацию Нерон постепенно улучшал и наконец довел до совершенства. В нее входили пять тысяч прекрасно сложенных юношей, разделенных на три группы. Первая выражала свой восторг завыванием, вторая — аплодируя вогнутыми ладонями, а представители третьей группы хлопали, держа ладони плоско. Главари групп получали по четыреста тысяч сестерциев. Клакеры выделялись искусными прическами и умением великолепно одеваться.

Императорские выступления продолжались несколько дней. Более всего был восхищен сам Нерон. Новое развлечение захватило его до такой степени, что, отлучившись принять для отдыха ванну, он тотчас же возвратился на сцену и, подкрепляясь прямо на глазах зрителей, заверил:

— Если я немного выпью, звонче запою!

Огромную радость Нерону доставили слаженные, одобрительные крики моряков из Александрии. Они прибыли в Путеолы с грузом зерна. Для пущего разнообразия клаци император распорядился на будущее вызвать моряков из самого Египта и в большом количестве.

Даже легкое землетрясение не испугало певца. Он спокойно закончил свою арию. Когда последние зрители покинули театр, здание рухнуло. Император счел это свидетельством особой милости богов и ознаменовал чудесное событие стихами.

Из Неаполя Нерон отбыл в сторону Брундизия. Объявил, что оттуда поплывет в Грецию, чтобы выступить в святынях муз. По его словам, это поощрит соотечественников более увлеченно заниматься искусством. Однако до Брундизия император вообще не доехал. Он задержался в городе Беневенте, откуда происходил его приближенный, любимец Ватиний — сапожник по профессии, а по пристрастию паяц. Нерон почтил здесь своим присутствием великолепные игры гладиаторов, после чего (неведомо по каким причинам) возвратился в Рим.

Здесь он вновь начал подготовку к путешествию, на этот раз в Египет. Появился даже императорский эдикт, в котором он заверял народ, что его отсутствие будет недолгим. Перед столь далекой поездкой Нерон принял решение принести жертвы богам. Для этого он вошел в храм Весты. Когда цезарь поднимался с колен, то зацепился за что-то краем тоги, а вскоре после этого у него началось головокружение. Это его сильно напугало, он расценил случившееся как дурное предзнаменование и тотчас же отказался от своего намерения. Он велел огласить следующее воззвание:

Любовь к родине для меня превыше всех личных стремлений. Я видел печальные лица граждан, слышал тихие сетования: вот, император должен уехать так далеко, нам же тягостны даже краткие его отлучки, ведь мы привыкли в тяжкие минуты черпать бодрость, лицезрея властителя. В частной жизни самое главное — это семья, для меня же в моем сане самое главное — народ римский. Ему я должен повиноваться, если он меня удерживает.

Народ действительно радовался тому, что император отказался от путешествия в Египет, опасаясь, что в его отсутствие меньше будет игр и доставок зерна.

Нерон окунулся в вихрь развлечений. Разнообразные забавы устраивали по всему городу или сам император, или его друзья. Наибольшую славу приоб-

рел прием, который устроил Тигеллин на искусственном Агрипповом озере на Марсовом поле. Посреди озера медленно покачивался огромный плот. Там на пурпурных коврах и мягких подушках возлежали император и его окружение. Плот тянули по озеру лодки, украшенные золотом и слоновой костью, гребцами же были красивые юноши. Вокруг озера расставили постройки, выполнявшие роль публичных домов; в них находились и дамы из высших слоев, и обыкновенные проститутки. Они не отказывали никому из пирующих. Ночью весь парк был освещен, повсюду гремела музыка.

Дабы не упустить ни одного из распутств, Нерон облюбовал себе некоего юного вольноотпущенника по имени Пифагор. Он вступил с ним в брачный союз с соблюдением всех брачных церемоний.

В начале июля, когда жара стала обременительной, императорский двор выехал на море, в Анций.



Пожар

В 64 году Тацит был еще ребенком, ему исполнилось десять лет. Но мальчик в этом возрасте многое уже понимает и помнит. Если даже сам Тацит не был в ту пору в Риме, то наверняка столкнулся с тысячами очевидцев трагической катастрофы, которая обрушилась на город в ту прекрасную лунную ночь с 18 на 19 июля. Поэтому рассказ великого историка, хотя и записан через много лет после этих событий, сохраняет достоинства первоисточника.

Пожар вспыхнул в южной части Большого цирка. Там были лавчонки, забитые легко воспламеняющимися товарами. Ветер разметал пламя, и в мгновение ока все строения были охвачены огнем. Потом пламя перекинулось на жилые дома в нижних кварталах города и на холмах. Пожар быстро и легко распространялся, ибо улицы тогдашнего Рима были крайне узкие и извилистые. Гасить огонь мешали и толпы жителей, которые в панике и ужасе бежали из своих жилищ.

«И нередко случалось, что на оглядывавшихся назад пламя обрушивалось с боков или спереди. Иные пытались спастись в соседних улицах, а когда огонь настигал их и там, они обнаруживали, что места, ранее представлявшие им отдаленными, находятся в столь

же бедственном состоянии. Под конец, не зная, откуда нужно бежать, куда направляться, люди заполняют пригородные дороги, располагаются на полях; некоторые погибли, лишившись всего имущества и даже дневного пропитания, другие, хотя им и был открыт путь к спасению,— из любви и привязанности к близким, которых они не смогли вырвать из пламени. И никто не решался принять меры предосторожности, чтобы обезопасить свое жилище, вследствие угроз тех, кто запрещал бороться с пожаром; были и такие, которые открыто кидали в еще не тронутые огнем дома горящие факелы, крича, что они выполняют приказ, либо для того, чтобы беспрепятственно грабить, либо и в самом деле послушные чуждой воле»¹.

В Риме со времен Августа существовали сильные и хорошо организованные постоянные отряды пожарной службы, называемые *cohortes vigilum*², в целом они насчитывали семь тысяч человек. Существовал также гарнизон преторианцев, а также десятки тысяч императорских и частных рабов. Но всего этого оказалось недостаточно для борьбы с могучей стихией, усиленной порывистым ветром. Остановить огонь удалось только на шестой день у подножия Эсквилинского холма, после того, как на громадном пространстве города были уничтожены все постройки. Но на этом несчастья еще не кончились. Пламя, словно затаившееся под пеплом, вспыхивало время от времени с новой силой в различных местах, наиболее угрожающие размеры это приобрело во владениях Тигеллина, между холмами Капитолий и Квиринал; три дня пожар свирепствовал в северных районах города.

Из четырнадцати районов, на которые Август разделил столицу, только три остались нетронутыми; в семи уцелели некоторые здания, четыре же сгорели дотла. На протяжении своей истории Рим уже неоднократно страдал от пожаров, но этот оказался самым страшным. Его можно сравнить только с тем, который за четыреста пятьдесят лет до этого устроили галлы, захватившие город. Тотчас же вспомнили, что и тогда катастрофа наступила 19 июля. Материальные потери не поддавались исчислению. Однако хуже всего (поскольку это было невозможным) оказалось то, что жертвой огня стали многие самые ценные памятники римского прошлого, особенно на Форуме; зато Капитолий и часть Палатина вышли из огня почти невредимы-

¹ К. Тацит. Сочинения: В 2 т. Т. I. Анналы. Л., 1969. С. 295—296. Пер. А. Бобовича.

² Ночная стража (лат.).

ми. Столь же болезненной была утрата многих великолепных шедевров искусства, которые украшали частные дома, а также дворцы и храмы.

Нерон не сразу уразумел масштабы катастрофы. Он вернулся в город из Анция только тогда, когда ему сообщили, что огонь охватывает новую часть дворца, которая связывала Палатин с садами на Эсквилине. Император со всей своей энергией взялся за ликвидацию пожара и прежде всего занялся оказанием помощи толпам бездомных и голодных. Он открыл им и свои собственные сады, и все постройки на Марсовом поле. Он приказал также строить повсюду временные жилища. Всего этого было, однако, недостаточно. Тысячи погорельцев заняли склепы у дорог вокруг города. По распоряжению Нерона снизили цены на хлеб, а также завезли продукты из всех близлежащих городов.

Для наблюдения за пожаром и ходом спасательных мер император часто поднимался на башню, находящуюся в бывших садах Мецената на Эсквилинском холме. Среди охваченных отчаянием масс разнесся слух, что император с восхищением взирает оттуда на разбушевавшуюся стихию и декламирует на фоне грозного пламени свою поэму «Взятие Трой». Множество врагов Нерона не только повторяли эти сплетни, но еще и по-разному разукрашивали их. Одни утверждали, что именно Нерон приказал поджечь Рим, чтобы насладиться неповторимым зрелищем. Другие заявляли, что он совершил это из ненависти к роду людскому: матерубийца жаждет свергнуть в огонь гибели вместе с собой всю столицу. А когда Нерон немедленно приступил к восстановлению города, не жалея средств и усилий, тотчас же появилось другое объяснение: цезарь сознательно поджег Рим ради того, чтобы получить возможность на его развалинах возвести новую столицу, согласно своим планам и прихотям.

Эти слухи и сплетни долго ходили по городу. Они могли представлять опасность: ведь с мнением и настроением людей вынужден считаться любой правитель. Необходимо было найти козла отпущения, чтобы отвлечь внимание масс.



Христиане

Все, что нам известно о преследовании христиан во времена Нерона, содержится в записи Тацита, сделан-

ной им полвека спустя: «Но ни средствами человеческими, ни щедротами принцепса, ни обращением за содействием к божествам невозможно было пресечь бесчестящую его молву, что пожар был устроен по его приказанию. И вот Нерон, чтобы побороть слухи, приискал виноватых и предал изощреннейшим казням тех, кто своими мерзостями навлек на себя всеобщую ненависть и кого толпа называла христианами. Христа, от имени которого происходит это название, казнил при Тиберии прокуратор Понтий Пилат; подавленное на время, это зловерное суеверие стало вновь прорываться наружу, и не только в Иудее, откуда пошла эта пагуба, но и в Риме, куда отовсюду стекается все наиболее гнусное и постыдное и где оно находит приверженцев. Итак, сначала были схвачены те, кто открыто признавал себя принадлежащими к этой секте, а затем по их указаниям и великое множество прочих, избличенных не столько в злодейском поджоге, сколько в ненависти к роду людскому. Их умерщвление сопровождалось издевательствами, ибо их облачали в шкуры диких зверей, дабы они были растерзаны насмерть собаками, распинали на крестах или обреченных на смерть в огне поджигали с наступлением темноты, ради ночного освещения. Для этого зрелища Нерон предоставил свои сады; тогда же он дал представление в цирке, во время которого сидел среди толпы в одежде возничего или правил упряжкой, участвуя в состязании колесниц. И хотя на христианах лежала вина и они заслуживали суровой кары, все же эти жестокости пробуждали сострадание к ним, ибо казалось, что их истребляют не в видах общественной пользы, а вследствие кровожадности одного Нерона»¹.

Светоний писал свою «Жизнь двенадцати цезарей» через полтора десятка лет после Тацита. Перечисляя заслуги Нерона, наводившего порядок в городе, он произносит на одном дыхании: «Многие строгости и ограничения были при нем восстановлены, многие введены впервые: ограничена роскошь; всенародные угощения заменены раздачей закусок, в харчевнях запрещено продавать вареную пищу, кроме овощей и зелени,— а раньше там торговали любыми кушаньями; наказаны христиане, приверженцы нового и зловерного суеверия; запрещены забавы колесничных возниц, которым давний обычай позволял бродить повсюду, для потехи обманывая и грабя прохожих; отправле-

¹ К. Тацит. Сочинения: В 2 т. Т. I. *Анналы*. Л., 1969. С. 295—296. Пер. А. Бобовича.

ны в ссылку мимы со всеми своими сторонниками»¹.

Все позднейшие упоминания в античной литературе о христианах — это всего лишь эхо описания, сделанного Тацитом. Каждого, прочитавшего его, должна порадовать решительная неприязнь, с какой этот великий историк относился к последователям Христа. Это был человек, в принципе отвергающий насилия и жестокости, но, несмотря на это, он считает, что христиане заслуживают наказания, осуждая лишь слишком суровые пытки. Чем объяснить такую его позицию?

Ряды тогдашних христиан пополнялись из самых низших социальных слоев, в Италии же — главным образом из людей восточного происхождения. Уже это должно было вызывать подозрительность родовитых римлян, особенно состоятельных. Свои обряды христиане держали в секрете, что порождало множество недоразумений и фантастических слухов. Знали также, что они ожидают близкого конца света и прихода царя, который подвергнет вечным мукам все человечество, за исключением горстки избранных. А кем будут эти избранные? Те, кто презирает все, что составляет радость и прелесть жизни: любовь, забавы, игры, науку и искусство, даже родную землю. Все это перед лицом Судного дня для христиан не имело никакого значения, более того, считалось дурным, вредным, греховным.

Фанатизм и примитивность подобных взглядов должны были ужасать каждого образованного и приверженного великим духовным достижениям человека. Христианство в своем первородном виде представлялось угрозой для всей цивилизации.

В течение второго века, уже после эпохи Тацита и Светония, в этом религиозном движении стали происходить постепенные перемены. Конец света и царство Мессии не наступали. Пламенная вера и жесткость в убеждениях первых поколений должны были уступить требованиям жизни. Необходимо было примириться с обществом и культурой, приспособить идеалы царства небесного к условиям земного существования. Эти перемены, столь чреватые результатами, совершались постепенно. В первом веке нашей эры, во времена Нерона, никто еще не мог предвидеть, что горстка простаков и фанатиков положит начало движению, которому суждено передать сокровища античной мысли варварским народам новой Европы.

¹ Г. Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1964. С. 154. Пер. М. Гаспарова.

Старохристианская традиция утверждает, что жертвами преследований при Нероне пали в Риме также и два апостола: Петр и Павел. Тело первого было похоронено на Ватиканском холме, при *Via Cornelia*. Как уже говорилось, на этом месте в IV веке император Константин построил базилику, которая в свою очередь во времена Возрождения уступила место величественному собору, стоящему и поныне. Действительно ли традиция соответствует истине и в подземельях собора находится могила апостола Петра, решить трудно. Последние раскопки не подтвердили, но и не опровергли этот факт. Могила с останками относится ко второму веку.

В конце того же века, то есть примерно через сто двадцать лет после преследований Нерона, на греческом языке появился трактат под названием «Деяния Петра». Это повествование о судьбе и смерти апостола, не имеющее, однако, ничего общего с историей. Автор не стеснял свою фантазию, желая создать вещь действительную, поражающую воображение читателя.

Поэтому-то уже в средние века христиане не признали это произведение подлинным и не включили в канонические тексты Нового завета. Однако оно заслуживает внимания, так как отражает взгляды христиан той эпохи, а также их точку зрения на преследования; кроме того, это источник некоторых легенд, позже хорошо известных.

Рассказ о причинах поимки и о смерти апостола — вот тема этого сочинения, в котором наивность переплетается с серьезностью замысла.

Петр пребывал в Риме, где радовался вместе с братьями неустанно, благодаря Господа за то множество людей, которые ежедневно присоединялись к ним, влекомые благодатью. Обратились в веру также четыре наложницы префекта Агриппы; их вернула на праведный путь проповедь апостола о целомудрии. Они решили, что отныне ни одна из них не приблизится к Агриппе. Тот не знал, что предпринять, так как очень их любил. Агриппа направил своих людей, чтобы они проследили, куда ходят наложницы. Когда они однажды вернулись домой, он сказал:

— Это тот христианин подговорил вас, чтобы вы не жили со мной. Так знайте же, я и вас уничтожу, и его живым предам огню!

Была также некая римлянка необычайной красоты, Ксантиппа, жена Альбина, друга императора. И она с тех пор, как услышала слова Петра, не хотела делить ложе с мужем. Альбин, пылая страстью, разъяренный как зверь, хотел схватить Петра, догадавшись, что тот

во всем повинен. Точно так же отделились от своих мужей и многие женщины и некоторые мужчины покинули жен, ибо жаждали служить Петру в чистоте. В Риме из-за этого начались серьезные волнения. Альбин сговорился с Агриппой о совместных действиях, но их беседу подслушала Ксантиппа. Она посоветовала Петру немедленно покинуть столицу. К этому склоняли его и другие единоверцы. Петр противился, вопрошая:

— Я должен уходить, братья?

Они же отвечали:

— Ты должен уйти отсюда, чтобы служить Господу где-то в других местах.

Петр наконец покинул город. Но за городскими воротами встретил Господа, направлявшегося в Рим. Он спросил его:

— Куда идешь, Господи?

И услышал в ответ:

— Иду в Рим, дабы меня распяли.

И сказал Петр:

— Как же это так, Господи, ты еще раз будешь умирать на кресте?

— Да, Петр, еще раз...

Тогда Петр вернулся. Вскоре его схватили солдаты Агриппы, который приговорил апостола к смерти, повелев распять на кресте.

Ареной мук первых христиан был ватиканский парк Нерона и расположенный там цирк. Может показаться сомнительным, что тело галилейского рыбака действительно покоится под великолепным куполом громадной базилики; несомненно, однако, что она стоит неподалеку от того места, где двадцать столетий назад единоверцы Петра пылали как живые факелы.

Преследования при Нероне носили единовременный характер и ограничивались столицей. Впрочем, и при более поздних властителях преследования, охватывавшие всю империю целиком, были чем-то исключительным, обычно они имели место только в самом Риме или в некоторых провинциях.



Восстановление столицы

К восстановлению города Нерон приступил тотчас же после того, как был потушен пожар. Это были работы, проводившиеся по плану и в огромных масшта-

бах. Рим наконец-то должен был приобрести очертания столицы мира и эпохи Нерона.

Была намечена равномерная сеть широких улиц и площадей. Указана максимальная высота домов. Часть каждой парцеллы должна была оставаться незастроенной. Император на собственные средства очищал строительные площадки и возводил портики, которые согласно новым распоряжениям должны были украшать каждый дом со стороны улицы. Он также выплачивал денежную награду тем владельцам домов, которые в установленный срок заканчивали строительство по новому плану. Организация работ была великолепной. Так, например, при уборке щебня использовали корабли, которые поднимались к самому Риму по Тибру, доставляя зерно; они спускались вниз, загруженные щебнем, и ссыпали его в приморские болота.

Серьезной заботой императора и главных архитекторов стало предохранение города от будущих пожаров. Уже сама ширина улиц и портики перед домами должны были помешать быстрому распространению огня. Но предусматривались и другие средства защиты. Верхние части зданий полагалось возводить без балок, зато из огнеупорного камня. Запрещали также строить общие стены между домами. Противопожарные орудия у каждого домовладельца должны были находиться на видном, доступном месте. Ограничили отвод воды из акведуков в частные дома, сделали это для того, чтобы ее всегда было достаточно в больших резервуарах возле выходных отверстий водопроводов, размещенных по всему городу.

Восстанавливая столицу во всей красе, Нерон позаботился также об удобствах ее жителей. Уже четыре года назад, в шестидесятом, он возвел на Марсовом поле здание для спортивных упражнений по греческому образцу, то есть гимнасий, который сгорел еще в 62 году. Ныне на его месте император построил большие бани, или, как говорили римляне, термы.

Первые термы в Риме были построены Агриппой во времена императора Августа. Они примыкали к сооруженному тем же Агриппой храму на Марсовом поле, называемому Пантеон, который существует и поныне. Термы Агриппы стали излюбленным местом встречи и развлечений римского люда. Там имелись залы для холодных и горячих душей, для гимнастических упражнений и для игры в мяч.

Термы Нерона тоже находились на Марсовом поле. Постройки образовали огромный прямоугольник со сторонами протяженностью 190 на 120 метров. Они тянулись от Пантеона до того амфитеатра, который

Нерон возвел в самом начале своего правления, в 57 году. Позже на месте этого амфитеатра император Домициан построил огромный стадион; его очертания точно сохраняет нынешняя Пьяцца Навона, одна из красивейших площадей Рима.

Новые бани своим величием и великолепием оснащения затмили термы Агриппы. Громадные залы были украшены мрамором, мозаиками, рельефами. Даже враги Нерона вынуждены были признать, что это впечатляющее сооружение. Позже говорили:

— Было ли что-либо худшее, нежели Нерон? Существует ли нечто более прекрасное, чем его термы?

Бани перестроили в начале III века; руины их сохранялись долго, вплоть до XVI века.

Однако больше всего страсти и энергии император тратил на восстановление дворца. Теперь он занимал огромное пространство, простершись на пять холмов в самом городе. То были холмы Палатин, Велія, Оппий, Целий и часть Эсквилина. Словом, дворец замыкал центр столицы с южной стороны. Разумеется, это не было единое строение, но комплекс зданий, свободно разбросанных среди обширных парков и садов. Античные писатели просто не находят слов для описания всего великолепия этого дворца, который носил гордое название *Domus Aurea* — Золотой дом.

Главный вход располагался на *Forum Romanum*. К нему вела часть Священной дороги. Для придания ей монументального характера Нерон распорядился построить по обе ее стороны большие арки. Перед самым вестибюлем дворца высилась огромная статуя императора, отлитая в бронзе, высотой около тридцати пяти метров. Через вестибюль входили в просторный дворцовый атрий, который занимал весь холм Велія. В долине за атрием и холмом простиралось искусственное озеро; оно занимало как раз то место, где позже появился амфитеатр императоров из династии Флавиев, обычно именуемый Колизеем. Между отдельными частями Неронова дворца тянулись длинные портики — перекрытия, поддерживаемые рядами колонн. Некоторые из этих портиков имели по три ряда колонн, а в длину целую римскую милю, то есть около полутора километров. Тот, кто прогуливался по этим портикам, через каждые полтора десятка шагов как бы переносился во все новые края. Здесь ему улыбались яркие цветы тщательно ухоженного сада, там же манила к отдохновению сень рощ и зелень пастбищ; по парку свободно разгуливали прирученные звери.

Самые красивые дворцовые палаты и залы находились на Оппиевом холме, если смотреть прямо на юг.

Там размещались залы, украшенные золотом, серебром, жемчужными раковинами, не говоря уже об изысканных росписях и замечательных античных скульптурах греческих мастеров; шедевры свозились со всего Востока. Потолки некоторых залов были отделаны плиткой из слоновой кости. Во время пиршеств через приоткрывавшиеся створы потолка медленно спускались лепестки душистых цветов либо ниспадали мелкие капли ароматной воды. Один из центральных пиршественных залов был круглой формы. Его купол вращался день и ночь, отражая движение небосвода.

Дворец строился долго, несколько лет. Когда строительство подходило к концу, Нерон с удовольствием изрек: «Наконец я смогу жить как человек!»

Однако жители Рима смотрели на этот *Domus Aurea* по-другому. Они видели в нем памятник тиранства и чванливости, возведенный за счет населения всей империи. Комплекс дворцовых построек перерезал город пополам, затруднял сообщение, поглотил лучшие жилые районы. Появились полные возмущения стихи и надписи, вроде таких: «Римляне, переселяйтесь из столицы! Весь город — это дом только для одного человека!»

Поэтому через несколько лет после смерти Нерона император Веспасиан, первый из династии Флавиев, открыл для нормального движения часть дворца около Велии. Он и его преемники осушили искусственное озеро и возвели на этом месте упомянутый уже амфитеатр, массивные стены которого стоят и поныне. Сотни шедевров искусства, собранных Нероном в Золотом доме, Веспасиан перенес в храмы. В 80 году в царствование Тита пожар уничтожил палатинскую часть Неронова дворца; Домициан, брат и преемник Тита, построил на этом месте новую резиденцию. Четверть века спустя, при Траяне, жертвой огня стал прекраснейший комплекс Золотого дома — залы на Опиевом холме. Уцелели лишь нижние комнаты. Траян приказал засыпать их щебнем и замуровать, а на этом месте возвел огромные термы.

Во времена раннего Возрождения засыпанный Траяном нижний этаж Золотого дома был снова открыт. Росписи его прекрасно сохранились. Эти залы посещали многие путешественники, среди них и ученики Рафаэля. В 1811 году открыли и другие его помещения.

Из всех частей дворца Нерона дольше всех сохранился вестибюль. Разрушил его только император Адриан в 121 году, чтобы на старом фундаменте возвести храм Ромы¹ и Венеры.

¹ Богиня Рома почиталась покровительницей Рима.

Громадный памятник Нерону простоял до начала средневековья, на протяжении веков претерпевая постоянные изменения. Веспасиан распорядился снять голову Нерона и водрузить на ее место голову Бога Солнца. Адриан передвинул этот колосс на несколько десятков шагов, чтобы очистить место для вновь возводимого храма. Император Коммод, царствовавший в конце II века, сделал из памятника свое подобие, но сразу же после его смерти статуе вернули голову Бога Солнца. Колосс рухнул и был переплавлен в средние века. Название его перешло на соседний амфитеатр Флавиев, отсюда и его известное современное наименование — Колизей.

Восстановление Рима и постройка великолепного дворца были в ту пору не единственными начинаниями Нерона. Он принял решение прорыть канал от залива у ПUTEОЛ вплоть до Остии. Протяженность канала должна была составлять свыше 160 миль, то есть более 230 километров, а ширина такой, что суда при встрече могли бы свободно разминуться. Наметили прокладку канала прямо через горы, болота, низины. Его строительство имело свое обоснование и не было простой причудой властителя. Речь шла о том, чтобы облегчить доставку зерна из ПUTEОЛ в Рим, сделать ее независимой от капризов моря, времени года, опасностей прибрежного судоходства. Для рытья канала пригнали узников со всей империи; император принял решение в будущем всех преступников приговаривать к принудительным работам.

Но по мере того, как разворачивались эти колоссальные строительные работы, все острее становилась проблема их финансирования. Оказалось, что и труд арестантов — не дармовой, так как им требуется еда, инструмент, нужны охранники. Обычных налоговых поступлений из провинций не хватало. Бюджетное равновесие империи всегда было неустойчивым, ибо приходилось содержать огромную армию. Сейчас накладными для государственной казны оказались и расточительность императора в личной жизни, и его строительная мания.

Подлинную ценность денег Нерон никогда не представлял, ибо никогда не испытывал нужды. Расточительность даже сделалась его девизом:

— Только гнусные скупцы считают, сколько они потратили. Щедрые и истинно благородные люди — это те, которые все проматывают и тратят. Славлю и восхищаюсь моим дядей Калигулой прежде всего пото-

му, что за такое короткое время он сумел пустить на ветер громадные богатства, накопленные до него Тиберием.

Надо признать, однако, что под давлением необходимости Нерон проявил достойную восхищения находчивость и предусмотрительность в изыскании источников дохода. Он издал множество указов, которые позволяли завладеть частным капиталом везде, где это было возможно.

Вошло в обычай и стало законом, что вольноотпущенники оставляли своим господам по завещанию половину накопленного богатства. Нерон ввел дополнительное постановление: если вольноотпущенник без всяких оснований носит фамилию семьи, состоящей в родственных связях с семьей императора, он обязан завещать императору пять шестых своего состояния. На практике это давало государственной казне возможность предъявлять иск вольноотпущенникам, носящим фамилии: Юлий, Домиций, Клавдий, Октавий, а именно они и были самыми распространенными!

Еще более широкое применение мог получить другой закон: в собственность казны переходят целиком богатства лиц, которые в своих завещаниях проявили неблагодарность к императору; подлежал наказанию даже юрист, который участвовал в составлении подобного завещания. Иными словами, этот закон означал, что каждый состоятельный человек, если он намеревается что-то завещать семье, должен оставить императору по крайней мере половину своего богатства, иначе тот захватит все!

Нерон не останавливался даже перед действиями, которые приносили только временную и ничтожную прибыль. Так, он запретил носить одежду пурпурных и аметистовых цветов. Затем подкупил торговца, и тот в базарный день продал небольшое количество такой материи. Воспользовавшись этим, императорские сборщики налогов тотчас захватили все торговые склады. Точно так же лишили состояния женщину, которая появилась в театре (а выступал тогда именно Нерон) в пурпурном платье! Император, не прекращая пения, пальцем указал на нее своим людям.

Но самым ярким свидетельством финансовых затруднений Нерона была обширная монетная реформа, проведенная в конце 64 или в 65 году. Со времен Августа золотая монета, называемая *aureus*, весила $\frac{1}{40}$ римского фунта, серебряная же, денарий, $\frac{1}{90}$. Нерон снизил вес первой из них до $\frac{1}{45}$, второй же до $\frac{1}{96}$ фунта. Снижение веса было незначительным, почти незаметным, зато казне это немедленно дало громад-

ную прибыль. Эта новая монетная система просуществовала долго, вплоть до начала III века.

64 год был богат событиями. Когда в конце его на небе появилась огненная комета—уже вторично в правление Нерона,—воцарилось всеобщее беспокойство. Какие катастрофы она предвещает? Голод, войну, эпидемию или смерть властителя?

Напуган был и сам Нерон. Он обратился за разъяснениями к астрологу Бальбиллу. Тот будто бы ответил:

— Это дурной знак. Властители, однако, могут отвратить от себя приговор судьбы, предавая смерти выдающихся личностей из своих подданных.



Заговор Пизона

Общественные уборные для большинства жителей Рима—излюбленное место встреч. Их было много в разных частях города, и устроены они были очень удобно. Вдоль стен стояли каменные лавки с отверстиями; внизу под лавками тянулся желоб с проточной водой. Мужчины просиживали здесь подолгу, неторопливо оплачивая долг природе и одновременно болтая о том о сем. Рассказывали последние сплетни и сальные анекдоты. В этом месте все чувствовали себя равными и будучи случайными прохожими, незнакомыми друг с другом. Только политических тем здесь усердно избегали, ибо доноскички встречались повсюду.

Бестактностью со стороны Лукана было не считаться с этим неписанным законом и нарушить всеобщее наслаждение полной расслабленностью. Поэт вошел в отхожее место с вполне прозаическими целями. Случилось, однако, так, что, когда кто-то из сидящих громко испустил воздух, Лукан с серьезной миной продекламировал:

— Я бы сказал, что под землей загрохотало!

В уборную словно молния ударила. Все вскочили со своих мест и в панике бросились из приюта покоя, поспешно оправляя одежду. Потому что стих, который они только что услышали, не был творением Лукана—он был заимствован из поэмы самого императора. Нерон многократно декламировал эту поэму публично, поэтому стишок знали все.

Испуг посетителей общественной уборной был напрасным. Доносчика там не оказалось, ничего и ни с кем не стряслось. Но этого нельзя было предвидеть

заранее; кто посмел бы поручиться, что сам Лукан не провокатор?

Поэт, веселясь, рассказывал об этом происшествии своим друзьям. Забавную историю запомнили и записали многие, она даже вошла в более позднюю биографию Лукана.

Шутка не была случайной шалостью поэта. Лукан уже давно ненавидел императора. Правда, всего четыре года назад он числился одним из ближайших друзей Нерона. Во времена первых Нероний, в 60 году, он декламировал «Похвалу Нерону» и получил почетную награду. Но с тех пор многое изменилось. Поскольку оба, и Нерон, и Лукан, считались лучшими поэтами своей эпохи, дружба между ними не могла быть искренней и прочной. Как это обычно бывает с людьми искусства, мелочи сделались причиной серьезной антипатии. Лукан был глубоко оскорблен тем, что во время одной из его декламаций император внезапно покинул зал под тем предлогом, что вынужден присутствовать на заседании сената. Нерон зеленел от зависти, когда слышал о каком-либо новом произведении Лукана, а тот писал много и быстро.

Итак, дело дошло до явного разлада. Рассказывали, что император запретил поэту всякого рода публичные выступления, даже в суде. Если так оно в действительности было, то это могло лишь усилить ненависть Лукана к самому властителю и системе его правления. Он мстил и боролся за свои права единственным способом, какой ему оставался,— писал. Лукан усиленно работал над эпической поэмой о гражданской войне между Цезарем и Помпеем. Начал он «Фарсалию» несколько лет назад с похвалы Нерону. Однако быстро изменил и идею, и дух сочинения, которое превратилось в хвалебный гимн в честь республики и ее защитников, Помпея и Катона, полное ненависти к Юлию Цезарю.

Ненависть к империи и Нерону Лукан сумел внушить и вольноотпущеннице Эпихариде, девушке легкого поведения. Этих двоих не связывал какой-либо роман. Лукан был примерным супругом, Эпихарида же — подругой его отца, Мелы. Он познакомился с ней в отцовском доме. Юный поэт, кипящий замыслами, полный внутренней страсти, богатый и славный, произвел на нее огромное впечатление.

Благодаря Лукану Эпихарида сблизилась с группой заговорщиков. Сенека, дядя Лукана, не принадлежал к этой группе. Уже три года, с тех пор, как попал в опалу, Сенека сторонился людей, часто уезжал за пределы Рима, почти ни с кем не встречался. Но

многие обращали свой взгляд именно к нему. Восемь лет вместе с Бурром он мудро и толково руководил государственными делами. Период его правления находился в таком резком противоречии с тем, что происходило ныне, что авторитет Сенеки сам по себе рос из месяца в месяц. Когда Сенека был у власти, многие смотрели на него с завистью. Ныне эти низкие чувства исчезли, зато осталась память о днях спокойствия, порядка, безопасности. Ничего удивительного, что у многих серьезных людей родился план использовать против Нерона имя и авторитет именно этого повсеместно уважаемого государственного мужа. Поскольку сам Сенека оказался недостижим, с ним искали связи через его племянника, Лукана, который и не скрывал своей ненависти к императору.

Уже три года назад, вскоре после отхода Сенеки от государственных дел, некий доносчик выдвинул против него обвинение, что он организовал заговор с целью свергнуть цезаря. В качестве второго заговорщика доносчик назвал Гая Кальпурния Пизона.

До нашего времени дошла поэма, прославляющая красоту, щедрость, таланты и заслуги этого потомка старой и богатой аристократической семьи. Художественные достоинства произведения ничтожны, но написано оно, несомненно, человеком, искренне благодарным за опеку и благосклонность. Впрочем, и в сочинениях других авторов можно найти столь же привлекательный образ Пизона.

В то время он находился в расцвете сил. Выглядел Пизон великолепно: рослый, хорошо сложенный, мускулистый. Его манеры отличались благородной изысканностью и подкупающей простотой. Он славился своим ораторским даром и часто выступал в сенате и в судах. Известна была его речь, в которой он благодарил Клавдия за назначение консулом. Пизон интересовался поэзией и риторикой, а в кругу друзей часто щеголял декламацией собственных произведений и выступал как певец. Он охотно окружал себя юными литераторами, поддерживая их деньгами. Пизон был очень щедр, что делало его особенно популярным среди широких слоев населения, популярность снискала ему также умелая игра в мяч и шашки. Пизон мог себе позволить быть щедрым: благодаря семейным богатствам он принадлежал к числу состоятельнейших людей тогдашнего Рима. Материально поддерживал даже обедневших сенаторов и эквитов.

В своей политической карьере Пизон прошел все ступени вплоть до консульства. Единственной его не-

удачей было изгнание при Калигуле, из которого Пизона возвратил Клавдий.

Понятно, что положение и популярность Пизона рождали немалую зависть в окружении императора; отсюда проистекало и обвинение в заговоре. Однако доносчик поторопился. Время еще не назрело. Нерон, только что восстановивший против себя общественное мнение своим обращением с Октавией, не хотел снова вызвать волну возмущения, вынося приговор двум столь выдающимся личностям, как Пизон и Сенека. Обвинение, впрочем, было совершенно безосновательным, и Сенека это легко доказал. Приговор вынесли доносчику.

Однако оба сановника извлекли для себя урок. Именно после этого Сенека сделался почти отшельником. Зато Пизон, более молодой и деятельный, стал осторожно подыскивать союзников. У него самого не было никакого конкретного плана, и он не претендовал на роль предводителя, но его личные качества и так предназначили ему ведущую роль. Во избежание огласки он часто пребывал за пределами Рима, на своей великолепной вилле около Байев, где частым гостем оказывался сам Нерон. Однако в столице у Пизона находился доверенный друг, который служил связным с группой самых ярых врагов императора. Этим другом был эквит Антоний Натал.

Он поддерживал контакт с тремя сенаторами и Луканом, который, как бывший квестор, тоже принадлежал к сенаторскому сословию, а также с несколькими эквитами. Сенаторами этими были: Плавтий Латеран, племянник того Плавтия, что при Клавдии приобрел широкую славу в Британии; Флавий Сцевин, известный своей любовью к роскоши, Афраний Квинциан, которого находили женоподобным и которого высмеял Нерон в одном из своих стихотворений.

Из группы эквитов, помимо самого Антония Натала, выделялся также и Клавдий Сенецион, сын вольноотпущенника, ближайший друг императора с самого начала его правления. Вполне вероятно, что он опасался влияния, какое оказывал последнее время на Нерона Тигеллин. Он боялся, что новый приятель цезаря будет стремиться уничтожить всех тех, которые ранее что-то значили при дворе.

Заговорщики поддерживали также связь с офицерами преторианцев; в заговоре участвовали три народных трибуна и три центуриона. Известно было, что оба командира гвардии, Тигеллин и Фений, взаимно ненавидят друг друга. Тигеллин изыскивал любую возможность, чтобы подорвать авторитет Фения. Добивался он

этого без труда, ибо Фений некогда принадлежал к кругу людей, близких к Агриппине, и именно благодаря этому в 55 году получил должность префекта по снабжению. Теперь Тигеллин внушал императору, что Фений был любовником Агриппины и жаждет отомстить за ее смерть. Фений, разумеется, догадывался о кознях своего коллеги и понимал, что в глазах Нерона всегда будет на подозрении, так как приобрел слишком широкую популярность, успешно занимаясь в течение восьми лет снабжением столицы. Поэтому его не покидала тревога. Часто в кругу надежных людей Фений позволял себе высказывать свои сомнения и недовольство сложившимися отношениями. По этой причине у заговорщиков появилась надежда, что в критический момент Фений окажется на их стороне.

Различные причины склоняли людей к участию в заговоре. Одними руководила собственная оскорбленная любовь, другими — отвращение к преступнику и комедианту на троне, наконец, еще иными — страх, что и над ними вскоре нависнет угроза. Различными были также планы на будущее. Часть заговорщиков высказывалась в пользу Пизона, часть за Сенеку, но были и такие, которым грезился возврат к бывшей республике.

Долгое время деятельность заговорщиков ограничивалась только тайными беседами и рассуждениями о том, каким образом устранить императора. Любой план представлялся слишком рискованным. Один из офицеров подал мысль убить императора во время его выступлений в театре, на сцене, на глазах у всех зрителей. Другой хотел его уничтожить в дни пожара Рима, воспользовавшись всеобщим замешательством. Однако в обоих случаях не хватило отваги и решительности.

Эпихарида была нетерпелива. Постоянная отсрочка покушения казалась ей невыносимой. Она решила действовать на свой страх и риск. Она часто бывала в Кампании, ибо там жил в сельском уединении ее друг и отец Лукана, Мела. У нее и здесь были широкие знакомства, поскольку она щедро позволяла пользоваться своими прелестями. В этой округе цвет мужской молодежи составляли офицеры военного флота в Мизенах; не удивительно, что Эпихарида нашла среди них друга. Им оказался капитан корабля, Волузий Прокул. Пять лет назад он принадлежал к горстке избранных, которые под началом Аникета убили Агриппину.

Ранней весной Эпихарида открыла, что Волузий считает, будто император обманул и обидел его: такая отличная работа — и такое скромное вознаграждение! Девушка сочла, что представился прекрасный случай

вовлечь в заговор и флотских офицеров. Она рассказала Волузию о заговоре, однако утаила имена заговорщиков. Доблестный капитан тотчас донес обо всем властям. Эпихариду заточили в тюрьму. Ей устроили очную ставку с доносчиком, но доказать ничего не смогли: свидетелей у Волузия не было. На всякий случай, однако, император приказал оставить Эпихариду в тюрьме.

Ужас охватил заговорщиков.

Поскольку арестов не последовало, можно было предполагать, что Эпихарида не назвала имен. Но она может это сделать в любую минуту! А вдруг Нерону уже все известно, и он со злобным удовлетворением наблюдает, как в ужасе и неведении мечутся заговорщики, заранее обреченные на смерть? Во всяком случае, терять уже было нечего. Следовало действовать — и быстро. Возникла идея убить императора на вилле Пизона в Байях, где он часто бывал. Этому, однако, воспротивился сам Пизон, заявив, что не желает нарушать святыя правила гостеприимства. Подозревали, что на самом деле Пизона беспокоило другое: если бы император погиб вне Рима, в столице мог бы тем временем захватить власть кто-нибудь другой. В особенности Пизон опасался Луция Силана, ибо он был праправнуком императора Августа и племянником того Силана, который должен был жениться на Октавии. За ним стоял Гай Кассий, известный юрист, один из самых почтенных сенаторов, его родственник. Происхождение и связи могли выдвинуть юношу на престол, хотя в заговоре он не участвовал и ничем не рисковал. Полнейшей загадкой было также возможное поведение консула этого года, Вестина. Он не участвовал в заговоре и мог бы после устранения императора выступить с собственными планами, тем более что это был человек очень сообразительный. Руководствуясь всеми этими соображениями, решили, что покушение совершено будет в самой столице.

С 12 по 19 апреля в Риме происходили стародавние игры в честь богини земледелия Цереры. В последний их день всегда устраивались состязания колесниц в Большом цирке. Было очевидно, что император, столь страстный любитель конных соревнований, не пропустит этого зрелища. Разработан был следующий план: к императору приблизится при входе Плавтий Латеран, сильный, высокий мужчина. Он упадет к его ногам, якобы моля о помощи в трудной материальной ситуации, и одновременно свалит Нерона на землю. В этот момент на лежащего бросятся другие заговорщики.

Пизон должен был ждать возле храма Цереры, который находился здесь же, рядом с цирком, на склонах Авентина; сразу же после убийства он вместе с Фением отправится в казармы преторианцев.

На рассвете в день намеченного покушения в ворота Сервилиевых садов, лежащих несколько в стороне от города, по пути на Остию, лихорадочно стучался какой-то мужчина. Это был Милих, вольноотпущенник Сцевина, одного из заговорщиков; вольноотпущенника сопровождала жена. Слуги не хотели их впускать, хотя они кричали, что доставили крайне важные вести. Наконец обоих провели к императорскому вольноотпущеннику Эпафродиту, тот же, выслушав новость, решил довести ее до сведения Нерона.

В сущности, Милих не знал ничего конкретного, однако то, что он рассказывал, представлялось настолько тревожным, что тотчас был немедленно отдан приказ послать солдат за Сцевином. Во время допроса тот все отрицал:

— Кинжал, который показывает Милих,— действительно моя собственность. Но это семейная реликвия, она всегда заботливо хранится. Именно поэтому вчера я велел Милиху хорошо его почистить. Завещание я действительно составил, но делал это уже неоднократно, не дожидаясь каких-либо особых обстоятельств. А что это за обвинение—многим-де своим рабам я предоставил свободу и деньги? Делал это и раньше. И если даже вчера был щедрее, чем прежде, то лишь потому, что состояние мое уже обременено долгами и, боюсь, воля моя после смерти не будет исполнена: ведь сперва придется удовлетворить кредиторов. Что касается пиршества, то я всегда любил приятную жизнь, вот и вчера ни в чем себе не отказывал. Никаких распоряжений о повязках на раны я не давал! Это уж выдумка Милиха.

Наконец Сцевин с гневом напустился на Милиха, обвиняя его в преступной неблагодарности. Кто знает, возможно, все этим и кончилось бы, если бы не жена Милиха, которая вспомнила, что накануне Сцевин долго беседовал с Антонием Наталом. Тотчас доставили и того. Допрашивали обоих подозреваемых, допрашивали по отдельности о том, какова была тема вчерашней их беседы. Оказалось, что ответы не совпадают. Их подвергли пыткам. Первым не выдержал Натал, он признался, что в заговоре участвовали Пизон и Сенека. Сцевин добавил и другие имена: Лукан, Сенецион, Квинциан и еще несколько. Трех первых обещали оправдать, если назовут других заговорщиков. Лукан назвал свою мать, остальные — ближайших друзей.

Нерон вспомнил об Эпихариде. Ее подвергли изощреннейшим пыткам, но девушка не назвала никого. На следующий день, поскольку она не могла передвигаться, ее уже несли из тюрьмы в комнату истязаний в лектике. Когда носильщики подняли занавеску, то увидели труп, свисающий с верхнего бруса лектики. Эпихарида повесилась на поясе, который женщины повязывали тогда под грудь.

Немногие мужчины могли сравниться отвагой с этой девицей легкого поведения.



Хоровод смерти

В последние минуты своей жизни заговорщики вели себя по-разному.

Пизон в бездействии ждал, пока отряд солдат не окружил его дом. Только тогда он вскрыл себе вены. Уже после раскрытия заговора некоторые убеждали его что-нибудь предпринять; он ничем не рискует, если обратится прямо к солдатам и народу, ибо приговор ему уже вынесен. Но Пизон был обеспокоен только тем, чтобы получить помилование для любимой жены; с этой целью он приготовил завещание, полное лести к цезарю.

Более суровая судьба ждала Плавтия Латерана. Ему не позволили покончить самоубийством, не дали ни минуты на то, чтобы он мог проститься с детьми. Его притащили на место, где обычно казнили рабов. Латеран, однако, выказал большую твердость духа. В последнюю минуту явился вольноотпущенник императора Эпафродит и насмешливо спросил:

— Какова причина твоего недовольства?

На что Латеран ответил:

— Если бы я хотел что-то сказать, то сказал бы не тебе, а твоему господину!

За исполнением приговора наблюдал трибун Стаций. Латеран ни одним жестом не дал понять, что погибает от руки соучастника. Сам подставил затылок под топор. Первый удар оказался слабым. Смертник непроизвольно отдернул голову, но тотчас подставил ее снова.

Сенека, в сущности, не состоял в заговоре. Натал под пытками признался лишь в том, что по просьбе Пизона навестил слабеющего старика, который, одна-

ко, не согласился непосредственно свидеться с главой заговорщиков. Он сказал тогда:

— Обмен мнениями и частные встречи не принесли бы пользы нам обоим. Однако моя жизнь связана с успехами Пизона.

Этого императору было достаточно. Сенека как раз возвращался из Кампании в Рим и остановился в своем загородном имении, расположенном возле четвертого от столицы вехового камня. Он приступил к вечерней трапезе с женой и двумя друзьями. Дом окружили солдаты. Вошел трибун преторианцев и спросил хозяина дома, помнит ли он разговор с Наталом и свой ответ. Сенека ничего не отрицал, однако добавил:

— Я тогда не разрешил, чтобы Пизон меня навещал, учитывая состояние моего здоровья и стремясь сохранить спокойствие.

Когда трибун изложил императору ответ Сенеки, присутствующий при этом Тигеллин тотчас спросил:

— Он уже готовится к смерти?

Трибун ответил отрицательно:

— Он не производит впечатление человека, охваченного ужасом.

Ему было приказано:

— Возвращайся назад и прямо ему скажи, что он должен умереть!

Однако этот трибун, Гавий Сильван, был тоже вовлечен в заговор. Поэтому прежде, чем отправиться к Сенеке, он спросил префекта Фения, действительно ли должен выполнить приказ. Тот подтвердил его. Сильван больше сам к Сенеке не пошел, а послал туда центуриона.

Старик хотел было изменить свое завещание, чего центурион ему не разрешил. Присутствующие плакали, когда приговоренный к смерти прощался с ними и призывал сохранять спокойствие и верность философским принципам. Однако даже в эти последние минуты Сенека не мог избавиться от самомнения и позерства. Ибо он говорил друзьям, что завещает им свой образ жизни, жену же просил искать утешение в добродетелях своего мужа.

Паулина решила, однако, умереть вместе с ним. Поэтому они одновременно вскрыли себе вены. Так как старческая кровь текла слишком медленно, Сенека распорядился вскрыть ему вены и на ногах. Он испытывал страшные боли и велел Паулине перейти в другую комнату. Он еще настолько сохранял ясность ума и силу духа, что диктовал секретарям свои последние мысли. Смерть все не наступала. Старик попросил дать ему яду, но и тот не подействовал. Тогда он

принял теплый душ, а потом велел перенести его в баню. Только там он испустил дух.

Паулину по приказу императора спасли от смерти.

По городу к резиденции цезаря почти непрерывно целыми толпами вели арестованных, виновных и невиновных. Вооруженные солдаты кружили по столице и окрестностям. Поводом к обвинению могло явиться даже случайное знакомство либо разговор с кем-нибудь из заговорщиков. Допрос вел сам Нерон, а также Тигеллин и Фений. Этот последний свирепствовал тем более, что сам чувствовал себя виноватым. Его изобличил Сцевин, когда Фений в ходе одного из допросов требовал, чтобы тот сообщил больше подробностей о заговоре. Сцевин воскликнул:

— Ты сам знаешь все! Отплати же теперь благодарностью любимейшему цезарю!

Перепуганный префект выдавил из себя что-то невразумительное. На него тотчас наложили оковы.

Фений сам себя сгубил. Его офицеры готовы были нанести удар по Нерону еще в ходе допроса. Ждали только знака своего командира. Теперь поочередно все гибли. Умирили, однако, мужественно. Трибун Субрий Флав прямо заявил Нерону:

— Никто не был более предан тебе, чем я. Но я возненавидел тебя, когда ты убил свою мать и жену, когда сделался возничим, актером, поджигателем!

Он отругал солдат, рывших ему могилу перед казнью:

— Могила мелкая и узкая. Даже этого вы не умеете делать по уставу!

Палач велел ему как следует подставить затылок. Флав и здесь дал достойный ответ:

— Вот только сумеешь ли ты отрубить ее как следует!

И действительно, у палача так дрожали руки, что он отрубил голову лишь со второго удара.

Лукан умирал как пристало поэту. Он велел вскрыть себе вены, а когда ощутил уже хлад смерти, начал декламировать стихи из своей поэмы, в которых воспевал смерть солдата, умирающего от потери крови.

Гибли, однако, не только участники заговора. Нерон, воспользовавшись случаем, расправился также и с теми, кого просто не любил. Консула Вестина он не терпел, ибо тот позволял себе злобные шутки, в последнее же время женился на красивой Статилии Мессалине, а император сам на нее метил. Солдаты внезапно окружили дом во время происходившего там пира. Все прошло с молниеносной быстротой. Вестина

заперли в спальне, врач, которого солдаты привели с собой, вскрыл вены хозяину дома и велел сразу же перенести его в ванну с теплой водой. Вестин не произнес ни слова. Пировавшие остались в зале, окруженные вооруженными людьми. Им казалось, что настал их смертный час. Они долго пребывали в тревоге. Стражи удалились только тогда, когда Нерон решил:

— Достаточно с них этого покаяния за пир у консула!

Однако два заговорщика остались невредимыми. Один из них — Антоний Натал. Так отблагодарили его за выдачу остальных. Вольноотпущенник Милих стал богачом. Свою фамилию он обогатил греческим прозвищем *Soter*, или Спаситель.

По мере того как число трупов и изгнанников увеличивалось, учащались и пламенные проявления радости и благодарности императору. На Капитолии богам приносили жертвы, дома же украшали символом свадьбы — лавровыми ветками. Подобным образом родственники и друзья смертников стремились отвратить от себя гибель. По-настоящему могли радоваться только преторианцы, которые получили по две тысячи сестерциев награды и даровой хлеб. Их командиру Тигеллину император вручил триумфальные знаки отличия.

Вторым префектом преторианцев вместо казненного Фения стал Нимфидий Сабин, сын вольноотпущенницы, бывший офицер легиона. У него имелись какие-то особые заслуги в раскрытии заговора, так как Нерон удостоил его консульских знаков. Среди сенаторов, отмеченных императорской милостью, оказался также Марк Кокцей Нерва. Ему было тридцать пять лет, в будущем году ему предстояло стать претором. Неизвестно, как Нерва посодействовал раскрытию заговора, факт, однако, что он получил триумфальные отличия. Тридцать лет спустя тому же Нерве предстоит стать императором и открыть собой ряд лучших властителей империи.

Сенат делал все возможное, чтобы выразить свою радость по поводу спасения Нерона. Постановили учредить культ Солнца, поскольку это божество имело свой храм в пределах Большого цирка и поскольку сочли, что именно оно раскрыло происки, которые должны были осквернить цирк и его святыню. Месяц апрель решили назвать Неронием и навсегда увековечить чудесное спасение императора от гибели. Богине Благополучия, Салюс, назначено было получить отдельный храм.

А на монетах, отчеканенных в том году, появились надписи: *Securitas August*—Безопасность Августа; *Genius Augusti*—Божество Августа; *Jupiter Custos*—Юпитер Защитник.



Новый хоровод смерти

Летом 65 года Неронии состоялись вторично. Император лично выступил на сцене, хотя сенат, стремясь избежать этого, уже заранее присудил ему первую награду за исполнение песен и венок за красноречие. Но Нерон не согласился с таким явным ущемлением прав соперников, все должны получить равные возможности! Сначала он декламировал собственную поэму, позднее же, после усиленных просьб публики, пел, аккомпанируя себе на лютне. Все это он проделывал с манерами профессиональных певцов. Когда закончил выступление, отвесил зрителям поклон, слегка согнув колено и очертив широкий круг рукой. В волнении он ожидал решения судей, в то время как публика безумствовала от восхищения. Театр огласился нарастающим валом скандируемых возгласов и бурными аплодисментами. Да и трудно было не проявить восторга: за этим следили солдаты, их расставили с бичами в руках меж сидений. Выступления продолжались долго и почти без перерывов, что доставляло массу неудобств, особенно сановникам. Ибо они оказались под неусыпным наблюдением известных и неизвестных доносчиков, которые бдительно следили за выражением лиц и поведением зрителей. Даже выход по нужде мог послужить поводом для обвинения.

Почти непосредственно после окончания Нероний столица облачилась в траур. Умерла Пoppея. Причина смерти была ясна и известна. Однажды вечером Нерон вернулся пьяный. Она начала его укорять. Разъяренный император, зная, что жена беременна, ударил ее ногой в живот.

Если Пoppея действительно способствовала смерти Агриппины и Октавии, то судьба быстро наказала ее. Впрочем, еще ранее она уже получила от Нерона болезненный удар. Он приказал убить сына Пoppеи от ее первого брака, Руфрия Криспина. Это был совсем еще юный мальчик. Когда он однажды отдыхал на море и плавал в кругу ровесников, люди императора затянули его под воду.

Нерон и в самом деле по-своему любил Пoppею. Устроил ей великолепные похороны и сам прославлял умершую на Форуме, забальзамированный труп ее он велел поместить в Мавзолею, сооруженном Августом для императорской семьи.

Эта смерть явилась началом целого хоровода новых смертей. Один за другим покидали мир, став жертвами императора, самые выдающиеся представители сената и сословия эквитов. Со стороны Нерона то была абсолютно сознательная политика уничтожения всех знаменитейших и наиболее известных личностей, а подоплекой такой политики являлись не столько жестокость, сколько страх. Император все еще находился под впечатлением заговора Пизона. Боялся, что кто-то из сановников будет выдвинут как его соперник. Он также отдавал себе отчет, что пропасть между ним и знатью уже настолько глубока, что никаких мостов навести не удастся.

Гай Кассий, прославленный юрист и уважаемый сенатор, был изгнан на Сардинию. Сам император в письме, адресованном сенату, обвинил его в том, что тот якобы отдает почести своему предку, убийце Цезаря. Жену Кассия, Лепиду, опозорили обвинением в кровосмесительстве и участии в патологических культовых обрядах. Его родственника, Луция Силана, Нерон обвинил в том, что тот готовит государственный переворот и уже заранее делит посты. Силана приговорили к ссылке, а позже убили.

Вслед за этим император расправился с семьей Рубеллия Плавта, убитого три года назад. Его жена Поллитта продолжала носить траур и хранила окровавленную одежду, которой накрыла труп мужа после того, как палачи отрубили ему голову. Теперь обвинили ее отца в злоупотреблениях; это был тот Луций Антистий Ветер, который в 55 году пребывал в звании консула совместно с императором. Все попытки вмешательства в дело были напрасны. На вилле в Формиях покончили жизнь самоубийством, вскрыв себе вены, отец и дочь, а также мать скончавшейся ранее жены Антистия.

Гибель этих и связанных с ними лиц не произвела особого впечатления, поскольку на жителей Италии в это время обрушились тяжелые бедствия. Страшный ураган опустошил Кампанию, в самой столице вспыхнула эпидемия, унесшая несколько десятков тысяч жизней.

Начало следующего, 66 года ознаменовалось смертью Публия Антея и Марка Остория Скапулы. Первый из них, друг Агриппины, лет пятнадцать назад

был назначен наместником Сирии, но так до нее и не добрался. Теперь его погубило богатство и та давняя связь с Агриппиной. Осторий, служа много лет назад под командованием своего отца в Британии, прославился смелостью и получил высокие воинские награды; это Нерону не понравилось. Формально же обоих обвинили в получении тайного совета у астролога, приговоренного к изгнанию.

Следующей жертвой был отец Лукана, Мела, который привлек к себе внимание, добываясь наследства своего сына, провинился же он тем, что был богат и дружил с Эпихаридой; а кроме него — Руфрий Криспин, первый муж Поппеи, никогда не пользовавшийся симпатией Нерона.

Громкий отклик вызвала смерть Гая Петрония. Это был известный автор сатирического романа, человек большого остроумия и высокой культуры, некогда друг Нерона, которого, однако, из императорского окружения вытеснил Тигеллин, не терпевший соперников. Петрония обвинили в дружбе с одним из заговорщиков, Сцевином. Умирая, Петроний не изображал из себя мудреца, но и не льстил в своем завещании императору и Тигеллину, как делали многие, дабы спасти для семьи по крайней мере часть состояния. Он решил покончить с собой прежде, нежели против него выдвинут формальное обвинение. Он приказал вскрыть себе вены, но потом их неоднократно перевязывали. При этом он вел свободную беседу с друзьями, слушал легкие песенки и шуточные стихи, отдавал распоряжения, каких рабов наказать плетью, которых наградить. У него еще достало времени и желания на приятный пир и спокойный сон. Свою ненависть и презрение к императору он выразил в завещании, которое, в сущности, было подробным перечнем Нероновых пороков; Петроний отослал ему этот документ, красиво запечатав.

В политическом смысле самое большое значение приобрела расправа с Тразеей Пэтом и кругом людей, связанных с ним. Это были: Барей Соран, Гельвидий Приск, Паконий Агриппин, Курций Монтан. Император отдавал себе отчет, каким громадным уважением пользовался во всем Риме Тразея Пэт, человек безукоризненной честности, почитаемый за свою гражданскую смелость и твердость духа; в то же время верный последователь стоиков был очень непосредствен и снисходителен к другим, ведь это он сказал:

— Кто ненавидит грехи, ненавидит и людей.

Существовали, однако, пороки и преступления, которых Тразея не прощал никому, а особенно императору. Он осуждал их молчанием и самоустранением от

публичной жизни. Именно поэтому он оказался в центре всеобщего внимания. Коссуциан Капитон справедливо говорил императору:

— В провинциях и в воинских гарнизонах теперь очень внимательно следят за известиями из столицы, чтобы знать, в чем опять не принял участия Тразея Пэт. Ныне Тразею противопоставляют Нерону, как некогда Катона Цезарю!

Насколько Нерон опасался своего молчаливого обвинителя, указывает тот факт, что в день расправы над ним целых две когорты преторианцев стояли в храме Венеры Родительницы, возле здания, где заседал сенат, у входа же кишели вооруженные агенты.

Формальным обвинителем выступал Эприй Марцелл. Он огласил воззвание императора, которое осуждало сенаторов, пренебрегающих своими обязанностями. Эприй, не приводя никаких конкретных фактов, давал, однако, понять, что бездействие Тразеи — это наилучшее свидетельство его враждебного отношения к властителю и к нынешнему порядку вещей.

Крайне драматический оборот приобрел допрос и обвинение Сорана и его дочери Сервилии. Ее содержали под стражей, так как она все свои драгоценности отдала магам и астрологам, пытаясь узнать исход процесса над ее отцом — удастся ли вымолить у императора ему прощение. За попытки выведать у астрологов что-либо, связанное с делами главы государства, грозила смертная казнь!

Приговор был суровым. Тразея, Соран и Сервилия были приговорены к смерти, остальные — к ссылке.

Когда кровь брызнула из перерезанных вен на землю, Тразея сказал:

— Приношу эту жертву Юпитеру Освободителю!



Тиридат в Риме

Процесс Тразеи состоялся весной 66 года именно в те дни, когда вся столица готовилась к пышному и редкостному зрелищу. В Рим прибывал настоящий восточный царь, чтобы принести присягу на верность императору и принять из его рук монаршью диадему. Это никогда ранее не виданное событие отвлекло внимание люда от мрачной трагедии беззащитного философа и его друзей.

Прибытие Тиридата было результатом активных действий Корбулона в Армении еще в 63 году. Оказавшись перед угрозой войны, парфяне и Тиридат наконец согласились признать, что Армения станет вассальным государством Рима, сама же церемония совершится над Тибром. Подготовка к путешествию восточного деспота продолжалась целых два года, путь же от границ империи до столицы длился девять месяцев. Он был долгим, ибо по религиозным соображениям армянин не мог плыть по воде дольше одного дня. Поэтому, переплыв Геллеспонт, кортеж царя продвигался через Македонию и Иллирию, затем через Северную Италию и вдоль адриатических берегов полуострова.

Царя сопровождало несколько тысяч человек. С ним были жена и несколько юных парфянских принцев из царствующей семьи. Одних парфянских всадников насчитывалось три тысячи, римский эскорт был по меньшей мере таким же. Все участники шествия были на содержании у государства, которое ежедневно расходовало на это 80 000 сестерциев. Города, через которые проходила царская колонна, встречали ее нарядными украшениями и выкрикивающими приветствия толпами.

Вплоть до границ Италии царь ехал верхом на лошади, рядом со своей женой, которая на голове вместо сетки носила золотой шлем с опущенным забралом. У границ полуострова царя ждала упряжка, присланная Нероном.

Первая встреча произошла в Неаполе. Не обошлось без небольшого инцидента: Тиридату приказали снять меч при приближении к императору; он на это не согласился, ибо царь и воин не может публично появиться без оружия, зато он сам предложил, чтобы меч был прибит к ножнам гвоздями. Таким образом были соблюдены требования и царской чести, и безопасности императора!

Перед Нероном Тиридат пал на колени, назвав властителя империи своим господином. Тот был восхищен таким раболепием и со своей стороны позаботился о радушном приеме гостя. Одним из пунктов программы были великолепные игры, устроенные вольноотпущенником Патробием из Путеол. Царь выразил свое удовольствие, собственноручно стреляя из лука в диких животных на арене. Позже поговаривали, что Тиридат совершил почти чудо, убив одной стрелой двух быков!

Рим приветствовал достойного гостя иллюминацией и гирляндами цветов на всех домах. В столицу со всей страны нахлынула необозримая масса людей. Толпы

самых почтенных граждан в белых тогах с лавровыми ветками в руках заполнили Форум еще с ночи. Плебс прочно обосновался на крышах соседних домов. Вооруженные солдаты заняли места возле храмов.

Утром император сошел с Палатина. Он был в пурпурно-золотистом одеянии триумфатора, сопровождали его сенаторы и когорты преторианцев, которые образовали длинную улицу через весь Форум. По ней прошел Тиридат со своим эскортом. Когда приблизился к подиуму, стал на колени. В этот момент грянул громкий, долго не смолкающий крик...

Цезарь поднял Тиридата с колен, расцеловал и усадил на стул возле своего трона. Снял с его головы тиару и возложил царскую корону...

Некоторую нестройность внесли игры, во время которых Нерон выступил как певец и даже как возничий в цветах партии Зеленых. Размышляли над тем, что подумает об этом Тиридат. Однако хитрый восточный человек, казалось, восхищается всем. Он получал подарки — общая их стоимость составила свыше 200 миллионов сестерциев! — а также старался забрать с собой возможно больше хороших ремесленников. Часть из них передал в распоряжение царя сам Нерон, других же Тиридат соблазнил на отъезд обещанием громадных денег. Однако бдительно охраняющий границы Корбулон выпустил лишь тех ремесленников, которые ехали по распоряжению самого императора. Они должны были работать для двора и помочь в восстановлении столицы царства, Артаксаты, разрушенной в ходе войн, на что Тиридат получил особое разрешение. Чтобы увековечить благосклонность императора, Тиридат присвоил столице название Нерония.

В числе лиц, сопровождавших Тиридата, были и иранские жрецы, маги. Рассказывали чудеса об их загадочном искусстве. Нерон воспользовался случаем, чтобы удостовериться, правда ли все, что о них говорят. Он хотел также ознакомиться с иранским культом бога Солнца. Но ни мистические обряды, ни мнимые тайны магов не произвели на императора большого впечатления. Он остался по-прежнему полным презрения к этим обычаям и верованиям.

Тиридат возвратился на Восток другим путем: через Брундизий в Диррахий, откуда ехал через города Греции и Малой Азии. Перемена пути позволила ему обложить новые территории налогами на содержание царского двора.

Присяга Тиридата на верность императору произвела громадное впечатление на жителей всей империи. Она явилась зримым свидетельством мощи и славы

Рима. Ничего подобного не видели римляне до этого никогда, ни при одном из предыдущих цезарей.

Каждый город стремился увековечить величие императора. Одним из любопытных, доньше сохранившихся памятников тех верноподданнических чувств служит прекрасная колонна в Могонциаке, нынешнем Майнце. Ее возвели римские граждане, жившие в тамошнем селении, при лагере II и XII легионов. На самом верху колонны стояло изваяние Юпитера, ниже — барельефы богов, благословением которых империя пользовалась под управлением Нерона. Начало надписи гласило: *Jovi Optimo Maximo pro salute Neronis Claudii Caesaris Augusti Imperatoris*¹.



Нерон в Греции

В конце сентября 66 года Нерон покинул Италию. Он отправился на родину муз, в колыбель всех искусств и знаний, в страну, которая сумела оценить большой талант гениального артиста! Сопровождали Нерона более десяти тысяч человек: друзья, августианы, когорты преторианцев под командованием Тигеллина, множество сенаторов. Эти последние ехали не столько для придания блеска императорскому путешествию, сколько как заложники, гарантирующие, что в столице не возникнет новый заговор. За делами в Риме призван был наблюдать вольноотпущенник Гелий. Он получил чрезвычайно широкие полномочия. С сентября 66 года вплоть до января 68 Гелий был фактическим властителем империи, так как эти полтора десятка месяцев император жил почти исключительно искусством, играми, театром.

Нерон пылал столь нетерпеливой жадой выступления на священной земле эллинов, что решил показать свои таланты уже на острове Корсика, потом на побережьях Египта, в Акции, где император Август учредил игры, чтобы увековечить свою победу над Антонием.

По всей Элладе разослали и огласили императорское воззвание: «Это говорит император Цезарь: горя желанием воздать благородной Элладе за доброжела-

¹ Юпитеру Всеблагому Величайшему во здравие Нерона Клавдия Цезаря Августа Императора (лат.).

тельность и преданность моей особе, приказываю, чтобы возможно большее число лиц из этой провинции прибыло в Коринф 28 ноября».

Возле Коринфа каждый второй год, летом или весной, происходили славные Истмийские игры, которые обычно собирали больше зрителей, нежели почтенные Олимпиады, так как город располагался в удобнейшем месте. В этом году по желанию императора Истмийские игры передвинули на конец ноября. Увлеченные и заинтересованные воззванием люди прибывали из всех уголков страны. Перед этими массами выступил император и сам, собственными устами, провозгласил:

— Эллины! Вручаю вам дар неожиданный, хотя нет такой вещи, которой нельзя было бы ожидать от моего великодушия, дар столь великий, что вы даже не смели о нем мечтать. Итак, все вы, эллины, заселяющие Ахайю и Пелопоннес, получаете свободу и освобождение от податей. Такого вы не знали даже в самые счастливейшие времена вашей жизни, так как служили или своим, или чужим. О, если бы я мог преподнести вам этот дар во времена расцвета Эллады, чтобы еще больше людей воспользовались моим благодеянием! Поэтому-то я корю судьбу, которая несколько стеснила мое великодушие. Оказываю вам ныне это благодеяние не из милосердия, но из чувства признательности, стремясь тем самым отблагодарить ваших богов, так как я убедился, что они доброжелательны ко мне и на земле и на море, позволяя мне осуществить этот редкостный дар. Ибо случалось, что властители предоставляли свободу городам, однако целой провинции дал ее только Нерон!

Эти слова были восприняты слушателями с понятным восторгом. Вся Греция выражала свою глубочайшую признательность и почтение к благодетелю, несомненно, искренне. Города, даже самые маленькие и бедные, посылали почетные адреса, приносили императору жертвы, словно богу, ставили монументы и алтари, на которых можно было прочесть: «Зевсу Нерону Освободителю!» или подобные же слова восхищения.

Более двухсот пятидесяти лет назад, во время таких же Истмийских игр, римский полководец Фламиний после победоносной войны с Македонией провозгласил, что греческие государства будут отныне полностью свободны. Однако быстро выяснилось, что это всего лишь пустые слова. Греция просто сменила властелина. Нерон же отнесся к своему обещанию серьезно, в его правление свобода городов Эллады формально соблюдалась. На практике это означало большую внутрен-

ную автономию, а также освобождение от бремени податей. Но преемник Нерона, Веспасиан, отменил эту привилегию без всяких угрызений совести.

В истории Греции 67 год явился в некотором отношении исключительным. Тогда состоялись все четыре древние и достойные игры: Олимпийские в Олимпии, Пифийские в Дельфах, Истмийские в Коринфе, Немейские в аргонидской Немее. Состоялись независимо от того, должны ли они происходить в этом году или в каком другом.

На то был приказ императора, который удостоил поочередно все игры не только своим присутствием, но и действенным участием: выступал как возничий колесницы, как певец и трагический актер. На арене и на сцене им строжайшим образом соблюдались обязательные правила. Перед началом своего выступления он обращался к судьям с покоряющей скромностью:

— Готовясь к выступлению, я сделал все, что было в моих силах. Сколько, однако, зависит от случая! Но ваше дело, людей мудрых и образованных, исключить все, что является результатом только одних обстоятельств.

Император всюду получал все возможные награды, хотя на самом деле подчас его следовало вывести из состава участников. Например, в Олимпии он свалился с несущейся колесницы, и это чуть было не кончилось трагически. Своих побежденных соперников он великодушно одарил римским гражданством, судьи получили те же награды, а кроме того — крупные денежные подарки.

В качестве актера Нерон играл главные роли в трагедиях: «Эдип», «Геракл», «Орест», «Алкмеон», «Канаке». Первая из них была творением Софокла, остальные же — Еврипида. В «Канаке» император выступал в женской роли. Зрители обратили внимание на то, что его маска (ибо актеры всегда выступали в масках) точно воспроизводит черты умершей Пoppей Сабины.

Император действительно не мог забыть о своей второй жене. Но даже эту искреннюю скорбь он проявлял по-своему.

Еще в Риме, в начале 66 года, император женился в третий раз. Его избранницей стала Статилия Мессалина, вдова консула Вестина: Нерон умертвил его в 65 году, одной из причин этого явилось желание овладеть Статилией. Это была женщина незаурядной красоты, умная и образованная. Однако она быстро наскучила императору. Именно в Греции он «сочетался браком» (и при этом с соблюдением всяческих церемоний) со Спором, которого приказал еще раньше кастрировать.

Он всячески хотел сделать из него женщину. И все потому, что чертами лица Спор напоминал Поппею; поэтому Нерон и называл его Сабиной. Во время «помолвки» отца «невесты» изображал Тигеллин.

Император колесил по всей Греции. Он посещал все города, за исключением (удивительная вещь) Афин и Спарты. Он был занят главным образом коллекционированием произведений искусства: собирательством драгоценных скульптур и живописи из храмов и городов. Это не являлось нарушением принципа свободы, столь великодушно им пожертвованной, ибо городские власти лишь выражали свою радость, что способны проявить благодарность столь мелким подарком. Не ущемляло свободы эллинов и то, что император завладевал богатствами самых состоятельных из них, как делал это ранее в Риме, ведь он всегда назывался в завещаниях первым.

Ранней осенью 67 года под его началом прошла церемония открытия важного предприятия — работ по прокладке грандиозного канала, который должен был перерезать перешеек возле Коринфа и сократить путь судоходству между Эгейским и Ионическим морями; судам уже не потребовалось бы огибать Пелопоннес.

Празднество, как все, что организовывал Нерон, носило пышный характер. Император торжественно вышел из своего шатра и исполнил перед бесчисленными толпами зрителей гимн божествам моря — Амфитрите, Посейдону, Левкотее и Меликерту. Бывший наместник Греции вручил императору золотую лопату. Послышались пение и мощные крики, а потом раздался могучий звук трубы. Нерон трижды воткнул лопату в землю, наполнил ею корзину и на собственных плечах отнес в назначенное место. Потом произнес краткую речь перед собравшимися, объясняя им все величие начатого дела и поощряя к настойчивому труду, какому он сам дал пример.

Сначала канал копали преторианцы, но потом для тяжелых работ доставили уголовных преступников и политических заключенных. Через некоторое время разнесся слух, что работы придется прервать, поскольку египетские ученые установили, что уровень в обоих морях различен. Однако это Нерона не расхолодило. Работы действительно вскоре прекратили и никогда уже в античный период не возобновляли, но по другим причинам.



Иудейская война

Флавий Веспасиан был одним из сенаторов, приглашенных участвовать в артистическом путешествии императора по Греции. Глубоким пониманием искусства он никогда не обладал, ныне же его угнетали финансовые затруднения, ибо как наместник Африки он скорее поиздержался, нежели разбогател, почему и вынужден был заняться торговлей мулами. Ничего удивительного, что отягченная заботами голова сенатора подозрительно покачивалась во все стороны во время выступлений гениального актера и певца. Сомнений не было: Веспасиан позволил себе в театре соснуть. Об этом донесли кому следовало. Сенатора удалили от двора. Когда он упорно добивался у начальника отдела аудиенций допуска к императору, то слышал в ответ только одно:

— *Abi Morboviam!*—Проваливай ко всем чертям!

Веспасиан перебрался в один из небольших городков в Греции. Он пребывал в сомнениях и тревоге. В любой день перед его домом мог появиться офицер с приказом о смерти. Потому что, хотя в Греции император служил прежде всего искусству, он иногда некоторое свое время посвящал беспокойным государственным делам; чтобы надолго не нарушать блаженство артистического вдохновения, он решал их, коротко и не задумываясь, смертными приговорами.

В начале пребывания Нерона в Греции поступило донесение о раскрытии опасного заговора в южноитальянском городе Беневенте. Этот заговор представлял опасность главным образом потому, что возглавлял его Анний Винициан, зять Корбулона. Прежде нежели об этом кому-либо стало известно, император срочно вызвал великого полководца, чтобы тот изволил явиться к нему в Грецию для обсуждения важных политических проблем. Письмо было чрезвычайно любезным, просто нежным—Нерон называл Корбулона своим отцом и добродетелем. Однако, едва корабль прибыл в порт возле Коринфа, Корбулону вручили приказ немедленно покончить жизнь самоубийством. Великий полководец не горевал и не медлил. Сильным ударом он всадил себе меч в грудь, воскликнув:

— Я виноват!

Он был виноват, так как позволил себя обмануть. Был виноват, так как прибыл в Грецию без своих солдат.

Тогда же погибли два брата Скрибония, Руф и Прокул, недавние наместники провинции на Рейне. Нерон вызвал их, чтобы они прибыли ко двору, в Италию. Они прибыли быстро, но никак не могли добиться разбирательства. Муки ожидания и тревоги они прервали, вскрыв себе вены.

У Веспасиана, наслышанного обо всех этих событиях, были основания опасаться дурного оборота своего дела. Как же учащенно должно было забиться его сердце, когда внезапно в начале 67 года в его дом явились посланцы императора! Они доставили, однако, не смертный приговор, но высокое назначение: Веспасиан должен тотчас же принять верховное командование над тремя легионами и подавить восстание в Иудее.

Серьезные волнения в Иерусалиме вспыхнули уже в 66 году. Они были вызваны жестокостью, беспощадностью и злоупотреблениями тогдашнего прокуратора Гессия Флора, однако он пожинал также плоды деяний своих предшественников — всех этих Куманов, Феликсов, Альбинов. Безуспешной оказалась попытка посредничества, предпринятая царем Агриппой и высшими священнослужителями. Призывы «ревнителей» воспламенили сердца большинства иудеев, хотя даже часть фарисеев призывала восставших одуматься. Ибо каковы могли быть шансы на победу в борьбе с крупнейшей державой тогдашнего мира? Однако овладение большой крепостью Масада у Мертвого моря преисполнило борцов за свободу таким чувством превосходства, что они запретили приносить в храме ежедневные жертвы за благополучие императора. Это равнялось открытому объявлению войны. Сторонники мира обратились к царю Агриппе с просьбой прислать войска и подавить восстание силой. После долгих и кровавых боев (в Иерусалиме сгорел тогда дворец первосвященника и Агриппы) воины царя сдались и оставили город. Римская когорта еще оборонялась какое-то время в башнях дворца Ирода, который тоже стал жертвой пожара. В сентябре римляне капитулировали, оговорив в условиях, что им позволят свободно выйти из Иерусалима. Но их всех убили. Это произошло примерно в то время, когда Нерон покидал Италию, начиная свое греческое путешествие. Сражения и беспорядки происходили по всей Иудее, а также в прилегающих странах, в Сирии и Египте. В некоторых местностях иудеи погибали жертвой погромов, в других они сами нападали на инородное население. Тогдашний наместник Сирии Цестий Галл вступил в Иудею во главе сильного корпуса только поздней осенью. Он подошел к стенам Иерусалима, но взять его не сумел. Во время

отступления его корпус понес тяжелое поражение: потерял боевую технику и снаряжение. Эта победа вызвала среди иудеев волну ликования. Никто уже не слушал призывов трезвых людей. Впрочем, теперь нечего было и думать о примирении с римлянами. Дела зашли слишком далеко. Зимой в Иерусалиме состоялся большой совет. Выбрали начальников отдельных районов страны. Иосиф, сын Матии,— тот, который явился как посланник к Поппее и вернулся из Италии совсем недавно,— стал управлять Галилеей.

При известии о событиях в Иудее Нерон сказал:

— Это результат бездарности наших военачальников, а не доблести неприятеля!

Скомпрометированный Цестий умер вскоре после своего поражения; впрочем, он и так не смог бы возглавить командование. Новый наместник был направлен в Сирию, однако погасить пожар в Иудее требовалось поручить кому-то другому. Выбор пал на Веспасиана. Это решение мотивировалось тем, что Веспасиан уже проявил себя как энергичный полководец в Германии, в Британии и Африке.

Весной 67 года вновь назначенный легат явился в Антиохию, столицу Сирии; отсюда он прихватил с собой два находившихся там легиона солдат. Тем временем его сын Тит (тот, что много лет назад был товарищем Британника) поспешил в Александрию и взял оттуда еще один легион. Отец и сын встретились в приморском городе Птолемаида-Акко. В июне того же года они вступили в Иудею во главе могущественной армии.

Так началась подлинная Иудейская война, которая должна была принести гибель сотням тысяч иудеев и императорский трон Веспасиану.



Возвращение

Оставленный в Риме Гелий ощущал, что в государстве творится что-то неладное. Правда, никакого нового заговора обнаружено не было, и, кроме как на войне в Иудее, кровь нигде не лилась, однако повсюду множилось симптомы всеобщего недовольства правлением тирана и шута. Сенаторы, хотя и проявляли подлейшее раболепие, всем сердцем ненавидели Нерона; после безжалостного подавления заговоров Пизона и Винициана в этом можно было не сомневаться. Наместники провинций также опасались за свою судь-

бу, ибо смерть Корбулона и братьев Скрибониев научила их, что никакие заслуги и никакая самая безграничная преданность не спасают от гибели. Люд столицы до той поры благоволил к Нерону, учитывая его щедрость и заботливость в устройстве игр, но с каждым месяцем пребывания императора в Греции начинал относиться к нему со все большим недоброжелательством. Властитель, актером и возничим выступавший перед презираемыми греками, превращал себя в посмешище в глазах всех римлян. Жители некоторых провинций, особенно Галлии и Британии, бунтовали из-за чрезмерного налогового бремени.

Вольноотпущенник направлял в Грецию частые письма, усиленно помогаясь быстрого возвращения императора. На одно из этих писем он получил следующий ответ: «Ты нетерпеливо советуешь мне побыстрей возвращаться. Но ты должен был, однако, пожелать мне скорее вернуться достойным для Нерона образом».

Наконец потерявший терпение Гелий отправился в Грецию сам. Путь от Рима он одолел за семь дней. Он напугал императора тем, что враги в столице готовят большой заговор. Нерон покидал Грецию с глубочайшим сожалением. Он говорил:

— Только греки умеют слушать, и только они достойны моего искусства!

Переправа в Италию пришлось на зиму, когда часты бури. Поэтому многие лелеяли тайную надежду, что императорский корабль пойдет ко дну. Нерон, однако, явился в Италию здоровый и невредимый. Зато немедленно хлынула новая волна доносов на тех, кто предположительно или на самом деле жаждал его гибели.

Проезд императора по Италии совершался на манер триумфальных шествий, какими города Древней Греции удостаивали победителей Олимпийских игр. В Неаполь, Анций и Альбу Нерон вступил не через ворота, а через пролом в городских стенах, ибо таков был греческий обычай. Он якобы носил символический характер: город, где жил победитель игр, в стенах для защиты не нуждался.

Наиболее торжественно происходил въезд в Рим. Здесь тоже снесли часть городских стен. Столица была убрана гирляндами цветов, иллюминирована, во многих местах курились фимиамы. Навстречу шествию высыпали необозримые толпы. Путь шествия пролегал через Большой цирк, где специально снесли ряд арок, через Велабр и Форум на Палатин, до самого храма Аполлона. Сначала несли венки, полученные императором в

Греции. Их было всего тысяча восемьсот. На каждом имелась надпись: такая-то награда за исполнение той-то песни или драматической роли Цезарю-Нерону вручается как первому римлянину. За бесконечной чередой венков и надписей ехал на колеснице, на которой некогда совершал свой триумфальный въезд император Август, сам Нерон. Он был одет в золотистую тогу триумфатора, с олимпийским венком из оливковых веток на голове, в руке же император держал пифийский лавровый венок. Рядом с императором на колеснице стоял его учитель музыки Диодор. Сзади рядами шествовали преторианцы, августианы, сенаторы. Приветствовали Нерона хоровые, хорошо дирижируемые возгласы:

— Да здравствует победитель Олимпийских игр! Слава пифийскому триумфатору! Август! Август! Да здравствует Нерон—наш Геркулес! Восславим Нерона—нашего Аполлона! Да здравствует величайший атлет всех времен! О, божественный голос! Счастливы все те, кто тебя слушает!

К колеснице бросали певчих птиц, символ красоты императорского голоса, ленты для венков и сладости. На следующий день все венки сложили в Большом цирке около высокого египетского обелиска. Состоялись состязания колесниц, во время которых император лично демонстрировал искусство победителя Олимпиад.

Несмотря на столь торжественную встречу, атмосфера столицы не отвечала артистической натуре Нерона. Он тосковал по Греции. Планировал поездку в Египет и Эфиопию, следующую—даже на Кавказ.

Уже в марте император вернулся в Неаполь, где жило много греков.



Виндекс и Гальба

Снова наступил праздник квинкватр, десятая годовщина смерти Агриппины. Император наблюдал за соревнованиями атлетов в местном гимнасии. Он только что позавтракал, когда ему вручили срочное письмо из столицы.

Наместник Галлии Лугдунской Гай Юлий Виндекс поднял мятеж. Он объявил, что выходит из повиновения властителя, который ограбил всю империю, уничто-

жил цвет сенаторов, убил свою мать и держится недостойно. Сторонники Виндекса принесли присягу на верность сенату и народу римскому.

Цель этого взрыва была непонятна: возможно, Виндекс собирается выдвинуть какого-нибудь претендента на престол, а может, он стремится отторгнуть Галлию от империи.

Нерон прочел письмо с полным спокойствием. С большим интересом он продолжал следить за состязанием борцов, а потом поднялся со стула и сам спустился на арену, чтобы помериться силами с одним из атлетов.

Во время ужина ему вручили новые донесения о ходе мятежа. Император бросил в ответ:

— Этот бунтовщик плохо кончит!

Он ни в чем не изменил своего дневного распорядка. По-прежнему занимался только игрой и пением. О деле Виндекса не вспоминал ни словом, будто его вообще не существовало. Он не отдавал никаких приказов и распоряжений и не собирался покидать Неаполь. Так прошло восемь дней.

За живое задела императора только манифесты Виндекса, в которых он высмеивал его песнопение и игру и называл Нерона *Ahenobarbus* (Рыжебородый) — то была кличка Домициев. Нерон тотчас направил письмо в сенат. Он извинялся, что не едет в Рим, и объяснял это тем, что у него болит горло. Сообщал также, что в будущем откажется от фамилии, взятой от приемного отца, и вернет свое родовое имя, которое Виндекс ныне использует как оскорбление. Он утверждал, что все, в чем его обвиняет этот мятежник, сплошная ложь. Нет нужды даже опровергать эти выдумки, достаточно привести лишь один пример наглости: Виндекс утверждает, что Нерон бездарный артист! А ведь он довел свой талант до таких вершин, посвятил искусству столько сил! Нужно ли более наглядное доказательство того, насколько безосновательны все остальные поношения?

Тем не менее жало Виндексовой язвительности глубоко вонзилось в сердце Нерона. Чтобы рассеять свои сомнения, он время от времени спрашивал кого-либо из окружающих:

— Знаешь ли ты более выдающегося артиста, чем я?

Он приказал объявить, что заплатит миллион сестерциев за голову Виндекса. Тот ответил на это встречным заявлением:

— Кто доставит мне голову Нерона, получит взамен мою!

Тем временем обстановка в Галлии накалялась со дня на день. Виндекс, хотя и целиком оримлянившийся, происходил из галльского рода. Его призывы находили отклики равно как у римской аристократии в провинции, так и у низших слоев населения, где чувство этнического отличия было еще сильно. Таким образом, он быстро сплотил вокруг себя почти сто тысяч вооруженных сторонников, хотя эти отряды и не представляли большой боевой ценности, так как им не хватало хорошей организации и выучки. Опаснее было то, что Виндекс стремился установить связь с наместниками соседних провинций и тоже склонить их к бунту против Нерона. Дурные известия поступили даже из Африки, где наместник Клодий Макр вел себя как удельный властелин.

Медлить было нельзя. Нерон наконец понял, что пора прервать свой неаполитанский отдых. По пути в Рим взгляд императора случайно упал на какое-то придорожное надгробие. Он тотчас повеселел и воздел вверх руки жестом благодарственной молитвы. Ибо надгробие было украшено рельефом: римский всадник топчет галльского воина. Император счел это добрым знаком.

Казалось, такое предзнаменование должно само собою разрешить все проблемы, предотвратить всю опасность. И Нерон тотчас по приезде в столицу снова отодвинул от себя вопросы государственного порядка. Он даже не созвал заседания сената. Провел только спешное совещание с несколькими сановниками во дворце. Остаток дня он посвятил осмотру и испытанию водяного органа, который недавно сконструировал механик Ктезибий из Александрии. Ночью, правда, Нерон приказал сенаторам собраться в дворцовых комнатах. Но вышел к ним только затем, чтобы детально объяснить конструкцию необыкновенного инструмента и похвастаться, что лично внес в механизм некоторые улучшения. Император заявил:

— В ближайшие дни я покажу это в театре, если только Виндекс позволит!

Однако в ближайшие дни грянул гром: от империи откололась Испания! Гальба, наместник Ближней Испании, официально и публично высказался против Нерона, а за ним последовали: Отон, наместник Лузитании, и Цецина, управляющий Южной Испанией.

Виндекс еще до начала мятежа уговаривал Гальбу стать во главе движения. Гальба был одним из немногих оставшихся в живых потомков старой римской аристократии и пользовался большим авторитетом как в Риме, так и во многих провинциях. Но старик колебался. Ему было уже семьдесят три года, в этом возрасте

нелегко идти на немалый риск гражданской войны. Он собрал совет из своих друзей и высших офицеров. Дискуссию прервал командир личной охраны Виний:

— Ведь уже само обсуждение вопроса об отказе повиноваться императору — это выход из повиновения!

Он был прав. За гораздо более мелкие проступки многие сенаторы уже поплатились жизнью. Гальба знал, что и он может в любой день получить смертный приговор, хотя бы в силу своего происхождения, богатства, авторитета. По существу, выступая против Нерона, он рисковал немногим.

Второго апреля в Новом Карфагене, нынешней Картахене, состоялся большой митинг римских воинов и граждан. Гальба взобрался на трибуну, на которой поместили изображения всех выдающихся лиц, убитых по приказу Нерона. Едва он появился, толпа издала могучий крик:

— *Salve Imperator! Salve Caesar!*

Старый полководец ответил на это приветствие речью, в которой перечислил преступления и безумства Нерона. В заключение он сказал:

— Я готов служить родине, которая в опасности, своим опытом и осмотрительностью. Однако не могу считать себя императором. Я всего лишь легат сената и римского народа!

В Испании лихорадочно начали вооружаться. Однако силы, которыми мог располагать Гальба, были невелики. Его сторонники пытались повлиять на настроение людей довольно изобретательными приемами:

— Нового императора Рим получит из Испании!

Все это практически мало что дало бы, если бы Нерон энергично принялся за дело. Он, однако, медлил. Правда, известие о мятеже в Испании он встретил взрывом бешенства. Опрокинул стол, за которым сидел, разбив при этом свои любимые вазы; потом упал на пол и долго находился в таком положении, словно потеряв сознание. Старая кормилица пыталась его утешить, говоря:

— Ведь многим властителям пришлось пережить что-то похожее!

На что Нерон ответил ей:

— Но мне пришлось столкнуться с тем, что еще никто не переживал. Я теряю власть при жизни!

По распоряжению императора сенат объявил Гальбу врагом народа и конфисковал все его имущество. Нерон, обрадованный столь замечательным пополнением казны, сказал своим друзьям:

— В сущности, я еще заработаю на этих мятежниках!

Однако мало кто пожелал приобрести выставленное на продажу имущество Гальбы. Зато поместья Нерона в Испании, конфискованные Гальбой, раскупались хорошо и быстро.

Несмотря на опасность положения, Нерон занимался, как и ранее, пиршествами, гулянками, пением. Но темой его песен теперь часто становились издевки над обоими бунтовщиками. В столице кружили слухи, что император в тишине вынашивает преступные планы, достойные матереубийцы: он вызовет в Рим всех наместников провинций и велит их убить; сенаторы будут отравлены во время пиршества; город подожгут вторично, а на его жителей Нерон напустит диких зверей.

Многие из этих сплетен наверняка были делом врагов империи и сторонников Гальбы, которые втихую уже действовали в Риме. Передававшиеся из уст в уста все более красочные сплетни производили огромное впечатление. Постепенно от Нерона отступились все. Точно так же действовали против императора и рассказы о вещих знамениях, будто бы предвещающих его гибель.

Наконец Нерон принял решение выступить против Галлии, чтобы лично расправиться с Виндексом. Поскольку существовало давнее присловье, что галлов победит только консул, император принудил отказаться от своих должностей обоих тогдашних консулов и сам занял их место. Позже во время пиршества он заявил:

— Когда моя нога ступит в Галлию, я безоружный выйду навстречу вражеской армии и стану рыдать. А когда я таким образом добьюсь раскаяния мятежников, мне останется на следующий день в радостной обстановке, среди милых друзей, спеть торжественные песни победы. Уже сейчас надо приняться за работу над ними!

Подготовка к выступлению в поход состояла главным образом из поисков упряжек для перевозки театрального реквизита. Женщины из окружения Нерона должны были выступить в виде амазонок, вооруженные секирами и щитами. Была объявлена дополнительная вербовка в армию. Однако протекала она крайне трудно, и Нерон начал набирать даже рабов; еще раньше он приступил к формированию легиона из гребцов военного флота в Мизенах. Деньги на ведение войны взимали немилосердно с граждан, так, например, все квартиросъемщики обязаны были уплатить в казну сумму годовой квартирной платы. Это вызвало огромное возмущение, подогреваемое отсутствием хлеба и близким призраком голода. Дело дошло до волнений, когда выяснилось, что корабль, который прибыл из Алексан-

дрии, доставил не транспорт зерна, но... мельчайший нильский песок для императорской арены.

Неожиданно пришло известие, что Виндекс побежден. В битве под Везонтионом с легионами наместника Верхней Германии, Вергиния Руфа, 20 000 воинов Виндекса пали мертвыми, он же сам покончил самоубийством. Но легионеры сражались с Виндексом не из любви к Нерону, а потому, что считали это движение бунтом галлов. В сущности, победители были столь же недоброжелательно настроены к императору, как и побежденные. Они засвидетельствовали это тотчас после битвы, провозгласив своего командира, Вергиния, императором. Он, однако, не принял титул, а решительно заявил, что выбор правителя следует предоставить сенату и народу. Трудно установить, что руководило Вергинием: истинная любовь к республиканским идеалам, верность сенату или же убеждение, что он сам слишком низкого рода и не сможет обеспечить себе поддержки других влиятельных людей. Ибо другом Нерона Вергиний наверняка не был; еще перед битвой под Везонтионом он установил тайные контакты с Виндексом, и если бы не решительная недоброжелательность армии, вероятно, дело кончилось бы договоренностью обоих наместников.

Поражение Виндекса и позиция Вергиния в действительности усложнили положение Нерона. Оказалось, что никто не хочет видеть в нем императора. Виндекса можно было считать галлом и его движение рассматривать как проявление антиримских настроений. Но Вергиний и его легионеры были чистокровными римлянами! И что важно, теперь против Нерона выступало не собрание штатских лиц, но большая, дисциплинированная, прекрасно обученная, хорошо вооруженная армия, состоящая из нескольких рейнских легионов.

Такой поворот событий ужаснул и Гальбу. Ведь было заявлено: Вергиний не допустит, чтобы кто-то добивался власти без предварительного согласия сената, его же солдаты полны решимости признать императором только своего командира — либо вернуться под власть Нерона!

Гальба направил Вергинию письмо с предложением о совместных действиях, сам же предусмотрительно удалился со своими приближенными в город Клувий, чтобы там ожидать дальнейшего развития событий. Он был полон самых мрачных предчувствий.

16 июня, незадолго до захода солнца, перед домом Гальбы в Клувии остановился его вольноотпущенник Ицел, но прислуга у дверей не хотела впустить пришельца. Он, однако, кричал, что прибыл прямо из Рима

с известиями первостепенной важности. Когда же наконец он смог предстать перед своим господином, то объявил:

— Восьмого июня тебя провозгласили императором. Сначала преторианцы, потом и сенаторы. После этого по городу разнеслась весть, что Нерон мертв. Я не поверил этому, побежал и увидел труп собственными глазами. Это случилось девятого июня. Весь путь из Рима я сюда проделал за семь дней!



Последние дни Нерона

Окончательно погубил Нерона префект преторианцев Нимфидий Сабин, человек с темным прошлым и большим честолюбием. Его мать была дочерью вольноотпущенника Каллиста, некогда влиятельного при Клавдии. Она якобы приглянулась императору Калигule, плодом этого романа был именно Нимфидий. Это утверждал он сам, ссылаясь на некоторое сходство с безумным императором в осанке, чертах лица и взгляде. В юности Нимфидий служил офицером в придунайском легионе. Потом возвратился в Рим, где при раскрытии заговора Пизона ему представился счастливый случай оказать некоторые услуги императору. Наградой за это явились консульские регалии и должность префекта преторианцев вместо отстраненного и убитого Фения Руфа. Как кадровый офицер Нимфидий сумел завоевать огромный авторитет среди преторианцев, совершенно подорвав значение своего коллеги, бывшего коневода Тигеллина. Весной 68 года, когда отовсюду стали поступать мрачные вести, Тигеллин вообще отошел от двора и вопросов политики. Он отдавал себе отчет в том, что ничего хорошего его не ждет, даже если бы Нерон сумел удержаться на престоле, что, впрочем, крайне сомнительно.

Нимфидий в этой небезопасной ситуации повел себя иначе. Он не бежал и не отчаивался, хотя знал, что может стать одной из первых жертв бури. Он считал, что у него есть только один путь к спасению: самому содействовать гибели Нерона. Здесь, однако, возникал вопрос: чью сторону принять? Вергиний сам отказался стать императором, возможно, он даже помышлял о восстановлении республики. Это не устраивало ни Нимфидия, ни преторианцев. Гальба в Испании располагал небольшими силами — всего лишь двумя легионами,

однако сенат был о нем хорошего мнения, а кроме того, он был в преклонных летах, что предвещало быструю его смерть и новую политическую борьбу за престол.

Итак, Нимфидий решил поддерживать Гальбу. Но это решение префекта преторианцев еще не означало, что его поддержит весь римский гарнизон. Преторианцы уже издавна были связаны с династией Юлиев-Клавдиев. Избранные из избранных, они всерьез относились к своей присяге на верность. На власть Нерона они не могли пожаловаться. Правда, некоторые офицеры втайне были уязвлены и полны презрения к императору-актеру, но простые солдаты сохраняли ему преданность. Следовало как-то оторвать от властителя эти девять тысяч воинов. С этого момента судьба Нерона, лишенного вооруженной поддержки в столице, будет решена окончательно.

Нимфидию помог сам Нерон. Напуганный изменой своих западных наместников, Нерон решил искать спасения на Востоке, который всегда обожал. Он думал в первую очередь о Египте. Это не было безрассудством, ибо греки — жители Египта относились к Нерону иначе, нежели население Италии. Они видели в нем друга эллинов, который вернул Греции свободу; защитника провинций, сурово пресекающего злоупотребления наместников; врага иудеев, приказавшего опустошить их страну огнем и мечом.

Император приступил к подготовке к путешествию. Он перебрался из Палатина в Сервилиевы сады, которые находились по пути в порт Остию, это были те самые сады, где три года назад он узнал о заговоре Пизона. Он созвал высших офицеров, изложил им свой план и уговаривал принять участие в путешествии. Но не встретил поддержки. Многие из офицеров выдвигали разные трезвые возражения принципиального характера, и все поочередно просили избавить их от этого дела. Нашелся даже один, который, как говорят, осмелился процитировать стихотворную строку Вергилия:

— Неужто смерть и вправду так страшна?

Намек был откровенным: императору пристало скорее умереть, нежели пускаться в авантюрное путешествие.

Пассивное сопротивление офицеров явилось для Нерона страшным ударом. У него не было никаких средств сломить его. Уговоры не помогали, угрозы никого не устроили бы. Император еще не знал, что план Нимфидия уже осуществляется.

Офицеры отбыли в казармы преторианцев в Риме, император же остался на ночь в Сервилиевых садах. Уже сгущались сумерки, а Нерон продолжал обдумыв-

вать пути спасения. Его осеняли все новые идеи. Может быть, бежать к парфянам, с которыми в последнее время установились столь дружественные отношения? Или поплыть в Испанию и предстать перед самим Гальбой просителем? А если появиться в траурном одеянии на Форуме и произнести речь перед народом, прося простить ему вину и ошибки? Чтобы жить спокойно и безбедно, достаточно получить наместничество в Египте! Да и это не обязательно, ведь у него талант, он будет выступать как актер и певец, зарабатывая миллионы! Император тотчас же принялся составлять речь. Наброски ее были уже готовы, но они так и остались на письменном столе, ибо Нерон пришел к заключению, что народ вообще не предоставит ему права голоса и разорвет на части, едва он появится на Форуме.

Это было восьмого июня. Император поздно удалился на отдых, но сон его оказался кратким. Проснулся он около полуночи. Слуги тотчас сообщили ему, что солдаты когорты, которая несла охрану, покинули свои посты. Нерон вскочил с постели и послал за своими друзьями. Но посланные возвратились с сообщением, что никто не отзывается на их вызов. Император не поверил им. Он приказал отнести его самого к их домам, но и ему не открыли дверей. Когда он вернулся во дворец, то обнаружил, что личная охрана его спальни уже исчезла. Стража разбежалась, прихватив с собой даже покрывало с императорского ложа и золотую коробочку, в которой Нерон хранил яд, полученный от Локусты.

Покинутый всеми, властитель стал взывать:

— Приведите Спикула или какого-нибудь другого гладиатора, чтобы он поразил меня ударом!

Однако найти никого не удалось. У Нерона это известие вызвало взрыв ярости. Он вскричал:

— Неужто нет у меня больше ни друзей, ни даже врагов?

Он выбежал из комнаты, словно намереваясь наложить на себя руки. Однако вскоре к нему вернулось спокойствие и он начал размышлять, где бы ему на какое-то время укрыться. При этом присутствовало несколько рабов и вольноотпущенников. Фаон, преемник Палланта в управлении финансов, предложил:

— У меня есть загородная вилла между Виа Салариа и Виа Номентана, возле четвертого вехового камня.

Медлить не имело смысла. Нерон накинул на тунику серый плащ, голову прикрыл шапкой, а лицо платком и вскочил на коня; он был босиком, забыл даже надеть сандалии. Его сопровождали только четверо — среди

них Фаон, вольноотпущенник Эпафродит, а также Спор. Ночь выдалась душная, где-то загремело, некоторые утверждали, что земля чуть дрожит. Они проезжали мимо больших казарм преторианцев. Оттуда до них донесся могучий крик тысячи солдат:

— *Salve Imperator Galba!*¹

Ибо Нимфидий уже действовал. Он оповестил преторианцев, что Нерон отрекся от престола и бежал. В создавшейся ситуации даже самые преданные из них не испытывали никаких угрызений совести и с готовностью провозгласили Гальбу императором.

Поспешно мчавшаяся группка всадников встречала на загородной дороге все новых прохожих, ибо в ту ночь все высыпали на улицы, заинтересованные необычайными новостями. Некоторые из них говорили:

— Ого, эти уже преследуют Нерона!

Другие спрашивали:

— Ну, что новенького слышно о Нероне?

В одном месте у дороги валялся труп. Конь встревожился, платок соскользнул с лица Нерона. Случайно в этом месте оказался преторианец-ветеран, он узнал Нерона и закричал:

— *Salve Imperator!*

Это был последний человек, приветствовавший Нерона. Но сам факт, что его опознали, перепугал императора. Они тотчас же свернули с дороги и поскакали к вилле Фаона боковыми тропами. На пути им встретились камыши и колючие заросли. Они пробирались по ним пешком, с большим трудом; поскольку Нерон был бос, в некоторых местах приходилось расстилать на земле одежду, чтобы дать ему возможность пройти. Наконец они оказались перед задней стеной Фаоновой виллы. Пришлось потратить немало времени на то, чтобы прорубить дырку в стене: прислуга не должна была заметить, что в доме посторонний. Фаон посоветовал императору пока укрыться в яме, образовавшейся при выемке песка. Но Нерон бурно запротестовал:

— Живым я в землю не лягу!

Его мучила жажда. Зачерпнув ладонью немного воды из лужи, он сказал:

— Такова теперь студеная Неронова вода...

Отверстие было готово. На четвереньках император пролез через колючий кустарник и дыру в стене и оказался наконец в маленькой комнатушке, где рухнул на кровать, прикрытую жалким матрацем и старым плащом. Он был голоден и хотел пить, но от черного

¹ Да здравствует император Гальба! (лат.)

хлеба отказался, зато выпил немного теплой воды. Приближенные уговаривали его прервать муки ожидания и унижения. Он велел выкопать могилу соответствующей величины, сам указал размеры. Искали также куски мрамора, чтобы положить их на могилу, носили воду, чтобы обмыть труп, и дрова для погребального костра. Нерон лично за всем наблюдал, при этом плакал и хныкал, каждую минуту повторяя:

— Какой артист погибает!

Прибыл посланец с известием от Фаона. Нерон вырвал у него табличку из рук. Узнал, что сенат огласил его врагом народа и объявил поиски—он должен понести наказание, как велит обычай предков. Нерон спросил:

— Что это за обычай?

— С осужденного в этом случае срывают одежду, шею пронзают вилами и засекают бичами насмерть.

Он ужаснулся. Начал пробовать острия двух своих кинжалов. Но снова спрятал их, оправдываясь:

— Смертный час еще не наступил!

Попросил Спора, чтобы тот уже начал его оплакивать. Потом обратился к остальным:

— Пусть кто-нибудь поможет мне умереть, подав личный пример!

Потом стал уговаривать себя, бормоча то по-латыни, то по-гречески:

— Живу отвратительно, мерзко—такое не пристало Нерону, не пристало, сейчас надо быть благоразумным—ну же, возьми себя в руки!..

Послышался конский топот. Сомнений не было—это погоня! Даже в этот момент Нерон не забыл про поэзию. Он процитировал по-гречески стих Гомера:

— Коней стремительно скачущих топот мне слух поражает...

Он вонзил себе в шею кинжал не без помощи Эпафродита. И тут вбежал центурион с криком:

— Я прибыл на помощь!

Это, разумеется, была ложь, он просто хотел захватить императора живым и получить награду. Попытался плащом остановить кровь, хлещущую из раны. Умиравший прошептал, теряя силы:

— Поздно... Вот это верность!..

То были последние слова Нерона.



Недостойный ученик Сенеки

А что тираны? Кровь, туман
Да лживой скуки постоянство.
И чем несчастнее тиран,
Тем абсолютнее тиранство.

Фазиль Искандер

Близится к закату XX век, дважды «мистер Икс».

Пользуясь в «низкой жизни» арабскими цифрами, столетия мы почтительно обозначаем римскими. Мы вообще очень многое заимствовали у древних римлян. В частности, названия месяцев, которые поэтому почти во всех европейских языках звучат одинаково или похоже. Некоторые из этих названий происходят, как известно, от имен римских богов (январь нарекли в честь Януса, март — в честь Марса, июнь — в честь Юноны) и властителей (июль — в честь Юлия Цезаря, август — в честь его преемника). Но мало кто знает, что апрель на короткое время был переименован в нероний, и лишь «Закон об осуждении памяти» императора, пожелавшего при жизни увековечить себя таким образом, позволил вернуть прежнее название.

Имя Нерона не сохранилось в нашем календаре. Но оно не просто значится в анналах истории — оно вписано туда огненными буквами, и зловещая фигура этого венценосного лицедея до сих пор видится нам в отблесках страшного римского пожара 64 года.

Гений и злодейство — две вещи несовместные. Однако память человечества в равной степени прочно удерживает имена гениев и злодеев. Бесстрастная муза Клио запечатлевает на своем свитке деяния как тех, кто восхитил, так и тех, кто ужаснул ее. В этом музее Клио усердно помогают ее служители. Так, историк Феопомп сохранил для потомков ставшее нарицательным имя Герострата, который решил обессмертить себя тем, что поджег в 356 году до н. э. (по странному стечению обстоятельств — в ночь, когда родился Александр Македонский) храм Артемиды в Эфесе. И мы помним теперь из числа уроженцев Эфеса не только достойного мудреца Гераклита, изрекшего: «Все течет...» — и почитаемого отцом диалектики, но и презренного маньяка, уничтожившего ради сомнительной славы одно из семи чудес света (такие маньяки, кстати, не перевелись и в наше время — это они бросаются с молотком на «Пьету» Микеланджело, с ножом — на «Ночной дозор» Рембрандта, плещут кислотой на «Даная» Рубенса, стреляют в Джона Леннона).

Сродни геростратовой славе и слава Нерона, хотя нет точных доказательств, что Рим был подожжен по его приказу. Но Тацит осторожен, с оговорками, а Светоний прямо, без обиняков, излагают эту версию, и оба они живописуют сцену, как поспешивший на пожар император, вдохновляясь морем пламени, бушевавшим вокруг, пел с дворцовой башни сложенную им поэму о крушении Трои.

Сюжет о гибели Трои привлек его не случайно. Римляне не только копировали греческие скульптуры (и мы знакомы со многими шедеврами эллинского искусства лишь благодаря их копиям) — они присвоили себе греческих богов, греческую мифологию. И первые римские императоры тщеславно считали себя прямыми потомками благочестивого Энея, сына Венеры-Афродиты, которому всемогущий рок не позволил погибнуть у стен Трои, а повелел вынести на руках своего престарелого отца Анхиса и отправиться в скитания, приведшие в итоге в Италию. Сын Энея Асканий стал именоваться там Юлом, и к нему возводил свой род Юлий Цезарь, что воспел в «Энеиде» Вергилий, блистательно воспользовавшийся гомеровскими мотивами для создания римского эпоса:

Будет и Цезарь рожден от высокой крови троянской,
Власть ограничит свою Океаном, звездами — славу,
Юлий — он имя возьмет от великого имени Юла...

В Вергилиевой поэме было отчеканено представление об исторической миссии, предначертанной Риму, которая дает ему право сплотить под своей властью другие народы:

Смогут другие создать изваянья живые из бронзы,
Или обличье мужей повторить во мраморе лучше,
Тяжбы лучше вести и движенья неба искусней
Вычислят иль назовут восходящие звезды — не спору:
Римлянин! Ты научись народами править державно —
В этом искусство твое! — налагать условия мира,
Милость покорным являть и смирять войною надменных!

(Перевод С. Ошерова)

Отсюда уже один шаг до изреченной Овидием формулы о том, что у римлян совпадают понятия города и мира.

Гай Юлий Цезарь совершил все необходимое для превращения Рима-города в Рим — мировую державу и концентрации неограниченной власти в одних руках. Его приемный сын Октавиан Август, одержав в 31 году до н. э. победу у мыса Акций над флотом Марка Антония и Клеопатры, покончив с гражданскими войнами, стал единовластным правителем — принцепсом («первым» среди сенаторов), как скромно именовали себя поначалу римские императоры, рядя свою монархию в республиканские одежды.

А пресекая «Энеев род» бесславно — на Нероне. После него имя «Цезарь» превратилось лишь в титул и перестало указывать на родство с Юлием Цезарем и Августом.

В промежутке между принципатами Божественного Августа и Нерона состоялась как бы генеральная репетиция к кровавому владычеству последнего — правление Гая Цезаря Калигулы. Правление его было недолгим — около четырех лет, ибо пал он от мечей заговорщиков (из двенадцати цезарей, чьи жизнеописания оставил нам Светоний, лишь трое умерли своей смертью). Но Калигула, следовавший девизу «Пусть ненавидят, лишь бы боялись», успел снискать недобрую славу безумствами и деспотическим произволом, свирепостью и непомерным тщеславием, каковое нередко оборачивалось

комедианством. Все это проявилось и в том «ходе конем», которым он заставил запомнить себя навсегда, — в намерении сделать сенатором своего любимого скакуна Быстроногого.

Теперь можно усмотреть некую символику в том, что будущий император Нерон родился в 37 году — в первый год правления своего безрассудного дяди Калигулы. Но древние, неколебимо верившие в приметы и пророчества, предпочли заметить лишь доброе предзнаменование, заключавшееся в том, что он появился на свет рано утром и лучи восходящего солнца коснулись младенца прежде, чем, в соответствии с обычаем, новорожденного положили на землю у ног отца, дабы тот, подняв его, признал своим сыном.

Отцом Нерона был Гней Домиций Агенобарб — согласно лаконичной оценке Светония, «человек гнуснейший во всякую пору его жизни». Патрицианский род Домициев Агенобарбов входил в число самых влиятельных в Риме; представители его удостоились семи консульств. Прозвище Агенобарб получил еще их дальний предок, и означает оно в переводе «меднобородый». Эта фамильная черта отличала и Нерона: у него росли рыжеватые волосы, и изменить их цвет было не так легко, как дедовское имя Луций, которое дали ему при рождении.

Мать Нерона Юлию Агриппину Младшую античные авторы тоже характеризуют как особу весьма неприятную. Она превосходила своего первого мужа знатностью и дерзостью честолюбивых помыслов. Дочь увенчанного славой и всеми любимого полководца Германика, она доводилась родной сестрой императору Калигуле, что не помешало ей участвовать в заговоре против брата, всем к тому времени, правда, опостылевшего своими сумасбродствами. Раскрытие заговора привело ее в ссылку на Понтийские острова, откуда она вернулась лишь после смерти Калигулы и воцарения Клавдия.

Агриппина принадлежала к числу тех женщин, для кого нет ничего притягательнее власти. И она проложила дорогу к ее вершине — вначале себе, сочетавшись браком со своим дядей, императором Клавдием, а потом и неблагоприятному сыну. Для этого ей пришлось устранить со своего пути очень многих.

Совершение свадебного обряда нередко неизвестно меняет избранницу мужчины. Ласковая и обольстительная племянница превратилась в суровую супругу. По словам Тацита, «всем стала заправлять женщина, которая вершила делами Римской державы, отнюдь не побуждаемая разнузданным своеволием, как Мессалина; она держала узду крепко натянутой, как если бы та находилась в мужской руке».

Этой твердой рукой Агриппина, став женой императора, начала немедленно вершить все необходимое, дабы возвести впоследствии на трон собственного сына.

Агриппина явно торопила события. Нерона досрочно облачили в белую мужскую тогу, когда ему не исполнилось еще и четырнадцати лет. В шестнадцать он уже был женат на Октавии, дочери императора. Далее уже медлить не следовало. По велению жены Клавдия отравили, а Нерон, которому шел семнадцатый год, был провозглашен императором. Все прошло как нельзя более гладко, чему немало способствовали идеально выбранные Агриппиной наставники для сына: авторитет пре-

фекта преторианцев Бурра заставил воинов беспрекословно приветствовать нового императора, а Сенека составил ему тщательно отшлифованную речь, которую тот произнес в день похорон отчима и расположил к себе сенаторов. Как язвительно отметил в «Анналах» Тацит, «из всех достигших верховной власти Нерон был первым, кто нуждался в чужом красноречии».

Молодой принцепс объявил, что будет править «по начертаниям Августа», и всячески стремился на первых порах убедить в искренности таких намерений, не упуская случая продемонстрировать свою щедрость и благомыслие. Он не скупился на раздачу денежных подарков, провел ряд реформ, направленных по видимости на укрепление республиканского строя и системы правосудия. Однако уже тогда во многих его поступках и речениях явственно проступала фальшь и неистребимая склонность к позерству. «О, если бы я не умел писать!» — патетически воскликнул Нерон, когда ему предстояло подписать указ о казни какого-то заведомого преступника. Зато потом у него не возникало ни малейших угрызений совести, когда по его распоряжению расправлялись с десятками невинных людей.

В чем же причины такой метаморфозы? Только ли в порочной натуре самого Нерона, с годами переставшего сдерживать свои дурные наклонности? Тиранами не рождаются, тиранами становятся. И огромную долю вины за это несет ближайшее окружение, своим подбострастием калечащее их психику. Описывая, как мягкий и сострадательный в молодости Сулла сделался неукротимо жестоким, став диктатором, Плутарх справедливо поясняет: «Почести изменяют нравы». А попустительство — тем более.

Привыкший раболепствовать перед императорами, сенат сразу предложил Нерону почтить его званием «отца отечества», которое тот благоразумно до поры до времени отклонил. Он отказался также от предложения воздвигнуть ему стацию из золота и серебра, сохранил обычай начинать год с январских календ, хотя сенаторы (движимые исключительно высокими принципиальными соображениями) верноподданнически высказались за то, чтобы впредь считать началом года декабрь, ибо в этом месяце родился Нерон. Но настал срок, и, обуреваемый манией величия, снедаемый жаждой вечной славы, император назвал своим именем апрель, помышлял даже переименовать Рим в Нерополь. Повелел установить собственное бронзовое изваяние, чуть ли не превосходившее высотой Колосса Родосского, перед построенным им с вызывающей роскошью на городском пепелище грандиозным дворцом — Золотым Домом (засыпанные землей руины Золотого Дома будут обнаружены в центре Рима в конце XV века, и среди них проведет много часов с учениками Рафаэль, изучая искусство древних фресок).

Золотой Дом намного превосходил великолепием не только термы (общественные купальни), но и амфитеатр на Марсовом поле, возведенные Нероном в утешение народу после пожара 64 года. Позже император Веспасиан начал, а его сын Тит завершил в 80-м году сооружение самого вместительного и

впечатляющего из античных амфитеатров, за которым со средних веков закрепилось название Колизей. По одной из версий, такое название возникло из-за находившейся рядом гигантской статуи Гелиоса — бога Солнца. Это был переделанный монумент Нерона. В наше время иной раз используют повторно пьедесталы, освободившиеся от повергнутых памятников. А экономный Веспасиан (это ему, не забудем, принадлежит сентенция «Деньги не пахнут») рассудил иначе: он приказал заменить лишь голову колосса и одним махом превратил грешного смертного в сияющее божество.

Впрочем, Нерона уподобляли божеству еще при жизни и даже предлагали за государственный счет соорудить храм в его честь. И отнюдь не из скромности отказался он от столь заманчивого предложения. Как объясняет Тацит, «Нерон воспротивился этому, опасаясь, что некоторые могут истолковать сооружение подобного храма как предзнаменование его скорой смерти: ведь принцепс удостоивается божеских почестей, лишь завершив существование среди людей».

А племянник Сенеки Марк Анней Лукан, желая завоевать расположение Нерона, так славословил его в начале поэмы «Фарсалия», описывая вознесение императора на небо:

Видеть оттуда твой Рим твое солнце лишь искоса сможет.
Если ты ступишь ногой на край безмерного свода —
Дрогнет под тяжестью ось; блюди равновесие мира,
Став посредине небес.

(Перевод Ф. Петровского)

Первые книги «Фарсалии» имели такой успех, что это вызвало зависть у Нерона, который никому ни в чем не прощал превосходства. В итоге молодой поэт попал в опалу, отношение его к цезарю соответственно резко изменилось, и он примкнул к антинероновскому заговору Пизона. После разоблачения заговора над его участниками учинили скорую расправу, а Лукану и Сенеке (причастность которого вовсе не была доказана) Нерон в виде особой милости дозволил вскрыть себе вены. Ученик весьма своеобразно воспринял нравственные уроки, которые стремился преподать учитель, некогда обратившийся к нему с трактатом «О милосердии», где противопоставлены образы идеального государя (как его представлял себе стоик) и тирана.

«Самоубийство так же было обыкновенно в древности, как поединок в наши времена...» — заметил Пушкин, читая «бича тиранов» Тацита. Самоубийством вынуждены были покончить по настоянию Нерона не только Лукан и Сенека, но также еще один выдающийся римский писатель той поры — автор «Сатирикона» Гай Петроний, судьба которого настолько заинтересовала Пушкина, что он начал набрасывать повесть о трагическом финале его жизни.

Если первое пятилетие Неронова правления называют «золотым» (хотя оно и вообрало в себя отравление его названного брата Британника), то остальные девять лет стали сущим кошмаром. Французский ученый Гастон Буассье делает вывод в книге «Картины римской жизни времен цезарей»: «Нерон был прав, говоря, что его предшественники не знали

точно, что им было позволено. Таким образом, государь и подданные, опасаясь и не доверяя друг другу, жили между собою в состоянии взаимной подозрительности и обоюдного страха. Отсюда именно берут свое начало все несчастья, омрачавшие Рим в течение многих веков. Эта верховная власть, неуверенная в себе и опасавшаяся всего, неизбежно должна была стать жестокою, так как ничто так не располагает к жестокости, как страх. Во времена Нерона страх этот усугублялся еще и тревожными вестями, доходившими с окраин империи: восстания в Британии и Иудее, поражение римлян, нанесенное парфянами в Армении, волнения в Сирии, а под занавес — мятежи Виндекса и Гальбы против Нерона в Галлии и Испании.

Однако невозможно объяснить только страхом потерять власть ту нескончаемую «пляску смерти», которую затеял Нерон и в которую вовлекались все без разбору — его мать и жены, враги и друзья, негодяи и праведники. Он и впрямь как будто всерьез размышлял, не последовать ли совету одного из своих доносчиков: зачем утомлять себя, убивая сенаторов поодиночке, когда можно сразу уничтожить весь сенат... Между тем сенат исправно принимал постановления, полные утонченной лести принцепсу и одобрявшие все его распоряжения, коими людей обрекали на ссылку или казнь. Именно всеобщая угодливость и трусость вызвали у Нерона, погрязшего в чудовищном разврате, опьянение вседозволенностью.

Нерон сказал богам державным:

«Мы торжествуем и царим!»

И под ярмом его бесславным

Клонился долго гордый Рим.

(Федор Сологуб)

Недаром Плиний Младший писал о том, что в последние годы Нерона «рабский дух сделал опасной всякую науку, если она была чуть смелее и правдивее». Небескорыстное пресмыкательство перед тронем поистине превращало гордых патрициев в покорных рабов, поощряло Нерона к новым безумствам. Даже мудрец Сенека тут не без греха — и он поначалу расточал непомерные похвалы талантам молодого императора, сравнивая его с Аполлоном.

Придворные пытались сыграть на одержимости Нерона сценой. Быть может, втайне потешаясь, они превозносили его голос, о сохранении которого молили богов, принося жертвы. Но они не подозревали, что очень скоро жертвы от многих из них потребуются куда большие — их жизни. Ибо излюбленный жанр тиранов — кровавая трагедия.

В Нероне поразительно уживались невероятная жестокость, распущенность, тщеславие и восторженно-трепетное отношение к искусству, при, видимо, весьма посредственных дарованиях. Ради своего слабого голоса он готов был соблюдать любую диету и идти на любые самоограничения, прилежно постигая секреты пения и лицедейства, стихосложения и игры на кифаре. Не было для него большей обиды, чем назвать его дрянным кифаредом. Насколько серьезно относился Нерон к

своим выступлениям, показывает тот факт, что он не прервал пения, когда в Неаполе во время его дебюта театр вдруг содрогнулся от землетрясения. Лыстецы постарались внушить ему, что он во всем достиг совершенства, и император маниакально жаждал частых подтверждений этому. Ради сего он учредил в Риме игры по образцу греческих, которые назвал, конечно же, Нерониями (программа их включала и состязание в музыке). Ради сего он охотно выступал публично и участвовал в соревнованиях на потеху римского плебса, удовлетворявшегося требованием «хлеба и зрелищ!». Следует признать, что Нерон был довольно популярен среди простых своих сограждан и благодаря подачкам, и благодаря развлечениям, которыми изобилдовал его принципат, и — не в последнюю очередь — благодаря преследованиям аристократов. Не случайно поэтому нашлось немало людей, сожалеющих о его смерти, что создало благоприятные условия для появления в восточных провинциях самозванцев — Лженеронов.

В отличие от плебса многие представители знати считали выход императора на театральные подмостки недостойным его звания. Ювенал в одной из сатир нападает на него за это едва ли не более яростно, чем за матереубийство. Зато греки относились к увлечению римского цезаря с полным пониманием и одобрением (возможно, тоже не без дальнего прицела). Нерон оценил по достоинству их энтузиазм и во время большого фарсового «турне» по Элладе (собрав обильную дань в виде почетных венков и произведений искусств) сделал широкий жест и предоставил всей провинции свободу. Это была, вероятно, единственная польза от его артистических и спортивных выступлений, за что ему и воздал должное Плутарх, открыто заявив: «Несмотря на все свои прегрешения, за которые Нерон должен быть наказан на том свете, он заслуживает и похвалы от богов, так как дал свободу лучшему и наиболее богобоязненному из подчиненных римлянам народов — народу Эллады».

Необычной гастрольной поездкой певца-императора навеян, кстати, остроумный рассказ Артура Конан Дойла «Состязание». Начинается он так: «В год от рождения Христова шестьдесят шестой император Нерон на двадцать девятом году своей жизни и тринадцатом году правления отплыл в Грецию в самом странном сопровождении и с самым неожиданным намерением, какое когда-либо приходило на ум монарху... В свиту императора входили Нат, его учитель пения, Клувий, человек с неслыханно зычным голосом, чьей обязанностью было возглашать императорский титул, и тысяча молодых людей, натасканных и выученных встречать единоклассным восторгом все, что ни споет или разыграет на сцене их владыка. Такою тонкой была эта выучка, что каждый исполнял свою, особую роль. Иные выражали свое одобрение без слов, одним только низким грудным гулом. Другие, переходя от одобрения к полному неистовству, пронзительно орали, топали ногами, колотили палками по скамьям. Третьи — и эти были главной силой — переняли от александрийцев протяжный, мелодический звук, похожий на жужжание пчелы, и издавали его все разом, так что он оглушал собрание». Энтузиазм таких

наемных поклонников и небескорыстная снисходительность эллинов неизменно гарантировали Нерону триумф, порождали ту самую атмосферу лицемерного восторга, которую с блеском воссоздал английский писатель на примере анекдотического состязания в Олимпии.

«Вершители судеб могут распоряжаться всеми судьбами, за исключением своей собственной», — заметил Булгаков в «Жизни господина де Мольера». И Нерон, вершивший судьбами не только отдельных людей, но и целых народов, вряд ли мог предвидеть собственный жалкий конец, который наступил 7 июня 68 года — в день, когда шесть лет назад была умерщвлена его первая жена Октавия. Он не сумел принять смерть столь же мужественно и достойно, как Сенека и Петроний, а все время причитал, прежде чем пронзить себе горло: «Какой артист погибает!»

Благодаря стараниям служителей музыки Клио Нерон остался если не в пантеоне, то хотя бы в паноптикуме истории. Эта по-своему колоритная личность продолжает привлекать внимание исследователей и художников (достаточно напомнить такие романы, как «Quo vadis» Генрика Сенкевича, «Подземный гром» Джека Линдсея, «Нерон, кровавый поэт» Дежё Костолани). Новую попытку разобраться на основе всех имеющихся данных в характере Нерона и обрисовать его эпоху предпринял Александр Кравчук.

Александр Кравчук (р. 1922) — известный польский ученый и писатель, знаток античности, в настоящее время министр культуры и искусства ПНР. Его перу принадлежит цикл книг, посвященных ключевым событиям и фигурам из истории Древней Греции и Рима, эллинистического Востока: «Гай Юлий Цезарь» (1962), «Цезарь Август» (1964), «Нерон» (1965), «Ирод, царь Иудей» (1965), «Перикл и Аспасия» (1967), «Семеро против Фив» (1968), «Клеопатра» (1969, переведена на русский язык), «Троянская война. Миф и история» (1969), «Бог Пан и его философ» (1970, о Платоне), «Константин Великий» (1970), «Род Константина» (1972), «Тит и Береника» (1972), «Могилы Херонеи» (1972), «Рим и Иерусалим» (1974), «Юлиан Отступник» (1975), «Марафон» (1976), «Последняя Олимпиада» (1976), «Античность далекая и близкая» (1980), «Портреты римских императоров» (1986). Большинство этих книг неоднократно переиздавалось в Польше — потому что они адресованы широкому читателю, а также потому, что автор совмещает глубочайшую эрудицию, знание источников с мастерством увлекательного повествования. Ему удаются рельефные психологические портреты героев и антигероев прошлого на тщательно выписанном историческом фоне.

В сборнике своих эссе «Античность далекая и близкая» Александр Кравчук убедительно, прибегая порой к иронии, доказывает пользу существования в наш космический век таких, кажущихся кое-кому «бесполезными», наук, как история и филология. Он подчеркивает, что фундамент всех областей нашего сегодняшнего знания закладывался в древности и мы до сих пор пользуемся многими открытиями наших далеких предков — в том числе в математике, о чем необходимо помнить.

«Знание того, что было, может оказывать влияние на современность,— утверждает автор.— Оно дает представление о корнях и плодах различных явлений, замыслов. То есть выступает, коротко говоря, наставником жизни... Так это понимали и древние, думая прежде всего о сфере моральной: последующие поколения должны учиться на благородных деяниях предков... История учит, помимо всего прочего, также смирению. Точнее — советует задуматься, как будут через два-три тысячелетия оценивать наш XX век!»

А иной раз, добавляет Кравчук, хочется согласиться с теми, кто утверждает, что деятельность каждого, занимающегося прошлым — будь то ученый или романист, — представляет собой по сути драматическую борьбу, направленную на придание какого-то смысла тому, что само по себе никакого смысла не имеет и иметь не может.

Вместе с тем А. Кравчук признается, что не видит большого будущего у исторических романов. И с другой стороны — он против трудов, доступных пониманию лишь «посвященных», когда автор запирает себя в крепости научности — притом часто псевдонаучности. Профессор и литератор в одном лице, он отдает предпочтение тому жанру, в каком любит работать сам: книгам, которые написаны живым слогом, как романы, но романами не являются, поскольку оперируют только фактами и конкретикой, фактами и документами.

Именно таким — похожим на роман, но не романом — вышло его жизнеописание Нерона.

Святослав Бэлза

Содержание

Друзилла и Феликс	5
Паллант	14
Агриппина	24
Сенека	31
Злодеяния Мессалины	38
Триумф Агриппины	44
Воспитатели	48
Род Фрасилла	53
Усыновление	61
Флавий Веспасиан	64
Агриппина, Нерон и подданные	68
Риторика	72
Цирк и партии	79
Фуцинское озеро	81
Нарцисс	84
Самая лучшая мать	86
Жена Божественного, мать цезаря	93
Отыквление Божественного	98
Сын Божественного	104
Армения	107
Акте	111
Смерть Британника	114
Охотники за наследством	117
Последняя победа Агриппины	122
Ночные утехи Нерона	129
Пантомима	133
Философ и рабы	139
Милосердие Нерона	145
Дело Помпонии Грецины	148
Попшея Сабина	154
Падение Суиллия	156
Проблемы Армении и Германии	159
Романы, подати, хлеб	162
Путеолы	167
Байи и Бавлы	171
Смерть Агриппины	175
Поздравления	180
Назначения	186
Правление Феликса	192
Ватикан	198
Ювеналии и Неронии	201
Комета 60 года	211
Оскорбление величества	219
Уход Сенеки	223
Начало нового правления	227
Смерть Октавии	228

Армения и Иудея	231
Выступление в Неаполе	235
Пожар	237
Христиане	239
Восстановление столицы	243
Заговор Пизона	249
Хоровод смерти	256
Новый хоровод смерти	260
Тиридат в Риме	263
Нерон в Греции	266
Иудейская война	270
Возвращение	272
Виндекс и Гальба	274
Последние дни Нерона	280

<i>С. Бэлза. Недостойный ученик Сенеки</i>	285
--	-----

Александр Кравчук

НЕРОН

Редактор Л. Ермилова

Художник Е. Гуско

Художественный редактор П. Иващенко

Технический редактор Е. Мишина

Корректор Г. Иванова

OCR: Довид Титиевский, май 2017 г., Хаифа

ИБ № 4614

Подписано в печать 21.08.89. Формат 84x108/32.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Печать офсетная. Условн. печ. л. 15,54.

Усл. кр.-отт. 19,11. Уч.-изд. л. 17,95.

Тираж 200000 экз. Заказ № 1338 Цена 2 р.

Изд. № 5149.

Издательство "Радуга" В/О Совэкспорткнига

Государственного комитета СССР по печати.

119859, Москва, ГСП-3, Зубовский бульвар, 17.

Отпечатано с готовых пленок ордена

Октябрьской Революции и ордена Трудового

Красного Знамени МПО "Первая Образцовая

типография" Государственного комитета СССР

по печати, 113054, Москва, Валуевская, 28.

на Можайском полиграфкомбинате

В/О Совэкспорткнига Государственного

комитета СССР по печати.

143200, Можайск, ул. Мира, 93.

...Летом 65 года Неронии состоялись вторично. Император лично выступил на сцене, хотя сенат, стремясь избежать этого, уже заранее присудил ему первую награду за исполнение песен и венок за красноречие. Но Нерон не согласился с таким явным ущемлением прав соперников, все должны получить равные возможности! Сначала он декламировал собственную поэму, позднее же, после усиленных просьб публики, пел, сопровождая себя на лютне. Все это он проделывал с манерами профессиональных певцов. Когда закончил выступление, отвесил зрителям поклон, слегка согнув колено и очертив широкий круг рукой. В волнении он ожидал решения судей, в то время как публика безумствовала от восхищения. Театр огласился нарастающим валом скандируемых возгласов и бурными аплодисментами. Да и трудно было не проявить восторга: за этим следили солдаты, их расставили с бичами в руках меж сидений...

Почти непосредственно после окончания Нерониев столица облачилась в траур. Умерла Поппея. Причина смерти была ясна и известна. Однажды вечером Нерон вернулся пьяный. Она начала его укорять. Разъяренный император, зная, что жена беременна, ударил ее ногой в живот.

Если Поппея действительно способствовала смерти Агриппины и Октавии, то судьба быстро наказала ее. Впрочем, еще ранее она уже получила от Нерона болезненный удар. Он приказал убить сына Поппеи от ее первого брака, Руфрии Криспина. Это был совсем еще юный мальчик. Когда он однажды отдыхал на море и плавал в кругу ровесников, люди императора затянули его под воду.

Нерон и в самом деле по-своему любил Поппею. Устроил ей великолепные похороны и сам прославлял умершую на Форуме, забальзамированный труп ее он велел поместить в мавзолею, сооруженном Августом для императорской семьи.

Эта смерть явилась началом целого хоровода новых смертей. Один за другим покидали мир, став жертвами императора, самые выдающиеся представители сената и сословия эквитов. Со стороны Нерона то была абсолютно сознательная политика уничтожения всех знаменитейших и наиболее известных личностей, а подоплекой такой политики являлась не столько жестокость, сколько страх. Император все еще находился под впечатлением заговора Пизона. Боялся, что кто-то из сановников будет выдвинут как его соперник. Он также отдавал себе отчет, что пропасть между ним и знатью уже настолько глубока, что никаких мостов навести не удастся...